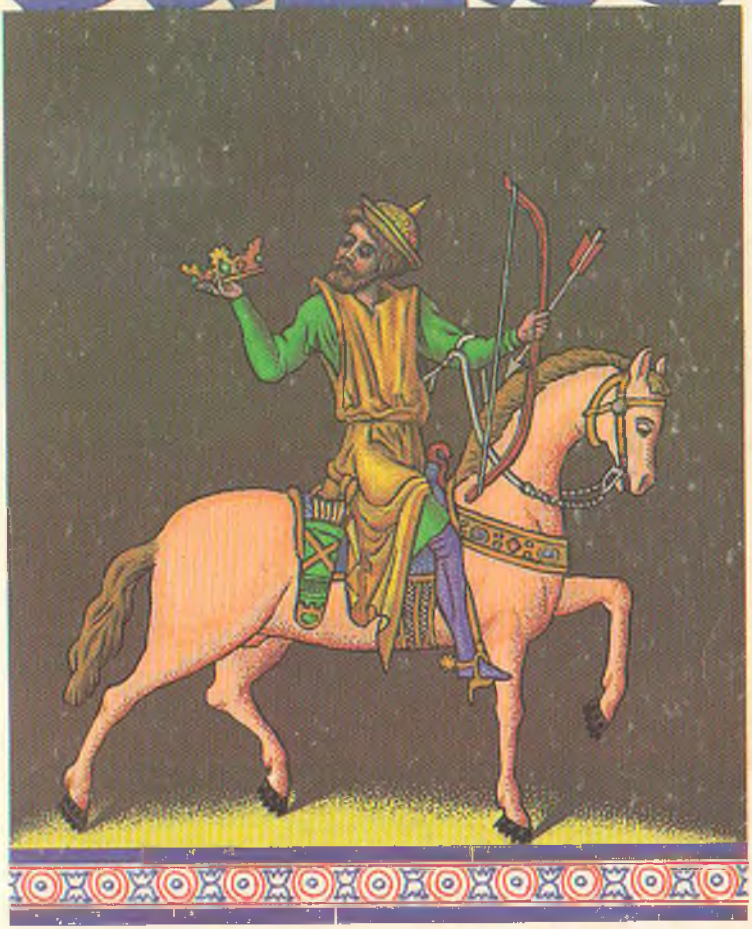
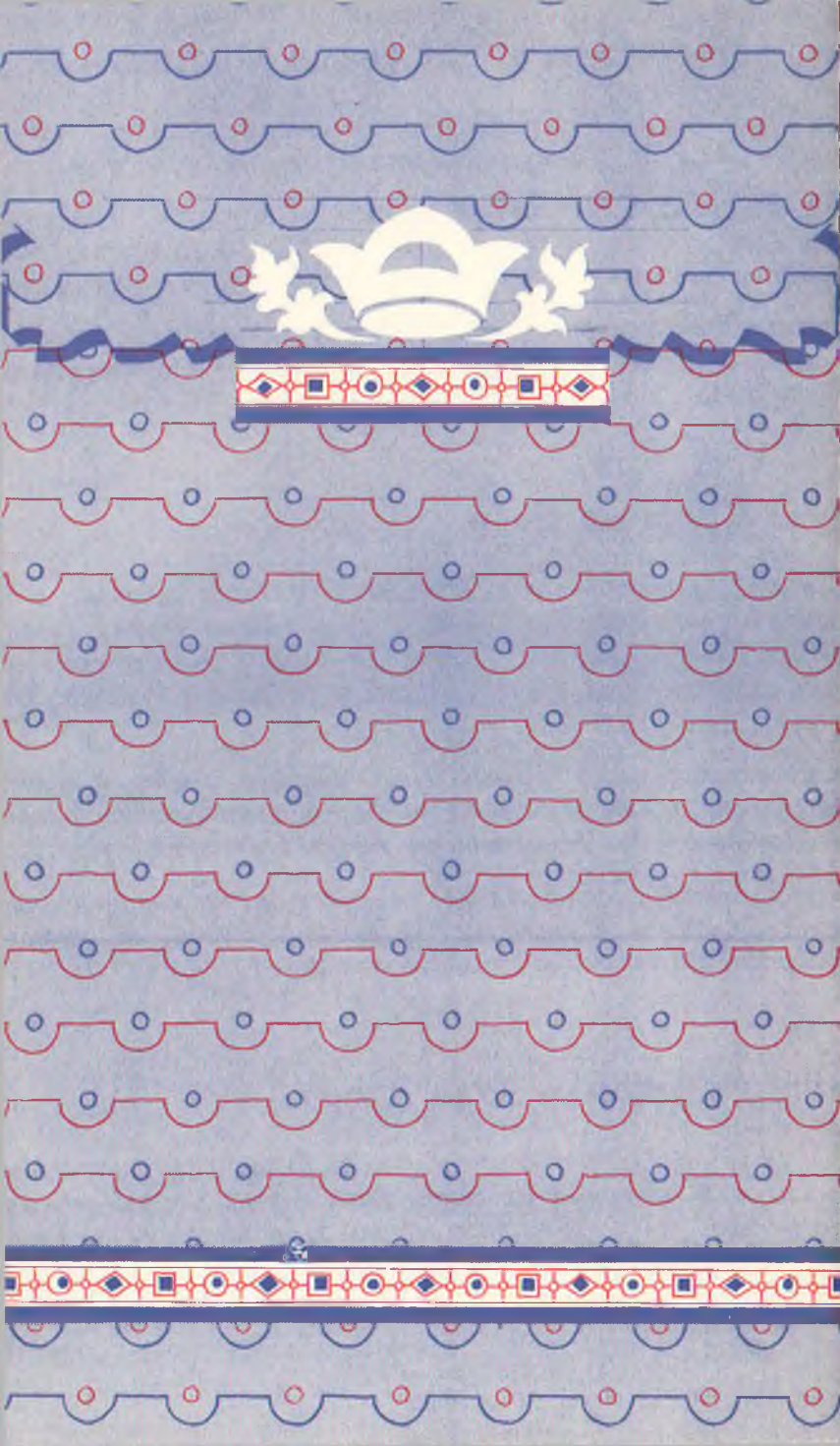
Стефан Лебек

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФРАНКОВ

V–IX ВЕКА

1

Посвящается Жюльетте

Stéphane Lebecq

LES ORIGINES FRANQUES

Ve–IXe SIÈCLE

1

NOUVELLE HISTOIRE DE LA FRANCE MÉDIÉVALE

ÉDITIONS DU SEUIL • 1990

Стефан Лебек

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФРАНКОВ

V–IX
ВЕКА

1

НОВАЯ
ИСТОРИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ФРАНЦИИ

МОСКВА · «СКАРАБЕЙ» · 1993

ББК 94+63.3 (4 Фр)
Л33

Перевод с французского
В. А. Павлова

Художник
В. А. Корольков

Это издание осуществлено при поддержке
Министерства иностранных дел Франции
и французского посольства в Москве

И 0503000000-01 / 3М5(03)—93 Без объявл.

ISBN 5—86507—022—3 (т.1)
ISBN 5—86507—001—0

© Павлов В. А. Перевод с французского. 1993.
© Корольков В. А. Художественное оформление. 1993

ВСТУПЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ
СМЕРТЬ ХИЛЬДЕРИКА

„По смерти Хильдерика, наследовать ему был призван Хлодвиг». Так немногословен в описании смерти Хильдерика (Хильд-Рик — на старофранкском «мощный воитель») и воцарения его сына Хлодвига (Хлод-Виг — «прославленный в боях») Григорий, бывший епископом города Тура в 573—594 годах и написавший ту единственную «Историю франков», которой располагают все, изучающие Галлию V—VI веков. Несколько более красноречив он в рассказе о смерти Хлодвига и его жены Клотильды и уже значительно подробнее излагает Григорий обстоятельства смерти королей Меровингов — своих современников. Это понятно. С приходом Хлодвига некогда варварская династия склонилась к христианству, и с этой поры кончина королей приобретает в глазах турского епископа иное значение. Точные даты смерти Хильдерика и прихода к власти его сына нам неведомы: чаще всего называют цифру — 481 год, однако отнюдь не достоверную.

Возможно, никогда бы и не удалось узнать большего, если бы на помощь не пришла археология. Хотя об археологии здесь приходится говорить лишь условно. Совершенно случайно 27 мая 1653 года один каменщик, расчищавший место для фундамента новой постройки в окраинной части квартала Сен-Брис горо-

да Турне, что на правом берегу Эско, откопал кошель с сотней золотых монет чеканки времени императоров Восточной Римской империи, начиная с Феодосия II (408—450) до Зенона (476—491). Здесь же были обнаружены куски шелковой ткани, золотые нити, оружие, драгоценные украшения, изделия из золота: маленькие пчелы, украшенные гранатами. Найден был также скелет мужчины ростом не менее 180 см, носившего на пальце кольцо с именной печатью, где значилось «Король Хильдерик».

Не все удалось сберечь из этого клада, но то, что сохранилось, оказалось в 1865 году в Парижском музее медалей и монет, где и хранилось до совершенного здесь ограбления в ночь с 5 на 6 ноября 1831 года. К счастью, врач герцога — правителя Нидерландов Жан-Жак Шифле, увлекавшийся изучением древностей, оставил нам составленное им в 1655 году подробное описание клада, сопроводив его рисунками. Благодаря этому сокровище Хильдерика нельзя считать вполне утерянным для истории. На основе записей Жан-Жака Шифле целые поколения историков изучали обряды тех времен — наполовину варварские, наполовину древнеримские, — обряды, связанные с похоронами короля Хильдерика, погребенного в полном облачении с оружием и боевым конем неподалеку от города, в котором находилась его главная резиденция, в стороне от прочих мест погребения.

Начиная с 1983 года систематизированные раскопки в непосредственной близости от церкви Сен-Брис заставили пересмотреть все, что было ранее известно и о месте захоронения короля, и о похоронном ритуале той эпохи.[1] Было обнаружено кладбище, самые древние захоронения которого относятся к периоду 450—525 годов, более точной датировке они не поддаются, что не позволяет установить, положила ли королевская могила начало более поздним захоронениям или наоборот — король был похоронен на уже сущест-

[1] Раскопки проводились Раймоном Брюле (13*) — цифра в скобках отсылает к нумерации указателя имен в конце книги.

вовавшем кладбище. В двадцати метрах от того места, где, как считается, были найдены останки короля, удалось обнаружить три отдельных захоронения в скальном грунте, в которых находились скелеты дюжины коней — скелеты целые, нерасчлененные, что свидетельствует об умерщвлении коней, ставших предметом жертвоприношения. Было ли это сделано по случаю королевских похорон? К такому выводу склоняет тот факт, что в могильники врезаны захоронения воинов VI века, а также датировка времени костей с помощью углеродного метода. В известных ранее случаях о жертвоприношении коней, связанных с обрядами германцев V века, хоронивших их рядом с воином, никогда ранее не встречались с такими масштабами захоронения коней. Поразительный масштаб турнейского жертвоприношения склоняет к выводу о наличии здесь королевского могильника. Мы не беремся утверждать что-то более определенное.

Для историка, рассматривающего проблему исторических корней средневековой Франции, посмертная судьба Хильдерика поучительна в двух аспектах.

Во-первых, с точки зрения методики исследования эпохи, малодоступной для изучения: скудость письменных источников; влияние, оказываемое на мышление исследователя давностью археологических находок, не получивших в свое время должного научного обоснования, а нынешнее обращение к данным археологических изысканий приводит зачастую к пересмотру устоявшихся представлений и ставит больше вопросов, чем находит ответов. Во-вторых, проблема поучительна и небесполезна для тех, кто ведет дискуссию о том, как характеризовать эти столетия перехода от античности к средневековью, рассматривавшиеся долгое время как период варварства, но представляющие все более свидетельств присутствия романских традиций, что подкрепляется обширной аргументацией. Она далеко выходит за рамки экономических соображений, выдвинутых Анри Пиреном, и привлекает аргументы, почерпнутые из области культуры, права и даже политики. К

примеру, хотя на кольце Хильдерика выбито его имя, которое звучит по-варварски, оно же связывает его с титулом «король», который в V веке обозначал лицо, возглавлявшее союзную армию, то есть армию варваров, заключившую соглашение о переходе под власть Рима. Отметим, что, хотя король на печати носит длинные волосы, ниспадающие косичками на плечи, что роднит его с «волосатыми королями» древних франков, на груди и плечах у него — панцирь и палудамент — одеяние римских военачальников. Отметим также, что в могильном кладе короля вместе с оружием и драгоценностями, исполненными по канонам перегородчатой эмали, наводящим на мысль о тесных контактах с придунайскими германцами, находилась золотая крестообразная фибула (застежка), которая в принявшей христианство империи являлась знаком высокого официального положения ее обладателя. Наконец, остановим внимание на том, что, хотя процедура похорон Хильдерика была варварской, языческой (независимо от того, включала она или нет ритуал жертвоприношения), погребение совершалось по римскому образцу: рядом с дорогой и за городской чертой — в том месте, где вскоре должны были подняться среди могил сначала молельня, а позднее церковь, названная в честь святого Брикция, первого, кто после святого Мартина возглавил епископат города Тура, одного из святых заступников меровингской династии, принявшей в то время христианство.

Так как же рассматривать эту эпоху? Как варварскую или римскую, языческую или христианскую, еще античную или уже средневековую? На примере Хильдерика мы видим, что следует избегать односторонних характеристик, не отражающих всех оттенков многогранной действительности. В эти несколько столетий Галлия, оставшаяся цельной и однородной даже в период римского владычества, превращалась мало-помалу в результате франкского завоевания в ту Фран-

кию (Francia), которая стала прародительницей и Германии, и ряда малых промежуточных государств (в частности, тех, где говорят на голландском языке, выросшем из древнефранкского диалекта), и самóй современной Франции. История раннего периода, если ее рассматривать в свете новейших археологических данных с привлечением давно известных текстов, зачастую оказавшихся более надежными в качестве источников, чем долгое время полагали, была в гораздо меньшей мере историей крутых переломов, чем историей эволюционных процессов, различных по своему характеру в зависимости от времени и места. Принятая в книге разбивка на временные периоды сделана лишь для того, чтобы подчеркнуть основные черты эволюции. Долгий VI «век» — приблизительно с 481 по 613 год — здесь еще не забыто римское присутствие, память о нем постоянно поддерживается объединительными устремлениями Хлодвига и его наследников, а также захватом Византией большей части западного Средиземноморья. VII «век» — с 613 по 714 год, когда, уже начиная со времен королей Клотара II[1] и Дагобера, подлинных основателей средневековой Франции, среди франкской элиты, только что принявшей христианство, на севере Галлии появляются силы, которым суждено большое будущее, силы, открытые духовным и экономическим веяниям с севера. Наконец VIII «век» — с 714 по 814 год — в это время с победой Пипинидов впервые возникает слияние социальных и экономических течений севера с политическими и культурными структурами, заимствованными с юга.

Прежде чем приступить к изложению предмета, надо обрисовать в общих чертах Галлию V века, чтобы расставить декорации того действа, благодаря которому герои нашего повествования на протяжении многих веков превратили Галлию сначала во Франкию, а затем во Францию.

---

[1] Возможны транслитерации: Хлотарь, Хлотар, Клотарь. — *Прим. ред.*

ВВЕДЕНИЕ
ГАЛЛИЯ ОКОЛО 480 ГОДА

После двух веков, в течение которых в Галлию постепенно проникли чужеземцы, к 480 году страна все же оставалась под сильным римским влиянием, которое стало трансформироваться с началом принятия христианства.

Среди тех, кто населял Галлию, — сколько их было точно — неизвестно: три, пять или, может быть, шесть миллионов — многие — и исконные галло-римляне, и пришельцы-варвары обращали свои взоры в сторону Рима — скорее мифического, чем реально владычествующего. Он привлекал одних пышностью церемоний, например, Сидония Аполлинария — овернского аристократа (около 408—488), ставшего римским префектом, а позднее — клермонтским епископом, других тем, что давал пищу для резкой критики римской элиты, на которую возлагалась ответственность за упадок Рима — как, например, Сальвиана — священника родом из Трира (около 400—484), прожившего большую часть жизни в Лерене; либо, наконец, тех, кто хотел занять высокое положение в римской военной иерархии — как это случилось с Хильдериком и многими другими военачальниками варваров. Правда, в западной части 4 сентября 476 года император Ромул Августул — имя которого странным образом напоминает имена и основателя Рима, и основателя импе-

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ ГАЛЛИИ В V ВЕКЕ
Кельн
ВТОРАЯ ГЕРМАНИЯ
Майнц
Трир
ПЕРВАЯ ГЕРМАНИЯ
ВТОРАЯ БЕЛЬГИЯ
Руан
Реймс
ПЕРВАЯ БЕЛЬГИЯ
ВТОРАЯ ЛИОНЕЗ
ТРЕТЬЯ ЛИОНЕЗ
Санс
ЧЕТВЕРТАЯ ЛИОНЕЗ
ПЕРВАЯ ЛИОНЕЗ
Тур
Безансон
Бурж
БОЛЬШАЯ СЕКАНЕЗ
ВТОРАЯ АКВИТАНИЯ
Лион
ГРАЙСКИЕ АЛЬПЫ
ПЕРВАЯ АКВИТАНИЯ
Мутье
Вьенна
Бордо
ВЬЕННУАЗ
Амбрен
ВТОРАЯ НАРБОННЕЗ
ПРИМОРСКИЕ АЛЬПЫ
Ош
Ахен
НОВЕМПОПУЛАНИЯ
Нарбонна
ПЕРВАЯ НАРБОННЕЗ
Граница, разделявшая Вьеннский (южный) и Галльский (северный) диоцезы
Границы 17 провинций
Столицы 17 провинций

рии — был смещен Одоакром — одним из военачальников-варваров, поставившим своих солдат на службу Риму. Но на востоке император еще был, и ему предстояло возглавлять империю вплоть до появления Карла Великого, осуществляя политическое владычество также и над западной частью империи. Многие из тех, кто стремился к власти, считали своим долгом определить свое положение по отношению к императору: «Хотя мои люди и считают меня королем, — писал в начале VI века бургунд Сигизмунд императору Анастасию, — но ведь я — лишь ваш солдат».

Важно не только то, что Галлия оставалась под сенью Рима, но и то, что благодаря ему она сохраняла единство — вопреки своей географической разбросанности, административной раздробленности, заметно, однако, сглаженной после того, как Диоклетиан объединил (около 300 года) подвластные ему города, семнадцать провинций — от Вьеннской на юге до Галлии на севере — в рамках всего двух диоцезов[1] (этот термин в то время имел совершенно иное значение, чем то, которое позднее придала ему католическая церковь).

ДОРОГИ

Дорожная сеть, которой Рим снабдил Галлию, в немалой степени содействовала целостности этой территории, хотя основным назначением этих дорог было обеспечение надежного включения Галлии в состав империи и решение проблем обороны ее границ. Однако еще до завоевания Галлии римлянами довольно густая дорожная сеть связывала галльские города, а с побережья Средиземного моря дороги вели к берегам Ла-Манша. Но римляне, и в особенности Агриппа, во

[1] В Древнем Риме (I в. до н. э.) городской округ или часть провинции; со времени императора Диоклетиана (кон. III в.) административная единица, в которую входило несколько провинций. — *Прим. ред.*

времена императора Августа проложили повсюду прямые дороги, отвечавшие стратегическим интересам и сменившие старые извилистые пути, пролегавшие по долинам. Им римляне предпочитали трассы, проведенные по гребням возвышенностей, мощеные, а не грунтовые. Короче: на смену эмпиризму дорожного строительства галлов римляне принесли продуманную дорожную политику. Кое-где потребовались огромные по масштабам подготовительные работы, в особенности на болотах и сыпучих почвах: надо было уплотнять грунт, забивать сваи, укладывать фашины (связки прутьев), прокапывать центральный дренажный ров, боковые кюветы, обозначавшие границу полосы, отведенной под государственное дорожное строительство. Проезжая часть обычно покрывалась песком, гравием или щебнем. Каменные мостовые, которые иногда рассматриваются как отличительный признак римских дорог, существовали лишь около перекрестков и на въездах в крупные города. Перекинутые через реки мосты были большей частью деревянными, но кое-где и каменными. Даже самые широкие реки не останавливали римских дорожников: они устраивали плавучие мосты, как, например, мост через Рону неподалеку от Арля.

На главных направлениях — и в частности, на магистральной линии, проходившей вдоль Роны, Соны, затем через Лангр, Туль, Трир, вдоль Мозеля и Рейна, а также на путях, через которые осуществлялись связи Рима с портами на Атлантическом побережье и на Ла-Манше, — дороги были оснащены зримыми признаками римского владычества — монументальными дорожными знаками, стоявшими на расстоянии римской мили (1480 метров) один от другого, почтовыми станциями, на которых можно было сменить лошадей и воспользоваться помещениями для ночлега. Эта система хорошо действовала еще зимой 467—468 годов, когда Сидоний Аполлинарий, воспользовавшись императорской почтовой службой, отправился в путь по государственному делу и смог с большим

удовольствием констатировать, что между Лионом и Римом ему повсюду предоставляли свежие упряжки, а альпийские перевалы, заснеженные в это время года, оказались хорошо расчищенными. Впрочем, и второстепенные дороги, принадлежавшие государству в том случае, когда они связывали административные центры с главными дорогами, а также проселочные и частные, обслуживавшие сельские поселения и отдельные фермы, в пятом веке содержались в должном порядке. Так, если в начале века неслыханно богатый Клавдий Постум Дардан на собственные средства построил дорогу через провансальские Альпы, то представитель римских властей Эвантий произвел в 469 году ремонт всей дороги, которая вела из Тулузы в Менд и далее в Лион. Таким образом, дорожная сеть, которая дала Риму возможность владычествовать над Галлией, к концу V века содержалась в хорошем состоянии, что облегчало продвижение армий франков, отправлявшихся на завоевание галльских земель.

БЕСКРАЙНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Дорожная система, открывавшая проходы во все уголки страны, позволяла франкским завоевателям, как и их предшественникам — римским усмирителям расширить размеры овладения Галлией, хотя доступные им районы оказывались довольно невелики: свою долю брала дикая, не тронутая человеком природа. Дело в том, что тысячелетия хаотической оккупации, наплыв кельтских племен, пять веков римской колонизации привели к возникновению лишь рассеянных на больших пространствах заселенных зон, более или менее обширных, в зависимости от условий места и других обстоятельств, среди бескрайнего пространства, занятого лесами, пустынными равнинами, горными массивами, торфяниками, реками и речушками, морским побережьем. Не делая попыток дать сколько-нибудь точную оценку протяженности этих зон, можно

предположить, что обжитое и возделываемое пространство не составляло и половины нынешнего. На остальной территории целиком и полностью господствовала первозданная естественная среда. На севере это были приливные волны «второй дюнкерской трансгрессии» (самое значительное наступление океана на сушу после доисторической эпохи), затопившие в период между IV и VIII веками значительную часть побережья; наступление ледников, с достоверностью установленное в районе Бернского высокогорья и отнесенное к V веку; повсеместно заметное ухудшение природных условий, оставшихся холодными и влажными вплоть до начала VII века.

Климат способствовал разрастанию лесов, в особенности лиственных: буковых рощ, дубрав, занявших север Галлии. А в Аквитании, Лангедоке и на горных массивах, таких как Юра, преобладали и ширились хвойные леса. В V веке леса здесь были несравненно более густыми и занимали куда бóльшие пространства, чем теперь: в одних местах это были реликтовые лесные массивы, в фауне которых были широко представлены волки и медведи, олени и кабаны, рыси и дикие коты, бизоны и туры, которые впоследствии стали излюбленной дичью для королевских охот, в других — леса тянулись полосами, становившимися чем-то вроде естественной границы, вроде той, которую некогда описал Цезарь — разграничивающую области свевов и хамавов. Зачастую эти полосы служили границей для галло-римских городов-государств и их территориальных преемников, для диоцезов только что возникшей христианской церкви. Они еще в течение долгого времени будут служить границами королевства варваров. Так, Шарбоньерский лес, разделявший Камбрейский и Тонгрский диоцезы, стал границей между Нейстрией и Австразией; Вогезский лес, являвший собой границу между Тульским и Безансонским диоцезами, стал линией раздела между Австразией и Бургундией; подобным же образом Аргонна, к которой тяготели города Рем, Лёк, Медиоматрис и Тревир,

а затем диоцезы Реймса, Шалона, Туля и Вердена, стали в 843 году границей между королевством Западной Франкии, где властвовал Карл Лысый, и королевством Лотаря.

Почти повсеместно растительный и животный миры, полезные ископаемые считались принадлежащими государственной казне, государству, согласно положениям римского права, которые Меровинги стали применять у себя. Начиная с VII века леса стали рассматриваться как королевские заповедники. Тем не менее в V веке природные богатства оставались открытыми для доступа всех желающих воспользоваться ими, независимо от наличия или отсутствия императорской лицензии.

В леса шли охотники, добывавшие зверя так же, как оверпские аристократы, которых описал Сидоний Аполлинарий, с пикой на кабана и соколами на птицу: работали смолокуры, дегтяри — особенно в Медоке и Коссах; рудокопы, угольщики и металлоплавильщики, следы деятельности которых встречаются во всех лесных массивах. Например, в Арденнах, Сааре близ Нойнкирхена, в Лотарингских лесах работали каменотесы, в частности, пиренейские рубщики мрамора, поставлявшие продукцию во все уголки Галлии, солевары лотарингских и юрских плоскогорий и прибрежной зоны, в особенности те, кто добывал соль на солончаковых болотах Средиземноморья и Атлантического побережья, рыбаки и ловцы устриц и раковин Аквитанского побережья.

Если не считать участки леса, использовавшиеся для сезонных перегонов скота, где природное равновесие было нарушено образованием пустошей, лишь по краям небольших обжитых пространств опушки лесов испытывали воздействие человека: в этих местах люди брали материалы, необходимые для строительства жилья, изготовления орудий труда, отопления. Здесь же они охотились на мелкую дичь, пасли свиней, при необходимости выжигали лес, возделывая отдельные участки земли.

ПАШНИ

Естественно, встает вопрос — не могло ли смутное время III—V веков способствовать наступлению дикой природы на возделываемые земли и потеснить их с занимаемых пространств? Нельзя дать однозначного ответа на такой вопрос: для каждого региона он звучит по-разному. Если Нижней Оверни всеобщая разруха не коснулась, и на ее равнинах жилища в целом хорошо сохранились[1], то в других местах многочисленные жилые поселения оказались покинутыми или даже полностью разрушенными, о чем свидетельствуют результаты аэрофотосъемок и археологических изысканий. Одновременно здесь оказалось заброшенным и земледелие, что подтверждается данными палинологических исследований (исследования ископаемой пыльцы). Это также справедливо для крайнего севера и для значительных пространств в романской части прирейнского района, но выборочные проверки на местности подтверждают, что не существовало в Галлии региона, которого совершенно не коснулась бы эта участь. Так, в Спезете (Финистер) оказались заброшенными поля, засевавшиеся пшеницей, в Бротонском лесу (Нормандия), в лесу Ла-Турет, близ Блонда (Лимузен), сельские поселения были покинуты жителями, повсюду в Галлии античные «виллы» постепенно были поглощены лесными зарослями. Такова была судьба построек в Варфюзе-Абанкур (Пикардия), Пре-О, Рулле (в среднем течении Луары), Монморене (Ба-Коммэнж), где такая «вилла» была восстановлена в долгий спокойный период IV века. То же и в Ла-Буассе, Аннеси-ле-Вьё, Сен-Поль-ле-Роман (в бассейне Роны)... Иногда жители просто уходили в более безопасные места, создавая там новые жилища: провансальские «виллы» в Фон-Кремате были брошены обитателями, перебравшимися на вершины соседних возвышенностей, а в Ружье жители переселились на гребень горного отрога, где постройки возникли еще в конце железного века и

[1] Габриэль Фурнье (54).

сохранились до конца средних веков. Кое-где, например, в Сен-Блезе (Нижний Прованс), Ломбрене (роданский Лангедок), Мон Лассуа (Бургундия), под жилье были приспособлены древние строения, заброшенные еще в годы римского владычества. В некоторых местах люди занимали пещеры своих доисторических предков. Само собой разумеется, что в большинстве случаев они использовались лишь как временное жилье: так обстояло дело в Рейревине (Косс), Ла Фурбине (Кро), где гроты служили пристанищем перегонщикам скота, но в отдельных случаях, как в Вальфонэ (Эро), пещеры вновь стали приютом людей на более длительные сроки, что сопровождалось сельскохозяйственным освоением близлежащих земель.

Таким образом, наше понимание взаимных перемещений возделываемой и дикой природы в III—V веках должно учитывать определенные нюансы: если местами, особенно на севере, целина ширилась, занимая все бо́льшие площади, то кое-где, в частности, там, где местность была труднопроходимой, она могла стать зоной притяжения. Все это не позволяет утверждать, что пашни находились на грани исчезновения. Напротив, читая авторов позднеримского периода, начинаешь думать, что для сельских местностей этот период стал чем-то вроде золотого века. Конечно, это не может относиться ни к большинству крестьян-землевладельцев, которые возделывали мелкие отдаленные участки, захлестнутые волной бурных событий времени, ни тех, кто жил в небольших поселениях. Множество этих земледельцев, разоренных налогами, разбойными нападениями или спадами рыночной конъюнктуры, были вынуждены отдавать себя и свое имущество под власть сильных мира сего. В том случае, когда крестьянин становился при этом колоном-арендатором, являя собой прообраз будущего средневекового крепостного, и когда отдавалась лишь земля во временное владение, мелкие крестьяне рано или поздно попадали в полную зависимость от их патрона, способствуя тем самым возникновению крупных земельных

владений, хозяйство в которых ранее велось на натуральной основе с использованием труда рабов, руководимых всевластным управляющим.

Поэтому этот золотой век, воспетый авторами IV—V веков, был на самом деле золотым лишь для роскошных строений, в которых представители галло-римской элиты укрывались от городской суеты, бед и тягот своего времени. Сидоний Аполлинарий оставил нам описание Авитака — такого рода поместья, расположенного на берегах озера Эйда в Оверни и составлявшего часть приданого его жены — Папианилы, дочери императора Авита. В период между 461 и 467 годами Аполлинарий провел там немало времени. Это было поместье, раскинувшее свои поля, пастбища, рощи на пяти тысячах гектаров, с жилищем хозяина, построенным с изысканным вкусом и роскошью, с портиками, римскими банями, летними и зимними столовыми, жилыми комнатами, купальнями, с хозяйственной частью, где, как это выявлено аэрофотосъемкой и археологическими раскопками, соседствовали друг с другом хозяйственные постройки, жилье прислуги, мастерские. И если поместья друзей, которых Сидоний навещал, не были, может быть, столь же обширны, они не уступали в роскоши этому; расположенные на берегах Гардона «виллы» Аполлинариса и Тонантия Ферреола имели также богатые библиотеки. Римских бань там не было, но они уже строились. Это показывает, что в 465 году аристократия не отказывалась от преимуществ римской цивилизации. Поместье Понтия Леонтия в Бурге, при слиянии Дордони и Гаронны, делилось портиками и галереями на летнюю и зимнюю части, на некоторых стенах имелись фрески, созвучные замечательным мозаичным панно, обнаруженным во многих «виллах» юго-запада: в Сорде-Ль-Аббеи (Ланды), Пала де Сэнт-Эмильон (Жиронда), Пре-Ба Лупиана (Эро), монреальском Севиаке и в валенсийском Мьяне (Жер). Но вот «вилла» в Бурге имеет свою особенность — она со всех сторон обнесена оборонительным валом. Это был знак времени.

Мы находим его и в других местах: шестнадцать гектаров «виллы» Ширагана близ Мартр-Толозан (Верхняя Гаронна) были окружены сплошной стеной по всему периметру; тридцать гектаров поместья Каруж в Женевуа, хотя и прикрытые от внешних вторжений излучиной реки Арв, были защищены еще и сооружением насыпного вала; а когда в начале V века Клавдий Постум Дардан и его светлейшая и не менее именитая жена решили обустроить свое поместье в горах к востоку от Систерона, назвав его в честь святого Августина Теополисом, они укрепили его, обнеся стеной с воротами, чтобы оно могло служить убежищем для всех. Конечно, в то время это не стало повсеместно распространенным явлением, но надо признать, что укрепленные поместья, служившие жильем и хозяйственным центром, к которому тяготели многочисленные и попадавшие от него в зависимость окрестные земледельцы, ищущие защиты, стали провозвестниками наступления новых времен.

РИМСКО-ГАЛЛЬСКАЯ ЭЛИТА МЕЖДУ СЕЛОМ И ГОРОДОМ

Дардана называли «достославным мужем», что ставило его и его жену на высшую ступень почета, поскольку к концу первых десятилетий V века он уже был патрицием, губернатором Вьеннуазской провинции, квестором и командующим галльскими преторианцами. Иначе говоря, он являлся полномочным представителем императора не только в галльском диоцезе, но и во Вьеннуазском и испанском, а также и во все более заброшенном диоцезе (Велико-)Британии. Тонантий Ферреол, один из друзей, которых Сидоний навещал на берегах Гардона, также был командиром преторианцев. Сам Сидоний — сын и внук преторианских командиров — был на первых порах приближенным императора Майориана, префектом Рима и патрицием. Значит ли это, что все представители сенатской

аристократии, поставлявшей кандидатуры на замещение столь высоких должностей, предпочитали сельскую тишину городской жизни? Навряд ли — сам Сидоний при случае охотно возвращался в город — Лион или Рим — ради государственных, а также личных дел. Тем не менее тенденция к переселению городской аристократии в летние резиденции подтверждается повсеместно — как на севере, так и на юге.

Это объяснялось отнюдь не стремлением к обеспечению своей личной безопасности, поскольку лишь немногие поместья были окружены оборонительными сооружениями, тогда как все крупные города, во всяком случае все главные центры территорий племенных союзов, имели необходимые укрепления. Все свидетельствует о том, что сельские жители подвергались большей опасности при передвижениях армий, и особенно при волнениях крестьян, продолжавшихся вплоть до V века. Нищета и разорение заставляли их объединяться с дружинами варваров, участвовавших в набегах на Арморику, Пикардию, Шампань, Аквитанию и на альпийские долины. Поэтому вне городов латифундисты все чаще прибегали к услугам отрядов телохранителей, которых кормили и поили за свой счет. Стало быть, основной причиной оттока представителей городской элиты из городов было что-то иное, нежели стремление обеспечить свою безопасность. Конечно, определенную роль играла необходимость в снабжении продуктами, которое становилось в городах все менее надежным и постоянным: в сельских поместьях хозяйство все более переходило к самообеспечению, и не только сельскохозяйственной продукцией, но и продукцией кустарных мастерских. Так, в Оверни, где позволял рельеф местности, каждое поместье сочетало — по свидетельству того же Сидония — возделывание зерновых на равнине, виноградные плантации на пологих склонах и перегонные пастбища по гребням возвышенностей. А в Нижнем Провансе в любом поместье можно было видеть, как об этом пишет Григорий из Тура в описании окрестностей

Авиньона, поля и луга, соседствующие с виноградниками и оливковыми плантациями. И вот повсюду, в каждом поместье, в каждом поселении появляются всевозможные мастерские: кожевенные, гончарные, кузнечные, ткацкие производства, такие как шелкоткацкая мастерская Понтия Леонтия в Бурге. Приходилось зачастую заменять старые мануфактуры — частные, а чаще государственные — повсеместно пришедшие в упадок, кроме продолжавших действовать оружейных мастерских, расположенных на рейнских рубежах.

Таким образом, отток в сельскую местность был для римско-галльской элиты средством, позволявшим ей находиться ближе к центрам снабжения и производства, дававшим возможность сохранять привычный жизненный уровень; и одновременно это был уход из городов, которые не только не обеспечивали ей былого комфорта, но и становились источником всякого рода забот и неприятностей. Ведь городской аристократии приходилось теперь расплачиваться за выпавшие на ее долю ранее почести своего положения в имперской машине, ставшей в IV веке сугубо бюрократической; она становилась объектом ненависти населения, наталкивавшегося на административные препоны и обираемого.

Это в меньшей степени касалось верхушки аристократии, того слоя, который давал Риму сенаторов и высших чинов провинциальной администрации, — командующих преторианской гвардией, постоянным местонахождением которых в начале V века стал Арль вместо покинутого ими Трира; викариев, возглавлявших Вьеннский и Галльский диоцезы, губернаторов всех семнадцати провинций. Круг их обязанностей и полномочий постепенно сужался по мере того, как клонилась к упадку в Галлии власть императоров, в особенности после падения императора Майориана в 461 году. Немало времени прошло с тех пор, как в местах, куда переходила реальная власть, в Равенне (двор обосновался в Равенне с 402 года), в военных округах римско-галльской элите предпочитали варва-

ров. Семейство Сиагриев представляло собой исключение из этого общего правила: во второй половине V века ему удалось сохранить в своих руках командование большой армией во время вторжения в Северной Галлии, передавая по наследству от отца к сыну официальный титул командующего ополчением. К этому времени очень многие видные семейства уединились в своих сельских резиденциях, чтобы там с иронией предаться размышлениям о былом величии Рима.

СИТЕ[1]

В отличие от элитарной верхушки, местный чиновный люд, в частности, члены курий, составлявшие в каждом провинциальном центре некое уменьшенное подобие римского сената, могли лишь горько сожалеть о том положении, в которое их поставила империя. Занимаясь сбором налогов и неся ответственность за уплату в казну сборов со своего собственного имущества, они стали настолько непопулярны, что Сальвиан, выражая настроение мелкого люда, с возмущением отмечал: «Тиранов здесь столько же, сколько людей в куриях». Поэтому члены курий стремились побыстрее отделаться от своих обязанностей, приносивших им массу неприятностей, ничего не оставляя взамен. Имперские власти были не на шутку обеспокоены повсеместным оскудением рядов служителей империи. Они пытались насильственно закрепить их на должностях и в местах городского проживания (что нашло свое отражение в Кодексе императора Феодосия, представлявшем собой компиляцию римского законодательства, составленного около 437 года), совершенно так же, как римские власти пытались это сделать в отношении простолюдинов города и деревни.

[1] В современном французском языке этот термин применяется для обозначения крупных городов или их древнейшей части. Здесь: территория племенного союза или ее административный центр. — *Прим. пер.*

Это вызвало всеобщее недовольство. При этом негативное отношение граждан к местной власти переносилось на центральную власть — на Рим. И вот уже в городах, многие из которых (знамение времени!) отказываются от названий, данных им Римом, и возвращают себе изначальные кельтские (Лютеция снова становится городом Парижем, Аварик — городом битуригов — Буржем, Дивона — городом кадурков — Кагором), воцаряются хаос и кулачное право; здесь всяк пытается поживиться за счет ближнего: опустившиеся аристократы, карьеристы стремятся использовать смуту в своих интересах, сотрудничая с варварами и разбазаривая то, что осталось от римского величия. В 474 году в одном из писем к своему дяде Томасту Сидоний Аполлинарий бичует нравы времени: «Вот от таких людей стонет Галлия, которой пришлось так долго терпеть их присутствие, находясь среди варваров, более человечных, чем они... Они подкупают судей, выступают в пользу того, кто заплатит.., завидуют развлечениям простонародья, жалованию генералов, коробам бродячих торговцев.., дорожной пошлине и ее сборщикам, поместьям и их обитателям, благородству благородных, старшинству старших и равенству с ними тех, кто им равен. Это они, опьяненные только что свалившимся на них богатством, так пользуются им, что становится очевидной их неопытность во владении состоянием. Львы во дворцовых покоях, они становятся зайцами, как только попадают в армейский лагерь; они страшатся мира, боясь, что обнаружится их бесполезность, и страшатся войны, зная, что струсят в бою»[1]. Но удобно ли Сидонию читать другим мораль, когда сам он в 458 году так ликовал, добившись от императора Майориана налоговой скидки в три тысячи капита (единица, служившая для начисления сумм подушного налогового обложения, но со времени правления императора Диоклетиана обозначавшая имущественную массу, подлежащую обложению)?

[1] По французскому переводу А. Луайяна (148).

Имперские власти, не питавшие теперь большого доверия к местной элите, направляют на места для контроля за положением дел в куриях и защиты граждан своих представителей, наделяя их самыми разнообразными полномочиями. Это кураторы, ведающие финансами, дефенсоры — защитники общины, задача которых — следить за деятельностью государственных служб и обеспечивать правопорядок, комты — императорские уполномоченные, облеченные военной и судебной властью. Известно, как сложилась в средние века, после их появления во второй половине V века, судьба верхушки военной и судебной властей — они были повсеместно приняты королями вестготов, бургундов, а затем и франкскими королями; их функции были облечены в стройную систему Карлом Великим. Менее известно, что защитники общин продолжали существовать до середины VII века, и их роль как носителей высокого морального авторитета защитников обездоленных стала прообразом той роли, которую позднее начали играть епископы в общинах раннего средневековья. Впрочем, именно епископы, начиная примерно с 400 года, играют определяющую роль в назначении дефенсоров на должность, если сами не объединяют обе эти должности, например, в Анже в конце IV века. Это неудивительно, ибо с этого времени церковь выступает как главная носительница нравственных принципов в обществе, чтобы впоследствии стать в нем основной политической и экономической силой.

Церковь в этом новом своем положении накладывает зримый отпечаток и на внешний облик городов. В период, когда в конце III века участились набеги варваров, города, еще не окружившие себя стенами во времена римской колонизации или в начале имперского правления (зачастую в то время стеной обносились огромные площади — 285 гектаров в Трире, 120 — в Майнце, 90 — в Тулузе, ставшие теперь слишком большими для редеющего населения), стали строить оборонительные стены уже с меньшим размахом. Если в Меце это все еще 70 гектаров, обнесен-

ных крепостной стеной, то в Реймсе лишь 35, в Бордо — 30, а такие центры, как Санлис, Тур или Клермон, ограничились семью-шестью и даже тремя гектарами защищенной площади. Повсюду крупные сооружения, находившиеся вне крепостных стен, чем-то поступились в их пользу — хотя бы частью материалов, необходимых для сооружения эти стен. Другие же, находившиеся в отдалении от укреплений, были мало-помалу заброшены. Так, в Меце, как и в Париже, большой амфитеатр, слишком удаленный от центра, послужил карьером для выемки камня, пошедшего на сооружение валов, а для зрелищ и игр ближе к центру был построен новый, не такой обширный. Но если не брать в расчет Арль и Трир, где находились резиденции императора и руководителя преторианцев, крупных монументальных сооружений почти не было в городах IV и V веков, города ограничивались поддержанием наследия белых времен, тех построек, которые придавали этим городам общие черты: одинаковые портики, римские бани, театры, триумфальные арки, окружающие форум, дворец губернатора и акведуки. Языческие храмы к этому времени почти исчезли; те, что сохранились, были обязаны этим своей принадлежностью к имперским религиозным культам, например, в Ниме и Вьенне, или перестроены под христианский храм.

В последние десятилетия IV века в каждом административном центре, в особенности на юге Галлии, возникают и множатся христианские церкви. Первоначально это были построенные в пределах городской стены здания, где епископ размещал свои службы, сгруппированные вокруг кафедральной церкви, напоминающей своей планировкой римские базилики. Примером может служить Лионский кафедральный собор с его портиками и мозаичными панно, воспетыми Сидонием Аполлинарием в 469—470 годах в дни его освящения. Или же церкви строились с расположением стен по периферии вокруг одного центра — как у кафедрального собора V века во Фрежюсе, дошедшего

до нас почти в своем первозданном виде. Позднее возникли пригородные некрополи с погребальными базиликами, возведенными на могилах святых мучеников, исповедников, иногда епископов — основателей первых городских церквей. Постоянный наплыв верующих и необходимость служения привлекали в святилища, такие как Сен-Жюст в Лионе, Сен-Виктор в Марселе, Сен-Сернен в Тулузе или Сен-Мартен в Туре, многих представителей духовенства, основавших здесь уже настоящие монастыри, которым — и это было первым проявлением процесса «приручения смерти»[1], характерного для средневековья — предстояло превратить древние некрополи в центры, вокруг которых вырастали новые городские предместья. Города росли и ширились.

ХРИСТИАНСТВО

Благодаря распространению христианства в эти времена в умах людей происходила подлинная революция. Решения императора Константина, в частности, его вердикт о веротерпимости 313 года, которым вводилась свобода верований, а затем эдикты Феодосия, создавшего благоприятные условия для распространения христианства и в 391 году запретившего все языческие культы, обусловили возникновение и распространение христианских общин, которые ранее, до IV века, существовали лишь в нескольких городах — в Марселе, Арле, Вьенне, Лионе, Отёне, Нарбонне, Тулузе, Трире, Кёльне, где имелось многочисленное купечество или гарнизоны из солдат, набранных на востоке империи. В период правления Хлодвига епископы появились почти во всех главных городах, а если их не было, как, например, в Жюблене, то причиной тому был упадок города, вынуждавший его слиться с соседним — в данном случае с Мансом. Епископы, обо-

[1] Выражение заимствовано у Филиппа Ариеса (1).

сновавшиеся в центрах провинций, требовали, чтобы метрополия отдавала им предпочтение перед прочими коллегами. Таким образом установилась поддерживаемая императорской властью церковная иерархия, копировавшая порядки иерархии гражданской. Связи между той и другой устанавливаются самые тесные: обычно епископы подбирались из членов семей сенаторов и только в исключительных случаях были выходцами из курий. Примером могут служить святой Реми, аристократ из Лаониуа, выдвинутый в 459 году на должность епископа в Реймсе, или его брат, занявший то же место в Суассоне, или же Сидоний Аполлинарий, ставший в 470 году епископом в Клермоне. Становится понятно, каким образом власть епископов во многих случаях смогла заменить слабеющую светскую и как церковь некоторое время спустя оказалась в положении силы, поддержавшей легитимность светской власти.

Переход к христианству совершался в эту эпоху в основном в городах. Это неоспоримо. Процесс охватывал все более широкие слои населения, и растущее число христианских надгробных надписей в Кельне, Лионе или библейские сцены, изображенные на саркофагах в Арле или Марселе, служат наглядным подтверждением. Примером может быть недавно обнаруженное в базилике Сен-Виктор захоронение двадцатилетней христианки, погребенной в конце V века (тело завернуто в мантию, голова покоится на подушке из растительного материала и увенчана венком из цветов с маленьким золотым крестиком) в саркофаге, на котором изображены сцены жертвоприношения Авраама и излечения слепца Христом.

Итак, городское население Галлии под духовным водительством священнослужителей, возглавляемых епископом, стало в эту эпоху воспринимать не только основные положения христианских догматов, но и содержащуюся в евангельских текстах идею искупления, полагаясь на заступничество святых отцов ради обретения прощения при переходе в иной мир.

Оставалось ли сельское население чуждым христианству, оправдывая тем самым французское звучание слова «крестьянин»[1]? Действительно, во многих местах, и особенно на юге Франции, еще жива память об усилиях некоторых епископов V века, стремившихся распространить новую веру за пределы родного города. Некий служитель из Нарбонны основал в 457 году церковь в местечке, носившем имя Минервы (Эро), а один из его коллег из Жаволя построил базилику прямо среди языческих капищ верхнего Жеводана. Кое-где археологические раскопки позволили обнаружить, к примеру, на «вилле» Севиака в Монреале (Жер), пристройку часовен и даже церквей с крестильными купелями к зданиям древних поместий. По свидетельству Григория Турского, на похороны святого Мартина в 397 году пришли «все жители окрестных сел и деревень», чтобы принять участие в траурной процессии. Действительно, личность Мартина столь значительна, что впоследствии он стал считаться первым поборником принятия христианства в Галлии, а храм, возведенный на его могиле, превратился после 460 года в центр распространения христианской религии на севере страны.

Наряду с Мартином известен монах, основавший в Лигюже близ Пуатье и в Мармутье близ Тура первые в Галлии монастырские общины, ставший основателем движения, сыгравшего немаловажную роль в распространении христианства за пределы городов. Дело в том, что пока галльское монашество не занялось обустройством пригородных базилик, оно преследовало главным образом цель — дать возможность человеку уйти из города, уединиться в отшельничестве по примеру первых пустынников. Именно такими были южане — Теодор, обосновавшийся на островах Иере, или Онора, уединившийся на острове Лерен. Однако в связи с увеличением числа своих последова-

[1] Во французском языке слово «крестьянин» созвучно слову «язычник». — *Прим. пер.*

телей Онора был вынужден основать в 410 году монашескую обитель. Вскоре его примеру последовал Жан Кассиан, организовавший в 416 году монастырскую обитель Сен-Виктор в Марселе. Оставленные им тексты позволяют составить представление о жизни первых монахов, время которых проходило в соблюдении правил отшельничества (уединившись в келье, они трудились или предавались размышлениям). Они также принимали участие в общих богослужениях в стенах церкви. Приспособленные к условиям жизни того времени и тех мест, менее суровые в обхождении, чем их восточные предшественники, леренские монахи, как и члены братии Кассиана, пользовались в южных областях большим влиянием, таким же, как и монахи из общины Мартина в средней Галлии. Из южных монахов вышел епископ Сезер, способствовавший распространению за пределами монастырей примеров аскетизма и духовности.

На плечи проповедников христианства ложилась в этот смутный период нелегкая ноша: то здесь, то там снова возрождались старые кельтские верования, кое-где варвары добивались восстановления германских языческих культов или, что еще хуже, арианства — этого весьма распространенного среди них с начала IV века извращенного христианства, отрицавшего божественность Христа и тем самым порывавшего с основами веры, что привело к осуждению арианства Никейским собором в 325 году. Конечно, случалось, что и варвары — чаще всего франки и бургунды — воспринимали подлинное христианское учение, но они составляли лишь незначительное меньшинство, к тому же это была верхушка аристократии, уже много времени служившая Риму. Так, Арбогаст, тезка и внук одного из вождей франкского ополчения конца IV века, ставшего правителем в Трире приблизительно в 470 году, пожелал завершить свою карьеру в должности епископа: если допустить, что он и тот Арбогаст, который упоминается как епископ Шартра в 490 году, одно и то же лицо, то можно сделать вывод, что его карьера ничем не отличается от любой подобной из

членов высшей галло-римской аристократии. Мы знаем теперь также, что святая Женевьева, сумевшая умерить своей дипломатией гегемонистские устремления Хильдерика в отношении Парижа, сама принадлежала к варварской, вероятнее всего — франкской аристократии.[1]

ВАРВАРЫ

Действительно, к этому времени немало варваров вступило в жизнь Римской империи. В результате разрушительных набегов, особенно частых в конце III и начале V веков, возникали во многих местах, откуда ушло коренное население, замкнутые варварские поселения. Это были вандалы в Тулузенском и Альбигойском районах (Гандалу), чему мы находим подтверждение в топонимии, или же саксонцы, рассеявшиеся, согласно письменным источникам и результатам археологических изысканий, вдоль берегов Ла-Манша и Атлантического океана, в Булоннэ, Бессене, в устье Луары и по шарантскому побережью. Новые антропологические данные заставляют предположить, что некоторые саксонские общины — к примеру, та, что была обнаружена при изучении Вронского некрополя в Понтье, — смогли существовать, не поддерживая никаких контактов с внешним миром, в режиме эндогамии, строжайшим образом выдерживаемом с конца IV века и вплоть до последних десятилетий VI века[2]. Однако в своем большинстве варвары, осевшие в Галлии, оказались к этому времени ассимилированными. Это несомненно относится к тем, кого летописи именуют летами, которые во множестве появились на севере и северо-востоке Галлии в конце III века. Они ставят перед нами немало нерешенных вопросов: некоторые из них определенно являлись пленниками римлян, при-

[1] См.: М. Хайнцельманн и Ж-К. Пулен (73).

[2] По данным раскопок, проведенных Клодом Сейе (146), и еще не завершенных антропологических исследований Жозля Блондио.

пудительно поселенными в аграрных колониях империи, подобно тем, о которых пишет один из панегиристов трехсотых годов — «хамав теперь пашет землю для нас, — тот самый хамав, который так долго разорял нас своими набегами». Можно предположить, что другие сами были римско-галльскими пленниками варваров, возвращенными империи после заключения с нею мирного договора.

Тут следует сказать, что зачастую именно по договорам наиболее многочисленные варварские народности получили разрешение на заселение галльских территорий. Это не относится к бретонцам — выходцам из (Велико-)Британии, первые группы которых в конце IV века высадились и обосновались в Арморике, а массовое вселение их началось в V веке. Дело в том, что сейчас доказано: первые бритто-римляне, подданные империи, вступившие на берега континента, оказались здесь в силу воинской повинности. Он были призваны обеспечить защиту арморикапских берегов от набегов морских кочевников, мощь которых они уже успели почувствовать. Последовавшее за этим их массовое передвижение сюда морским путем с запада (Велико-)Британии явилось следствием нападений ирландских скоттов, а также англосаксов. В этот период давление последних, уже сильно ощутимое на востоке и на севере, не достигло еще западной части Британии.

Не существовало также договора между римлянами и алеманнами — народностью, появившейся первоначально в III веке между верховьями Дуная и средним течением Рейна, которая после нескольких безуспешных набегов на Галлию обосновалась в Эльзасе и способствовала великому варварскому прорыву на ее территорию в 406 году. Затем они попытались расселиться здесь, двигаясь вначале (в V веке) вниз, а затем (в VI веке) вверх по течению Рейна.

Зато три крупнейшие варварские народности, обосновавшиеся в V веке в пределах Галлии, — вестготы — на юго-западе, бургунды — на юго-востоке и франки — на севере, — были для Рима народами «федерирован-

ными», то есть заключившими с Римом договор. Они входили в состав империи, им выделялись казенные или отторгнутые от больших поместий земли в соответствии с законами о гостеприимстве, и они со своей стороны брали на себя обязательство защищать соответствующую область и прилегающие к ней территории. При этом вождь, остававшийся для своих войск полновластным военачальником, подкреплял свой титул короля (мы уже видели выше, что именно такой титул имел Хильдерик) более пышными терминами, почерпнутыми в римской атрибутике. Гундевех — король бургундов между 450 и 470 годами — именовался командующим галльским ополчением, а его сын Гундобад был патрицием еще до того, как, подобно отцу, стал во главе ополчения. При этом вся полнота гражданской власти, будь то судебная или фискальная, считалась остающейся в руках все тех же римских инстанций, местных и центральных. Но когда центральная власть ослабла, местная, уже успевшая основательно дискредитировать себя, немногого стоила в борьбе со всесильными союзными варварами, вожди которых только и ждали удобного случая, чтобы превратить свои воинские преимущества перед соплеменниками в настоящую королевскую власть над определенными территориями, диктуя свою волю галло-римлянам. Некоторые из них были готовы подчиниться такому давлению просто из желания «насолить» римским администраторам. Другие, движимые стремлением к соглашениям, искали пути к сотрудничеству. К примеру, один из членов влиятельного семейства Сиагриев, которого Сидоний в 469 году упрекал за то, что он оказал помощь бургундам в составлении их собственного свода законов. Пожалуй, одни лишь епископы в своем подавляющем большинстве осмеливались противостоять этому давлению — в особенности епископы южных областей (Аквитания находилась под властью вестготов, а юго-восточными областями владели бургунды), где во главе союзных армий стояли военачальники, принявшие арианство.

Согласно договору о «федерации» 418 года вестготы оказались в числе первых союзников, которым было предоставлено право селиться вдали от границ — в самом центре Галлии. Они пришли из Италии с женами и детьми — всего их было около ста тысяч, не более — и получили земли вдоль большого аквитанского перешейка между Бордо и Нарбонной. Вестготы должны были подавлять здесь восстания галльских крестьян, вспыхивавшие в тот период. Впоследствии под водительством своих королей — и прежде всего Эриха (466—489) — они смогли в результате ряда войн расширить свои владения на все пространство от Луары до Испании и от Прованса (захваченного в 476 году) до Гасконского залива, обеспечив себе тем самым сначала фактическую, а затем полную, юридически оформленную независимость от империи. Пользуясь советами своих соратников — готов и в особенности примкнувших к ним римских аристократов, в частности, Леона Нарбоннского, обладавшего прекрасным классическим образованием, Эрих выступил как законодатель, составив при участии Леона Нарбоннского свод законов Эриха. Это кодифицированное изложение вестготских обычаев, в котором чувствуется влияние норм римского права. Эрих не стал смещать с постов чиновников римской администрации, но, чтобы надежнее контролировать их действия, назначил в каждый город своих наместников из числа римских аристократов или готской знати. Он немало потрудился над созданием и приумножением своей казны, которая следовала за ним при всех передвижениях между Тулузой, Бордо и Арлем. Нет уверенности в том, что он был притеснителем христиан, как это ему долгое время приписывалось, однако им были предоставлены широкие возможности для отправления арианских церковных служб и наложены определенные ограничения на деятельность христианской церкви (запрет на замену епископов в ряде диоцезов, запрет на паломничество к святому Сернену в Тулузу), что вызвало негодование некоторых епископов, в том числе

Сидония Аполлинария в Оверни, который стал одним из вождей церковной оппозиции.

На первый взгляд история возникновения бургундского королевства не отличается сколько-нибудь значительно от истории королевства вестготов. Эта народность пришла с севера вместе с волной нахлынувших в 406 году на Галлию варваров и переправилась через Рейн в верхнем его течении. Свод законов 443 года дал им возможность осесть в нынешней Савойе, а если быть более точным, в Женевском кантоне, откуда они продолжали продвигаться далее. В 457—485 годах они дошли до Диуа на юге и расселились до Дижона и Лангра на севере. При этом к ним попал Лион, стоящий на перекрестке важнейших водных и наземных путей. В отличие от того, что произошло в Аквитании, эти территориальные приобретения не изменили характер отношений, которые бургундские короли поддерживали с Римом. Они продолжали считать себя союзниками Рима и, как мы уже видели, были не прочь при случае получить от римской администрации очередной высокий титул, содействовали расширению влияния римских законов, а веротерпимы были настолько, что часть королевской семьи приняла католичество намного ранее самого Хлодвига, как, например, Клотильда — бургундская принцесса. Само собой это не приносило бургундам автоматически признательности со стороны галло-римлян, и известны сетования Сидония Аполлинария по поводу соседства с варварами в его лионских поместьях: «эти волосатые орды... поющих песни обожравшихся бургундов, мажущих шевелюру прогорклым маслом.., и противные запахи чеснока и лука, которые источают спозаранку приготовляемые ими блюда». Но не все римляне проявляли такое высокомерие по отношению к вестготам, и досточтимый епископ Вьеннский Авит находился в прекрасных отношениях с королем Гундобадом (480—516), что, впрочем, не помешало ему впоследствии направить только что принявшему крещение Хлодвигу столь льстивые поздравления, что их можно было посчитать

обещанием присоединиться к нему: арианство являлся-таки труднопреодолимым препятствием. Другая особенность состояла в приверженности бургундских королей концепции наследственного перехода королевской власти, сходной с той, которая должна была вскоре восторжествовать у франков, она же, порождая междоусобную борьбу, послужит для Хлодвига оправданием его военных походов вдоль долин Роны и Соны. Гундобад будет спасен благодаря лояльности галло-римлян, которых слабость императорской власти постепенно превратит в его подданных. Но ненадолго, учитывая растущую мощь франков.

ФРАНКИ

Письменные и иные источники V века называют варварами всех, кто принадлежал к народностям, образовавшим обширный племенной союз и большей частью происходившим с правого берега нижнего и среднего Рейна. Это были хамавы, сикамбры, бруктеры, ампсиварии, шаттуарии, объединившиеся первоначально в целях защиты от внешних врагов и получившие общее наименование варваров. Изначально значение этого слова трактуется специалистами по-разному: «смелые», «свободные»; со временем этот термин вобрал в себя и объединил оба эти понятия. Несомненно, некоторые из этих народностей совершали сокрушительные набеги на владения Римской империи во второй половине III века, но было среди них немало и таких, которые постепенно расселились в течение следующего века в самых северных областях Галлии, поначалу рассеиваясь в этих местах мелкими группами, чему способствовал прогрессировавший развал римских военных структур, а затем — крупными организованными массами на основе заключенного с Римом соглашения. Надо сказать, что имперские власти высоко ценили военные качества варваров, подкрепленные великолепным вооружением (длинные ко-

нья, метательные топоры, франкские ангоны и дротики); многие из них стали служить Риму в составе вспомогательных военных формирований. В конце IV века кое-кто из варваров — например, Рикомер, Бото, Меробод, Арбогаст — сыграли решающую роль в деятельности высших эшелонов римской государственности.

В V веке среди варваров четко определяются две группы, разделенные, словно стеной, Шарбоньерскими лесами, протянувшимися от Северного Брабанта к Верхнему Камбрезису. Это группа северных племен, составлявшая несомненное большинство в южной части нынешней территории Нидерландов, в северной половине Бельгии и в северной Франции, где с этих пор и для большей части перечисленных областей навсегда их язык стал господствующим, и группа восточных племен, которая на долгое время обосновалась на берегах Рейна против Кёльна и предпринимала разрушительные набеги по течению Мозеля в направлении Трира и его несметных богатств. В результате восточные племена осели на левобережных плато — в некоторых случаях на основе заключенного с Римом соглашения, а в других — путем вооруженного захвата. К середине века эти «рейнские» франки объединились в рамках единого королевства с центром в Кёльне, с резиденцией в преторском дворце имперских легатов. В отличие от них, северные франки, которые с IV века получили название «салических» (возможно, потому, что среди них господствовала семейная группа выходцев из Салланда — местности между Вехтом и Исселем к юго-западу от Зюйдерзее), в V веке были раздроблены по многочисленным мелким княжествам, структуры которых выполняли главным образом военные функции. Эти малые королевства были связаны между собой рядом матримониальных союзов, распространявших лишь на несколько родов право ношения длинной шевелюры и возможность передачи от отца к сыну атрибутов власти вождя. У них, как и у рейнских франков, один из сыновей короля, имя которого, как и полагается тотему, подбиралось при рождении из числа принятых в данном роду и звучащих

как обещание предстоящих побед мужественному воину, наследует своему отцу в день, когда дружинники поднимают его на щите и провозглашают королем. Видимо, в результате такой процедуры Хлодвиг стал в 481 году наследником Хильдерика во главе турнейских франков.

Очевидно, что к этому времени та ветвь рода, к которой принадлежал Хлодвиг (а в середине века это наиболее известные ее члены — Клодион, владевший Камбрезисом и южным Артуа, и Меровей, давший свое имя династии и, может быть, гораздо более реальная фигура, чем это представлялось ранее[1]), пользовалась ощутимым влиянием на все салические княжества-королевства. Хильдерик — сын одного из этих двух членов рода, сейчас спорят, которого из них, стал союзным Риму королем, возглавил своих воинов и обеспечил их верность благодаря военной добыче, взятой в походах, которые привели его к берегам Луары, где он в 460—470 годах успешно сражался с вестготами и саксонцами. Достоверно подтверждены его связи с нижнерейнскими тюрингами, из рода которых его жена — Базина, ставшая матерью Хлодвига. Предметы меблировки, найденные в его захоронении, заставляют предположить, что область его влияния распространилась далеко за пределы собственно Галлии. Все он оставил своему сыну вместе с приверженностью к системе ценностей, основывавшейся на традиционном германском политеизме и родовой солидарности. Так как мы знаем, к чему привела эта солидарность через два или три поколения, можно с уверенностью сказать, что Хлодвиг сделал политеизм, которым он отличался от вестготов и бургундов-ариан, решающим козырем в борьбе за власть в Галлии.

После смерти императора Майориана в 461 году Галлия была предоставлена самой себе. Власть последних императоров Западной Римской империи со-

[1] Согласно недавним исследованиям Евгения Эвига (50).

шла на нет, и, как уже было отмечено выше, влияние Восточной империи стало чисто номинальным. В Южной Галлии, где возделываемые земли занимали обширные пространства, а воздействие Рима сказывалось более всего, где имелась густая дорожная сеть, а городов было больше, чем в других областях, варвары определенно составляли лишь меньшинство населения. Зоны наиболее плотного их оседания расположены по линии вдоль Гаронны до Лораге (вестготы) и от Женевы до Лиона, где обосновались бургунды, которым римские власти предоставили казенные земли, а также реквизированные участки частных владений. Упадок императорской власти, непопулярность сената и его правления создавали благоприятные условия для союзных Риму королей в их стремлении к расширению своих полномочий. Теперь они претендовали, иногда со ссылкой на императорское поручение, на всю полноту власти на территории целых провинций. Они стали посылать своих чиновников и вооруженные отряды во все концы подвластных им земель, начали сами взимать налоги, а кое-где — бургунды последовали в этом примеру вестготов — приступили к созданию собственного законодательства. Однако численность их соплеменников была настолько незначительной, что успеха они могли добиться лишь с помощью примкнувших к ним галло-римлян. Сопротивление, оказанное бургундам епископами, было продиктовано не столько политическими соображениями (многие из них считали — как и преподобный отец Сальвиан — что Рим заслужил кару Божию и что варвары — наказание, ниспосланное Господом), сколько причинами религиозного характера: и Эрих, и Гундевех, и Гундобад были арианами.

На территориях, простиравшихся от устья Соммы до верховьев Рейна, варвары в этот период уже составляли большинство в двух бывших германских провинциях, где интересы безопасности империи определили наличие густой дорожной сети и многочисленных городов на высоких лесных плоскогорьях. Пожалуй, то-

лько в областях, прилегающих к Триру, в бельгийском анклаве, им было оказано продолжительное, длившееся несколько веков сопротивление со стороны латиноязычного населения, сдерживавшего постоянно возобновлявшиеся набеги рейнских франков даже после окончательного захвата ими города около 480 года. Напротив, в самых северных областях Галлии латинизация никогда не была очень глубокой, если не брать прибрежные полосы, где портовая инфраструктура и ее центральная часть, тяготевшая к Булони — морским воротам Бретани — была в IV веке подкреплена линией оборонительных сооружений. Весь этот регион, где преобладали непроходимые дикие пространства, попал в руки салических франков, принявшихся строить свои деревянные селения вокруг бывших вилл, оставленных владельцами, а их вожди стали присваивать казенные земли, делая первые шаги к захвату полноты власти.

Между Соммой, Миасом, Луарой и далекой Арморикой варваров было немного, если не считать тех, кто находился в составе боевых армий, в которых варвары составляли большинство. Одной из этих армий командовали Эгидий и Сиагрий — военачальники из ополчения. После смерти императора Майориана оба они не признавали императорскую власть. Но могли ли они считаться более законными властителями, чем короли, заключившие с Римом надлежаще оформленные союзные договоры? Экспансионистские устремления последних должны были с неизбежностью столкнуться с сопротивлением первых, обеспечивших себе надежные позиции. Когда Хлодвиг, знавший по опыту своего отца о нетронутых богатствах городов и сел Парижского бассейна и о шаткости властей, оставшихся наследниками Римской империи, двинул своих воинов по дорогам, ведущим на юг, он встретил Сиагрия на своем пути. Исход встречи решило оружие, и духовный авторитет епископов довершил остальное.

I
ФРАНКИ: ТЯГОТЕНИЕ К СРЕДИЗЕМНОМОРЬЮ
481–613 ГОДЫ

С самого начала правления Хлодвига честолюбивые устремления турнейских франкских королей были направлены на объединение Галлии под своей властью и присоединение Средиземноморского побережья — средоточия всего лучшего и престижного из наследия прошлого. Два поколения королей, следовавших после основателя династии, в частности, такие властители, как Теодебер и Хильперик, все еще оставались подвержены влиянию имперского римского наследия. Им не претило признание их Восточной Римской империей в качестве представителей ее власти — столь сильно тяготело над ними влияние римского прошлого. Что бы мы ни взяли — основные направления культурных и экономических связей или вопросы распространения христианства — во всем история Галлии на протяжении нескончаемо долгого VI «века» предстает как отдаленно похожий, но трансформированный на варварский лад осколок римского образца. Только в самом конце этого века появление миссионеров из далекой Ирландии может рассматриваться как провозвестник нового времени, для которого характерен поворот Галлии лицом на север.

1
ХЛОДВИГ
481–511 ГОДЫ

ГРИГОРИЙ ТУРСКИЙ И ХЛОДВИГ[1]

История Галлии первой половины VI века отмечена двумя событиями важнейшего значения, тесно связанными между собой: начало перехода галльской элиты в христианскую веру и осуществление территориального объединения Галлии этой элитой. В обоих случаях Хлодвиг предстает — что всеми признано — как подлинный ее начинатель, хотя история его правления, слишком долго питаемая обращением к одной лишь «Истории франков» Григория Турского, остается и поныне предметом горячих споров. Немало аргументов выдвигается в подтверждение верности повествования Григория Турского, написанного всего восемьдесят лет спустя после смерти Хлодвига. Он опирается на житийные записи, большей частью утерянные для нас, и, в частности, на Жития святых — святого Реми, святого Мексена, а также на переписку того же Сидония Аполлинария или епископа Авита Вьеннского и на летописные источники. Но самое главное состоит в том, что, обосновавшись в Туре с 563 года, он получил возможность слышать рассказы тех, кому королева Клотильда, нашедшая приют в монастыре Святого Мартина в период своего долгого вдовства с 511 по 544 год, рассказывала о

[1] См. у Яна Вуда (163).

былом, а также собрать устные предания, переходившие из уст в уста, обитателей туреньского монастыря. Обычно возражают, что в этом-то и дело, что Григорий поддался соблазну агиографии[1], собирая поучительные историйки, вроде общеизвестного пересказа случая с суассонской вазой, и в результате Хлодвиг — первопреемник христианства и непобедимый воин — стал чем-то вроде нового Константина.

Тем не менее, хотя форма изложения и вызывает некоторые сомнения, наиболее важные события, о которых рассказывает Григорий, находят подтверждение в немногих дошедших до нас документах того времени, и, в частности, во фрагментарно сохранившейся переписке между Реми и Авитом, не говоря уже о поздних источниках, не имеющих никакого отношения к Григорию, таких, например, как сокращенный вариант завещания Реми или известное письмо, написанное в 565 году трирским епископом Ницетием. Теперь уже можно считать твердо установленным: все рассказанное Григорием о борьбе за объединение франков, за овладение северной половиной Галлии, о крещении Хлодвига и о некоторых предшествовавших этому событиях, о завоевании вестготской Аквитании и даже анекдотический эпизод с суассонской вазой, — все это нашло себе место в этих источниках. Выходит, что требования, которые предъявляет исследователю задача правильного использования свидетельств Григория, сводятся в основном к тому, чтобы отбросить все лишнее и выверить хронологию описываемых событий. Дело в том, что хронология у Григория совершенно никуда не годится: нет точной датировки событий, а есть лишь простые ссылки на епископские записи, которые велись из рук вон плохо, есть произвольно установленная группировка событий по пятилетним периодам, и во всем этом такое изобилие противоречий, что если попытаться установить дату смерти Хло-

[1] Вид христианской литературы, содержащей жизнеописания святых.

двига по «Истории франков», то можно отнести ее к 509, 512 и даже 517 году, тогда как сопоставление различных источников позволяет установить, что он умер 27 ноября 511 года. Иначе говоря, все даты, которые предлагаются ниже, и особенно дата крещения, вызвавшая столько споров, должны расцениваться как приблизительные; в более широком плане история царствования Хлодвига оставляет досточно места для множества гипотез.

ПОХОДЫ НА ЗАПАД И НА ВОСТОК. ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ

Наследство, которое принял Хлодвиг по смерти отца в 484 году, состояло во власти над народом — турнейскими франками. У власти этой были свои преимущества, как и свои границы, но все же это был зачаток владения определенной территорией с возможностью осуществлять на ней судебную власть и взимать налоги. «Большая новость дошла до нас, — писал ему епископ реймсский Реми, — ты уже осуществляешь управление малой Бельгией: ничего удивительного в том, что ты станешь тем, кем всегда были твои родители». Написано ли это письмо в 481 году или пятью годами позже, после победы Хлодвига над Сиагрием, — неясно, но видно, что Реми, этот галло-римлянин и аристократ, занявший, как мы уже видели, в 459 году место епископа малой Бельгии, не оспаривает того факта, что унаследованная Хлодвигом власть с правом карать и миловать, с правом командовать — это в средние века было двумя столпами любой власти — простиралась за пределы области, занятой его народом, и на законном основании охватывала согласно римскому территориальному делению целую провинцию, включая не только Турне и Скальдский бассейн, но и весь север Галлии, Шампань и Пикардию с городом Суассон. Именно здесь Сиагрий, сын Эгидия, как и он — вождь ополчения и командующий крупной

северной римской армией, расположил ставку и устроил свою «столицу», если принять всерьез титул, которым награждает его Григорий Турский[1], — король, что никак не отвечало традициям того времени. Может быть, Григорий употребил этот титул за неимением более подходящего термина для обозначения военной власти римского военачальника, ставшего фактически ни от кого не зависящим после падения Западной Римской империи в 476 году. Так или иначе, но можно утверждать с уверенностью, что в Северной Галлии в момент прихода к власти Хлодвига сложилось двоевластие, и пытаться дать территориальную привязку каждой из этих властей было бы неправильно. В 463 году Хильдерик и Эгидий совместно отразили напор вестготов под Орлеаном; и в 470 году Хильдерик и Павел, римский вельможа и военачальник, совместно же отбросили саксонцев от Анже.

Почему же весной 486 года Хлодвиг двинул своих воинов против Сиагрия и две римские армии на севере Галлии оказались противостоящими друг другу на поле боя? Сейчас никто уже не пытается видеть причину такого поворота событий просто в динамике «варварских набегов». Гораздо вероятнее предположить, что здесь мы имеем дело с военным переворотом, каких было немало в истории Римской империи, с целью закрепить за Хлодвигом всю полноту власти в Северной Галлии и открыть ему путь к захвату Галлии Южной, где все хранило память о престиже великой империи. Впрочем, если взглянуть на «Житие святой Женевьевы» критическим глазом современных интерпретаторов, становится ясно, что Хильдерик в последние годы правления принялся оспаривать полновластие римских военачальников даже у самых стен Парижа.

Весьма вероятно, что переходу молодого двадцатилетнего Хлодвига к решительным действиям предшествовала серия угроз, ускорившая события. Заставить

[1] См. у Эдварда Джеймса (86).

Хлодвига поторопиться могло и продвижение в направлении малой Бельгии рейнских франков, взявших в 480 году Трир, что убедило его в необходимости забежать вперед в нарушение равновесия сил, которое в противном случае оказалось бы не в его пользу. Важно то, что геополитическое равновесие в Галлии, если брать ее в целом, оказалось в начале 80-х годов века нарушенным вслед за подобным нарушением на итальянском полуострове. Тогда как Хлодвиг унаследовал от отца его союзные связи с Одоакром, правившим в Риме с 476 года, Сиагрий, не признававший законность правления Одоакра и рисковавший оказаться в изоляции, сблизился с королем вестготов Эрихом, который, владея огромной Аквитанией и порядочной частью Испании, присоединил к ним захваченный им Прованс. Сближение с вестготами, ставшее известным лишь недавно[1], проливает свет не только на переворот 486 года, но и на всю историю правления Хлодвига: именно с этого времени развертывается борьба за владычество над всей Галлией между франками — варварами-язычниками, все еще верящими в уже ставшую иллюзорной императорскую власть, и вестготами — латинизированными варварами-арианами, строго соблюдающими свою независимость от Римской империи.

Смерть Эриха, последовавшая в 484 году, и несовершеннолетие его сына Алариха II могли показаться Хлодвигу обстоятельствами, благоприятствующими нападению на Сиагрия. Хотя Хлодвиг смог обеспечить себе поддержку большинства епископов, возглавляемых Реми, для которых было предпочтительнее оказать содействие язычнику грубому, но многообещающему, чем военачальнику, вступившему в союз с королями, принявшими арианство, ему еще предстояло обезопасить свои тылы со стороны многочисленной родни из числа членов довольно узкого мирка франкских королей. Видимо, в этот период он заклю-

[1] Освещено в работах Карла Фердинанда Вернера (159).

чил матримониальный союз с рейнскими франками, взяв в жены принцессу из их рода, о которой Григорий Турский не говорит ни слова, но которая дала Хлодвигу его первого законного сына — Тьерри. Салические вожди, родственники Хлодвига, получили от него просьбу о помощи. Харарих отказал, но Рагнахар — король камбрейских франков — дал свое согласие. Может быть, у него не было выбора: по пути к Суассону Хлодвиг и его воины неминуемо должны были подняться по глубокой долине Шельды и пройти через Камбре.

Сиагрий смог подготовиться к столкновению. По свидетельству Григория Турского, именно Сиагрий выбрал место битвы. Тем не менее поражение его было полным, и спастись он смог только бегством, которое привело его в Тулузу к Алариху (спасение оказалось временным, поскольку после первых же угроз Аларих выдал его Хлодвигу, который немедленно отдал его палачам). Не мешкая, победители битвы при Суассоне взялись грабить области, перешедшие к ним в результате победы, и прежде всего богато обставленные церкви. Тут-то и возник известный поучительный эпизод с суассонской вазой. Хотя по обычаям войны, принятым и римлянами и варварами, а Хлодвиг-король считался хранителем и гарантом этих обычаев, военная добыча собиралась в общий котел, чтобы затем быть распределенной по справедливости между воинами, Хлодвиг пожелал уберечь от дележа одну из церковных ваз, которую требовал вернуть ограбленный епископ. Был ли это суассонский епископ, как это часто и безосновательно утверждалось, или реймский, как можно заключить, анализируя некий фрагмент завещания святого Реми? По правде сказать, не это важно. Гораздо важнее то, что в накаленной войной обстановке один из епископов не побоялся лично обратиться к победителю, и тот предпочел нарушить воинские обычаи ради приобретения (или сохранения?) расположения прелата. Последовал спор между королем и солдатом, закончившийся сокрушительным ударом последнего

по вазе, о чем пространно повествует Григорий Турский, и жестокая месть Хлодвига следующей весной во время военного смотра.

Еще не усматривая во всем этом признаков намерения Хлодвига принять христианство, уже следует признать, что его сближение с партией епископов, которые все более и более выступали как подлинные носители власти в городах, помогло ему превратить свой военный успех в захват всей полноты власти. Весьма вероятно, что, обосновавшись в Суассоне, он принялся собирать налоги в свою казну, стал получать доходы от чеканки монеты (все еще с именем императора Восточной Римской империи) и начал захватывать казенные земли, чтобы размещать на них своих воинов. Во всяком случае, к северу от Сены такой захват определенно имел место, а оккупация земель между Сеной и Луарой шла с большими трудностями, медленно, не приводя к сплошному занятию территории. В юго-восточном направлении территориальные притязания короля остановились у ворот Лионского бургундского королевства, с которым он заключил договор о ненападении, получив от короля Гундобада (в 493 году?) руку его племянницы Хлодехильды, или Клотильды — ревностной католички, воспитанной так Каретеной, ее матерью. На западе продвижение Хлодвига было надолго задержано яростным сопротивлением армориканцев, с которыми, видимо, пришлось заключить договор около 500 года[1]. И только к югу от Луары на территориях вестготов Хлодвиг смог предпринять ряд победоносных и, стало быть, многообещающих набегов, которые привели его сначала в Сентонж (494), а затем в Бордо (498).

Однако основные его усилия в девяностые годы века были направлены в другую сторону — на восток, где его целью была рейнская и зарейнская Германия. На это следует обратить внимание, поскольку до Карла Великого экспансия франков не раз меняла направ-

[1] См. у Леона Флерио (51).

ление, обращаясь то к югу, то к востоку и отражая стремление к гегемонии как над бывшей западной частью империи, так и над всей континентальной Германией, она также была продиктована стратегическими соображениями, связанными с условиями набора войск и необходимостью оберегать свои тылы. Сначала Хлодвиг обрушился на тюрингов нижнего Рейна, возможно ради того, чтобы свести старые счеты со своими родственниками по материнской линии, и «подчинил их своей власти», то есть сделал их своими данниками. Затем он начал войну против алеманнов, которые, придя из верхнерейнской области, угрожали рейнским франкам в бассейне Кёльна. Во время одной из своих стычек с алеманнами, которую часто отождествляют, руководствуясь сопоставлением двух разных мест повествования Григория Турского, с битвой при Тольбиаке (Цюльпих, что в тридцати пяти километрах к юго-западу от Кёльна), Хлодвиг будто бы и дал, подобно Константину, обет перейти в христианство, если «Христос, которого Клотильда славит как Сына живого Бога», ниспошлет ему победу.

КРЕЩЕНИЕ ХЛОДВИГА
(25 декабря 498 года?)

Нет исторического события, которое заслужило бы стольких комментариев, как крещение Хлодвига. В определенном смысле можно сказать, что мысль о крещении возникла с начала правления Хлодвига: в упомянутом выше письме Реми просит его «вести дела так, чтобы Господь не отвернулся» от него, и править, «советуясь с епископами». Женитьба на католичке Клотильде предопределила дальнейшее. Григорий повествует не только о ее хитростях, которые она пустила в ход, чтобы вырвать у Хлодвига разрешение на крещение их первых сыновей (Ингомера, рано скончавшегося, а затем Клодомира) или чтобы заставить его с помощью Реми — своего человека в доме — «внять

Слову Спасения», но и о епископе Ницетии Трирском, в одном из своих писем 565 года к ломбардской королеве Хлодосвинде склонявшем ее последовать примеру Клотильды, которая «сумела добиться того, что властитель Хлодвиг стал следовать католическим законам». Конечно, это было нелегким делом, поскольку язычество Хлодвига вместе с его могуществом привлекли к нему «всякого рода сектантов», как писал ему вскоре после крещения епископ Авит Вьеннский в поздравительном послании, единственном современном этому событию документе, которым мы располагаем. Надо ли считать, как думают с недавних пор[1], что Хлодвиг принял арианство перед тем, как перейти к христианству? По-видимому, нет, хотя его сестра Лантехильда временно впадала в эту ересь. Приняв крещение по приамскому ритуалу однажды, он не был бы согласно правилам того времени крещен вторично. А из того, что пишет Авит, видно (это же утверждает Григорий), что если Хлодвиг и оказал некоторое сопротивление усилиям епископов, то лишь помня о вере своих предков или, скорее, из соображений солидарности со своим народом, в глазах которого он всегда выступал как гарант этой веры. Понятна поэтому секретность, которой были окружены переговоры с Реми, а может быть, и сделка с ним. Секретность была снята публично произнесенным обетом Хлодвига, который он дал по случаю своего паломничества к обители Сен-Мартен в Туре, как об этом пишет в своем письме Никетий.

Упоминание об этом паломничестве побудило некоторых историков связать крещение Хлодвига с его овладением Туром или же с одной из его аквитанских военных кампаний, например, с его походом 507 года. Они охотно приняли эту версию, так как имеется письмо, написанное Хлодвигу около 506-507 годов Кассиодором, который от имени остготского короля Теодориха упоминает о совсем недавней победе короля

[1] См. у Яна Вуда (163).

над алеманнами. В результате предполагаемая дата крещения у разных авторов колеблется между 496 и 508 годами. Как в одном, так и в другом случае, однако, не учитывается тот факт, что Хлодвиг, о котором Григорий писал: «он безостановочно побивал и побивает народы», — мог предпринять несколько кампаний против алеманнов подобно тому, что он провел их немало против вестготов. Если глубже взглянуть на вещи, то выясняется, что поздняя дата неприемлема, поскольку, с одной стороны, в своем поздравительном письме Авит Вьеннский делает ясный намек на православие, восторжествовавшее в этот момент в Византии (а это в условиях разброда, вызванного появлением еретического монофизитства, может быть отнесено лишь к первым годам правления императора Анастасия, вступившего на трон в 491 году, а в 506-м уже конфликтовавшего с Римом), а с другой стороны — ввиду того, что в 507 году Аквитанию покорил Хлодвиг — уже несомненный христианин, что к тому времени было общеизвестно. Он был им (или, по меньшей мере, проходил послушание) еще и ранее, когда епископ турский Волузиан (491—498) был отправлен в изгнание королем Аларихом в последний год своего епископского служения по подозрению в том, что «пожелал подчиниться власти франков».

Таким образом, можно предположить стройную хронологию событий, непосредственно предшествовавших обращению Хлодвига. Во время одного из походов на Аквитанию, видимо, того, который привел его в Бордо в 498 году, Хлодвиг, проходя через Тур, торжественно поклялся, стоя перед базиликой Сен-Мартен вместе с епископом Волузианом (или с Вером — его преемником, желавшим победы Хлодвига), что он «в ближайшие сроки» примет крещение. По завершении похода начались приготовления к церемонии. Немалая часть окружения Хлодвига и многие его воины либо сами, либо после уговоров решили принять крещение вместе с ним. По обыкновению, коллективные крещения устраивались на Пасху, а в этом случае речь

шла о Рождестве — Авит утверждает это со всей определенностью. Почему такая спешка? Потому ли, что армия и военачальники использовали весеннее время, чтобы выполнить намеченный Хлодвигом план военных действий? Или желали воспринять благодать крещения, чтобы восторжествовать в сражениях? Так или иначе, но событие отмечалось с широким размахом: вся Галлия была извещена, приглашены епископы южных областей, епископы королевств вестготов, бургундов и, что следует особо отметить, также арианских королевств. Был приглашен Авит, глубоко сожалевший о невозможности прибыть, чтобы занять место среди высших служителей церкви, собравшихся вокруг Реми, лично совершавшего обряд крещения. Та роль, которую Реми сыграл в подготовке короля к принятию крещения, объясняет причину избрания Реймса местом совершения обряда.

Итак, в день Рождества 498 года (убедительного подтверждения этой даты все еще нет) Хлодвиг и те из его сподвижников, которые согласились последовать его примеру, вошли в баптистерий, расположенный в северной части кафедрального собора Святой Марии, сняли с себя ожерелья, амулеты и иные знаки их приверженности к старым верованиям (именно в этом смысл известной фразы, которая долгое время переводилась как «Склони твою голову, гордый сикамбр»[1]), спустились по ступеням крестильной купели и были крещены «во имя Отца, Сына и Святого Духа», «будучи помазаны елеем и отмечены крестом Христовым».

ХЛОДВИГ И БУРГУНДЫ. ПРИТЯЖЕНИЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Это событие произвело большое впечатление на современников Хлодвига. Уже не одни только епископы южной половины Галлии — Вер Турский, Авит

[1] Эта справедливая поправка сделана Ж. Уайю (80).

Вьеннский или Квинциан Родезский, а «множество народа отныне горячо желало перейти под власть франков». Хлодвиг не замедлил воспользоваться преимуществами, которые получил в своем новом качестве. Тем более, что недавнее завоевание Италии остготами Теодориха, завершившееся убийством Одоакра в 493 году, создавало угрозу возникновения единого однородного готского фронта, протянувшегося от Атлантики до Адриатики и возглавляемого такой сильной личностью, как остготский король. Хлодвиг одно время рассчитывал на мир с ним, полагаясь на замужество своей сестры Одофледы, вышедшей замуж за Теодориха, но матримониальная политика последнего, отдавшего одну из своих дочерей Алариху II, а другую — Сигизмунду, сыну Гундобада, и выдавшего еще и племянницу за Германфрида — короля тюрингов, показала всю серьезность нависавшей опасности: ему грозило объединение всех сил Южной и Восточной Галлии, спаянных религиозной солидарностью и образующих единый блок, противостоящий франкской экспансии. Понятно, что Хлодвиг был намерен ухватиться за любой предлог, чтобы развалить этот блок. Такой предлог вскоре представился в виде просьбы о помощи женевского властителя Годегизила, который к своей просьбе добавил еще множество обещаний. Годегизил желал добиться объединения бургундов под своей властью, для чего ему надо было устранить брата — Гундобада. Одержав около 500 года победу в битве при Дижоне, Хлодвиг стал преследовать Гундобада и осадил его в Авиньоне. Никогда ранее он не оказывался так близко от Средиземного моря (и в дальнейшем не окажется), но это была лишь проба сил. Затем Хлодвиг согласился снять осаду — видимо, в результате вмешательства Алариха, при том условии, что Гундобад согласится платить ему ежегодную дань. Однако Гундобад не выполнил обещанного и сумел даже восстановить целостность своего королевства, захватив и казнив своего брата, нашедшего временное убежище во Вьенне. Но Хлодвиг никак

не реагировал на это: по-видимому, епископ Авит сумел убедить его не трогать Гундобада, законотворческая деятельность которого завоевала ему поддержку некоторого числа галло-римских подданных, а самое главное — ввиду того, что его ближайшее окружение, начиная со старшего сына Сигизмунда, готовилось отречься от арианства. Женитьба франкского принца Тьерри на Суавеготте, дочери Сигизмунда, подтверждает факт такого сближения, которое обеспечивало Хлодвигу нейтралитет и даже поддержку со стороны лионского двора и в битвах, которые им замышлялись.

ХЛОДВИГ И ВЕСТГОТЫ. КОМУ СТАТЬ ОБЪЕДИНИТЕЛЕМ?

Похоже, что союз с бургундами так и не понадобился Хлодвигу, чтобы снова одолеть алеманнов приблизительно в 505 году, как можно понять из письма Кассиодора и как это подтверждается раскопками оппидиума в Рундерберге, неподалеку от Тюбингена. Отброшенные за Рейн и за верховье Дуная алеманнские вожди получили поддержку Теодориха, который вместе с баварами дал им статус «федерированных союзников» по римскому образцу и поручил охрану альпийских горных проходов. Зато против вестготов новая система союзов эффективно действовала в пользу Хлодвига. Он не только получил себе в помощь отряды бургундских воинов, возглавляемые Сигизмундом и отряды рейнцев, предводительствуемые Клодериком, сыном кельнского короля Сигебера, но смог также рассчитывать и на поддержку императора Анастасия, стремившегося к завоеванию Италии и рассчитывавшего, что готская солидарность заставит Теодориха обратить свои взгляды на запад. Необходимость военной и дипломатической поддержки ощущалась тем сильнее, что Аларих, которому также угрожала изоляция, удвоил усилия с тем, чтобы при-

влечь на свою сторону знать романской Аквитании, используя те же методы, которые были использованы Гундобадом несколькими годами ранее: он повелел составить краткое извлечение из свода римских законов — кодекса Феодосия, сделав его обязательным для всех своих подданных, а затем (в сентябре 506 года) разрешил созыв в Агде собора, открытого для всех католических епископов его королевства. При этом он поручил открыть его Сезеру Арльскому, незадолго до этого возвращенному из ссылки. Перед тем как разъехаться с собора, епископы дружно вознесли молитву за здравие Алариха. Незадолго до этого старый овернский род Аполлинариев заверил вестготского короля в своей поддержке и обещал ему в помощь всех своих подданных. Назревало время, когда Хлодвигу предстояло выступить на сцену и осуществить свою сокровенную мечту, реализация которой была подготовлена его вооруженным выступлением против Сиагрия двадцать лет тому назад.

Весной 507 года Хлодвиг двинулся в поход в направлении Тура вместе со своим сыном Тьерри и Клодериком. В Туре он ясно продемонстрировал свой настрой, издав эдикт, требующий, чтобы «никто не смел присваивать себе что бы то ни было, кроме травы и воды». Он определенно рассчитывал на поддержку своего решения святым Мартином. Нельзя сказать, что его усилия остались втуне, поскольку на всем пути, который благодаря заходам на поклонение святому Мартину, затем — святому Иларию в Пуатье походил на паломничество, добрые предзнаменования сопровождали Хлодвига. Затем, соединившись с колонной бургундских войск, ведомой Сигизмундом, которого Авит Вьеннский благословил на битву во славу Христа, Хлодвиг сумел навязать Лариху решающую схватку на равнине Вуйе в двадцати километрах к северо-западу от Пуатье. Поражение вестготов было полным: их король убит, а его сын Амаларих оттеснен в свои испанские владения. Хлодвиг получил свободу для овладения Аквитанией как раз в тот момент,

когда византийсий флот, высадивший войска в Таренте, связал силы Теодориха. Используя тактику взятия в клещи, которую возьмут себе на вооружение многие, вплоть до времен Карла Великого и даже еще позднее, армию двинули вперед несколькими колоннами, поставив перед каждой из них свою задачу. Тьерри и Сигизмунду достались внутренние районы, Альби, Родез, Клермон, а Хлодвиг двинулся по побережью и прошел через крупные столичные города Ангулем, Бордо, где армия перезимовала, затем взял Тулузу с покинутой королевской резиденцией, где он захватил сокровища Алариха. Тем временем Гундобад попытался овладеть Арлем и получить выход к Средиземному морю. Однако Теодорих на этот раз смог направить туда свои войска под командованием Иббы. В результате весь Прованс, включая Вторую Нарбоннскую и Южную Вьеннскую провинции, попал под власть остготов, тогда как Септимания (Южный Лангедок и Руссийон) осталась в руках вестготов.

Всего за несколько месяцев Хлодвиг овладел большей частью Аквитании, но, не имея возможности выйти к берегам Средиземного моря, он не смог осуществить свой тщеславный замысел, который лелеял издавна. Зато он получил от императора Анастасия, узнавшего о его победах, символическую компенсацию: письмо, в котором император жаловал ему консульские регалии и разрешал, если верить Григорию Турскому, носить почетное звание «достославнейшего короля». По этому случаю Хлодвиг, уже вернувшийся из Тулузы и находившийся в пригородном монастыре святого Мартина, получившем от него немало даров, решил совершить по римскому примеру торжественный въезд в турскую цитадель на белом коне с пурпурной мантией на плечах, разбрасывая по дороге пригоршни золотых и серебряных монет. Собравшийся на пути кортежа народ приветствовал его овацией и выкриками «августейший», «консул».

ПАРИЖ СТАНОВИТСЯ СТОЛИЦЕЙ

«Покинув Тур, — пишет Григорий Турский, — Хлодвиг пришел в Париж и основал там столицу своего королевства». Каковы причины такого решения, имевшего столь весомые последствия для следующих поколений?

Безусловно, завоевание Аквитании сместило к югу центр тяжести королевства Хлодвига. Но самое главное, положение Парижа было исключительно выгодным: здесь имелась цитадель-сите, расположенная на острове и укрепленная еще императорами в начале римского владычества. Сите находилась на перекрестье водного пути, связывавшего восточную часть Галлии с западной и изобиловавшего бродами, островами и островками, облегчавшими передвижение по нему, и больших сухопутных дорог с юга на север, обеспечивавших завоевателей связью с их исторической родиной, а также с территориями, заселенными франками, с областями, которые еще только предстояло колонизировать. Кроме того, Париж сохранял остатки монументальной культуры римлян: хотя арены на левом берегу Сены еще и сохранились в целости, они уже были заброшены и превращались в обширные кладбища, но римские термы (нынешние «термы Клюни») все еще действовали. Важно было и то, что внутри своих внешних укреплений остров Сите был четко разделен на кварталы церковно-религиозного значения на востоке — вокруг специально существовавшей церкви — и «мирские» кварталы в западной части острова, тяготевшие к преториуму — бывшему дворцу римских наместников, где когда-то побывали императоры Юлиан (несколько раз в период с 357 по 360 годы) и Валентиниан (в 365—366 годах). Хлодвиг обосновался в этом дворце. К полученному им от римлян богатому монументальному наследию он решил добавить и свой вклад: на могиле святой Женевьевы, скончавшейся около 502 года и похороненной в окраинном некрополе левого берега Сены, построил базилику — собор Апостолов Петра и Павла, в котором предстояло со временем

упокоиться и ему самому, и его жене Клотильде. Поскольку известно, что император Константин построил в Константинополе церковь Святых Апостолов с намерением превратить ее в свой мавзолей, в усыпальницу всей династии, следует признать, что в этом пожелании Хлодвига проявляется одна из характерных черт его продуманной политики, политики человека, принявшего всерьез недавнее признание его императором и вознамерившегося окружить ореолом святости себя, свою семью, свою власть.

ЛИКВИДАЦИЯ ФРАНКСКИХ ВОЖДЕЙ

Хлодвиг не сбрасывал со счета и ту моральную поддержку, которую рано или поздно могла оказать ему Женевьева. Дело в том, что на последние годы его правления, если придерживаться хронологии Григория Турского, который зачастую ради удобства изложения грешит стремлением сдвинуть события, разделенные значительными промежутками времени, приходятся действия Хлодвига по систематическому уничтожению франкских вождей — тех, что не были устранены ранее, особенно в северной и северо-восточной частях Галлии. Если в начале правления он довольствовался тем, что заставлял их срезать длинные шевелюры — знак франкского достоинства, то с течением времени он перешел к их полному истреблению. Он уничтожил вождей салических франков — своих «родичей»: Хараиха, отказавшего ему в поддержке выступления против Сиагрия; его сына — только потому, что это был его сын; Рагнахара, хотя он и оказал ему помощь в борьбе с Сиагрием; своих братьев Рихара и Ригномера — потому, что они были его братьями. Так же он поступил и с вождями рейнских франков, своими союзниками: Сигебером, которого погубил, действуя через его сына — Клодерика; и Клодерика — хотя он и помог ему в битвах против вестготов — за то, что он убил своего отца!

В последнем случае и, согласно Григорию Турскому, только на этот раз Хлодвиг был торжественно «поднят на щите» рейнскими франками по древнему ритуалу посвящения в воинское королевское достоинство. Отсюда следует, что к этому времени он уже пользовался у салической знати и у всех воинов признанием неоспоримого военного превосходства. Во всяком случае, к 510 году Хлодвиг уже утвердился как представляющий императора властитель земель, простирающихся от среднего течения Рейна до Пиренеев, как повелитель огромного единого королевства.

ХЛОДВИГ-ЗАКОНОДАТЕЛЬ

Устраняя франкских вождей, Хлодвиг исходил из стремления навести порядок в галльской государственности, предвосхитив в какой-то мере то, что позднее удалось сделать Карлу Великому. Как и Карл, Хлодвиг выступил в качестве законодателя, распространив на всех своих римских подданных действие Кодекса Алариха и приказав подготовить для салических франков первый вариант салических законов, изложенных в шестидесяти пяти статьях. Особое значение имел факт созыва им в Орлеане в июле 511 года первого галльского церковного собора, в котором приняли участие тридцать два епископа, то есть чуть менее половины всех епископов королевства, поскольку многие бельгийские прелаты, и в том числе святой Реми, а также и некоторые аквитанские священнослужители, скомпрометировавшие себя сотрудничеством с вестготскими властями, не откликнулись на приглашение короля. Вполне может быть, что их отпугнула заранее объявленная повестка дня этого собрания: речь должна была пойти не только о проблеме ликвидации арианства, но и об отношениях между епископами и их подчиненными, отношениях с монахами, графами племенных территорий и — главное — с королем. Было, в частности, решено, что ни один мирянин не

сможет стать священнослужителем без соизволения короля. В то время в большинстве своем епископов подбирали из числа мирян, и понятно, какая угроза нависала над церковными свободами. Хлодвиг, несомненно, пытался перехватить у епископов власть, которой они пользовались в общинах, чтобы превратить их в исполнителей своей воли. Это не помешало епископам принять на соборе и преподнести Хлодвигу все те правила, которых он требовал, что было предопределено всем ходом недавних событий, скрепившим союз короля с епископами.

Однако смерть Хлодвига, последовавшая 27 ноября 511 года, не позволила извлечь политическую выгоду из принятых собором решений. Его похоронили, как он того пожелал, в усыпальнице базилики Святых Апостолов рядом с могилой святой Женевьевы, где тридцать три года спустя упокоится прах его Клотильды. Этот человек, объединивший под своим военным и политическим владычеством три четверти Галлии, получил подтверждение своей власти из рук императора Анастасия, находившегося слишком далеко от Галлии, чтобы серьезно рассчитывать на возможность реально влиять на положение дел в ней, но все еще пользовавшегося в то время в глазах галло-римского населения немалым авторитетом, который Хлодвиг сумел использовать в своих интересах. С незаурядным искусством, приумноженным стараниями турского клира, воздействуя на умы современников, он сумел убедить их в законности своего правопреемства как наследника императора Константина, и через него — наследника Рима (и самого Христа), воссоздавшего на западе Восточную Римскую империю. Его аргументами были принятие христианской веры, победа над еретиками, триумфальное вступление в должность римского консула и, наконец, строительство своего мавзолея — шага к святости. В этом отношении он предвосхитил первых Пипинидов и прежде всего Карла Великого,

хорошо понявшего своего предшественника и давшего одному из своих сыновей имя — Людовик (Hludowic — то есть Хлодвиг), не имеющее прецедента в антропонимии родовой ветви. Он стремился не только лишний раз показать законность владения королевской короной, незадолго до этого доставшейся его отцу, но и воздать должное своему далекому предку. Впрочем, графы той области, которую стареющей Хлодвиг сделал центральной в своей государстве, позднее последовали примеру Карла в те времена, когда, вступив на королевский престол, они столько раз называли своих наследников именем Людовик.

2
НАСЛЕДНИКИ ХЛОДВИГА И ОБЪЕДИНЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ ГАЛЛИИ
511–561 ГОДЫ

НАСЛЕДСТВО

После кончины Хлодвига, — пишет Григорий Турский, — Тьерри, Клодомир, Хильдебер и Клотар — его сыновья приняли в наследство королевство и разделили между собой на равноценные части». Может показаться парадоксальным тот факт, что, говоря об объединении галльских земель, мы называем в этой связи сыновей Хлодвига, разделивших в 511 году его наследие. Однако следует точно представлять себе истинную сущность королевства, унаследованного от Хлодвига его детьми. То, что рассказывает Григорий Турский о ликвидации франкских вождей, представляется чрезвычайно поучительным: всякий раз, как Хлодвиг разделывался с очередным соперником — будь то Сигебер, Харарих, Рагнахар, Рихар или Ригномер, он забирал себе «их королевства и богатства», то есть сразу же возникает некоторая неопределенность — идет ли речь о движимом имуществе короля или о распространении власти Хлодвига на королевство, сущность которого точно нам не известна: это может быть власть над некоторой территорией или над определенной совокупностью людей. Только в одном случае — когда речь идет о Харарихе и его сыне — уточнено, что Хлодвиг завладел их королевством, богатствами и народом.

Надо сказать, что такая неопределенность совер-

шенно естественна для варварской системы правления, которая остается преимущественно в начале VI века военной властью, основывающейся на командовании вооруженными силами. Чтобы завоевать и, главное, сохранить за собой новые земли, властитель должен опираться на испытанную верность военной свиты, везде сопровождающей и защищающей его, а также всех своих воинов (от 3 до 5 тысяч во времена крещения Хлодвига), набранных в основном, но отнюдь не исключительно, из числа членов его племени. Магическая сила, заключенная в имени вождя и нуждающаяся в подкреплении на полях сражений, сама по себе не может обеспечить ему полную победу, король должен еще кормить, вооружать своих людей и платить им. Только полная казна способна дать ему такую возможность и только захват средств, содержащихся в казне соперников, может сделать его способным приобрести верность новых воинов, а это необходимо, если территориальные притязания распространяются на всю Галлию.

Экспансия франкских племен и отсутствие какой-либо власти, кроме императора Анастасия, придавшего власти Хлодвига подобие законности в 508 году, открыли перед Хлодвигом возможность овладеть огромными пространствами земель, имперской казной, ширящимися за счет заброшенных в течение нескольких веков сельскохозяйственными угодьями. Таким образом, образовывается огромный земельный фонд, который еще долгое время будет питать и обеспечивать военные нужды.

Хлодвиг смог «посадить» на захваченные земли своих воинов и таким образом обеспечить себе возможность контроля над приобретенными территориями. Он размещал их в наиболее стратегически важных точках, таких, например, как центр Парижского бассейна, некоторые переходы через Луару, шарантские плоскогорья, восточная часть района Тулузы, где сохранялась угроза возврата — через Лорагэ — вестготов, все еще державших в своих руках Септиманию. Таким образом, уже со времен Хлодвига королевская

власть несомненно предполагает владение территорией и всеми, кто населял ее, независимо от их галло-римского или иного происхождения, и право короля диктовать законы и взимать налоги.

Наследники Хлодвига оказались после его смерти в ситуации, с которой до них столкнулись одни лишь бургунды: если ранее, во времена союзных Риму «федерированных» вождей, не владевших территорией, они спокойно поделили бы наследственное движимое имущество, накопленное в казне, то теперь им приходилось делить по справедливости еще и доходы, получаемые с земли и от взимания налогов с коренного населения.

РАЗДЕЛ. 511 год

Хотя раздел и был задуман, видимо, после долгих переговоров и, возможно, вооруженных столкновений, из которых более молодые вышли без серьезного ущерба, произведя справедливый равноценный дележ, не ущемляющий интересов кого-либо из наследников, — при определении границ владений каждого были в значительной мере сохранены основы административного деления, унаследованного от чиновничества бывшей империи. Сказалась и исконная двойственность исторических корней франкского населения. Так, Тьерри — старший сын Хлодвига от его первой жены, родом, как уже упоминалось выше, из долины Рейна, получил земли северо-востока (обе римские провинции Германии, Первую Бельгию, прилегающую к Рейну юго-восточную часть Второй Бельгии), а также весь бассейн среднего течения Рейна — территории, составлявшие ранее ядро королевства Сигебера. Клотар — младший из сыновей Клотильды (в этот период ему было около одиннадцати лет) получил северные территории — районы первоначальной экспансии салических франков: от прирейнской низменности до Суассона, включая Турне. Его старшие братья Клодомир и Хильдебер получили соответственно: первый — об-

ширный бассейн Луары, второй — что-то, отдаленно походившее на будущую Нормандию, но с добавлением коридоров, идущих в направлении Парижа и Мена. Только что завоеванная Аквитания, представлявшаяся франкам как богатейшая территория, освоение которой сулило немалые выгоды, была разделена между братьями ранее менее рационально: старший Тьерри сохранил за собой все, что сам завоевал в Оверни во время кампании 507—508 годов.

Однако была ли тем самым поставлена под вопрос целостность королевства франков? В этот отношении раздел 511 года, как и последующие разделы, был недавно реабилитирован[1]. При этом исходили из констатации того факта, что если, с одной стороны, королей стало несколько, то королевство по-прежнему было одно, хоть и разделенное на несколько частей, которым немецкие историки дали название «Долевое королевство»[2]. Не забыто было и то, что четверо братьев избрали своими столицами: Тьерри — Реймс, а не Кёльн; Клотар — Суассон, а не Турне; Клодомир — Орлеан, а не великолепный Тур, где нашла себе приют Клотильда; и, наконец, Хильдебер обосновался в Париже, то есть это были четыре города, расположенные неподалеку один от другого, в самом центре Парижского бассейна, в непосредственной близости от того места, где покоились останки основателя королевства и где можно было часто встречаться для выработки общей политической линии. В прошлом уже случалось, как отмечал в средние века греческий летописец Агафий, что «королевство оказывалось разделенным между тремя и даже более королями. Но это не служило достаточной причиной для возникновения гражданских войн. Случалось, конечно, что короли угрожали друг другу и выдвигали свои армии на боевые позиции. Но, оказавшись друг против друга, франки всегда предпочитали мирно договориться и своих ко-

[1] Евгением Эвигом (49) и Карлом Фердинандом Вернером (159).
[2] См. у Евгения Эвига (49).

ролей склоняли к тому же. Нет у них таких законов и обычаев, которые обрекали бы на бедствия государство из-за ссоры королей»[1].

Не было ссоры королей и тогда, когда настало время наследовать Клодомиру — орлеанскому властителю, рано погибшему в одном из походов против бургундов в 524 году, а был кровавый сговор Хильдебера и Клотара, замысливших и осуществивших убийство своих племянников и разделивших между собой их наследство. Кажущееся единство уже не могло скрыть признаков грядущих раздоров. Надо отметить, что Тьерри Реймсский поначалу решил остаться в стороне от устроенной братьями резни, но немного позже потребовал свою долю и получил Санс и Оксер, образовавшие своего рода коридор между его аквитанскими владениями и рейнским королевством. Он оказался намного более прозорливым и разумным, чем его братья, и неудивительно, что после его кончины в 534 году аристократы королевства дружно поддержали его сына Теодебера против его братьев, которые собирались проделать с ним то же, что и с сыновьями Клодомира в 524 году. Тьерри, неизменно стремившийся к сохранению целостности рейнского королевства, сумел завоевать уважение всей аристократической верхушки северо-востока Галлии. Несомненно, именно ему и его сыну Теодеберу удалось лучше других воспринять и развить политическое наследие Хлодвига.

ЗАВОЕВАНИЕ БУРГУНДИИ И ПРИСОЕДИНЕНИЕ ПРОВАНСА. ВЫХОД К СРЕДИЗЕМНОМУ МОРЮ

Читатель помнит, что в 505 году женитьба Тьерри на бургундской принцессе положила конец стремлению Хлодвига двинуться в юго-восточном направлении. Смерть Гундобада, последовавшая в 516 году, и при-

[1] Из книги Карла Фердинанда Вернера (159).

ход к власти его сына Сигизмунда — тестя Тьерри, перешедшего в католичество и основавшего в 515 году монастырь Святого Мориса Агонского в Вале и к тому же возведенного восточным императором в ранг «командующего силами галльского ополчения», казалось, лишили франков возможности найти предлог для оправдания вооруженного вторжения сюда. Но начатые Сигизмундом преследования ариан лишили его поддержки части аристократии, а то обстоятельство, что он отправил на казнь Сигириха — своего сына от одной из дочерей Теодориха — окончательно поссорило его с королем остготов. Клодомир, Хильдебер и Клотар решили воспользоваться благоприятным случаем и в 523 году двинули свои войска в Бургундию. Сигизмунд потерпел поражение и был казнен. Но тут бургундская аристократия тесно сомкнулась вокруг Годомара — брата Сигизмунда, известного своей терпимостью по отношению к арианам. Против франков поднялось все Бургундское королевство, и в конце концов им пришлось все начать заново. На этот раз — вместе с Тьерри, которому уже не приходилось поднимать оружие против своего тестя. В 524 году франки начали новый поход и дошли до долины Изера. Но, слишком далеко зайдя на вражескую территорию, они потерпели сокрушительное поражение в битве при Везеронсе, где Клодомир был убит. Только через десять лет, после многих сражений Хильдебер, Клотар и Теодобер, которого отец, занятый подавлением одного из восстаний в Оверни, отправил в поход вместо себя, смогли обратить в бегство Годомара и его войско и разделить между собой брошенное им королевство. Ему была уготовлена судьба Аквитании: франки намеревались использовать его территорию для колонизации.

Между тем скончался (526) великий Теодорих, и Прованс, остававшийся во владении остготов и отделявший бургундские земли от моря, в этот момент показался франкам беззащитным. На этот раз не пришлось браться за оружие: вышло так, что Прованс был

им подарен. Дело в том, что в эти годы, вынашивая планы захвата Италии, Юстин а затем и Юстиниан — императоры Восточной Римской империи стремились к заключению прочного союза с франками. Опасаясь перспективы борьбы на два фронта, бесславные наследники Теодориха — Теодад, и позднее Витигес в 537 году уступили Прованс Хильдеберу и Теодеберу, уже пытавшимся ранее захватить Арль. Франкские короли добились утверждения этой территориальной уступки императором Юстинианом и отправились в Прованс, чтобы вступить во владение новоприобретенными землями. Они побывали во всех городах побережья, задержавшись в Марселе, а Теодебер даже организовал в Арле состязание в беге по примеру древних греков.

Теодебер — единственный наследник Тьерри — лучше других понял символическое значение приобретения юго-восточных провинций, еще хранивших престиж Римской империи и римского присутствия. И вот он — король восточных франков, наследник зарейнских устремлений своего отца, превративший тюрингов и алеманнов в своих данников после новых побед, добавленных к списку побед над ними его отца и деда, окружает себя высококультурными и компетентными галло-римскими советниками, помогавшими ему в правлении. Это были Астериол, Секундин, а также патриций Парфений. Теодебер регулярно направляет в Византию посольства и письма, в которых перечисляет многие подвластные ему народы, не забывая упомянуть о заботе и защите, которой он окружает христианские церкви. Он — первый король-варвар, осмелившийся сделать такое — берется чеканить свою «золотую монету из золота, добываемого в Галлии, с изображением не римского, как того требует обычай, императора, а со своим собственным изображением», — как писал крайне возмущенный этим фактом византийский историк Прокоп. Подобно Хлодвигу и более своего кузена Хильперика Теодебер хотел быть самым «римским» из франкских властителей. Можно понять епископа Мария Авентского, когда, упоминая о

Теодебере в 580 году, он употребляет в своих текстах выражение: «Теодебер — великий король франков».[1]

Итак, в 537 году в руках франков оказалась почти вся Галлия. Хильдебер и Теодебер, наиболее предприимчивые завоеватели, обеспечили себе куда более обширные владения, чем Клотар. Отныне только области, прилегающие к устью Рейна и занимаемые язычниками-фризами, Септимания, все еще находившаяся в руках вестготов, Западные Пиренеи — бастион непокорных басков, и далекая Арморика, независимость которой крепла благодаря непрерывному притоку (до середины VI века) новых поселенцев из-за Ла-Манша, оставались неподвластными франкам.

ВЛАДЫЧЕСТВО ФРАНКОВ НАД ГАЛЛИЕЙ
в середине VI века

Теперь хорошо известно, что в результате новых побед и упадка императорской власти, ставшей номинальной, сущность власти франкских королей претерпела изменения в период с конца V до середины VI века. Будучи вначале лишь властью над одним народом или народностью, объединяющей людей для войны, она стала властью над определенной территорией, и в силу этого — постоянной властью над несколькими народами. От той власти, которой она была в военное время, она унаследовала характер абсолютный, распространяемый и на мирное время: она стала неограниченной, не сдерживаемой какими-либо законными рамками или решениями общих сходов всех граждан. Воспрепятствовать осуществлению этой власти, свергнуть ее можно было только силой. Поэтому для франкских королей было чрезвычайно важно, чтобы перевес силы всегда был на их стороне. Отсюда стремление окружить себя все более и более внушительной дружиной — военной свитой, члены

[1] См. у Роже Коллинза (24).

которой были связаны клятвой личной верности властителю. Отсюда же постоянные попытки распространить воинскую повинность на всех подданных, включая и галло-римлян. К тому же королю нужны были верные люди на всех завоеванных территориях. И он находил их среди представителей местной знати — франкской, как в давние времена, но также и, все чаще и чаще, римской, дававших ему обет верности и становившихся после этого его вассалами. Вассалов полагалось вознаграждать и прежде всего — земельными наделами. Читатель уже знает, что внутренней пружиной, толкавшей франков к постоянной экспансии, была нужда королей в приобретении все новых богатств ради того, чтобы платить своим приближенным. Эта же необходимость толкнула франков в период между 539 и 553 годами к участию в военных вторжениях в Италию: вначале — в качестве наемников, выполняющих юстинианские планы возвращения себе власти над Италией, а затем — искателей военной добычи, действующих на свой страх и риск.

Лэды — вассалы; само слово, как и соответствующее понятие, имеет германское происхождение. То же происхождение и у целого ряда слов, обозначающих дворцовые должности: сенешаль — старший слуга, обычно ведавший снабжением, маршал — конюх, и другие. Но среди этих терминов есть также и коннетабль, то есть конюший, и майордом — управитель королевского дома, канцлер — лицо, ведавшее королевской канцелярией. Иначе говоря, дворцовые учреждения и должности были восприняты франками от германцев примерно в той же мере, как и от римлян, а для целей управления франкские короли VI века располагали средствами или, по меньшей мере, теми образцами, какие оставила им империя. Поэтому короли, например, Теодебер, пытались по-прежнему взимать во всех своих владениях старый поземельный налог. Однако каждый раз такие попытки приводили к восстаниям вроде того, который в Трире стоил жизни патрицию Парфению, поскольку население, как можно

догадаться, с большой охотой предало забвению эти непопулярные поборы. Поэтому франкские короли продолжали требовать для себя монопольное право чеканки монеты к немалой выгоде для своей казны даже тогда, когда эта монета оставалась лишь копией византийского образца: Теодебер изменил только изображение на монетах, сохранив все прочие атрибуты восточно-римской чеканки. И в особенности они стремились (и на долгое время преуспели в этом) сохранить для нужд местного управления старые рамки деления на племенные административные единицы — сите античного периода. На юге они оставались в неизменном виде, а на севере были подразделены на земли, поскольку иначе они оказывались слишком обширными для эффективного контроля и управления. По примеру вестготов и бургундов короли стали все более и более регулярно направлять туда графов, присовокупив к их воинским полномочиям еще функции судебные и фискальные.

На многое проливает свет рассмотрение вопроса о выборе назначаемых графов: из 43 известных в VI веке имен графов местностей к югу от Луары 27 — галло-римские; а из 12 к северу от нее — 9 варварских. Конечно, в последнем случае можно предположить, что речь шла о галло-римлянах, получивших в силу новых ономастических[1] веяний варварские имена, но, так или иначе, можно констатировать, что франкские короли делали ставку на тесное сотрудничество с местной знатью и что местная элита охотно шла им в этом навстречу. Процесс слияния местной верхушки с королевской властью, несомненно, поощряемый епископатом, занял всего несколько десятилетий. Впрочем, разве короли не стремились представить себя в качестве уполномоченных императора или даже продолжателей и наследников? Да и что бы они могли сделать без поддержки со стороны своих галло-римских поддан-

[1] Ономастика — раздел языкознания, изучающий собственные имена. — *Прим. ред.*

ных, ставших надежной опорой их власти, если учесть, что согласно археологическим данным нигде, кроме территорий к северу от Соммы и между Соммой и Сеной, не было сколько-нибудь постоянного присутствия франкских оккупационных войск. Всего лишь несколько некрополей из общего числа кладбищ этой эпохи могут считаться местами захоронения членов отрядов франкских солдат и их коллег — инородцев. Среди этих некрополей — Вик в Ивелине, Герпес и Бирон в Сентонже, Брев и Отрон на юго-западных плоскогорьях Парижского бассейна, Базель — Бернеринг в излучине Рейна на границе между Германией и Бургундией[1]. Одинкур и Дампьер в долине Ду, Женли, Шарне и Шоссен в долине Соны. В целом же вся страна, особенно территории, отвоеванные у вестготов и бургундов, еще сохраняла глубокий отпечаток римского владычества.

КЛОТАР — КОРОЛЬ ВСЕХ ФРАНКОВ. 558—561 годы

Это было особенно характерно для Оверни, ставшей незадолго до того второй родиной Сидония Аполлинария и позднее (538 или 539) родиной Григория Турского, признанным центром сопротивления арианскому или любому другому варварскому влиянию извне. Умение Теодебера ладить со своей аристократией (именно в среде местной знати он отыскал патриция Парфения — внука императора Авита и нашел себе жену — Деотерию, давшую ему наследника Теодебальда — Тибо) не передалось его потомству. Теодебер погиб на охоте: в 548 году его убил разъяренный бизон. Но наследство его, и власть, и имущество перешло в руки Теодебальда в полной целости, как в свое время оно было получено Теодебером от его отца. А когда в 555 году Теодебальд скончался, не оставив

[1] См. у Макса Мартина (111).

наследников, его двоюродный дед Клотар, которому до этого не очень везло с наследованием, на этот раз не упустил эту возможность, забрав себе в придачу и его жену Вульдеграду.

Первый же шаг Клотара мог показаться весьма уместным: он направил в Овернь своего сына Храмна, дав ему королевские полномочия и соответствующий титул. Однако Храмн тут же принялся плести интриги против отца, получив поддержку своего дяди — Хильдебера. Часть оверньской и — в более широком плане — аквитанской знати не преминула воспользоваться случаем выступить против власти франкских пришельцев с севера и произвольных разделов. Она поддержала Храмна, создавшего то, что получило название «Первого аквитанского королевства»[1]. Но смерть в 558 году Хильдерика — престарелого парижского короля, не оставившего сыновей, окончательно склонила чашу весов в пользу шестидесятилетнего Клотара, пережившего всех своих братьев — сыновей Хлодвига.

Клотар завладел «и королевством и богатствами» Хильдерика. Чтобы остаться единственным и бесспорным главой Франкского государства, ему оставалось лишь сломить сопротивление своего мятежного сына Храмна, который пытался повести за собой бретонцев против отца. Приумножив свои силы за счет новоприобретенного наследства, Клотар начал преследование сына, завершившееся в Ваннете казнью мятежника и подавлением попытки расколоть королевство (560). Однако последовавшая в следующем же году смерть Клотара от лихорадки, поразившей его после одной из охотничьих вылазок, вновь поставила под вопрос недолговечное единство королевства: «четверо его сыновей (это были Харибер, Гонтран, Сигебер и Хильперик) со всей торжественностью перенесли тело отца в Суассон и похоронили в базилике Сен-Медар», основанной им за несколько лет до смерти. Итак, четве-

[1] Мишель Руш (139).

ро сыновей, и, стало быть, четыре королевства образованы в соответствии с четко выраженной волей Клотара, как мы сможем убедиться в этом ниже.

НЕЗАВЕРШЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Несмотря на то, что к середине VI века франкские короли достигли берегов Средиземного моря и сам император Юстиниан просил их двинуться в Италию; а также, что в 541 году они по собственной инициативе взялись преследовать вестготов, загнав их за Пиренеи, а начиная с 560 года заключили ряд выгодных матримониальных союзов с английскими монархами; несмотря на то, что Франкское королевство было уже признано народностями, населявшими среднюю и южную Германию, — тюрингами, алеманнами, баварами, покорение которых было завершено Тьерри, Теодебером и Клотаром, попутно отыскавшими в покоренных землях одну из лучших франкских королев — Радегонду, на которой Клотар женился в 538 году; хотя начиная с 556—557 годов франки смогли превратить в своих данников могучие северосаксонские племена — иначе говоря, хотя Франкское королевство и стало крупнейшей державой запада, признаваемой как римскими властями, так и варварскими вождями, его короли так и не стали полными хозяевами в самой Галлии. Можно не упоминать о том, что постоянно то здесь, то там возникали внутренние границы в результате выхода из повиновения местной знати или сопротивления населения взиманию налогов, но нельзя обойти того факта, что их власть не распространялась на земли великой северной дельты, где сливались воды Рейна, Мааса и Шельды. Фризы — морские кочевники пришли сюда как завоеватели и успешно расширяли свои владения. В руках вестготов осталась Септимания (средиземноморский Лангедок и Руссийон), где, несмотря на приверженность арианству толедских королей (сохранявшуюся вплоть до обращения Реккареда), рас-

пространялось ортодоксальное христианство, опорой которого стала столичная церковь Нарбонны — место проведения большого церковного собора 589 года и кафедральные церкви в Эльне, Агде и Магелоне. На другой оконечности Пиренеев франки не смогли сломить сопротивление басков, оборонявших свой «Васконский бастион», где преобладал особый диалект преиберийского происхождения. Эта область в течение VI—VII веков постоянно расширялась за счет медленного проникновения басков в соседние регионы и в конце этого периода достигла пределов Новампопулании, то есть территорий, находящихся между течениями Гаронны и Пиренеями, с образованием обширной Васконии (нынешней Гаскони), где возродились старые местные диалекты. И наконец, Франкское королевство не смогло, вопреки устремлениям Клотара, позднее Гонтрана, добиться окончательного покорения далекой Арморики, ставшей со временем Бретанью, если пользоваться терминологией Григория Турского. Однако не следует доверять ему в том месте «Истории франков», где он пишет: «После смерти Хлодвига бретонцы остались под властью франков. У них нет короля и правят ими графы». Сказывается его личная заинтересованность, поскольку в качестве епископа столичного Тура (с 573 по 594 год) он постоянно добивался, как и его предшественники, власти над бретонскими епископами. «Пусть ни один бретонец, ни один римлянин в Арморике не будет посвящен в сан епископа без соизволения на то епископа метрополии и согласия других епископов его провинции», — постановил один из турских церковных соборов в 567 году. На самом деле в VI веке бретонцами, как и франками, правят племенные и родовые властители, которые постепенно превращаются в Броереке (Ваннета), Домноне (Трегор и Леон) и Корнуайе в территориальные княжества.

Несколько поколений должны были смениться, прежде чем все очаги сопротивления франкам резор-

бировались и стали составной частью Франкского государства: Пипин II и Карл Мартелл присоединили земли прирейнских фризов, тот же Карл Мартелл и Пипин Короткий изгнали мусульман из Септимании, которую они к тому времени захватили, даже Карл Великий так и не смог обеспечить сколько-нибудь постоянное повиновение бретонских князьков и был вынужден создать для защиты своих границ особое приграничное графство. В 778 году граф Роланд, его возглавлявший, был убит при возвращении из походов в Испанию, вместе с ним был истреблен весь арьергард королевской армии. Устроили ему эту ловушку баскские горцы...

3
ДОЛГИЙ VI "ВЕК". ТЯЖКИЙ ГРУЗ СТАРЫХ СТРУКТУР

ЕЩЕ РАЗ О ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЯХ

На первый взгляд экономический и социальный уклад Галлии, возвращенной к почти полной целостности под властью королей, считавших себя наследниками Римской империи, может казаться сохранившим в неизменном виде все структуры, унаследованные от старых времен, в особенности раннеантичных. Воздействие природной среды на жизнь общин не ослабло, а стало еще более суровым. Болота, особенно в низовьях Роны, продолжали наступать на ранее осушенные низменные равнины. Повсюду ширились лесные массивы. Короли-Меровинги, находившие при этом для себя все новые и новые угодья для уже объявленной королевской монополией охоты на крупную дичь, благосклонно взирали на эти процессы. Растущая зависимость людей от естественной среды обитания, свертывание хозяйственных связей определили в этот период возврат к поистине «деревянной» цивилизации. Из дерева стали делать все — от мебели и до жилых домов, предав забвению стекло и керамику и отказавшись от камня. Придворный поэт нескольких франкских королей в период между 560 и 570 годами Фортунат писал по этому поводу: «Долой с глаз моих стены из паросского мрамора и камня. Я предпочитаю вам деревянные стены, сложенные нашим мастером. Его дощатый дворец возвышается до самых небес». И

не только жилые постройки, но и сельские церкви, особенно в северных и восточных областях Галлии, строились из бревен и досок, а иногда просто из плетеных жердей, обмазанных глиной.

Тем не менее кое-где, чаще всего в результате частной инициативы или благодаря монахам-отшельникам, шла раскорчевка залежи или новое освоение недавно заброшенных земель: в Бургундии, Альбигойе, Турени. Имеются упоминания о закладке, как правило священнослужителями, новых виноградников на севере и западе Галлии: в Бривадуа, например, где на берегах Везера и Корреза развилось виноградарство в столь значительной степени, что им заинтересовались сборщики налогов короля Хильперика; в долине Луары, где виноградарство впервые распространилось, если верить письменным источникам (то есть Григорию Турскому), на районы вокруг Анже и Турени; в Мене, где монахи монастыря Сен-Кале разбили уже в VI веке виноградники на целинных землях; и даже в Парижском бассейне, где епископы Реми Реймский и Жермен Парижский возделывали их «собственными руками», как пишет Реми.

Но эти редкие раскорчевки не могли восстановить нарушенного равновесия и компенсировать полную зависимость человека от капризов стихийных сил. Раз за разом на Галлию обрушиваются, особенно в конце VI и начале следующего века, страшные стихийные бедствия: около 580 года «великий голод опустошил почти все земли Галлии, — пишет Григорий Турский, — люди делали хлеб из виноградных косточек, из цветов орешника, а некоторые — из корней папоротника, добавляя немного муки... У многих муки не было вовсе. Они ели разные травы, опухали и умирали». Само собой разумеется, что транспортные трудности и спекуляция не способствовали улучшению положения. К концу века нагрянули эпидемии, против которых население оказалось беззащитным. Особенно грозными были эпидемии, прокатившиеся по южным областям Галлии: дизентерия, оспа и главное — бубонная

чума, неоднократно возвращавшаяся в эти места между 572 и 599 годами и погубившая множество людей в Марселе, Арле и Нарбонне. С 599 года и вплоть до XIV века она более не появлялась в пределах Западной Европы. Было бы недостаточно сказать, что медицина того времени оставалась бессильной в борьбе с такими бедствиями (король Гонтран в 582 году отправил на казнь двух врачей, микстуры которых не смогли вылечить его жену), главное — все надежды на исцеление возлагались на расположение светил (Григорию Турскому принадлежит трактат «О церковных наблюдениях за движением звезд») и на содействие сверхъестественных сил. Так, если верить Григорию, Реймс был спасен от чумы благодаря шествию, прошедшему со свечами через весь город с пением церковных гимнов, сопровождая плащаницу святого Реми. При этом «не оставили в стороне ни одного жилища, обошли вокруг каждого дома... и это страшное бедствие не посмело обрушиться на город».

Надо ли думать, что силы стихии всегда и везде господствовали безраздельно? Конечно, нет, поскольку во многих областях Галлии внешние вторжения, просачивание варваров во внутренние районы, изъятие земель и имущества не смогли сломать привычного образа жизни и традиционных форм социальной организации населения. Это относится в особенности к Центральной и Южной Галлии, где крупные землевладения не сменили собственников, за исключением тех владений, которые перешли из рук богатых семейств в руки церковных учреждений, а это мало что меняло.

ЭВОЛЮЦИЯ ЛАТИФУНДИЙ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Чаще всего нашим знаниям о состоянии крупной собственности аристократии галло-римского происхождения в VI и в начале VII веков мы обязаны завещаниям, составленным в пользу церковных учреждений, а иногда литературным описаниям, вроде тех, которые

оставил нам Сидоний Аполлинарий. Так, почти сто лет спустя после того, как он посетил «виллу» своего друга Понтия Леонтия в Бург-сюр-Жиронд, упомянутый выше Фортунат навестил поместья, еще принадлежавшие в то время тому же знаменитому семейству в Борделезе, в Бессоне, в Бореше и Преньяке. Его глазам представился хозяйский дом с термами изящной постройки, обнесенный мощными стенами. В поместье имелось множество рабов, обрабатывавших земли, но были и держатели-колоны, работавшие на наделах. И если не считать недавно построенную небольшую молельню этого семейства, которое дало церкви города Бордо нескольких наиболее известных епископов, — ничто, казалось, не изменилось здесь с V века. Неизменным все оставалось и в начале VII века, когда епископ Мана Бертекрамн (или Бертран; его имя — Bert-Ramn — «блестящий ворон» — свидетельствует о том, что старые галло-римские семейства не брезговали чисто варварскими именами) оставил своей церкви по завещанию ряд доменов в районе Бордо, которые он сам унаследовал от матери: «виллы» и земли в Плассаке, во Флуараке со всеми рабами, виноградниками, рощами и мастерскими-смолокурнями. Но было здесь и кое-что новое: в завещании прямо сказано, что семейству пришлось выдержать тяжелую борьбу против попыток присвоить эти домены, общая площадь которых составляла почти тысячу гектаров.

Если у нас возникнут сомнения в точности таких источников — ведь даже авторы завещательных текстов иногда склонны к преувеличениям и приукрашиванию действительности — в нашем распоряжении есть данные археологии, подтверждающие письменные источники. Так, раскопки «виллы» Бертекрамна в Плассаке подтвердили, что в ней постоянно жили в период с I по VII век, и в IV веке ее неоднократно перестраивали. IV век оставил здесь в наследство временам Меровингов роскошную мозаику на стенах терм и во внутреннем перистиле. Раскопки в Марубе близ Шатодён также подтвердили, что «вилла» была

постоянно населена обитателями вплоть до VII века и систематически обстраивалась и украшалась мозаикой и капителями в аквитанском стиле, созданными, видимо, одним из проживавших здесь варваров. И раз уж «вилла» строилась во времена варварских княжеств, то построена она была в точном соответствии с римскими канонами. Такова, например, построенная во времена бургундов «вилла» в Ларине близ Иер-сюр-Амби. Законченная, видимо, в VI веке, расположенная в защищенном отрогами Южной Юры месте, она сложена исключительно из местных материалов, но тем не менее снабжена всем необходимым для обеспечения комфортных условий для ее обитателей, обладавших драгоценными украшениями, а также шпорами.., присутствовали здесь и письменные принадлежности. Короче, там было все для спасения души и сохранения тела, поскольку поместье было обнесено укреплениями и располагало собственной молельней.

Передача церкви имущества, принадлежавшего романской материальной культуре, касалась не только «вилл» Южной Галлии. Когда епископ Домнул в Мане в 572 году пожелал одарить только что основанную им базилику Святого Венсана, он передал ей домены, прилегавшие к кафедральному собору: «виллу» в Трессоне с ее полями, пастбищами, лесами, возами, лошадьми, рабами (четыре или пять тысяч гектаров); «виллу» во Френэ со всеми рабами, отпущенниками и колонами, а также молельню «при лесе». А когда около 600 года Эрминетруда — богатая вдова, жившая неподалеку от Парижа, завещала свое имущество детям, а также нескольким церковным учреждениям, она подробно перечислила все наследственное имущество, и то, что находилось в поместье в Бобиньи, и — в особенности — то, что относилось к домену в Ланьи. Тут в перечне фигурируют сама «вилла» с молельней, ценное движимое имущество (серебряная утварь, одежда, инструменты), а главное — она распоряжалась целой армией рабов и колонов, обрабатывавших поля, виноградники, пастбища, сады и рощи и обеспечива-

вших уход за многочисленным и разнообразным скотом. Было в завещании и нечто новое, свидетельствующее о росте влияния церкви и некоторых прелатов. Вдова завещала дать вольную «сорока пяти рабам — мужчинам и женщинам со всем их имуществом, с их наделами, лачугами, садиками, огородами и небольшими виноградниками; словом, со всем тем, чем они пользовались в домене»[1]. Очевидно, рабовладение по античному образцу в сельском хозяйстве клонилось к упадку. Но это совсем не значит, что положение крестьян сразу и повсюду улучшилось. Колоны оставались привязанными к земле, а свободные земледельцы, обремененные долгами, накопленными в неурожайные годы, зачастую оказывались вынужденными отрабатывать в пользу своих кредиторов половину рабочего дня. Такая форма поземельных отношений была настолько широко распространена, что в конце VI века для нее нашлось место в «Анжуйском формуляре», то есть сборнике образцов различных юридических документов.

Это было время, когда множество бед обрушилось на сельских жителей Галлии.

Как следует из текста завещания Эрминетруды, поблизости от ее «виллы» в Ланьи возникло крестьянское поселение с лачугами, обнесенными изгородями. С конца III века в сельских поселениях Галлии распространилась занесенная, видимо, из Германии и утвердившаяся под влиянием бедствий эпохи примитивная форма сельских строений: прямоугольный деревянный короб, бревенчатый или глинобитный, или же наполовину врытая в землю хижина. Строения этого последнего типа стали постоянными жилищами в VI веке в северных деревнях, таких как Бребьер, Провиль, Дуэ. Чаще всего такие строения теснились вокруг ранее возникших сельских поселений, в которых с конца III и до VII века дерево заменило в качестве строительного

[1] Заимствовано из перевода Франсуазы Ле Порзу, помещенного в каталоге «Меровингские экспонаты музея Карнавале». Издательство «Патрик Перэн», Париж, 1985.

материала камень, а также вокруг «вилл». В последнем случае варвары строили свои жилища рядом с «виллами» на основании «законов о гостеприимстве», которые входили составной частью в заключенные с римскими властями союзные соглашения. А в более общем случае положение колонов и нужда в защите вынуждали мелких землевладельцев селиться поблизости от стен, которыми все чаще и чаще обносились большие поместья. Так «виллы» превращались кое-где в центр или, по меньшей мере, в опорный пункт сельского поселения. Использование в документах этого периода латинских слов vicus (деревня) и villa (вилла) в качестве синонимов свидетельствует о том, что поселения свободных землевладельцев попадали целиком, в силу распространения системы колоната и общинной солидарности, в полную зависимость от земельных магнатов. Начинался процесс, который завершится превращением «виллы» в поместье или замок феодального сеньора, а поселения свободных и полусвободных землевладельцев — в зависящую от феодала деревню.

Положение не менял тот факт, что кое-где оставались сельские общины, совершенно свободные от какой-либо зависимости, как, например, в Мене, где их насчитывалось не менее девяноста, в Турени, Нижней Оверни, Лимузене и Пуату. Но все заставляет думать, что такое состояние сохранялось недолго. Угрозы извне и продолжавшееся на переломе VI и VII веков обнищание селян в конце концов отдавали эти общины в руки крупных землевладельцев.

ВСЕМОГУЩИЕ АРИСТОКРАТЫ

Старая галло-римская аристократия в VI веке еще сохраняла все свое могущество: отпрыски крупнейших семейств, таких как Авиты, Сиагрии, Аполлинарии, Леонтии, продолжали сохранять память о своих предках, стремясь увековечить — как мы уже имели случай

убедиться — привычный для них образ жизни. Даже в начале VIII века некоторые из них будут кичиться своей принадлежностью к сенатскому сословию. К этому времени пустота этих титулов уже стала очевидной, но в VI веке большинство графов и почти все епископы назначались из числа куриальной аристократии. Некоторые семейства присвоили себе право занимать должность епископов, в руках которых, как уже отмечено выше, сосредоточилась значительная духовная и светская власть. Во многих епископатах положение было таким, каким описал его Григорий Турский, рассказывая историю своего епископства: «Пятый епископ Евстохий был человеком богобоязненным и полным святости. Происходил он из семьи сенаторов... Шестым епископом стал Перпетуй, также происходивший из сенаторской семьи, близкий родственник своего предшественника. Он был чрезвычайно богат и имел земли во многих областях Галлии... Седьмой епископ — Волузиан, тоже из семейства сенаторов, святой человек, очень богатый, близкий родственник епископа Перпетуя». В Бордо семейство Леонтиев, бывшее, видимо, ветвью древнего рода римлян, сенаторов Павлиниев, монополизировало епископскую должность в период между 511 и 570 годами. Когда Реми был реймсским епископом, его брат, а затем и племянник возглавляли, сначала первый, а потом и второй, суассонское епископство, а другой родственник — муж племянницы — стал епископом Лаона, возникшего при разделе разросшегося реймсского округа. В Нанте семейство Нонниxиев, родоначальником которого был один из командиров преторианской гвардии императора Магненса (350), владело нантским епископством с 460 (приблизительно) года вплоть до конца VI века. Один из наиболее видных членов этого семейства Феликс (549—582) фигурирует в хронологии этого епископства между своим отцом Эвмерием и двоюродным братом Нонниxием. Он был знаменит своим огромным состоянием — землями в Аквитании и в нижнем течении Луары

и постоянным стремлением приумножить его, чем неоднократно вызывал неудовольствие Григория Турского. Своей известностью Феликс был обязан также многим возведенным при нем сооружениям. Активно строил он не только для своего кафедрального собора, но и в собственных поместьях.

Такое присвоение епископских кафедр крупными аристократическими семействами имело для них, помимо негативных, определенные положительные последствия: поток даров постоянно обогащал церковную казну. К тому же это скрепляло не просто социальный, но и экономический союз и солидарность светской аристократии с аристократией церковной, которую франкские короли стремились превратить в свое главное орудие влияния на массы.

Дело в том, что франкских воинов было слишком мало (в особенности к югу от Сены), они были распределены по всей территории Галлии и поэтому не могли взять на себя эту роль. Среди воинов также имелась своя элита: военачальники и их ближайшее окружение, то есть вооруженная свита, сопровождавшая их как в военное время, так и в повседневной жизни (немецкие историки обозначают ее термином Gefolgschaft). В некрополях их захоронения легко отличить по наличию в них лучшего оружия и в особенности оборонительного (щиты, каски), а также предметов экипировки всадников (шпоры, удила и позднее — стремена). Из среды военной элиты короли выбирали себе вассалов, приносивших им присягу верности, сопровождавших их на поле боя и дававших им мужей и жен для наследников «второй руки». Они же замещали придворные должности и назначались в графства. Совершенно естественно, что при этом им приходилось все чаще общаться с представителями галло-римской верхушки, решившими сотрудничать с франкскими властителями, служа им на дворцовых или епископских должностях. А число таких галло-римлян постоянно росло. Таким образом в VI веке появляются признаки, запоздалые и пока еще робкие,

будущего слияния галло-римской и франкской знати. Для франков это облегчалось тем, что они тоже стали христианами, что они — в силу старых «законов о гостеприимстве» или королевских земельных пожалований — стали обладателями крупных доманиальных владений, и что они оставались поклонниками и приверженцами галло-римского образа жизни. А галло-римляне, если еще и испытывали, подобно Сидонию Аполлинарию, известные неудобства от соседства с варварами, все решительнее отказывались от некоторых внешних знаков своей принадлежности к римской цивилизации: на смену римскому плащу-тоге пришло одеяние варваров, тесно облегающее тело, вышли из употребления трехчленные римские имена, которые на протяжении жизни многих поколений служили каждому римлянину как бы перечнем его достойных предков. Их заменило одно имя, нередко — как мы видели — германского происхождения. Короче говоря, римляне перенимали варварскую простоту и неприхотливость.

Конечно, смешанные браки в эту эпоху были еще редкостью (король Теодеберт и здесь — исключение), поскольку нормы брачно-семейного права у франков и галло-римлян существенно разнились. Но уже в VII веке такие браки стали заключаться гораздо чаще, вначале в кругах, близких к королевскому двору, а затем и повсеместно.

СУДЬБА ГОРОДОВ АНТИЧНОГО ПЕРИОДА

В VI веке графы предпочитали устраивать себе резиденцию в **сите** — административных центрах древних племенных территорий или в крупных селениях, недавно ставших центрами новых единиц административного деления (округов — «паги»). Их присутствие позволяло в течение некоторого времени сохранить престиж города как средоточия власти. К тому же в них они имели дело с людьми и институтами, которые

с имперских времен были носителями и исполнителями властных функций: с представителями курий, которых графы продолжали привлекать к сбору налогов. Однако их функции все более и более сужались и, как можно видеть на примере Лиона конца VI века, свелись в конечном счете к исполнению нотариальных обязанностей (регистрация публично-правовых и частных юридических актов, например завещаний), что и вошло впоследствии в практику городских магистратов средневековья. В городах графам приходилось сотрудничать и с дефенсорами (защитниками) общин. Дефенсоры выполняли функции надзора за действиями судебных инстанций и еще продолжали в этот период свою деятельность в Бордо, Орлеане, Туре, Санс, Ле-Мане, Париже. «Сегодня Пасха, — писал Фортунат, — и дефенсор дает традиционный банкет в честь такого дня. И сам граф примет в нем участие с величайшим удовольствием»[1]. Так получалось, что представители центральной власти и местное чиновничество соседствовали в главном городе племенного округа, постоянно встречаясь друг с другом. При этом тот или иной дефенсор мог иногда стать епископом, как, например, Элевтер в Турне в первой трети VI века, или графом, как Галактарий, которому Фортунат посвятил одну из своих поэм в конце того же века: «Ты был дефенсором и другом города Бордо. Ты слыл человеком, достойно несущим оба этих звания и вот по воле короля ты заслуженно вступил в должность графа»[2]. И нередко такой граф становился, как Григорий Лангрский — предок Григория Турского, епископом своего округа. Все это говорит о том, насколько престижной и соблазнительной становится отныне епископская должность.

Подобное мелькание должностей и лиц на постах в городской администрации, столь же многочисленных,

[1] Цитируется Полем-Альбером Февриe в книге Жоржа Дюби (42).

[2] Цитируется Мишелем Рушем (139).

как и в лучшие времена империи, окружает ореолом блеска и значительности городскую жизнь того времени. Это обманчивое впечатление может возникнуть и по той причине, что монументальное античное наследие городов еще сохранялось в относительном порядке скорее заботами королей и епископов, чем на средства курий. Так во Вьенне в начале VI века еще был человек, поддерживающий в должном порядке сооружения акведука, а в Меце и в Париже, где не сохранились древние амфитеатры, были построены новые арены ближе к городским укреплениям, и там по-прежнему проводились игры. Когда Теодебер взял в 537 году Арль и решил отметить свою победу организацией спортивного зрелища по римскому образцу в большом амфитеатре Арля, он не столкнулся с какими-либо трудностями. Да и Сезер несколькими годами ранее писал о своих земляках, что они с большим удовольствием любуются там «кровавыми представлениями». Однако это ложное впечатление не могло долго сохраняться: уже к концу века арльский амфитеатр, как и подобные сооружения в Ниме, Трире, Туре, как театр в Оранже, перестали использоваться по назначению и превратились в оборонительные, а то и просто жилые постройки. В целом города приходили в упадок, а многие из них вскоре стали походить — как, например, Тулуза — на «сильно похудевшего человека, носящего свой старый костюм», по выражению Филиппа Вольфа. Так было даже с теми городами, вокруг которых, в отличие от Тулузы, крепостные стены возводились в III—IV веках, в то время, когда города уже потеряли часть своего населения и площади.

Теперь одна лишь церковь ведет строительство, и повсюду, как внутри, так и вне пространства, огражденного городской линией укреплений, вырастают леса церковных новостроек или реставрируются старые постройки. В Меце насчитывается сорок церквей, построенных в период правления Меровингов. В Париже их двадцать девять, в Реймсе — двадцать две, в

Лионе — восемнадцать и двенадцать в Бордо. К тому же в приходах строились свои, приходские церкви, как бы в дополнение к кафедральным соборам и окружающим их церковным зданиям. А в пригородах на кладбищах возводились обширные базилики на могилах святых мучеников и епископов. Некоторые базилики строились для хранения святых мощей, доставленных с большими трудностями из дальних стран. Именно так возникла построенная Хлодвигом церковь Святых Апостолов Петра и Павла (впоследствии — церковь Святой Женевьевы) в Париже, церковь Святого Медарда в Суассоне, построенная Клотаром, и воздвигнутый епископом Домнулом храм Святого Венсана в Ле-Мане. Насчитывается множество примеров такого рода: это и церковь Святого Реми в Реймсе, построенная над усыпальницей великого епископа, умершего около 530 года, и храм Святого Венсана, основанный в 542 году Хильдебером для сохранения мощей этого святого, привезенных из Испании, а впоследствии принявший под свой кров и усыпальницу самого Хильдебера и, позднее, парижского епископа Жермена. В честь последнего храм и носит теперь название — Сен-Жермен-де-Пре. Такова же история создания церкви Святой Марии в Пуатье, где покоится прах построившей ее королевы Радегонды — третьей супруги Клотара, прославившейся своей набожностью. Вскоре после ее смерти церковь эта стала называться Сент-Радегонд. Первоначальные пожертвования на строительство базилик, а затем дары паломников, приток доброхотных даяний, большею частью — завещательных, рассчитанных на обеспечение спасения души даятеля, быстро обогащали такие базилики. Становясь центром пристроенных к ним монастырей, они превращались в крупные и многогранные экономические центры. Так окрестности древних некрополей зачастую обретали, благодаря святым мощам и хранящим их монахам, новую жизненно важную роль перекрестка торговых путей. В дальнейшем вокруг них вырастут будущие торговые и промышленные предместья.

ВОЗДЕЙСТВИЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ НА ЦЕРКОВНУЮ АРХИТЕКТУРУ

Чтобы воздвигнуть монументальные здания церквей для вящей славы Господней, епископы и аббаты пользовались услугами архитекторов, каменотесов и каменщиков, упоминаемых в письменных источниках. Эти мастеровые люди, разбитые на цеховые категории античных времен, использовали при строительстве церквей старые приемы возведения зданий, традиционные архитектурные каноны. Так, оставалась широко распространенной очень ровная мелкая кладка, присущая всем зданиям этой эпохи, построенным в Париже, вокруг Парижа и в районе Пуатье. Образчиком такой техники может служить возведенная по воле Хильдебера пристройка к маленькой базилике, построенной еще святой Женевьевой на могиле святого Дени. Такая кладка использовалась даже тогда, когда для местных условий более подходила бы, как, например, в Нормандии или в Лангедоке, неровная крупная кладка, которая, впрочем, тоже была известна еще в Древнем Риме. Во всяком случае, повсюду, и особенно в Аквитании, для устройства кровли применялось чередование плоской черепицы с выгнутой — классическая техника античного периода.

В большинстве своем церкви строились с сохранением базиликальной планировки, сложившейся еще в древнехристианский период. Именно так построены большие кафедральные соборы, многие из которых были реставрированы и расширены (собор в Эксе — в начале, в Трире — в середине, и в Туре — в конце VI века), а некоторые построены (собор в Нанте, освященный епископом Феликсом в 568 году). Так же строились и большие базилики в предместьях (Сен-Пьер-о-Нонне в Меце, Сен-Жереон в Кёльне, Сен-Мартен в Туре, Сен-Сернен в Тулузе) и некоторые приходские или мемориальные церкви, находившиеся вне главных городов племенных округов («сите»). Таковы церкви Сент-Рейн в Ализ, Монферан в Лангедоке, или, скажем, Селль-сюр-Шер, построенная ранее 558 года по

приказанию Хильдебера, желавшего увековечить память о затворнике Евзисии. Первоначальную структуру базилики могли дополнять пристройки самого различного рода. Отметим большие полукруглые апсиды. Иногда по бокам их воздвигались прямоугольные камеры — апсидиоли (например, в кафедральном соборе Женевы, реконструированном в начале VI века, после войны с Гундобадом и Годегизилом, в храме Сен-Мартен в Отене, строительство которого было завершено в конце того же века). Порой число нефов утраивалось за счет пристройки боковых меньшей высоты. Примером может быть все тот же собор Женевы, а также собор в Нанте.

Сооружалось также немало зданий центрированного плана, по восточной моде. Как правило, таковыми были баптистерии, например, в Провансе. Окончание их строительства часто относят к VI, иногда — к VII векам. По большей части такие баптистерии имеют восьмиугольный купол, находящийся над купелью, окружены галереей (в Эксе, Риеце, как когда-то во Фрежюсе). Иногда такие здания (например, в Венаске) приобретали форму квадрата, к каждой стороне которого примыкала полукруглая апсида со сферическим сводом. Но при необходимости центрированный план использовался и в других сооружениях. Назовем церкви-усыпальницы, такие, как Сен-Лоран в Гренобле, старинная подземная усыпальница, превращенная в VI—VII веках в обширную четырехкамерную церковь; приходские церкви, такие, как «Дорада» (от латинского — «золотистая») в Тулузе, одно из самых древних святилищ Галлии, посвященных Святой Деве, заложенная еще при власти вестготов, но завершенная после франкского завоевания: это прекрасное здание в форме десятиугольника, увенчанное куполом, украшенное мозаикой золотистого тона (отсюда и название). Бесспорно, апогей в сооружении зданий описанного типа (по крайней мере, судя по тому, что сохранилось до нас) был достигнут около 600 года, когда завершилось воздвижение баптистерия Сен-Жан в Пуатье. Истоки этого памятника, несомненно, восходят к IV веку, но в VI

веке он претерпел значительные изменения, последние же добавления, придавшие ему окончательную форму, были сделаны в начале VII века, после случившегося пожара. Римская традиция здесь узнаваема. О ней напоминают возвышение в центральной части храма, аналог античной селлы (место, где находилась статуя бога); главная апсида, с наружной своей стороны украшенная фронтоном в форме треугольника; большие внутренние аркады, опирающиеся на колонны с капителями из пиренейского белого мрамора; прекрасно уложенный тесаный камень. Но результаты работ, проведенных в начале VII века, свидетельствуют о медленном упадке этой традиции. Действительно, вместо прежних широких окон — маленькие овальные; в верхний регистр стен встроены приземистые пилястры, не очень гармоничные; что касается прекрасных капителей, то они, без сомнения, перенесены сюда из какого-то старого здания.

Конечно, было бы неправильно делать на этом основании вывод о том, что в Галлии VI века прекратилось производство архитектурных деталей. В Пиренеях, особенно в Сен-Беате, продолжали работать мастерские по обработке мрамора, их продукция — капители, колонны, резные саркофаги — вывозилась не только во все части Аквитании, но доходила и до парижского региона.

ТОВАРНЫЕ ПОТОКИ: ЗАВИСИМОСТЬ ОТ РЫНКОВ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Циркуляция товаров и коммерческая жизнь не затухали в Галлии. Тексты, надписи, относящиеся к тому веку, свидетельствуют, что еще сохранялись колонии еврейских и других восточных торговцев на ее территории. Во времена Римской империи они сосредоточили в своих руках крупную торговлю в Марселе, Арле, Узесе, Вьенне, Лионе, Нарбонне, Бордо, Клермоне, Бурже, Орлеане, Туре, Нанте, Безансоне, Париже, Трире и Кёльне — то есть на побережье Средизем-

ного моря, в Южной Галлии, вдоль долин Роны и Луары, а также в тех редких городах севера страны, на которые римская эпоха наложила глубокий отпечаток, или в городах, становившихся излюбленными местами пребывания королей (Париж). По рекам и по суше торговцы перевозили предметы роскоши, которые на кораблях, бороздивших Средиземноморье под все теми же латинскими парусами, доставлялись в порты Нарбонны, Фоса и особенно Марселя — как в прекрасную эпоху расцвета Рима. Казалось, эта эпоха возрождается вновь благодаря победам императора Юстиниана, отвоевавшего у варваров западный бассейн Средиземноморья (533—554). Особенно выделим Марсель, где после установления над городом власти Меровингов активно хозяйничали их таможенные чиновники и где в течение VI и в начале VII веков были сооружены новые каменные причалы. Здесь выгружали на берег пряности и душистые вещества (такие, как перец и ладан), шелка и парчу, коптские ткани, масла, кожи и вина из Газы. Нельзя не назвать и драгоценный папирус, который вплоть до второй половины VII века являлся почти единственным писчим материалом. Когда сын Клотара Гонтран в 585 году торжественно въезжал в Орлеан, его приветствовали, как рассказывает Григорий Турский, «в одном месте на языке сирийцев, в другом — на латинском, а в иных местах также на языке самих евреев». Можно сказать, что король встречался с теми людьми, которые снабжали его канцелярию папирусами, а его погреба — восточными винами.

Однако доставка столь дорогих продуктов на северные рынки представляла собой отнюдь не легкое дело для тех, кто им занимался. Письменные источники VII—VIII веков показывают, что меровингские короли пытались сохранить огромное бремя косвенных налогов, которыми умирающая Империя облагала перемещающиеся товары. Никого не удивит тот факт, что на каждом важном этапе продвижения товаров — в Марселе, Тулоне и Фосе, а затем, далее к северу, в Арле, Авиньоне, Валансе, Вьенне, Лионе и

Шалоне — взимался налог. Сверх этого то здесь, то там требовали еще уплаты сборов — за переезд через мост и переход через брод, за колеса, поднятую пыль, ремонт разбитой дороги. Все это отнюдь не благоприятствовало движению товаров, особенно по суше. Перевозчики отдавали явное предпочтение водным путям, тем более если это касалось тяжеловесных грузов.

Эта тенденция отразилась на крупных реках средней и Северной Галлии (Луара, Сена, Маас, Мозель и Рейн). Кроме движения, связанного с распределением товаров средиземноморского происхождения, здесь существуют значительные межрегиональные перевозки. Транспортируются по рекам тяжелые грузы или необходимые продукты — соль из разработок на атлантической Луаре или в Нижнем Пуату, которая расходилась по всей Северной Галлии; камень, в том числе обработанный из обширной Аквитании (например, пиренейские капители и саркофаги, о которых уже шла речь); вина из долин Луары, Сены, Мозеля и Рейна. Хозяйства этих речных долин имеют выход к морю. Их заморскую торговлю обеспечивают с римских времен порты, среди которых выделяются своим весом такие, как Нант или Руан. Здесь начинается развитие коммерческих структур нового типа. Примером может быть Вальхерен-Домбург во фризской Зеландии. Благодаря всему этому указанные хозяйства сохраняют обретенные еще в римские времена контакты с заморскими покупателями (по преимуществу британскими). В ближайшем будущем такие контакты оказались чрезвычайно плодотворными.

Когда в начале VII века миссионер ирландского происхождения Колумбан пожелал найти в Нанте торговое судно, чтобы на нем возвратиться на свою далекую родину, то у него не возникло никаких трудностей. И этот факт отнюдь не покажется удивительным, если знать, что во многих местах Ирландии и Корнуолла, которые были заняты, как монастырь в Тинтагеле, с 450 по 650 год, археологи находят осколки таких же кувшинов с тунисским маслом, амфор с

эгейскими и малоазиатскими винами, что и при раскопках в Марселе, Тулузе, Бордо или Нанте.

Можно ли отсюда заключить, что оживление торговли на севере Галлии было лишь продолжением в пространстве и времени прежних средиземноморских связей? Конечно, нет. Партия вина, которую около 585 года перевозил упоминаемый Григорием Турским купец по имени Христофор вниз по Луаре под Орлеаном, отнюдь не была произведена на далеком Востоке. Тем не менее имя торговца, по всей вероятности греческое, заставляет предположить, что местные торговые обмены иногда еще оставались в руках восточных купцов, что последние еще прочно удерживали позиции, приобретенные в пору наибольшего расцвета империи. Это подтверждает прочность прежних структур.

Об этом свидетельствует и клад монет, найденный в 1897 году в Эсхаране, что в нижней части долины Мааса, регионе, где в момент захоронения этого клада, около 600 года, устанавливались контакты между франками и фризами[1]. Клад содержал шестьдесят шесть монет — су или треть золотого су. Это означает, что в северных окраинах франкского королевства исключительным денежным эталоном еще оставалось су Константина, причем монета сохранялась в неизменном виде (под названием «безан», что означает — византийский) восточными наследниками этого императора.

Моделей таких монет, позволивших определить дату захоронения эсхаренского клада, было немало, их чеканили императоры Зенон, Юстин, Юстиниан и Маврикий (в период между 474 и 602 годами). Но имелись также галльские имитации безана. Чтобы не подорвать доверие к ним, чеканщики стремились сохранить пробу, императорские изображения и надписи оригинала. Особенно распространены были имитации трети су. При их изготовлении следовали перечисленным критериям, даже если изображения при чеканке становились более грубыми. Безаны штамповали в

[1] Жан Лафори (89).

монетных дворах, рассеянных по всей Галлии. Наибольшее число монет этого типа вышло из мастерских на юге в Систероне, Узесе, Вивье, Арле и особенно Марселе. Последний являлся самым значительным эмиссионным центром Галлии в период между 570 годом (моментом, когда Византия утратила свои позиции в Италии под напором лангобардов) и концом VII века. Другие безанты имеют рейнское и мозельское происхождение. Некоторые же были изготовлены в независимой Фризии.

Таким образом, единственным инструментом денежного хозяйства в Галлии конца VI века и даже за пределами ее северных рубежей оставалась римская или византийская монета — су и его части. И когда Теодебер, король рейнских франков и новый властитель земель в устье Роны, выпустил около 540 года золотые монеты со своим собственным изображением, то он поостерегся изменять вес и пробу византийского оригинала. Иначе несомненно было бы подорвано доверие к новой монете, затруднилось бы ее обращение. В денежных делах, как и в экономической жизни в целом, груз прошлого оставался огромным. Не представляли исключения в этом плане и самые северные области, где в то время готовились изменения, определившие будущее.

Все труднее было прочитать имя императора, узнать его черты на изображениях, которые штамповались на монетах. Чем большее число их чеканилось, тем менее четкими эти изображения становились. Дело в том, что в данной сфере, как и в той, что связана со старыми архитектурными традициями, проявлялось воздействие тенденции к медленной потере римского наследия, а в известных случаях к нарастанию процесса, который назвали «варваризацией». Мы увидим, что подобный процесс проходил и в области духовной культуры — при участии христианских элит, решивших одарить общество новым видением мира.

4
ХРИСТИАНИЗАЦИЯ И ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

АВТОРИТЕТ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

„В наши дни, — восклицает Сидоний Аполлинарий, — не так уж много людей занимается культурой слова, но еще меньше тех, кто занимается ею с блеском». Правда, в конце V века шел процесс постепенного упадка публичных школ, которые до того времени в Южной Галлии успешно противостояли потрясениям последних веков империи. Однако привязанность к классической культуре сохранилась в богатых семьях Аквитании, Бургундии и Прованса благодаря семейной традиции и отчасти использованию для воспитания детей частных наставников. Исполненные ложной скромности слова Григория Турского приоткрывают нам значение риторики. Посетовав в предисловии к своей книге «История франков» по поводу «упадка культа художественной литературы», он просит читателей извинить его, «если в его записях и словах ему случится нарушить правила искусства грамматики, которыми он не вполне владеет». Оно раскрывается также в словах итальянца Фортуната, который, обосновавшись в Галлии, куда менее защищенной, чем его родина, заявил: «Мои губы почти незнакомы с секретами речи. Мне досталось лишь несколько капелек из ручьев грамматики и лишь несколько глотков из потоков риторики. Я только прикоснулся к изучению права». В Южной Галлии, безуслов-

но, оставалось достаточно светлых умов, что как раз и смущало аббата одного из парижских монастырей, которому в 559 году король Клотар предложил занять место епископа в Авиньоне: он не хотел, сообщает Григорий, «чтобы его простосердечие было подвергнуто испытанию в обществе изощренных в софистике и философии сенаторов и магистратов». Напротив, он не отказался от такого же места в Ле-Мане, где ему, по-видимому, не грозила подобная опасность. Этот замечательный пример епископа Домнула, который, как мы видели выше, основал базилику Сен-Венсен Дю-Ман и передал ей обширные родовые поместья, показывает, что существовало культурное противостояние двух Галлий, варварской — на севере и римской — на юге. Нетрудно заметить, что для галло-римского аристократа с севера Южная Галлия была слишком проникнута римским духом. Следут сказать, что использование письменности, как показывают административная практика и наличие нотариусов, было достаточно широко распространено в городах Южной Галлии (Арль, Лион, Клермон, Пуатье, Бурж) до начала VII века.

Употребление письменности не было полностью утрачено и на севере, где она широко применялась в Треве, этом очаге римского духа, долгие годы сохранявшемся в самом центре германизированного мира, а также в Париже, который довольно часто был местом пребывания королей и их свиты. Хотя нам не так уж много известно об уровне развития культуры при наследниках Хлодвига (во всяком случае, их первого поколения), мы можем все же судить, в какой степени они были очарованы наследием античности. Миф о троянском происхождении франков, который зрел в их умах с VI века, прежде чем появилось его письменное воплощение в хронике лже-Фредегера в середине VII века, безусловно, является результатом такого ослепления. Это преклонение, настолько очевидное у Теодебера, что его нет нужды доказывать, в значительной мере разделялось и младшим сыном Клотара

Хильпериком. Он, как и его кузен, стремился не только сохранить цирковые игры, надеясь усладить ими жителей своих двух столиц — Суассона и Парижа, не только состоял в переписке с византийским императором, похваляясь перед соотечественниками полученными от него богато украшенными медальонами, но и сам увлекался литературой. Он сочинил несколько месс и гимнов, один из которых, посвященный святому Медарду, особо почитаемому его родителями, по своим ритмическим особенностям явно напоминает победные гимны античности; он считал себя теологом и написал небольшой трактат, правда, далеко не ортодоксальный, о Святой Троице; и наконец, он выступил в качестве грамматика, прибавив, по примеру императора Клавдия, четыре буквы в латинский алфавит и законодательно закрепив их употребление на всей территории своего королевства.

Эта реформа, призванная, возможно, узаконить фонетические изменения, свойственные простонародной латыни, которую называли римским деревенским языком, используемым в ту пору франкской элитой, показывает все более глубокое расхождение между разговорной и классической латынью. Впрочем, тексты, оставленные нам королем, а также документы, подготовленные в его канцелярии, как и в канцеляриях его братьев, отнюдь не лишены ошибок, точно так же, как и эпитафии, которые и по сей день находят во множестве на юге страны. Все указывает, что престиж письменности, стоявший так высоко в Галлии VI века, постепенно утрачивался параллельно снижению ее технического уровня. В создаваемых в то время школах — монастырских, кафедральных, пресвитерианских — обучение искусству речи не являлось самоцелью. Когда в 599 году папа Григорий Великий узнал, например, что епископ Вьенна Дидье предпринимает попытки обучить грамматике некоторых своих сограждан, он сделал ему серьезное внушение: «Мы узнали, что Ваше Священство обучало некоторых прихожан грамматике. Мы считаем это грубым нарушением... потому что

похвала Христу несовместима с похвалой Юпитеру, исходящей из одних и тех же уст. Считайте, что распевание стихов является тяжким грехом и кощунством для епископа...»[1] В обществе решительно насаждалась тогда аскетическая культура.

КАДРЫ СВЕТСКОЙ ЦЕРКВИ

Обращаясь с письмом к епископу Дидье, папа опирался скорее на свой моральный авторитет, нежели на иерархическую власть. Епископы признавали папу Григория руководителем, особенно в дисциплинарной области, не потому, что он (последним из пап) по-прежнему назначал епископа из Арля в качестве своего «апостольского викария» в Галлии, уполномоченного представлять и защищать там его интересы; и не потому, что его личное обаяние и дух инициативы снискали ему всеобщую признательность и уважение. Главами церкви, правильнее будет сказать — галльских церквей, выступали архиепископы и в еще большей мере короли. Следует заметить, что династические переделы, которые во все меньшей мере учитывали старые провинциальные деления, постепенно уменьшали влияние первых и увеличивали влияние вторых. Созывы соборов, особенно многочисленные в VI веке, на которых как раз и решались крупные вопросы теологии и иерархии, все чаще осуществлялись по инициативе королей (весьма далеким примером может служить позиция Хлодвига в Орлеане в 511 году) и все реже по инициативе архиепископов. Упомянутое выше стремление архиепископов Тура распространить свою опеку на церкви Бретани было одновременно выражением их собственных амбиций, а для франкских королей, которые их поддерживали, средством вмешательства в дела далекой Арморики, страны, где продолжали действовать кельтские, островные по происхождению

[1] Цитируется Пьером Рише (133).

обычаи, малосовместимые с континентальными, чисто галльскими порядками. И действительно, бретонцы, в соответствии с ирландским подвижным календарем, праздновали Пасху и другие связанные с ней литургические праздники в дни, не совпадающие с ее празднованием в остальной Галлии, они обладали оригинальной церковной организацией, где сфера деятельности епископов, исполнявших зачастую функции аббатов монастырей, определялась не столько территориальным делением, сколько их личным авторитетом и где богослужения, к которым могли привлекаться и монахини, проводились не обязательно в церквах, но могли также перемещаться из дома в дом, где производилось причащение вином и хлебом. Хоть здесь и не было явных богословских противоречий, галльские епископы не могли бесконечно терпеть подобные порядки.

Дело в том, что церкви Галлии коренным образом отличались по своей организации от бретонских церквей. Они уже приняли римский календарь, хотя галльская литургия сохранила некоторые особенности в проведении церковных празднеств и в почитании некоторых святых, носившие скорее территориальный, чем национальный характер. Епископы были прочно связаны с местом своей службы — принцип, который в будущем распространился и на местопребывание епископата, как и на всю епархию со строго установленными границами. Существовало стойкое иерархизированное представление о литургических службах, исключительно в мужском исполнении. С другой стороны, реальному однообразию галльской церкви способствовало стремление франкских королей вмешиваться в распределение духовных должностей вопреки извечному праву церквей, которые предпочитали, чтобы епископы избирались верующими, а еще лучше — духовенством епархии.

Королевское засилье сложилось не на голом месте. Начиная с Орлеанского собора 511 года, который принял решение о том, что без королевского разрешения

ни один мирянин не может быть возведен в духовный сан, а значит, и назначен епископом, потребовалось решение нескольких соборов (например, Орлеанского 549 года) и ряд жестоких столкновений, чтобы короли получили наконец во второй половине VI века право контроля за назначением епископов. Иногда они шли навстречу местным традициям и семейному наследованию отдельных постов, но, понимая исключительную политическую важность попавшего в их руки инструмента, не колеблясь, назначали на церковные должности своих приближенных, подчас не имевших духовного сана. Так было с референдарием Клотара Бавдином, направленным в Тур, и с бывшим майордомом Хильперика Бадегизилом, назначенным в Ле-Ман. Уже упоминавшийся случай с клерком из Ле-Мана Домнулом, который стал аббатом Сен-Лоран де Пари и которого Клотар убеждал принять епископский пост в Авиньоне, а затем назначил епископом Ле-Мана, достаточно ясно показывал, какую важную объединяющую роль могли играть епископы на службе у королей.

Было ли королевское вмешательство в вопросы назначения епископов благотворным для жизни церкви и для прогресса христианизации? В этом можно априори усомниться, вспомнив хотя бы о том, что некоторые миряне, такие, как Бадегизил, должны были освоить основы знаний низшего и высшего орденов за сорок дней вместо минимума в один год, установленного католическими нормами. Но такое выдвижение не исключало и подлинного обращения, которое предполагало, как минимум, отказ от супруги, если таковая имелась. Это был наиболее частый случай, когда выдвигались не монахи или члены духовного сословия, такие, как архидиаконы, первые помощники епископа в управлении епархией, становившиеся часто всемогущими в его отсутствие. Во всяком случае, многие из епископов VI века были наряду с монахами активными проводниками христианизации: руководили кампаниями, творили чудеса, освящали церкви.

МОНАСТЫРСКАЯ ТРАДИЦИЯ

VI век стал временем утверждения пришедшей с Востока отшельнической традиции. Можно даже сказать, что она получила широкое развитие в Северной Галлии, где густые заповедные леса и безлюдье болотистых равнин создали для отшельников благоприятные условия: в долине Луары, в Ле-Мане, даже в Арденнах, где в Кариньяне, в старом замке Дианы жил единственный известный на западе столпник, лангобард Вульфилаих. То ли из-за завораживающего влияния отшельников, вокруг которых, иногда против их воли, группировались ученики, то ли потому, что их могилы становились объектом поклонения, скиты отшельников, как это произошло со святым Кале в Ле-Мане, преобразовывались часто в монастыри. Ведь VI век стал также временем широкого распространения монашества, зачастую поощряемого в порядке искупления грехов сильными мира сего, начиная с королей — Хлодвига, Сигизмунда, Клотара, с которыми мы встречались, епископов, таких, как Домнул из Ле-Мана, представителей аристократических родов, как герцог Лаунебольд, осуществивший к 570 году реконструкцию монастыря Сен-Сернене де Тулуз, или герцог Ансемунд и его жена Анслеубана, основавшие в 543 году аббатство Сент-Андре де Вьен.

В уставе, написанном к основанию аббатства, учредители предписывают его аббатисе, своей дочери Евгении, следовать правилам, установленным ее теткой Эбоной, сестрой основателя, и аббатисой еще одной обители. Дело в том, что тогда не существовало еще религиозных орденов, и каждая община жила по собственным правилам. В лучшем случае некоторые наиболее уважаемые основатели и авторы уставов добивались, чтобы их труды использовались за пределами монастыря: монастырский устав, который написал в 520—530 годах бывший монах из Лерена Сезер д'Арль для общины своего городка и, в частности, для основанного им в 507 году женского монастыря, закрепляет утвердившееся в V веке положение уставов Оно-

ра и Кассиана. Выдвинутые им принципы — стабильность и строгая замкнутость монастырской жизни, аскетизм и целомудрие, покорность аббату и личная бедность, воспроизведенные в начале века безымянным автором, а в середине века — аббатом Мон-Кассена святым Бенедиктом, станут устоями монастырского строительства на западе.

Существует, однако, и другая монастырская традиция, которая с конца VI века расширила свое влияние в Галлии. Это ирландская традиция, отличающаяся более строгим аскетизмом, граничащим с умерщвлением плоти, и требованием паломничества в порядке служения Всевышнему, по самой идее противоречащая принципу стабильности, выдвинутому на первый план в средневековых монастырях. Хотя паломничество, совершающееся довольно часто морским путем, принимало иногда героические формы, главным его содержанием была миссионерская деятельность. Именно поэтому ирландские монахи, которые в отличие от своих собратьев на юге были и священники, стали основными проводниками христианства. Один из них, по имени Колумбан, высадился в 575 году в Арморике, долго путешествовал по Северной Галлии, а затем по предложению короля Гонтрана основал монастыри в Аннегрейе, Люксёйе и Фонтене в Южных Вогезах. Непреклонная верность Колумбана кельтским обычаям, особенно в вопросе о дне празднования Пасхи, привела его к конфликтам с соседними епископами, а затем и с королевскими покровителями. В 610 году он вновь отправился в путь по Северной Галлии с целью обращения ее жителей в христианскую веру, совершил длительное путешествие по Алеманнии и Лангобардии, основывая новые монастыри. В одном из них, в итальянском местечке Боббио, он и умер в 615 году.

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ И ЕЕ ГРАНИЦЫ

Таким образом, монастыри, как и центры епархий, стали очагами христианизации. Многие монахи оста-

вляли свои монастыри и отправлялись рушить старые культовые сооружения и строить церкви. Епископские города оставались главными полюсами литургической жизни, но постепенно она охватывала более мелкие поселения, а иногда и сельскую местность. Инициативы исходили при этом сверху, то есть от епископа или монастыря, как это случилось в Нотр-Дам дю Брюск около Шатонёф-де-Грас, где то ли по указанию епископа из Антиб или по почину монахов Лерена языческий замок, построенный недалеко от священного источника, был заменен церковью, рядом с которой тут же выросла крестильня, а вокруг поднялись могильные камни. Однако у истоков строительства сельских церквей стояла частная инициатива. Как это было, например, в Ларине и Трессоне, крупные землевладельцы галло-римского происхождения строили рядом со своими поместьями небольшие молельни. Случалось и так, например, в Арлоне в середине VI века, что франкские вожди возводили на местах своих фамильных захоронений часовни, поначалу частные, но по мере расселения вокруг новых жителей превращавшиеся решением собора в центры нового сельского прихода. Часовню обслуживал священник, назначавшийся по каноническим правилам епископом, но чаще всего избираемый основателем часовни или его потомками, которые тут же объявлялись «покровителями» церкви. Таким образом, в нижней части церковной иерархии четко выступало то же самое засилье, что и на ее вершине.

Это не значит, что миряне активно участвовали в духовной жизни, она оставалась все же уделом духовенства. Короли могли созывать соборы и председательствовать на них, а иногда и выступать по проблемам богословия, но не следует забывать, что исполнение литургий всегда было делом духовенства и что в церквях того времени, начиная от скромных сельских церквушек, скажем, в Лимане или Верхнем Провансе, кончая величественными соборами крупных городов, таких, как Сен-Дени, — высокая балюстрада, предшественница нынешних амвонов, скрывала от верующих

сам процесс богослужения. Для большинства мирян главным казалось не приобщение к тайнам службы, а возможность приблизиться к святым мощам, находящимся в склепе под хорами, прикосновение к которым считалось спасительным. «Огромная толпа народа собралась вокруг могилы святого Ницетия, как рой пчел, — пишет Григорий Турский, племянник святого епископа из Лиона. — Одни хватали кусочки воска, другие немножко пыли, некоторые вытягивали несколько нитей из покрывала на могиле или стебельки травы, принесенные богомольцами к подножию усыпальницы».

Святой Иларий в Пуатье, святой Марциал в Лиможе, святой Сернен в Тулузе, святой Дени в Париже, святой Реми в Реймсе, святой Медард в Суассоне, святой Жульен в Бриуде и святой Мартин в Туре также были в большой чести у паломников. Это особенно верно для последнего в этом списке святого Мартина, поклонение которому в VI веке стало объектом глубокого анализа[1]. Если вся Галлия — от Кёльна до Тулузы, от Авранша до Безансона — шла к нему на поклон (в форме известного нам паломничества), можно сказать, что распространение культа этого святого шло во всех направлениях на 200 и более километров от Тура. Таким образом, он сам шел навстречу Галлии и даже за ее пределы.

Успех этого подлинно «всегалльского» культа может натолкнуть на мысль, что к концу VI века значительная часть населения Галлии, за исключением, может быть, самой отсталой части крестьянства на севере и на востоке — уже при христианстве, то есть прошла обряд крещения в соответствии с нормами того времени, которые допускали к причастию только взрослых, причем коллективно и во время одного из литургических празднеств года. Нельзя не вспомнить здесь пример Хлодвига и его дружины. Означало ли это, что все прежние верования, а точнее прежние обряды были

[1] Особенно в работах Шарля Лелонга (99).

отменены? Нет, конечно, поскольку многие проповеди, и, в частности, Сезера из Арля, а также синодальные и соборные уставы, принадлежащие, например, епископу Онеру из Осера (вторая половина VI века), показывают, что сохранялись не только отдельные формы поклонения старым римским божествам, но в еще большей мере языческие обряды. Возродилось кельтское язычество, стимулированное беспорядками последних веков и распространением германского язычества, которое было еще всемогущим на севере и востоке Галлии. Изобличались ритуальные переодевания во время январских календ, ночные омовения в период летнего солнцестояния, коллективные стенания по случаю лунного затмения, пантеизм, изготовление человекоподобных идолов, ношение амулетов и вся практика колдовства и гаданий. Тот факт, что соборы, созванные в Эстинне (Эно) и Суассоне в 743—744 годах, вновь вернулись к этим запрещениям в приложении, известном под названием «Indiculus superstitionum et paganiarum»[1], достаточно ясно показывает народное сопротивление этой настоящей аккультурации, которой должно было или, во всяком случае, могло стать принятие христианства.

Эти нормативные тексты показывают также, как вырабатывался своеобразный синкретизм между старыми обрядами и новыми верованиями. Амулеты и талисманы стали христианизироваться; во всякого рода прорицаниях стали упоминаться святые; вошло в обычай причащение умирающих — любопытная замена старого обола для Харона. Стела, обнаруженная в Мистре (Турень), служит любопытной иллюстрацией к этому синкретизму: она несет на себе чисто христианскую эпитафию(«Здесь погребен во время сентябрьских календ светлой памяти юный Аигульф, пусть он помолится за своих родителей Эгидия и Мелиту, как приличествует делать человеку, когда он предстает

[1] Основательно проанализированном недавно Аленом Диркенсом (36).

перед ликом Христа»[1]); но там же выгравировано изображение героизированного избранника, вырванного из когтей вечной смерти в образе льва, уносимого в небо мифическим конем. Таким образом, через похоронные ритуалы наиболее наглядно проявляется подлинное воздействие христианства.

СМЕРТЬ

Большинство из сохранившихся христианских эпитафий выражают реальное благочестие, если даже в них сохраняются стереотипы предыдущих столетий, а высеченные на стелах сцены далеко не так противоречивы, как изображение в Мистре: эпитафия Популонии, преданной земле в некрополе Сен-Ферреоля, недалеко от Гренобля, украшена двумя голубями с вазой между ними, символом источника жизни и очищения души через крещение.

Стоит ли удивляться, что подобные эпитафии обнаруживались чаще всего на периферийных кладбищах старых галло-римских поселений, например, в Лионе, Вьенне, Гренобле — то есть именно в тех местах, где над могилами мучеников и епископов были построены надмогильные базилики. Возведение таких базилик лишний раз подтверждает погребальный характер их местонахождения, настолько велико было желание христиан быть похороненными поблизости от святых мест и литургических богослужений, как средства эффективного общения с Богом. Сильные мира сего — в первую очередь епископы, а затем другие представители духовенства и высокопоставленные миряне — добились привилегии захоронения в церквях: базилика Святого Мартина стала фамильным склепом епископов Тура, церковь Сен-Пьер — склепом епископов Вьенна. Во всех случаях галло-римляне стремились заменить прежние подношения пищи, укладываемые

[1] Цитирование Шарля Лелонга (99).

на могилах, простой вазой, наполненной святой водой, или камнем с выгравированными на нем образом или надписью, защищавшей могилу от злых сил; потом на могилах не появлялось уже никаких следов старых римских погребальных обычаев. Тем более что старинный запрет, воспроизведенный в Кодексе Феодосия, требовавшем, чтобы «тела умерших вывозились и погребались вне города», стал нарушаться уже в первой половине VI века: кафедральные церкви, например, собор в Аррасе в 540 году, требовали права хоронить наиболее выдающихся епископов на своей территории. Как и периферийные базилики в недалеком прошлом, они начали привлекать паломников, то же происходило и с княжескими гробницами. Не случайно, очевидно, в погребальной часовне, построенной в атриуме кафедрального собора в Кёльне, были похоронены княгиня и мальчик, которых относят к непосредственному окружению Теодебера. И снова этот человек выступает больше римлянином, чем галло-римлянином.

Ничего подобного не наблюдалось в сельской местности, особенно в северо-западной, северной и восточной частях страны, где господствовали варвары. До VII века (в отдельных местах до VIII века) они оставались верными прежним обычаям публичных погребений, то есть кладбищ с рядами могил, достигавшими порой сотен метров. Во времена империи использование таких кладбищ в Галлии было принято в колониях наемных солдат или союзных племен. Этот способ захоронения не только пережил старинные поселения, от Крефельда-Геллепа (Райнланд) до Френувиля (Нижняя Нормандия), оккупированные еще в III веке, но и проявился при создании новых кладбищ в открытом поле, возможно, под прямым влиянием франкских завоевателей, а скорее всего в результате стихийного распространения закрепленной в обычаях модели. Принятие христианства, о котором со времен Хлодвига упоминают все историографические источники, долгое время никак не отражалось на характере погре-

бений: по-прежнему умерших хоронили в одежде, женщин одевали в лучшие наряды, а мужчинам в гроб укладывали оружие; и тем и другим приносились дары, помещенные в специальные вазы. Можно было уловить лишь изменения, связанные с развитием керамики, эволюцией оружия, одежды и женских украшений. В настоящее время они достаточно изучены, чтобы археологи после долгого движения ощупью могли установить типохронологию могил.[1]

Если оставить в стороне проявившуюся с середины VI века тенденцию хранить святые реликвии, а затем погребать тела духовной и княжеской элиты в церковных комплексах, то есть в стенах старинных поселений, погребальные обычаи как варваров, так и римлян были сколком с обычаев последних столетий античности: это понятно, если оценить все достоинства и недостатки возобновления старинных моделей культуры. Меровингский некрополь был не столько отражением христианизации, влияние которой в этой области не поддается оценке, сколько слепком сильно структурированного общества: чаще всего в центре новых кладбищ, примером чему может служить некрополь в Лавуа (Мёз), располагалась могила вождя, воплощенная в строении, изгороди или холме, притягивавшая к себе прежде всего захоронения родственников, а затем и членов его военной свиты и ближайших помощников. Что касается их топографического развития, оно определялось зачастую, например в Мезьере и Ордене[2], расположением могил вождей, сменявших друг друга во главе общины. Дело в том, что в смерти, как и в жизни, франкское общество было пронизано мощной групповой солидарностью: серьезный кризис, потрясший монархию в конце VI века, явился ее впечатляющим отзвуком.

[1] Патрик Перен (120).
[2] См.: Патрик Перен (119) о Мезьере и Пьер Демолон в «Ле Нор де ла Франс» (117) об Ордене.

5
КРОВНАЯ МЕСТЬ КОРОЛЕЙ
561 - 613 ГОДЫ

СЕМЬЯ И ПРАВО[1]

Как уже отмечалось выше, галло-римские подданные меровингских королей подчинялись в своей частной жизни нормам римского права. Они содержались в «Кодексе Феодосия» (около 437 года), сокращенном и упрощенном Гундобадом в «Римском судебнике бургундов» и Аларихом II в его «Требнике». В конце своего царствования Хлодвиг хотел распространить действие этого свода на всю Галлию. Что касается варваров, то они испокон века, а в особенности со времен переселения в империю в качестве федератов, следовали обычному праву своего народа, которое передавалось исключительно путем устной традиции. Так продолжалось до того момента, пока нормы этого права не были записаны по повелению Эриха — для вестготов, Гундобада — для бургундов, наконец, Хлодвига — для салических франков. Разумеется, записи были произведены на латыни, то есть с использованием таких терминов, которые должны были увеличить число заимствований из римского обычного права, при сохранении исконного архаизма самих сводов. Последнее особенно отличало «Салическую правду» (Pactus Legis Salicae).

Таким образом в Галлии VI века царил в принципе

[1] См.: Эдвард Джеймс (85).

режим персональности права, в соответствии с которым каждый человек подчинялся установлениям своего народа. Но в многочисленных судебных процессах сталкивались лица, следующие различным системам, что осложняло задачи правосудия. К тому же происходил процесс слияния элит, облегченный тем, что в Галлии, в отличие от остготской Италии, не было формального запрета на браки между римлянами и варварами. Отметим также то, что обе системы права могли дополнять друг друга (варварское право, к примеру, предоставляло обвиняемому средства, в которых отказывало ему римское право). Наконец, действовала законодательная власть королей (хотя, конечно, она использовалась скорее в области публичного права, чем в гражданской и уголовной сферах). Все это, вместе взятое, довольно скоро привело к тому, что принцип персональности права в известной степени потерял силу. Тем более что при разрешении конфликтов скорее применяли силу, чем обращались к органам правосудия.

Именно поэтому главной заботой франкского законодателя было разорвать порочный круг кровной мести — того, что сегодня мы назвали бы вендеттой. Когда совершалось покушение на жизнь, достоинство или имущество родственника, то вся его семья, в соответствии с германским обычаем, должна была смыть кровью нанесенную обиду. При этом объектом мщения становился не только сам агрессор, но и его родственники. Григорий Турский дает многочисленные примеры того, как в водоворот насилия неумолимо втягивались целые семейства. Этот летописец приводит случай с неким франком из Турне: в 590 году он убил шурина, бросившего свою жену ради гуляющей женщины. В свою очередь приятели пострадавшего расправились с убийцей. Вскоре оба семейных клана оказались в состоянии войны, понадобилось вмешательство королевы Фредегонды, примирившей эти семьи. За 50 лет до этого вспыхнула распря между двумя вельможами, приближенными ко двору Теодебера, —

Секундином и Астериолом, «мужами, искушенными в риторике». Этот случай говорит о том, что и представители галло-римской элиты с легкостью прибегали к насилию для сведения личных счетов.

Сохранить гражданский мир — таков был смысл системы «композиции»[1], получившей широкое распространение во франкском праве. В соответствии с нормой, названной «цена человека» (wergeld), виновники правонарушения или преступления должны были заплатить жертве или ее семье денежную компенсацию, чтобы предотвратить месть. При этом размер компенсации определялся не только характером нанесенной обиды, но и социальным положением потерпевшего, его возрастом и полом. Так, цена мужчины зрелого возраста в этой системе была выше, чем цена ребенка, старика или женщины; цена епископа или члена королевской свиты — выше цены простолюдина. В любом случае одну треть «вергельда» — «цену мира» удерживал представитель короля — граф, его уполномоченный или сотник. Он выносил приговор в суде, где заседали присяжные, выбиравшиеся из числа знати. Из королевской доли «вергельда» судья оставлял себе одну треть (то есть девятую часть общей суммы), а остальное передавал в королевскую казну.

Но необходимым условием выплаты компенсации была доказанность вины обвиняемого, причем доказывать свою невиновность должен был он сам. Для этого следовало пригласить в суд как можно больше свидетелей, а при их отсутствии — подвергнуться процедуре ордалии («Божьего суда»). В лучшем случае для обвиняемого такая процедура заключалась в его юридической дуэли с истцом или одним из его близких. Практиковалось также и физическое испытание: руку обвиняемого опускали в кипящую воду или жгли раскаленным железом. Если рука оказывалась после этого невредимой, обвиняемого оправдывали. Но при этом нужно, чтобы обвиняемый был платежеспособен или

[1] В древнерусском праве — «вира». — *Прим. пер.*

семья должна была заплатить за него. В последнем случае обвиняемый передавал им в счет оплаты судебного долга свое имущество. Передача оформлялась с помощью любопытной процедуры, которая во франкском праве называлась chrenecruda: ответчик давал торжественную клятву в том, что не имеет более движимого имущества, затем он входил в свое жилище, в каждом из четырех углов брал по горсти земли и бросал ее через плечо в своих самых близких родственников. Наконец, облачившись в простую рубаху, без пояса и босой, ответчик должен был перепрыгнуть через изгородь своей усадьбы, чтобы продемонстрировать полный отказ от недвижимости. И только после этого семья соглашалась участвовать в оплате «вергельда».

Но что представляла в те времена семья? Разумеется, ее возглавлял отец, имевший полную власть в доме. В семью входили родные и сводные братья (в те времена последних было довольно много, ибо супруги различного ранга сменяли друг друга и даже жили вместе под одной крышей), затем дядья с материнской и отцовской сторон, далее — двоюродные братья, а возможно, и более дальняя родня. Особенно пополняли состав семейных кланов все те, кто был близок к дому, — компаньоны, челядь, а в ряде случаев и члены вооруженной свиты. Понятно, что чем выше был социальный ранг семьи и чем большей властью она обладала, тем шире становился круг лиц, на которых распространялся принцип семейной поруки. Поэтому в конце концов кровная месть стала раздирать королевскую семью, а вся Галлия рисковала оказаться во власти огня и крови.

РАЗДЕЛЫ 561 и 567 годов

Помимо очень набожной Радегонды Клотар I имел по крайней мере еще четырех жен. Три королевских наследника провожали его прах, погребенный затем в усыпальнице Сен-Медар в Суассоне. — Харибер, Гонт-

ран и Сигебер. Все они являлись сыновьями королевы Ингонды. Матерью четвертого наследника — Хильперика — была сестра Ингонды Арнегонда (ее кольцо с надписью «Arnegundis Regine» найдено в богатой женской усыпальнице второй половины VI века под монастырской церковью Сен-Дени). Возможно, что положение младшего брата и некоторая отчужденность привели Хильперика, сразу после смерти отца, к решению ускорить ход событий. Он захватил первоначально королевскую казну, а затем и Париж, являвшийся столицей Хлодвига. Но эти действия тут же вызвали решительный отпор со стороны единокровных братьев Хильперика, навязавших ему такой раздел отцовских владений, в результате которого младшему брату досталась отнюдь не лучшая их часть. Харибер получил почти все королевство Хильдебера, занимавшее большую часть Аквитании. Из земель королевства Клодомира Гонтран сохранил бассейн средней Луары и, что особенно важно, приобрел всю Бургундию. Сигебер получил сохраненную и даже немного расширенную часть земель Тьерри и его рейнских наследников. Хильперику же были выделены родовые отцовские земли, простиравшиеся от северного Брабанта до Суассона и включавшие Турне, — те самые земли, которые в несколько более широких границах отошли к Клотару полвека назад. Принцип этого раздела заключался в том, что оставалась неизменной принадлежность столиц (соответственно Парижа, Орлеана, Реймса и Суассона), располагавшихся в сердце Парижского бассейна, а также в том, что сохранялась, как никогда прежде, целостность первоначальных королевств — в особенности салических франков, рейнских франков и бургундов. Очевидно, что при разделе имущества ничто не было пущено на самотек и что раздел был скорее всего итогом сознательной политики, проводившейся еще Клотаром, когда не было уверенности в том, что удастся восстановить единство франкской Галлии. Действительно, один из сыновей Клотара, которому было предназначено стать повели-

телем рейнских франков, был наречен при рождении Сигебером — именем кёльнского короля, убитого по приказу Хлодвига. Еще более красноречив тот факт, что именно Гонтрану (Gunt-Ramn — «воинственный ворон») были переданы владения, принадлежавшие старинным королям бургундов Годомару, Гундевеху, Гундобаду (Gunt-Balt — «отважный воин»). Не являлся ли выбор соответствующего имени одним из способов подготовки почвы для будущих притязаний?

Подобно Клодомиру в предыдущем поколении, Харибер умер рано, в 567 году. И так же, как и в 524 году, наследство покойного было поделено его братьями: каждому достались земли, расположенные одновременно к северу и к югу от Луары; Аквитания, таким образом, вновь утратила свою целостность. Напротив, хотя центральная часть Парижа (Сите) была поделена на три равные части, сам город остался цельным образованием и рассматривался как общая столица. Вероятно, в то время франкские короли еще исповедовали принцип единства государства. Однако было очевидным и то, что подтверждение целостности трех первоначальных королевств отнюдь не являлось случайным, это отвечало чаяниям если не всего их населения, то, по крайней мере, их аристократии. Короли же охотно шли им навстречу. Результатом было стремительное скольжение двух столиц — Реймса и Орлеана к точкам (Мец, Шалон-на-Соне), более периферийным на карте Галлии, но более близким к географическим центрам самих королевств.

КОРОЛЕВСКИЕ БРАКИ

Григорий Турский с явным снисхождением и большой долей предвзятости рассказывает о брачных союзах своих современников — сыновей Клотара. Благодаря этому летописцу мы довольно ясно можем представить себе матримониальную практику в кругах высшей франкской знати того времени. Так, у Гонтрана

сперва была лишь «наложница» — Венеранда, подарившая ему первого сына — Гундобада. Затем Гонтран женился на Маркатруде. Ревнуя своего сына к Гундобаду, она приказала умертвить его, но затем собственный ребенок Маркатруды погиб (Божья кара). Гонтран же от нее отказался. Он взял в супруги Австрегильду, подарившую ему несколько детей, в том числе двух сыновей. Но это не помешало Гонтрану пообещать свою руку Теодехильде, вдове его брата Харибера. Невеста поспешила к жениху с «сокровищами». Гонтран взял их себе и приказал заточить новобрачную в монастырь...

Бурные события жизни короля показывают, каковы были главные ставки при заключении любого брака. Разумеется, ими являлись экономические выгоды (Гонтран, как и другие женихи, бегал за богатыми невестами), но особенно — получение статуса наследника. С этой точки зрения примечательно, что сын Венеранды (так называемой «наложницы», а фактически супруги второго ранга — «Friedelfrau» по старогерманскому праву, с которой был заключен союз, не имевший ни окончательного характера, ни экономической ставки) был наречен Гундобадом — именем по преимуществу королевским у бургундов. Несомненно, это отражало намерение сделать мальчика законным наследником своего отца в случае, если другие его браки окажутся бесплодными. Этим и объясняется ревность мачехи Маркатруды.

Сигебер не мог спокойно смотреть на то, что его братья, как пишет Григорий, «связывались с женщинами, их недостойными, и опускались, женясь на своих служанках»; он остановил свой выбор на дочери короля вестготов Атанагильда — Брунгильде (Брюнеоте), которая слыла честной и красивой девушкой. Невеста приехала в дом жениха около 566 года с немалым приданым. Оставив арианство, в котором Брунгильда была воспитана, она сочеталась брачными узами с Сигебером. Их свадьба отличалась пышностью, что было отмечено как Фортунатом, так и Григорием

Турским. Женитьба вызвала ревность его единокровного брата Хильперика. И хотя последний «уже имел несколько жен» (в их числе были Авдовера, подарившая супругу нескольких королевских наследников с многообещающими именами — Хлодвиг, Меровей и Фредегонда), он попросил у короля Атанагильда руку Галсвинты, его старшей дочери. Хильперик не только получил ее в жены, но и испытал к ней, как с иронией отмечает Григорий, «любовь великую, ибо она привезла с собой несметные сокровища». Понятно, что при такой глубине чувств Хильперика прежние страсти вскоре возобладали, в особенности связь с Фредегондой. Поскольку Галсвинта выражала неудовольствие по этому поводу и угрожала возвратиться к своему родителю, ее умертвили (около 570 года). Григорий Турский прямо обвиняет в этом Хильперика, предполагая и пособничество Фредегонды, которую король сразу же сделал своей супругой первого ранга. Ясно, что летописец презирает и короля, и новую королеву. Во всяком случае, Брунгильда и Сигебер знали, куда направлять свои удары, когда решили отомстить за убийство своей сестры и золовки.

МЕЖДОУСОБНАЯ ВОЙНА: ПЕРВАЯ ВОЛНА
около 570—584 годов

Король Гонтран, который на протяжении всего конфликта будет занимать позицию заинтересованного посредника, первоначально встал на сторону «жертв». Он поддержал требования Сигебера и Брунгильды, вынудив Хильперика выплатить им солидную «композицию» (или возмещение) в форме «супружеского дара» (в германском обычном праве оно называлось Morgengabe и представляло собой дар (Gabe), который муж вручал своей жене на следующее утро (Morgen) после свадьбы), составленного им в свое время для Галсвинты: сюда вошли города Бордо, Лимож, Беарн и Бигор. Но для Хильперика отказ от этих

земель был лишь способом выиграть время для подготовки к войне. Вместе со своими сыновьями от первого брака он провел несколько кампаний против аквитанских владений Сигебера. Последнему пришлось обратиться с просьбой о помощи к «народам, обитающим за Рейном» — и не только к франкам на правобережье этой реки, но и к тем племенам, которые начали осваивать территории вдоль долины реки Майн (вскоре этот край назовут Франконией), а также и ко всем народам, которые еще со времен Хлодвига, Тьерри и Теодориха являлись данниками Восточнофранкского королевства, в особенности к алеманнам и тюрингам. На первых порах казалось, что Хильперик уступил напору превосходящих сил противников; ему пришлось возвратить Сигеберу практически все его аквитанские владения.

Но и на этот раз Хильперик отступил на шаг лишь для того, чтобы затем лучше прыгнуть вперед. Воспользовавшись зимним затишьем, он подготовил нападение на центр владений Сигебера — в направлении Реймса, своей бывшей столицы. Однако рейнский властитель, опираясь на Париж, где он прочно обосновался, сразу же предпринял наступление на нижнюю долину Сены вплоть до Руана, затем на Пикардию вплоть до Витри-ан-Артуа, что в пятидесяти километрах от Турне. Хильперику пришлось укрыться в стенах Витри. Именно там часть его войска добровольно сдалась Сигеберу. Солдаты подняли Сигебера на щит и провозгласили своим королем. Сознавая грозящую опасность, Хильперик немедленно организовал убийство брата, подослав к нему двух своих людей (575 год). Сигебер оставил в Париже вдову (которая должна была теперь мстить уже за два убийства), а также пятилетнего сына по имени Хильдебер II и основную часть своей казны.

Хильперику удалось захватить и вдову (она была отправлена в ссылку в Руан), и казну — добычу, необходимую для обеспечения верности своих воинов. Но маленький Хильдебер ускользнул. Предводитель

рейнских франков Гундовальд укрыл его, затем перевез в сердце отцовского королевства, где верные Сигеберу люди провозгласили мальчика своим государем. Кроме этого, он получил поддержку со стороны своего дяди Гонтрана, который, переметнувшись два или три раза из одного лагеря в другой, провозгласил себя опекуном Хильдебера. Такая поддержка была полезна маленькому Хильдеберу особенно потому, что часть знати Восточнофранкского королевства во главе с очень влиятельным епископом Реймсским Эгидием и герцогом Гонтраном Бозоном вступила в сговор с Хильпериком. Эта знать плохо переносила возвращение властной Брунгильды, отправленной к домашнему очагу Хильпериком. Он имел все основания беспокоиться, узнав вскоре о заключении союза между нею и своим буйным сыном Меровеем.

Этот союз — событие само по себе незначительное. Но он представлял собой со стороны Меровея акт явного сыновнего неповиновения и явился первым признаком существования глубоких трещин в семье Хильперика. Король заставил своего сына постричься в монахи для того, чтобы предупредить любые его претензии на отцовское наследство. Но вскоре, однако, если верить Григорию Турскому, Хильперик был убит по приказу Фредегонды. Позднее (около 580 года) настал черед Хлодвига, другого сына Хильперика от первого брака. Наконец в 584 году, когда король возвращался в Париж с охоты в окрестностях «виллы» Шелль, ему нанес смертельные удары неизвестный убийца. Навсегда останется тайной, кем был этот человек, кто вложил в его руку оружие. Был ли это безумец? Или его послала Брунгильда, вовлеченная в круговорот кровной мести? Может быть, это была сама Фредегонда? Хильперика, как и его дядю Хильдебера, похоронили в храме Сен-Венсан в Париже (ныне известном как Сен-Жермен-де-Пре). Король оставил после себя лишь четырехмесячного сына, будущего Клотара II. Надо ли удивляться тому, что его дядя Гонтран сразу же предложил свою поддержку

матери и ребенку. Но вскоре рвение Гонтрана охладил случай. Он узнал, что два вооруженных человека, посланных к нему невесткой, намеревались его умертвить. В конце концов Гонтран решил пойти на союз с Брунгильдой и Хильдебером.

АНДЕЛОТСКИЙ ПАКТ И ЕГО УРОКИ

Договор, заключенный 28 ноября 587 года в Анделоте (Верхняя Марна), на полдороге между Мецем и Шалоном, объединил имена двух королей и «преславной госпожи и королевы Брунгильды», подписавших этот документ «по совету с епископами и знатными персонами». Содержание принятых решений скрупулезно излагает Григорий Турский, который играл роль посредника при подготовке переговоров. Их участники стремились в общем плане урегулировать старые территориальные споры, выгоды из которых сумел извлечь Гонтран, пользуясь своим силовым преимуществом. Именно ему в прижизненное пользование достался «супружеский дар» Галсвинты, хотя этот «дар» был выделен в 570 году Брунгильде. Но особенно интересен пункт протокола, гласивший, что в том случае, если один из двух королей умрет, не оставив наследника мужского пола, то переживший его получит целиком и в свое полное пользование вымороченное королевство. Поскольку вопрос о потенциальных правах малолетнего Клотара II был обойден молчанием, этот пункт благоприятствовал не Гонтрану, лишившемуся всех своих сыновей, а Хильдеберу, бывшему отцом уже двух сыновей — Теодебера и Тьерри. Эти имена у рейнских франков являлись по преимуществу королевскими. Короче говоря, Хильдеберу надо было лишь запастись терпением, ибо он без особого труда заполучил владения Гонтрана после его кончины в 562 году.

Но договор включал еще одну статью, заслуживающую особого внимания. Она гласила: достигнута

договоренность о том, что в соответствии с соглашениями, заключенными между сеньором Гонтраном и доброй памяти сеньором Сигебером, крупные вассалы, которые первоначально присягали на верность Гонтрану после преставления сеньора Клотара и которые затем решили перейти на другую сторону, должны вернуться назад. (...) А вассалы, которые первоначально решили присягнуть сеньору Клотару, а затем приняли другую сторону, равным образом должны возвратиться назад». Из всего этого явствует: после смерти Клотара наследники разделили его вассалов точно так же, как земли и казну. Не удивительно, что при подобных обстоятельствах на протяжении всего конфликта имели место попытки переманивания вассалов, несмотря на очень жесткие условия клятвенных обязательств, которые они давали своему королю (примером может быть переход части восточнофранкской знати на сторону Хильперика). Независимо от своего происхождения, франкского или галло-романского, элиты начинали требовать от короля оплаты своей службы. Этот кризис доверия предвещал многие другие кризисы.

ВОЗВЫШЕНИЕ БУРГУНДИИ, АВСТРАЗИИ И НЕЙСТРИИ

Все умиравшие один за другим сыновья Клотара сохраняли исключительный для VI века титул короля франков. Тем не менее после смерти Харибера и разделения обширных земель Аквитании (такая участь часто выпадала в прошлом на ее долю) каждый из трех братьев установил свою власть над одним из трех первоначальных королевств, а именно королевствами салических франков, рейнских франков и бургундов. Вместе с новыми названиями они приобрели самостоятельность. Бургундия оказалась первым, породившим целостное территориальное образование королевством геополитического характера. По своему размеру она превосходила сегодняшнюю одноимен-

ную провинцию, простиралась от реки Дюранс до плато Лангр и от озера Констанц до Божоле. Судя по записям Григория Турского, название «Бургундия» восходит к временам Сидония Аполлинария.

Оно упоминается в рассказе о завоевании этой территории сыновьями Хлодвига в 534 году, а также в связи с событиями, очевидцем которых был сам летописец. Безусловно, указанное название получило распространение лишь в ту эпоху, хотя корни его находят в земле, которую более века назад заняли бургунды и которая вновь приобрела свою целостность в результате раздела 561 года.

Напротив, на севере, где франки преобладали, в новых понятиях находили отражение территориальные и человеческие реалии, возникавшие в королевстве Сигебера и Хильперика. Рассказывая в своей «Истории» о событиях 576—577 годов, Григорий упоминает о «людях (надо понимать фактически — франках) Востока», а в 561 году в повести о чудесах святого Мартина летописец говорит об Аустрии. В других источниках она скоро превратится в Австразию («Auster»). Несомненно, что это название присвоили области и ее жителям те люди запада, которые заселяли старинные земли салических франков и земли, покоренные ими в первую очередь (Парижский бассейн). По этой причине эти люди считали, что лишь они достойны имени франков. Поэтому очевиден успех, выпавший на долю названия Francia, первоначально привязанного лишь к парижскому региону («Иль-де-Франс»). С другой стороны, неудивительно, что первое летописное упоминание слова «Нейстрия» («in Neptrico» — в связи с событиями 613 года, «Neuster» — в контексте событий 622 года) содержится в австро-бургундской хронике лже-Фредегера, написанной в период до середины VII века. Жители восточных и юго-восточных областей стали использовать указанное название для обозначения франков, населявших север, или обитателей земель, недавно оказавшихся (фактически — со времен Хлодвига) под их властью. Точно определить это трудно.

В любом случае оба названия (Австразия и австразийцы, Нейстрия и нейстрийцы) были восприняты в странах, обозначаемых такими названиями. Несомненно, причина этого в том, что они напоминали о прежних различиях между салическими и рейнскими франками, но также и в том, что таким образом учитывались значительные расхождения, существовавшие между двумя королевствами, а также их элитами, и, вероятно, самими народами на рубеже VI и VII веков.

Вполне понятно появление трещин, разрушавших даже род Хильперика. Участники Анделотского пакта выражали сожаление в связи с фактами дезертирства вассалов, перебегавших от одного государя к другому. В качестве примера можно назвать сговор с Хильпериком после смерти Сигебера группы австразийских аристократов, которых увел с собой реймсский властитель. Можно вспомнить и другой случай, когда эта же группа оказала поддержку авантюристу по имени Гондовальд. Он также объявил себя сыном Клотара I и в течение некоторого времени оспаривал в Южной Галлии власть Гонтрана и юного Хильдебера. Тем не менее все эти покушения на целостность королевств можно объяснить и особыми обстоятельствами. Разлад в окружении Хильперика образовывался вследствие целой череды его браков. В Австразии с особой силой проявлялась реакция местной аристократии, которая в какое-то время приобрела вкус к самостоятельности и не одобряла возвращения властной королевы, к тому же чужестранки. «Оставь нас, женщина, — восклицал Урсион, приближенный епископа Эгидия. — Разве мало тебе было править королевством при жизни твоего супруга? А теперь на троне твой сын. И если государство сохранено, то не твоими стараниями, а нашими». Без сомнения, прекрасная речь, донесенная до нас Григорием Турским[1]. Она хорошо передает чувства знатных людей, которые давали клятву верности маленькому Хильперику, когда добрый Гондо-

[1] Цитируется Нэнси Готье (58).

вальд (не самозванец, а другой) взял сироту под свое покровительство.

Если же аристократия в погоне за своими выгодами оказывалась в стороне, то простолюдины становились гарантами законной власти короля и королевства. Так, когда сторонники Хильперика из числа знатных людей пытались поверить войско против Хильдебера, то «среди народа поднялся громкий ропот, люди осуждали епископа Эгидия и королевских графов, начали роптать и кричать на улицах: «Пусть удалят от ворот государя всех тех, кто подчиняет наши города чужим, кто отдает его подданных под власть другого господина...» Нет сомнения, что примерно к 583 году в Австразии начался процесс ее превращения (он уже шел в Бургундии и вскоре охватит Нейстрию) не только в полноправное королевство, но и в настоящее отечество[1]. Прошли времена «персональных» королевств. Со всей очевидностью наступала эпоха государственных образований на территориальной основе — эпоха Трех королевств. В ожидании того момента, когда и Аквитании удастся стать независимым княжеством, эти образования готовили действующих лиц для будущего века политической истории.

АВСТРО-БУРГУНДСКАЯ ОСЬ И ПОСЛЕДНИЕ ВСПЫШКИ МЕЖДОУСОБНОЙ ВОЙНЫ

Во владениях Гонтрана Хильдебер II правил недолго, он скончался через три года после смерти своего дяди, то есть в конце 595 года. Один из сыновей Хильдебера — Теодебер II (ему тогда было лишь десять лет) унаследовал земли в Австразии, а другой сын — Тьерри II — в Бургундии. Ситуация показалась благоприятной Фредегонде, которая предприняла наступление против своих племянников. Но она умерла в 597 году, когда ее сыну Клотару исполнилось лишь

[1] См.: Карл Фердинанд Вернер (159) и Фабьена Кардо (15).

тринадцать лет. Однако все еще жива была властная Брунгильда, решившая править от имени своих внуков. Такое решение пришлось не по вкусу австразийской знати — аристократы вновь дружно сплотились, чтобы вернуть старую королеву в Бургундию, границы которой отныне стали обозначать пределы ее власти. Управляла Брунгильда бездарно (не без особого участия своего майордома Протадия, выходца из кругов галло-римской аристократии, который пытался восстановить прежний налог на недвижимость), чем вызвала враждебность знати, епископата и мирян, а ее майордом в конце концов был убит.

Все это не помешало Теодеберу и Тьерри объединиться против Нейстрии. Братья выступили в 600 году с армией, которая столкнулась с воинами Клотара у Дормеля, недалеко от Монтеро. Нейстрийцы были раздавлены, а их королю пришлось подписать договор, согласно которому победители оставляли ему лишь дюжину округов, ограниченных реками Уазой, Сеной и районом Ла-Манша. Теодебер приобрел северную часть королевства Нейстрии, а Тьерри — земли между Сеной и Луарой. Кто бы мог тогда предположить, что Клотар спустя тринадцать лет окажется единственным королем франков? Правда, этот путь ему облегчили междоусобицы, начавшиеся среди его двоюродных братьев. Сначала Теодебер отказался (вероятно, под давлением австразийской аристократии) оказать вооруженную помощь Тьерри, которому непосредственно угрожал поход, предпринятый Клотаром II на земли, приобретенные в результате битвы при Дормеле. Но решающим было то, что некоторое время спустя Теодебер стал угрожать брату военной силой, чтобы вынудить последнего уступить Эльзас, хотя он достался Тьерри вполне законно, по наследству от отца. Тьерри был вынужден уступить давлению (610 год). Но затем он взял верх, пойдя даже на союз с Клотаром, возглавил в 612 году карательную экспедицию, достигнувшую самого сердца Австразии — Кёльна, где захватил своего брата в плен. Дальнейшие

обстоятельства жизни Теодебера покрыты мраком — Тьерри скорее всего заключил его в монастырь, если не умертвил.

Тьерри не сдержал обещания, данного в свое время Клотару в обмен на его нейтралитет, и не уступил ему свои земли на севере Нейстрии. Предупреждая события, Тьерри стал собирать войско, чтобы пойти на Клотара, но скоропостижно скончался в бывшей столице своего брата — Меце, превращенной им в свою собственную резиденцию. Тьерри оставил после себя четырех малолетних сыновей, в том числе Сигебера, которого его прабабушка сразу же пожелала посадить на королевский трон. Но у австразийской аристократии, предводительствуемой двумя лидерами с многообещающим будущим — Пипином Ланденским и Арнулем Мецким, было свое мнение на этот счет. Перспективе оказаться вновь под длапью старой королевы они предпочли переговоры с Клотаром ради сохранения собственной независимости. В свою очередь, король Нейстрии прорвался в сердце Австразии, оказался в окрестностях Кобленца. Брунгильда же закрылась в стенах Вормса с Сигебером и его малолетними братьями и попыталась оказать сопротивление, призвав в свое войско людей из-за Рейна, а затем из Бургундии. Но королеву предали. Бургундская знать, последовавшая за майордомом Варнахером, выдала Клотару, который в этот момент приближался к Соне, сначала Сигебера (юный претендент на трон был убит), а затем и саму Брунгильду. Как рассказывает лже-Фредегер, «Клотар испытывал к ней жгучую ненависть, считая ее виновницей смерти десяти франкских королей (в том числе ее мужа Сигебера, а также Хильперика, своего деверя, отца Клотара). Три дня ее пытали самыми разными способами, затем посадили на верблюда и провезли через воинский строй, затем привязали к хвосту необъезженного коня за волосы, за одну руку и за одну ногу. Конь поскакал, волоча ее по земле, ударяя ее копытами, ломая ей кости». Так погибла королева Брунгильда, похоронив ранее всех рож-

денных ею мужских претендентов на королевский трон. Клотар II, сын ее давней соперницы Фредегонды и Хильперика, присоединил к наследству, оставленному отцом, наследство своих дядьев и двоюродных братьев. В 613 году он остался единственным королем франков.

Смерть Брунгильды ознаменовала окончание междоусобной войны, опустошившей Галлию. Великое военное разорение еще более усугубили голод и эпидемии, обрушившиеся на ее города и веси в конце VI века. Эти бедствия не могли не обострять чувство изнурения, которое то и дело охватывало участников войны. Порой они были готовы пойти на примирение с противником или перейти на его сторону. При этом чем слабее становились связи между привязанностью к государству и отечеству и верностью королям, которые полностью дискредитировали себя, тем меньше их терзали угрызения совести. Успехи Клотара объясняются, без сомнения, отнюдь не его правами на престол, а может быть, его долголетием. Но бесспорна роль, которую сыграло чувство ненависти Клотара, разделявшееся и его ближайшим окружением, к королеве Брунгильде как к последней носительнице средиземноморского (или, во всяком случае, галло-романского) духа, правительнице, алчущей всевластия и преисполненной желания возродить прежнюю систему прямого налогообложения. Против королевы восстали и знатные люди, озабоченные сохранением своей власти в округах и своей независимости. Особенно это проявилось в Австразии, где вокруг таких людей, как Пипин Ланденский и Арнуль Мецкий, объединялись силы будущего.

II
НА СЕВЕРЕ: СИЛЫ БУДУЩЕГО
613–714 ГОДЫ

Восстановив при Клотаре II, а потом при Дагобере свое былое единство, Франкское государство, едва оправившись после тяжелейшего кризиса, как демографического, так и политического, потрясшего его в самом конце VI века, обрело прежний динамизм. Он побуждал население возделывать заброшенные когда-то земли, заселять новые городские кварталы. Миссионеры и солдаты двинулись в пределы восточных и северных миров, доселе незнаемых. В результате этих походов открылись новые экономические пространства — прибрежные страны Северной Европы, которые благодаря участившимся с ними контактам стали вновь развиваться. Именно на севере — в Нейстрии, особенно в сердце Парижского бассейна и на плоскогорьях между Маасом и Рейном, сосредоточились движущие элементы развития государства. Такими элементами в особенности являлись представители франкской аристократии. Они становились не только ретрансляторами роста, но и сами восприняли миссионерский дух, который когда-то шел с юга или крайнего северо-востока страны. С середины VI века эта аристократия, и только она одна, держала бразды правления государством, во главе которого номинально стояли Меровинги. Они отныне лишь звались королями. Будущее было за могущественными родами, среди которых в Австразии выделялись семейства породнившихся Пипина Ланденского и Арнуля Мецкого.

1
КЛОТАР II И ДАГОБЕР
613–639 ГОДЫ

ЛЖЕ-ФРЕДЕГЕР[1]

Несчастью для историков, Григорий Турский в 594 году скончался. Но им отчасти повезло, поскольку автор, которого с XVI века стали безосновательно называть Фредегером, решил продолжить «Историю», написанную Григорием. Творя, без сомнения, в бургундской среде, он довел свое повествование о событиях, начавшихся в 584 году, почти до 642 года. Самые старые списки его «Истории», дошедшие до нас, составлены в Австразии. Очевидно, они были переработаны каким-то северо-восточным автором. Но наиболее существенно то, что в первоначальный текст внесен ряд дополнений, которые доводят летопись до 768 года. Без этих авторов VII и VIII веков, по большей части анонимных, вряд ли бы мы узнали что-либо существенное о смутных десятилетиях, видевших рождение дома каролингских королей. Во всяком случае, именно благодаря лже-Фредегеру можно получить представление о последних вспышках междоусобной войны; благодаря этому летописцу, а также юридическому источнику — эдикту 614 года — известны обстоятельства возвращения страны к хрупкому единству.

[1] См.: Дж. М. Уоллес-Хэдрилл (56).

КЛОТАР II И ЭДИКТ 614 года

Возможно, по своей собственной инициативе, но, во всяком случае, по договоренности с епископатом Клотар II созвал в Париже собор в составе семидесяти прелатов и ассамблею знатных людей. Как гласит статья 11-я эдикта от 18 октября 614 года, целью созыва было обеспечение «с Христовой помощью на все времена мира и порядка в нашем королевстве, а также пресечение наисуровейшим образом мятежа и наглых вылазок злоумышленников». В течение долгого времени историки сталкивались с проблемой толкования текста этого документа. Прежде всего вставал вопрос о том, распространялось ли его действие только на владения, которые Клотар унаследовал от своего отца (отныне их можно было бы называть «Нейстрия»), или же на все Франкское государство. Но достаточно вспомнить о присутствии на Парижском соборе двенадцати архиепископов и о недвусмысленном упоминании в статье 9-й эдикта о налогах на торговые места, которые взимались во времена королей Гонтрана, Хильперика и Сигебера, чтобы понять: сфера действия акта охватывала всю Галлию. Само содержание эдикта интерпретировалось историками как доказательство полного подчинения короля требованиям церковной и светской знати, чей дух независимости окреп в годы междоусобных войн, особенно в Австразии и Бургундии. И эта знать якобы хотела получить эдикт в уплату за свое присоединение к королю Парижа. В действительности же эдикт пронизывает прежде всего явное стремление установить хитроумное равновесие между различными силами, действовавшими в тот момент.

Начнем с того, что предусматривались конкретные меры для восстановления порядка («дисциплины») в королевстве. В особенности запрещения касались хищений, злоупотреблений властью со стороны чиновников, сборщиков налогов на торговые места и других представителей фиска; ограничивались права гражданских судей и королевских сборщиков налогов на

церковных землях. Таким образом закладывались законодательные основы привилегии иммунитета, в соответствии с которой церковь и ее имущество ограждались от вторжения королевских чиновников. Такой привилегией короли (и в особенности Хильперик) уже начали одаривать церковь. В перечисленных мерах надо видеть большее, чем просто уступку знати. Таким образом короли восстанавливали необходимую им власть над чиновниками, лихоимство которых умножилось во время «междуцарствования» (в эдикте прямо употребляется этот термин — «interrigna»). Далее, если эдикт и признает независимость церкви от королевской власти («да будет каждый новый епископ избираться духовенством и народом»), то он одновременно утверждает и надзорное право короля (требуется обязательное одобрение результатов всех выборов). Более того, предусматривалось продвижение в состав епископата лиц из королевского окружения (при условии, если эти последние «имеют личные заслуги и преуспели в учености»). Дальнейшая история, особенно период царствования Дагобера, покажет своевременность установления такой процедуры. Что же касается высшей знати — в тексте эдикта говорится то о «potentes» (могущественных), то об «optimates» (аристократах), а порой, в гораздо более персонализированной форме, о «верных людях» (fideles) или крупных вассалах (leodes) — в соответствии с эдиктом ей должно было быть возвращено все имущество, если вассалы на всем протяжении конфликта сохраняли верность своему «законному господину» (королю).

Особенно много чернил потратили исследователи на статью 12-ю документа, поскольку она могла представляться им как важное звено в медленном процессе феодализации франкского общества. В соответствии с этой статьей ни одно должностное лицо (это слово judex, — могло обозначать как графа, так и любого подчиненного ему человека) не должно было назначаться в область, не имея там владений. Разумеется, применение этого принципа таило в себе риск того, что

сословные интересы знати возобладают над интересами гражданского управления. Но что оставалось от этого управления после десятилетий междоусобиц? Фактически из самого текста виден эмпирический характер подобного решения, которое, по здравому разумению, представляется полностью обоснованным. Действительно, было необходимо, чтобы должностные лица отвечали своим имуществом за причиненный ими ущерб. И аристократы, которые намеревались усилить свою фактическую власть за счет передаваемых им функций гражданского управления, получали палку о двух концах.

МОГУЩЕСТВО МАЙОРДОМОВ

Еще более наглядным свидетельством возросшего могущества аристократии явилось сохранение в каждом из трех королевств, управление которыми находилось в одних и тех же руках, придворных администраций во главе с майордомами. Первоначально это были простые служащие при короле, заведующие дворцовым хозяйством. Но во времена междоусобиц и раздробления царствующих родов такие служащие часто становились единственными представителями администрации, которая несла в себе функции управления общегосударственными делами и являлась личной службой государя. Поскольку же в число майордомов входили представители самых высших слоев региональной аристократии, то они и защищали интересы этих слоев, выражали их чаяния. Майордомы были гораздо более настойчивы, чем их собственные государи, в требованиях автономии Австразии, Нейстрии или Бургундии в составе Франкского государства.

Клотар, оставшийся единственным королем франков, большую часть своего времени предпочитал проводить в Париже, где сохранялась память о его прадеде Хлодвиге, или в пригородных «виллах», куда отправлялась и основная часть его двора. Поэтому королю приходилось иметь отдельные администрации,

включающие и майордомов, в Австразии и Бургундии. В последнем случае на указанном посту был сохранен Варнахер, тот самый человек, который когда-то выдал королю Брунгильду и который со временем приобрел достаточную силу для того, чтобы в 626 году, незадолго до своей смерти, созвать епископальный собор. Клотар был обеспокоен этой инициативой. Для того, чтобы предупредить любое укоренение династии майордомов, он приказал уничтожить сына Варнахера. Напротив, в Австразии Клотар II на некоторое время ставил на должность майордома людей, не вызывавших у него сомнений в своей преданности, — Радона, затем Хукуса. Между тем все говорит о том, что король все больше и больше прислушивался к мнению руководителей аристократической партии, несколько лет назад оставившей Брунгильду и перешедшей на его сторону. Речь идет, во-первых, об Арнуле, которого некоторое время спустя агиограф будет описывать как «мужа из благородного франкского рода, чрезвычайно образованного, знакомого со всеми достижениями века». Около 614 года король охотно назначил его епископом Мецким (то есть поступил вопреки обязательствам, взятым на себя по Парижскому эдикту). Во-вторых, имеется в виду Пипин Ланденский, которого отныне станут называть Пипином I. При совершенно иных обстоятельствах в 623 году ему также была доверена должность майордома. Именно в тот момент, следуя пожеланиям австразийцев, то есть их элит, которые хотели иметь «собственного короля», Клотар «привел к власти своего сына Дагобера и провозгласил его королем австразийцев».

ДАГОБЕР, «КОРОЛЬ АВСТРАЗИЙЦЕВ» (623), ЗАТЕМ «КОРОЛЬ ФРАНКОВ» (629)

Сыну Клотара и королевы Бертруды к тому времени не исполнилось и 15 лет. Его привезли в Мец и передали под опеку епископа Арнуля, сохранявшего

свои функции «друга дома», и Пипина I, нового майордома. Клотар, будучи уверенным в своих силах, воспользовался ситуацией для того, чтобы отрезать от Австразии ее южные владения (Прованс, Овернь), а также земли Восточнофранкского королевства, традиционно представлявшие вытянутый в западную сторону отросток — Реймс и округу. Но очень скоро амбиции Дагобера и его опекунов стали совпадать. Он никогда им не отказывал, действуя иногда даже против воли своего отца. Именно по их требованию в 624 году был отдан приказ о казни интригана Хродоальда из рода Агилолфингов, который позднее составил себе состояние в Баварии. Тогда же Дагоберу удалось надавить на Клотара и возвратить себе Шампань, восстановив таким образом пределы прежнего королевства Тьерри и Сигебера. Как писал лже-Фредегер, царствование Дагобера было «столь счастливым, что все народы возносили ему громкую хвалу; а могущество короля вызывало у них такой страх, что все они желали пойти под его власть» — даже за пределами унаследованных королем территорий. Тем более что, выбрав удобный момент и без колебаний воспользовавшись удобным предлогом — давлением славян и аваров на серединную Европу, Дагобер попытается установить на ней франкский протекторат. Причем он действует более решительно, чем его предшественники. Несомненно, интерес короля к глубинной Германии (а этот интерес им не отрицался) зародился в годы его австразийского ученичества и поощрялся местной аристократией.

Клотар умер в конце 629 года, похоронили его рядом с отцом в церкви Сен-Жермен-де-Пре. Нейстрийская знать, начинавшая приобретать территориальное самосознание, по силе равное соседнему, австразийскому, пожелала иметь собственного государя. Выбор пал на Харибера, единокровного брата Дагобера. Этот брат страдал слабым здоровьем (болезнь имела, как можно предположить, характер скорее физический, чем умственный). Но Дагобер решил опере-

дить соперника. Опираясь на австразийскую партию, которую после смерти Арнуля (около 629—630 года) по-прежнему возглавлял Пипин I, король навязал свою волю бургундской знати. Было признано ее право на настоящую военную автономию в составе франкского войска. Таким образом Дагобер обеспечил себе поддержку этой знати. Назначив преданного ему человека по имени Эга на должность майордома в Нейстрии, король преодолел сопротивление части местной аристократии. А после казни Бродульфа, дяди Харибера по материнской линии и главного его защитника, Дагобер почувствовал уверенность в своих силах, достаточную для того, чтобы подарить единокровному брату королевство в Аквитании. Оно располагалось между Сентожем и Тулузой (ее молодой король сделал своей столицей) и, что надо отметить особо, включало в себя к югу от Гаронны всю Гасконь, образовав форпост, который защищал страну от давления басков. Вероятно, Хариберу в годы своего недолгого царствования удавалось их сдерживать.

Земли Харибера, скончавшегося в 632 году, вновь отошли к его старшему брату. Самому Дагоберу оставалось жить еще семь лет. Он обосновался в парижском регионе и мог в эти годы с достаточным основанием выглядеть как единственный король франков. Но австразийцы, посчитав себя как бы брошенными их королем, тем более что он вместе со своим имуществом увез и Пипина, снова потребовали для себя собственного государя. Дагобер послал им в 632 году маленького Сигебера, которого родила ему три года назад австразийка Рагнетруда и имя которого заключало в себе целую программу. Опекунство доверили епископу Кёльнскому Куниберу. Нейстрийцы не остались внакладе, поскольку в 632 году при составлении завещания король предусмотрел в нем пункт, в соответствии с которым его сын Хлодвиг, рожденный в браке с Нантильдой, получал по его смерти Нейстрию и Бургундию. Проблема заключалась в том, чтобы заставить австразийскую аристократию признать по-

добный раздел. Ей пришлось покориться, дать клятву исполнить волю государя, однако с условием, что Австразия вновь обретет территории, выделенные в 632 году. Эти территории и ранее ей принадлежали, в особенности в Аквитании и за Рейном, они традиционно представляли собой театр успешных военных действий. С этого момента начинается переход от австро-бургундской к нейстро-бургундской оси. Однако нет сомнений в том, что Дагобер вплоть до 639 года крепко держал в руках бразды правления. Именно он и только он до самой своей смерти контролировал франкскую политику в Германии.

ПРАВЛЕНИЕ ДАГОБЕРА

Сын Клотара II и, следовательно, наследник династии, укоренившейся в Нейстрии, воспринял чаяния знати Восточнофранкского государства. После кончины своего отца Дагобер предпринял большое путешествие по Бургундии, посетив Лангр, Дижон, Шалон, Отен, Осер, Санс. Поездка имела целью не только обеспечить признание нового государя «прелатами, знатными людьми и крупными вассалами», но также «вершить правый суд для бедняков», внушая всем «большой страх». Что действительно поражает, так это вселенское признание и восхищение государем в 629—630 годах. Король Дагобер «правил всеми подвластными ему народами столь счастливо и с такой любовью к справедливости, что заслужил больше похвал, чем любой из франкских королей, царствовавших прежде». Скоро события жизни этого нового царя Соломона стали превращаться в легенды, хотя вряд ли сам он в этом нуждался, ибо правление Дагобера без сомнения явилось вершиной в истории династии Меровингов.

С 629 года Париж и его округа («виллы» в Рейи, Бонее, Ножане, Эпинее-сюр-Сен, Крес, Компьени и особенно любимая резиденция в Клиши) стали основной базой короля. Следуя примеру отца, Дагобер

окружал себя людьми, происходившими из социальных элит Галлии, в этом окружении особенно многочисленны были выходцы из Нейстрии и Аквитании, поскольку, как уже отмечалось, австразийские и бургундские аристократы были более привязаны к родной земле своих провинций. Многие приближенные короля свое образование получали при его дворе, куда еще в отрочестве посылались родителями в надежде на то, что их отпрыски будут там обучены и накормлены. Этих юношей так и называли — nutriti (накормленные). Таким образом, между этими юношами и королем возникали чувства солидарности и даже содружества, с годами превращавшие их в самых верных сподвижников государя. Так, молодой нейстриец Дадон (Аудуин, будущий святой Уен), сын влиятельного Лутария, и братья-альбигойцы Рустик и Дезидерий (будущий святой Дидье), сыновья благородного Сальвия, — все они познакомились друг с другом при дворе Клотара II. Назовем также Фарона, сына крупного землевладельца из округа Мо; Вандрилла, выходца из Вердюна, «знатного по рождению»; аквитанца Элуа, бывшего помощника лиможского казначея. Большинство из них приобрели известность на церковном поприще. Однако не менее известно то, что все эти деятели первоначально служили при королевском дворе. Так, Дадон был референдарием (докладчиком), а также хранителем королевской печати. Возможно, что Вандрилл являлся королевским графом, то есть должностным лицом, уполномоченным от имени государя вершить суд по делам, относящимся к королевскому двору. Элуа же был главой придворного финансового ведомства. Дидье — хранителем королевских сокровищ, а его брат Рустик — «аббатом дворцовой часовни». Дело в том, что отправление церковных функций было неотъемлемой частью пути к почету. Некоторых компаньонов короля через какое-то время посылали в качестве графов в города и сельские округа, причем многие из них становились там епископами в соответствии с положениями эдикта 614 года. Такова была

судьба самых блестящих и самых знаменитых — Дидье в Каоре, Дадона в Руане, Элуа в Нуайоне. Если имена этих людей нам лучше известны, то потому, что в силу серьезности возложенных на них новых обязанностей они приобретали репутацию святости. Но и становясь епископами, эти люди оставались подлинными представителями королевской власти.

Таким образом, при Клотаре II и особенно при Дагобере королевский двор превратился в настоящий кипящий котел, в котором «варились» вместе отпрыски аристократов с юга и с севера, потомки древних галло-римлян и франкских завоевателей. А затем их отправляли служить королю в провинцию, причем не обязательно туда, где они родились. Можно сказать, что двор превращается в место, где по преимуществу происходит слияние различных элит: здесь завершается языковая и религиозная романизация франков; а для потомков римлян здесь заканчивается процесс признания ими власти, установившейся в результате франкского завоевания страны. Не способствовало ли все это преобразованию во Франкское государство различных элементов, составлявших Галлию?

ДАГОБЕР НА ВСЕХ НАПРАВЛЕНИЯХ

Используя вооруженную силу или угрожая ею на всех направлениях, Дагобер вдохновлялся стремлением восстановить единство Галлии. Сначала король обратился к автономному бургундскому войску для того, чтобы прийти на помощь претенденту на вестготский престол. Победа была одержана, но больших результатов не принесла. Затем он бросил войско против басков с атлантических Пиренеев, возобновивших после смерти Харибера свои набеги на нижнюю часть Гаскони. Баски были разбиты и вынуждены направить к королю посольство, добравшееся даже до Клиши, чтобы умолять о прощении и дать клятву верности государю, а также его сыновьям и Франкскому коро-

левству. Предпочтя затем убеждение принуждению, Дагобер направил миссию во главе с Элуа в Бретань, к королю Юдикаэлю (владыке Домноне, которого Фредегер представляет как «короля бретонцев»), чтобы потребовать покорности после опустошительных набегов его вассалов на города Ренн и Нант. Юдикаэль приехал к Дагоберу (скорее в Крей, чем в Клиши), изъявил свою покорность королю и обещал ему не нарушать мир. Наконец, по косвенным источникам можно установить, что Дагобер возвратил свои владения в нижнем течении Рейна и укрепления, которые были возведены вдоль бывших пограничных линий. В особенности следует упомянуть об отнятых у фризов старых крепостях в Утрехте, где Дагобер заложил церковь Святого Мартина, и в Дорштадте. В этом развивающемся портовом городе был учрежден франкский монетный двор, привезенный из Маастрихта. Если исключить вестготскую Септиманию, то вся территория прежней Галлии находилась отныне под властью франков.

Хотя около 630 года через послов-посредников Дагобер связал себя обещанием «вечного мира», данным византийскому императору Гераклию, королевские взоры все чаще обращались к областям европейского севера и северо-востока. Интерес к этим областям обуславливался австразийским опытом Дагобера. Восстанавливая связи различного рода, эти края все больше и больше открывались франкскому западу. Об этом свидетельствовали события, развертывавшиеся на германо-славянских рубежах. Их начинали посещать купцы с запада, в том числе работорговцы. Один из них, Само, франк по происхождению, принял активное участие в борьбе, разгоревшейся, начиная с VI века, между западными славянами (во франкских источниках их называли вендами) и аварами, обосновавшимися в равнинной Паннонии. Одержав в конечном итоге победу, вендские племена Богемии избрали около 625 года Само своим королем, если верить Фредегеру. Примерно пять лет спустя один из караванов франкских куп-

цов, пересекавший этот район, был атакован вендами и полностью истреблен. Поскольку купцы не получили ни малейшей защиты со стороны Само, Дагобер решил, после неудачного посольства, пойти на него войной. В состав войска, кроме австразийцев, были включены алеманны, являвшиеся данниками франкского короля, а также лангобарды Северной Италии, которым стала угрожать славянская экспансия на юг. С алеманнами и лангобардами легко было договориться, с австразийцами же дело оказалось сложнее — очевидно, потому, что они, по словам Фредегера, не хотели отдавать все свои силы службе королю, не переставшему их обирать. Венды же возобновили и участили свои набеги, так что Дагоберу пришлось отсрочить выплату дани, которой франки облагали в течение нескольких десятилетий саксов, с тем, чтобы последние обеспечивали охрану восточных границ Франкского государства.

Будучи не в состоянии навязать свою волю славянам, Дагобер прибег к настоящей германской политике, смысл которой заключался в том, чтобы обеспечить все большее включение зарейнских народов в орбиту франкского господства. Но в центре этой орбиты должна была находиться не Австразия, как можно было бы предположить, а Нейстрия, ибо Дагобер не желал никакого проявления инициативы со стороны восточнофранкской знати, окружавшей малолетнего Сигебера. Такая политика не получила поддержки у этой знати, что проявилось и в ходе войны со славянами. Поскольку право выбора герцога алеманнов с VI века принадлежало владыке восточной части Франкского государства, то реализовывать это право стал сам Дагобер, назначая и контролируя герцога, даже определяя границу между новыми диоцезами Констанцы и Куара. Можно добавить, что скорее всего под влиянием Дагобера были составлены в ту эпоху первоначальные редакции как «Алеманнской правды» (Pactus Alamannorum), так и «Баварской правды» (Lex Baiuvariorum). Войско же Дагобера вступило в пределы Баварии, чтобы расправиться с булгарскими бе-

женцами, искавшими там земель и покровительства. Совершенно очевидно, что политика укрепления власти франков в Германии диктовалась необходимостью создания пояса безопасности, защищавшего от новых угроз с востока. Именно эти угрозы подтолкнули Дагобера к сближению с саксами, к новому утверждению своей власти над тюрингами. Последние, начиная с VI века, вновь оказались под непосредственной властью королей Восточнофранкского государства. Ими стал править верный королю франкский герцог по имени Радульф. Радульфу также специально была поручена защита восточных границ Франкского государства. Надо сказать, что эту миссию он выполнил с определенным успехом. Таким образом Германия вплоть до Саала и среднего течения Эльбы была включена во Франкское государство, центром которого (новое явление) стал Париж и Парижский бассейн.

ДАГОБЕР И СОБОР СЕН-ДЕНИ

Ничто так ярко не показывает привязанность Дагобера к тому, что пытаются называть «столичным регионом», и ничто так ярко не демонстрирует расположенность короля к расширившимся горизонтам Северной Европы, как его благожелательное отношение к церкви Сен-Дени. Это мемориальное здание было воздвигнуто в конце V века. Там покоился прах Дионисия, первого известного нам епископа Парижского, а также его сподвижников Рустика и Элевтера. В течение VI века эта церковь превратилась в важный религиозный центр, излюбленное место паломничества парижан. Как повествует источник, относящийся к 620 году, там обосновалась конгрегация «братьев», к управлению которой был относительно близок епископ Парижский. Внутренними делами конгрегации руководил аббат. Члены ее отправляли церковные службы, а также проводили в расширенном помещении храма церемонии королевских похорон. Вероятно, именно в этом

храме находилась гробница Арнегонды, супруги Клотара I и матери Хильперика; здесь Хильперик и Фредегонда похоронили одного из своих детей.

Сын и внук этого короля — Клотар II и Дагобер благоволили храму, который, однако, превратился в настоящий монастырь несколько позднее, во времена Хлодвига II, сына Дагобера, и его жены, королевы Батильды[1]. Храм получал многие привилегии и выгоды, включая земельные пожертвования, освобождения от налогов на торговые места. Особенно следует выделить передачу обители права на проведение ярмарки: в 634—635 годах монахам Сен-Дени было разрешено организовывать ежегодно, начиная с 9 октября, ярмарку поблизости от храма, у пристани на Сене. При этом монастырь получал право взимать в свою пользу налог на торговые места, получать другие доходы, обычно поступающие в королевскую казну. Впервые король оказывал такую милость религиозному учреждению, но — не в последний раз. Вскоре (в 653 году, то есть также в царствование Хлодвига II) на Сен-Дени была распространена привилегия, предохранявшая обитель и ее имущество от вмешательства королевских чиновников. Эта привилегия, как известно, стала распространяться в VI веке, причем особенно часто ее раздавал Дагобер. Образцовой на долгое время стала хартия, дарованная Дагобером бриардскому монастырю Ребе, который был основан другом короля Уеном. Льготы, которые получали купцы, приезжавшие на ярмарку в Сен-Дени, были столь ощутимы, что она с успехом проводилась вплоть до IX века. В первую очередь речь идет о виноторговле (об этом позволяют говорить сроки открытия ярмарки). Особенно охотно сюда стекались люди из стран севера — крупные покупатели. Одновременно у стен Сен-Дени концентрировалась значительная часть производства Парижского бассейна. Таким образом, благодаря Дагоберу Нейстрия решительно открывала свои двери северу.

[1] См.: Жозеф Семмлер. Нейстрия (147).

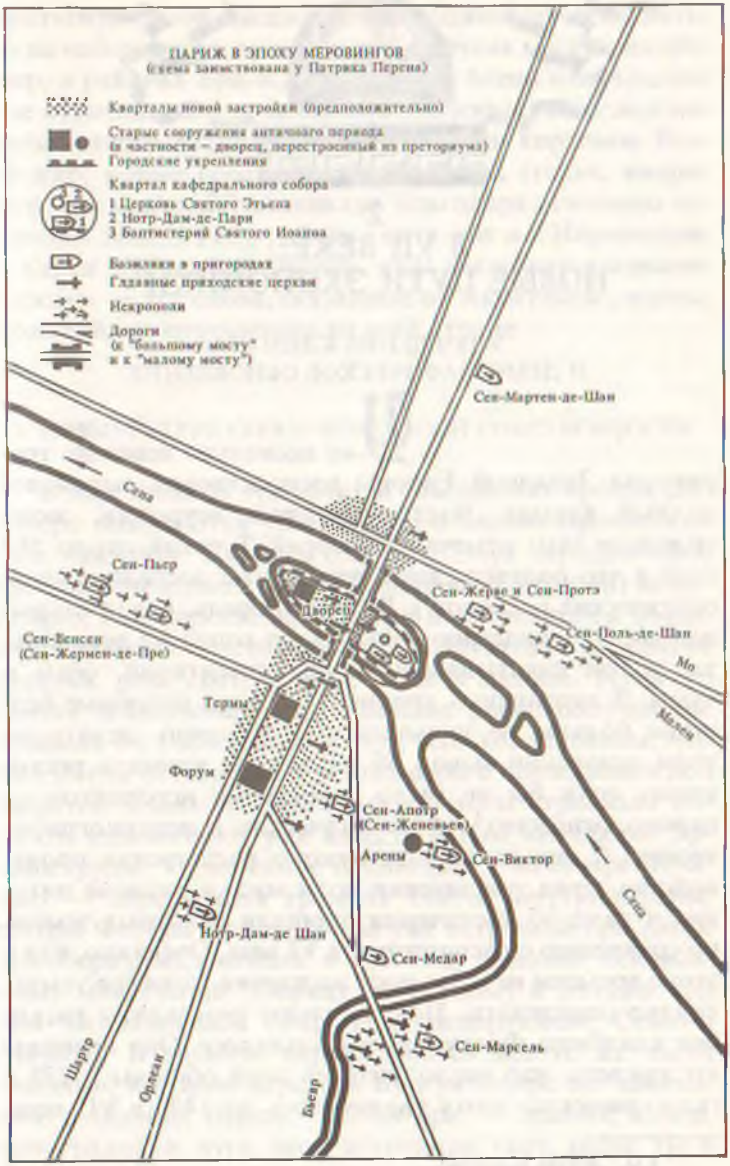
Щедрость Дагобера по отношению к Сен-Дени не являлась полностью бескорыстной: король ждал от клира молитв за спасение своей души. Подобно Хлодвигу, похороненному рядом со святой Женевьевой, Хильдеберу — рядом со святым Венсаном, Клотару — рядом со святым Медардом, Дагобер желал, чтобы его прах был захоронен рядом со святым Дионисием. По приказу короля храм был украшен, мощи святого и двух его сподвижников перенесли в роскошную раку, изготовление которой было поручено королевскому другу, чеканщику денег и ювелиру Элуа. Заболев в последние дни 638 года, Дагобер приказал перевезти себя в Сен-Дени к святым мощам. В стенах обители он и скончался 19 января 639 года. Предварительно король поручил своему верному нейстрийскому майордому оберегать вдову, королеву Нантильду, а также маленького Хлодвига, которому было тогда не больше пяти лет от роду. В Австразии же будущее оставалось за Сигебером. В одном из лучших произведений того времени, столь скудном на письменные источники, в анонимном жизнеописании Дидье, королевского казначея, а затем епископа Каорского, есть любопытный комментарий, касающийся этого наследования. Тогда как Сигебер, говорится в памятнике, наследовал Австразийское государство, Хлодвиг II получил Франкское государство. Таким образом, с точки зрения аквитанцев (а жизнеописание, несомненно, написано в их среде), Австразия не являлась более франкской, и только западные земли имели право оспаривать наследие Хлодвига. Нейстрия середины VII века решительно может представляться в качестве ядра будущего королевства Франции.

КЛОТАР II, ДАГОБЕР И ВОЗНИКНОВЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ

Именно во Франции (особенно в Сен-Дени), а отнюдь не в Германии получил развитие цикл легенд, связанных с Дагобером. Монахи этого аббатства не

щадили сил для того, чтобы славить деяния своего благодетеля. Они были авторами написанной около 835 года героической поэмы о Дагобере. В этом произведении, созданном во славу святого Дионисия и доброго короля, историческая правда отступает перед полетом фантазии. Создание литературного памятника позволяло монахам не только возвеличить свой храм, где покоились останки обоих героев, но также воспеть власть, пустившую корни на их земле, в среде западных франков (вскоре они начали превращаться просто во франков). Они дадут свое имя будущей Франции, которая охватит все пространство Галлии, установит в сражениях свое господство над Германией, где саксы были якобы истреблены.

Сознание западных франков формировалось не только под влиянием личности Дагобера. Гораздо более объективным был процесс, сделавший и его царствование, и царствование его отца решающими моментами в зарождении средневековой Франции. В VI веке взоры франкских элит, в первую очередь королей, были обращены к Средиземноморью, их питали воспоминания о мифологическом Риме, в наследии которого черпались основы политических и культурных моделей. Представители части элиты даже решились посылать своих отпрысков в Париж, к королевскому двору, чтобы те смогли получить там если не интеллектуальную подготовку, то хотя бы политическое образование. Париж, пригородные королевские «виллы», храм, а вскоре монастырь Сен-Дени стали беспрецедентными точками притяжения. Разумеется, притяжения политического, о чем свидетельствует карьера Сиагрия, второго брата Дидье. Как и оба его брата, он уехал из Альби в Париж, стал довольно близким приближенным короля Клотара, а затем возвратился в родной город с графской грамотой — пример того, как действовал эдикт 614 года. Но популярность этих государственных центров имела и экономический характер, поскольку учреждение ярмарки Сен-Дени свидетельствовало, что Парижский бассейн и вся Галлия открывались Северу.

ПАРИЖ В ЭПОХУ МЕРОВИНГОВ
(схема заимствована у Патрика Перена)
Кварталы новой застройки (предположительно)
Старые сооружения античного периода
(в частности — дворец, перестроенный из претория)
Городские укрепления
Квартал кафедрального собора
1 Церковь Святого Этьена
2 Нотр-Дам-де-Пари
3 Баптистерий Святого Иоанна
Базилики в пригородах
Главные приходские церкви
Некрополи
Дороги
(к "большому мосту"
и к "малому мосту")
Сен-Мартен-де-Шан
Сена
Сен-Пьер
Сен-Жермен-де-Пре
Сен-Жерве и Сен-Протэ
Дворец
Сен-Поль-де-Шан
Сен-Женсен
(Сен-Жермен-де-Пре)
Термы
Форум
Сен-Апотр
(Сен-Женевьев)
Арены
Сен-Виктор
Нотр-Дам-де Шан
Сен-Медар
Сен-Марсель
Шартр
Орлеан
Бьевр

2
В VII ВЕКЕ: НОВЫЕ ПУТИ ЭКОНОМИКИ

УЛУЧШЕНИЕ КЛИМАТА И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБНОВЛЕНИЕ

Уже несколько веков на территории Западной Европы господствовал сырой холодный климат. Часто случались неурожаи, люди голодали (что отмечал Григорий Турский около 580 года и что подтверждают результаты последних археологических раскопок[1]). В свою очередь, голод открывал дорогу эпидемиям. Вплоть до конца VI века одна за другой накатывались волны дизентирий, оспы и чумы. В лаконичных хрониках VII века подобные бедствия больше не упоминаются. Конечно, делать на этом основании вывод об улучшении климата рискованно, если бы не было совпадения источников — палинологических[2], археологических и историографических. А они свидетельствуют о расширении производства зерна, увеличении доли мяса в рационе питания и даже об увеличении площади пахотных земель по сравнению с распашками в VI веке. Очевидно, что с этого времени начался рост населения, хотя его темпы трудно определить. Показательны результаты раскопок кладбища Френувиль в Кальвадосе. Они позволяют увидеть, что число жителей этой общины с 250 в галло-римскую эпоху увеличилось до 1400 в VII веке,

[1] См.: Жоэль Блондио.

[2] Палинология — раздел ботаники, изучающий пыльцу и споры растений. — *Прим. пер.*

достигнув самой высшей точки. Можно также сослаться на наблюдения, проведенные в других местах, например, в районах Бри и Дера, в лесах Агено или Арденн, где отшельники или монахи (в особенности последователи святого Колумбана) производили корчевки. Возможно, новые крестьянские хозяйства (такие, например, как «хутора») возникали благодаря освоению целинных земель как в районе Гента, так и в Нормандии, в Керси и в нижней Оверни. «VII век кажется идиллическим» — эти слова, сказанные об Аквитании[1], верны, пожалуй, по отношению ко всей стране.

К НОВЫМ СТРУКТУРАМ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В дарственных грамотах и завещаниях времен Дагобера появляются упоминания о весьма процветающих «виллах». Когда в 632 году Элуа передает свое имение основанному им в Солиньяке (Лимузен) монастырю, то в дарственной записи перечисляются земли, виноградники, пастбища, леса, фруктовые и другие деревья, дом, скот, посуда, рабы и колоны. Из этого списка исключены лишь «бывшие рабы, получившие вольные от господина», с тем, однако, условием, что они могли оставаться в местах своего проживания под защитой монахов. Подобные грамоты странным образом напоминают уже известное нам завещание Эрминетруды. То же самое наблюдается на севере. Пример — дарственная грамота святой Бургундофары, сестры Фарона (которого мы уже встречали при дворе Дагобера), жалованная в 632 году недавно основанному монастырю Эбориак, известному и сегодня под тем же названием (Фармутье, департамент Сены и Марны). В грамоте перечисляются все те же части «виллы», которые перешли Бургундофаре по завещанию в Шампо, Шелье, Оже-ан-Бри, — здания, земли, виноградники, луга, леса, источники, скот, рабы. Но в

[1] Мишель Руш (139).

акте содержится оговорка, в соответствии с которой рабы, получившие вольную (в виде записи на дощечке или на бумаге), остаются свободными, сохраняют пособие, выданное им господином.

Наверное, спустя полвека немногое изменилось и на юге. Очень богатый человек по имени Низезий жалует монастырю Муассак в 679-680 году многочисленные «виллы» в Ажне, Керси, Тулузене с «господскими» владениями, то есть имениями, церквями, жилыми домами, строениями, пахотными целинными землями, виноградниками, плодовыми садами, лугами, лесами, водами, рыбьими садками, мельницами «целиком, как они нам принадлежат в древних границах». Так говорится о двух из этих «вилл», расположенных в округе Оз, что предполагает следование описям весьма раннего происхождения.

Но необходимо знать, что же обозначает слово «вилла» (villa). Долгое время в историографии сохранялась традиция, в соответствии с которой под «виллой» понималось крупное земельное хозяйство античного типа, сохранившееся и в самом раннем средневековье, причем представлявшее собой не только единицу собственности, но и часть ландшафта. Однако недавно были высказаны предположения[1] о том, что «вилла» раннего средневековья представляла собой административную единицу, что основное ее подразделение — маис (крестьянский надел, этот термин начинает распространяться примерно с 600 года) — являлось базовым в системе налогообложения, что оброк, который выплачивали арендаторы и другие «ленники-держатели» маиса, был на самом деле прямым налогом, унаследованным с античных времен. Наконец стало известно, что более или менее регулярная повинность, выполнявшаяся крестьянами, представляла собой не барщину, а форму трудового налога, взымавшегося владельцем «виллы».

Налицо чисто «фискалистское» прочтение докумен-

[1] См.: Элизабет Магну-Нортье (108) или Жан Дюрлиа (43).

тов и толкование сельского словаря первых веков средневековья, основанное главным образом на анализе больших рукописей или описей монастырского имущества IX века. Но применим ли такой подход к более ранним временам? Положительный ответ означал бы, что меровингская государственность была способна восстановить во всей его полноте и сложности прямое налогообложение, против которого население систематически выступало в VI веке каждый раз, когда короли делали слабые попытки восстановить эту систему в своих государствах. Благодаря Григорию Турскому хорошо известно, что в свое время случилось с Теодебером или Брунгильдой. И — это особенно важно — пришлось бы предположить, что смысл понятия «вилла» полностью изменился со времени античности, а слово «манс», едва появившись, наполнилось семантическим содержанием, не имеющим ничего общего с этимологическим значением (от глагола maneo, manere — проживать, обитать). Это последнее предположение кажется уже совсем неправдоподобным.

Употребление данного слова впервые зафиксировано в двух кодексах (из Оверни и из Анжу), но особенно оно распространилось в парижском регионе (долины Уазы и Эн, Бос, Бри) в первой половине следующего столетия. Слово «манс» могло первоначально обозначать лишь сельский дом или, если брать шире, хозяйство, которое от него зависело. В большинстве случаев раннего использования этого понятия, крестьянский манс оказывался тесно связанным с крупным землевладением или, во всяком случае, с хозяйством, которое можно считать феодальным (хозяйство называлось «индоминикатом» — от слова dominus — сеньор, хозяин земли, как, например, в приведенном выше примере с владениями Низезия). Держатель манса должен был выплачивать его владельцу натуральный оброк, а также предоставлять ему свою рабочую силу. В этом плане особенно показателен отрывок из маркульфского сборника формул для сделок, составленного, очевидно, в Сен-Дени около 700 года. Из этого

текста явствует, что хозяин мог выделять на одной из своих «вилл» locellus (от loco, locare — помещать, нанимать) или mansus (обратим внимание на синонимичность этих слов) для того, чтобы предоставлять их какому-либо рабу. Последний же должен был «вернуть землю» — выполнял ряд натуральных повинностей, привлекался к сельскохозяйственным работам. Все это предполагает всеобщее распространение системы землепользования, которую можно охарактеризовать как расширенное арендаторство (колонат). Колонат и прежде означал подчинение мелкого крестьянского хозяйства крупному землевладению. Но новая форма колоната отличается от прежней и значительно смягчает ее в том отношении, что отныне ее участниками являются не только рабы и даже не только сами арендаторы, но также свободнорожденные. Как свидетельствуют другие законодательные своды, этих людей таким образом можно было «посадить» на мансах, выделенных из обширных земель прежних «вилл».

Особенно заметно эта система распространилась в центре Парижского бассейна начиная с первой половины VII века. Очевидно, здесь сыграли роль несколько факторов: во-первых, особая плотность королевских церковных поместий (их границы, из лучших побуждений, часто были отделены друг от друга). Эти поместья возникли по окончании адского круговорота голодных лет, в результате демографического роста и обусловленного им освоения новых земель. Новые земли могли осваиваться лишь за счет лесных угодий. Однако в то время начали истощаться традиционные источники работорговли: накал междоусобных войн в Великобритании остывал; славянские страны (откуда привозили рабов столь часто, что французское слово esclave — раб, которое мало-помалу заменяло латинские термины servus и mancipium, происходит, как и соответствующие ему выражения в целом ряде других европейских языков, от slave — славянский, славянин) начали организованно обороняться от набегов работорговцев, что заставляет предположить история с Само.

К тому же можно было наблюдать участившиеся случаи освобождения рабов в надежде на искупление грехов. И разве Эрминетруда и Бургундофара не родились в парижском регионе? Трудовые повинности, возлагавшиеся на крестьян (как свободных, так и крепостных по рождению), которым выделялись части «вилл», могли представляться наилучшим способом восполнить дефицит рабов античного типа. Несомненно, именно все перечисленные обстоятельства объясняют, почему в VII веке развернулся процесс разделения поместий на две части: одну («резерв») оставлял себе господин, а другую, связанную с ним барщинными отношениями, занимали крестьянские мансы.[1]

Все это не противоречит выводу о том, что не случайно сердце Нейстрии — центр власти таких королей, как Клотар II или Дагобер — было главной лабораторией, в которой проходили проверку новые формы землевладения, столь важные для будущего. Вероятно, распространение манса, вскоре ставшего преобладающей моделью сельского очага и крестьянского хозяйства, объяснялось желанием, во-первых, рационализировать управление объектами системы государственного налогообложения — с очевидной целью обеспечить регулярное пополнение казны; во-вторых, урегулировать отношения с церковными доменами, главы которых благодаря дарованной им привилегии иммунитета являлись доверенными лицами королевской власти. В этих случаях (и только в этих случаях) слово «манс» с момента своего появления могло иметь двойной смысл, схожий с тем, который, как кажется, приобрело позднее в средневековье слово «очаг» — одновременно дом, семья, но также — податная единица. Форма манса продолжала распространяться во второй половине VII века и в начале следующего века на территории Бургундии, Мозельского района, крайнего севера Франкии, долины в нижнем течении Сены и в среднем течении Луары. Манс распространялся в

[1] См.: Адриан Ферхульст (153).

ту эпоху и на тех пространствах, где происходил упадок королевской власти. Поэтому нет сомнений в том, что лишь заботы об улучшении домениального управления повлияли на этот процесс, если исключить всякий интерес чисто фискального свойства. По мере освоения целинных земель и упадка института рабства уходила в прошлое эпоха латифундий. Повсюду началось их размежевание, выделялись участки в форме мансов крестьянам, число которых постоянно увеличивалось. Страх перед возвращением эпидемий, нестабильности отдавал этих людей во власть сильных мира сего.

ЗАКАТ СТАРЫХ ГОРОДОВ И РАЗВИТИЕ ПЕРИФЕРИЙНЫХ СОЗВЕЗДИЙ

Отживала в ту эпоху и другая структура, унаследованная от античности. Речь идет о старых городах. Тем не менее не следует говорить об упадке городской жизни вообще. Напротив, часто пригороды и примыкавшие к ним деревни переживали настоящее возрождение. Мы видели, что Дагобер, самый «парижский» из франкских королей со времен Хлодвига, предпочел старому дворцу Сите, престижному наследнику старинного римского претория, сельские резиденции, куда государь перевел за собой свой двор, свою свиту и свое казначейство. Там были помещения, позволявшие проводить приемы (аула — приемный зал) и молиться (часовня), а также многочисленные пристройки, где поселялась свита. То же самое можно сказать и о графах: из первоначальных «городских графов» они понемногу превращались в «сельских графов»[1]. Конечно, на севере большинство графов, стоявших во главе округов, образовавшихся в результате расчленения старинных civitates (гражданских общин, государств), с самого начала селилось в обычных ме-

[1] См.: Дитрих Клауде (22).

стечках, но становилось все более и более очевидным, что эти графы предпочитали отныне оставаться в королевских «виллах», передаваемых под их охрану, или в своих родовых владениях. Последнее стало возможным в 614 году, когда был принят эдикт, в соответствии с которым вельможи направлялись нести государственную службу в свои родные места. Таким образом, старые города понемногу теряли свое основное назначение — быть местом нахождения представителей гражданской власти.

Кое-где (в особенности на юге) от старинных курий сохранились только палаты записей честноправовых актов; последние дефенсоры сохраняли лишь символическую власть. Город оказался епископской цитаделью. Цитаделью, потому что оставался пленником своих стен, как правило, уже стеснявших его; епископской, ибо единственным оставшимся отныне представителем власти являлся епископ — по крайней мере в тех случаях, когда он, как истинный аристократ, а возможно, и как бывший придворный, не предпочитал проживать в своих сельских владениях. Но последний вариант был не столь распространен. Разумеется, епископы часто брали на себя (официально или неофициально обязанности, лежавшие на дефенсорах. И именно в таком качестве при царствовании Хлодвига II (639-675 годы) епископ Сульпиций Буржский обратился к королю с просьбой об отмене нового, а потому представлявшегося несправедливым налога. Но равновесие нарушилось по мере развития привилегии иммунитета, превращавшей епископа в единственного представителя королевской власти в городе, что прямо повышало его роль в государственном управлении. Были даже случаи, когда король передавал епископу право назначать графов. Такое право дал Дагобер епископу Турскому; Тьерри III и Клотар III, сын Хлодвига II, — соответственно епископу Руанскому и Леманскому. В конце VII века были нередки и такие случаи, когда епископы управляли городами и окружающими их равнинами, чеканили деньги, собирали подати с зе-

мель, подлежащих налогообложению, контролировали рыночную торговлю. Определенная часть старинных городов превратилась таким образом в настоящие епископские княжества, особенно в Нейстрии после смерти Дагобера. Можно назвать здесь Руан, Нант, Анже, Тур, Орлеан, Ле-Ман...

Все это отнюдь не обязательно благоприятствовало развитию самих городов: если исключить мелкую торговлю и небольшие ремесленные мастерские, то единственной сферой значительной экономической активности, возникающей то здесь, то там (о чем можно судить скорее по археологическим раскопкам, чем на основе текстов), стало строительство соборов. Но будущее принадлежит периферии, целому созвездию новых ядер развития. По-прежнему сохраняется первый пригородный круг с храмами, возникшими на месте старинных некрополей. В течение VII века эти храмы все чаще и чаще превращаются, по примеру Сен-Дени, в обширные монастыри. Благодаря пожертвованиям королей и знати они становятся богатыми центрами, пунктами концентрации перераспределения излишков, а следовательно, удобными местами торговли. Кажется очевидным, что главной заботой при учреждении ярмарки в Сен-Дени было обеспечить сбыт вина, производившегося в монастырском хозяйстве. Впоследствии репутация этой ярмарки позволила привлечь к ней и других крупных виноторговцев Парижского бассейна. Второй круг составляли «виллы», которых было значительно больше в центре, чем на периферии прежних «цивитатов». Из обычных мест времяпрепровождения знати эти «виллы» превратились в очаги концентрации и перераспределения сельскохозяйственных продуктов, сбыта ремесленных изделий, поскольку теперь ремесленное производство сконцентрировано в основном на обширной периферии крупных городов, в особенности городов, расположенных на перекрестках торговых путей. В их ряду можно выделить Кёльнский бассейн — он унаследовал давние традиции ремесленного производства (это связано с длительным нахож-

дением римских войск на рейнских рубежах) и по-прежнему был центром пересечения многочисленных сухопутных дорог, удобно связывавших его с внутренними районами Галлии и с Германией. Здесь в VII веке находились многочисленные оружейные, стекольные, керамические мастерские. Число таких мастерских растет во всех странах, граничащих с Северным морем.

ПАРИЖ В ЭПОХУ МЕРОВИНГОВ

Характернейший пример новой ситуации — Париж. О нем мы уже упоминали, когда рассказывали о расположенном поблизости Сен-Дени и об окрестных королевских «виллах». Центр города — Сите. Так всегда назывался и остров, где этот центр расположен. Он был связан с правым берегом Сены Большим мостом, ныне мостом Нотр-Дам по оси улицы Сен-Мартен, а с левым берегом реки — Малым мостом по оси улицы Сен-Жак. На том и другом мосту стояли лавки, а сами мосты открывали дорогу к двум единственным городским воротам. Город был окружен двойной стеной, внутри которой имелся узкий проход для стражи. Целиком опустошенный сильнейшим пожаром в 585 году, остров вновь был застроен деревянными зданиями, которые располагались очень произвольно, за исключением нескольких главных осей, вроде тех, что соединяли оба моста. Благодаря этому прежняя уличная сеть в значительной степени сохранилась. Одна из улиц была пятиметровой ширины, большинство же имели ширину в три метра, а то и в половину этого размера. Отметим определенную специфику отдельных частей Сите: у южных ворот находились ювелирные мастерские (куда захаживал Элуа), существовал еврейский квартал. В целом же жизнь на острове регулировали два центра, признанные еще во времена христианской империи и утвержденные Хлодвигом: западный административный центр, продолжавший свою

деятельность, несмотря на дезертирство королей (там был расположен один из самых активных монетных дворов королевства), и особенно религиозный центр на востоке. Здесь, над епископскими постройками возвышался большой собор, построенный по повелению Хильдебера в середине VI века и названный Сент-Этьен в VII веке. Этот собор шириной в 36 м, длиной примерно в 80 м, с 10-метровым нефом, с четырьмя приделами, с колоннами и карнизами, вызывал уважение современников, восхищал Фортуната.

В Сите было много церквей, их стало гораздо больше в VI и VII веках на правом и левом берегах Сены. В особенности на левом берегу, который, как и в эпоху римлян, оставался более приветливым. Там были сооружены церкви Сен-Северин, Сент-Этьен-де-Гре и Сен-Симфорьен-де-Винь. Две последние были богато украшены по завещанию Эрминетруды. На этом берегу, в основном вокруг больших пригородных храмов (храм Святых Апостолов, ныне Сент-Женевьев; Сен-Венсан, ныне Сен-Жермен-де-Пре), находятся восемь из тринадцати кладбищ меровингского периода, открытых археологами на сегодняшний день. Храмы воздвигались и на правом берегу, хотя этому мешали болота, возникшие на месте бывших речных протоков. На высоких местах, хорошо осушенных, были построены церкви Сен-Жерве-Сен-Проте (без сомнения, в конце VI века), Сен-Жермен-л'Оксеруа (около середины VII века), а также — большой собор Сен-Мартен-де-Шам (ранее 710 года, когда он впервые упоминается в одной из грамот Хильдебера III). Сколько церквей, сколько больших базилик, столько и жизненных центров. Конечно, центров жизни духовной, но также и материальной, поскольку за паломничествами следовали приношения, пожертвования и завещания благодетелей, увеличение богатства вело к развитию хозяйственной деятельности, а эта деятельность в конечном итоге приводила к умножению числа жилищ и к образованию на городской периферии новых кварталов.

Но основные центры жизнедеятельности города, наиболее специфические, находились почти на окраине — в королевских налоговых ведомствах (существовала целая дюжина таких ведомств), а также в самом знаменитом из пригородных соборов. Речь идет об административной деятельности, поскольку именно из королевских «вилл», особенно из Клиши, вышло большинство грамот VII века. Речь идет и об интеллектуальной, а вскоре и о художественной деятельности, ибо именно в Сен-Дени началось развитие самой плодовитой французской историографической школы эпохи средневековья и крупной мастерской рукописной миниатюры. Наконец, речь идет о торговой деятельности, так как на пространстве между этим аббатством и Сеной устраивались, начиная с 634—635 годов, самые знаменитые ярмарки меровингской и каролингской эпох. На ярмарки сразу же стали приезжать в большом количестве англосаксы, за ними последовали фризы. Как мы уже могли заметить на примере экспорта оружия, стекла и керамики из рейнского региона, отныне франкская Галлия открывалась северу.

С ЮГА НА СЕВЕР: СДВИГ ЦЕНТРА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ТЯГОТЕНИЯ

Конечно, средиземноморская торговля не умерла в VII веке. Об этом свидетельствуют грамоты, которые меровингские короли, начиная с Дагобера и кончая его правнуком Хильпериком в начале VII века, давали церковным учреждениям и подтверждали в их пользу. По этим текстам видно, что в Марселе и в Фосе было еще много товаров, поступавших туда из стран европейского Средиземноморья, Северной Африки и Востока. Часть этих продуктов, изымавшаяся королевским фиском в виде налога на торговые места, хранилась в «кладовых фиска». Некоторые церкви, например, монастырь Корби в Пикардии, имели разрешение на снабжение из этих складов. Другие церкви, такие

как Сен-Дени, ежегодно получали по одному су от каждого франка прибыли. Известно, что еще в 717 году монахи Корби получили подтверждение привилегии, дарованной им в 661 году. Привилегия предоставляла обители льготы в обеспечении товарами, поступавшими на рынок Фоса. Среди них перечислялись сукна, масло, вино, гарум (острая рыбная приправа), рис, финики, фиги, миндаль, перец, тмин, гвоздика, корица, нард...

Но есть признаки, которые не обманывают и которые позволяют констатировать затухание прежних торговых связей. Около 670 года в канцелярии меровингских королей перестают употреблять папирус как материал для грамот, его вытесняет пергамент (самая старинная из сохранившихся грамот на пергаменте относится к 677 году). Разумеется, сам по себе этот факт не является свидетельством прерванных контактов со Средиземноморьем, но очевидно, что смена писчего материала была связана с его вздорожанием. Папирус несомненно становился все более редким на рынке. Не удивительно, что в таких условиях аббатство Сен-Дени пожелало в 694 году совершить следующий обмен: вместо сотой доли ежегодных доходов марсельской таможни, а также налоговых льгот при ввозе средиземноморского масла для монастырских нужд получить права на владение «виллой» Нассиньи в Берри. Видя успех своей ярмарки, монахи Сен-Дени понимали, как и большая часть светских и церковных элит Северной Галлии, что будущее связано с севером. И дело здесь не в том, что мощный исламский поток отрезал запад от питавшего его африканского и восточного рынка, как считали довольно долго после работ А. Пирена. Переориентация была связана скорее с тем, что начал оживляться — робко в конце VI века и гораздо решительнее в VII веке — большой торговый путь вдоль берегов Северного моря. Он шел и дальше — по Балтике и судоходным русским рекам, благодаря чему стал перехватывать часть торговли восточными товарами. Для Северной Галлии открыва-

лись особые возможности — в обмен на изделия своих ремесленников и на излишки своего развивающегося сельского хозяйства получать кожи и меха, шерсть и сукна, янтарь и слоновую кость, камни и металлы, а в особенности серебро, которое скоро произведет переворот в истории западноевропейского монетного дела.

Западными первопроходцами нового торгового пути несомненно стали фризы. В V—VI веках они обосновались в Зеландии, на востоке расселились вплоть до Везера и даже перешли эту реку. Фризы первыми рискнули плавать в открытом море по всем направлениям, связав британский запад со скандинавским востоком. По стопам фризов, бороздивших моря, двинулись жители морских берегов — кельты, англосаксы, славяне, скандинавы. Можно ли вообразить, что франки остались равнодушными к столь многообещающим торговым направлениям? Нет, конечно. Разумеется, никогда полностью не прекращалась активность портов, унаследованных от Рима и в ряде случаев превратившихся в центры важных общин, таких, как Нант, ориентированный на Ирландию, или Руан, ориентированный на Вессекс. Но теперь на берегах Северной Галлии, как и на всем побережье Северного моря, развивались порты нового типа. Это стало заметно на рубеже V и VI века. Возникали такие порты эмпирически, представляя собой ряды деревянных строений, вытянувшихся вдоль набережных в поселениях, расположенных в эстуариях и дельтах рек, и жили они исключительно торговлей и для торговли. Кроме Вальхерена фризы выделяли Дорштадт, находившийся в передней части рейнской дельты. Этот город держал под контролем путь в Англию, благодаря Леку, обращенному на запад. Дорштадт держал под контролем и путь в Скандинавию, благодаря Вехту, обращенному на самом севере к Алмере, предшественнику Зюйдерзее. Сразу же становится ясно, почему Дагобер стремился захватить прирейнскую Фризию и Дорштадт. Тем самым франки выкраивали себе место

на бурно разраставшейся торговой оси, а также, вероятно, обеспечивали получение доходов от таможни и от монетного двора, который король не приминул основать, сразу же направив туда чеканщика из Маастрихта.

Но положение франков в Дорштадте было довольно шатким, поскольку на другой стороне Рейна находилось Фризское королевство, а оно не соглашалось лишиться земель на левом берегу реки. И как только Дагобер умер, фризы снова захватили Дорштадт, а затем и Утрехт.

Здесь кроется одна из причин того, что развитие северогалльского мореходства происходило вне границ региона, в Нейстрии, и имело в качестве центра Кентовик, то есть каннский порт (wik означает «порт» на северогерманском наречии). Булонь, являвшаяся главным римским портом, предназначенным для связей с Великобританией, начала хиреть в конце III века в результате расчленения «римского флота Бретани». Поэтому неудивительно, что узел контактов с Великобританией переместился примерно на тридцать километров к югу, в район, который, как мы уже видели, интенсивно, заселялся саксами: на обеих сторонах Ла-Манша люди понимали друг друга. Название Кентовик появилось впервые в VI веке и именно на монетах, отчеканенных по заказам англосаксов (таких, как Дутта, Эла и особенно Англ) и обнаруженных главным образом в Великобритании. На рубеже VII и VIII веков данное название появилось и в письменных источниках, и каждый раз это были рассказы о путешествиях, совершенных на континент или его обитателями в Англию. Но не только люди и монеты проходили через Кентовик: через него велась, как вскоре стало очевидным, разнообразная торговля, где металлы соседствовали с редкими каменьями, а сукна — с книгами. Эта деятельность начинает интересовать франкские власти, они предоставляют льготы крупным церковным учреждениям, желающим обосноваться здесь. В тот момент, когда Сен-Дени отворачивается от сво-

их марсельских интересов, Сен-Жермен-де-Пре обязывает своих крестьян работать в Кентовике возчиками. Отныне Кентовик снабжает страну редкими товарами, отсюда вывозят излишки производства.

К МОНОПОЛИИ СЕРЕБРЯНЫХ ДЕНЕГ

Самые явные доказательства смещения экономических горизонтов дает нумизматика. Примерно до 670 года Галлия и весь остальной запад сохраняли верность денежной системе Римской империи. При невозможности чеканить золотые су, аналог византийской монеты, имевшей слишком большую покупательную способность, повсеместно продолжалось изготовление монет стоимостью в одну третью часть су, или «триентов». Прошло много времени после скандального прецедента, созданного Теодебером, прежде чем перестали выбивать на монетах имя императора. Но это отнюдь не означало, что его заменило имя короля. Чаще всего на деньгах фигурировало имя их изготовителя. Это яркое свидетельство того, как нелегко было королевской власти контролировать чеканку денег в нескольких сотнях мастерских. От этого страдало качество монет: если вес «триента» оставался примерно одинаковым и равнялся примерно 1,3 грамма, то качество его становилось отвратительным. Во второй половине VII века в эти монеты, претендовавшие на золотое содержание, добавлялось все больше серебра, которое по своей стоимости было в двенадцать раз дешевле золота. Являлся ли медленный процесс ухудшения качества денег следствием дефицита в торговле с Востоком или прекращения ввоза золотого металла? Или виновата тезаврация — накопление роскошных варварских украшений (они найдены при раскопках значительного количества могил) и литургических сосудов, хранимых в церковных сокровищницах? Или дело в том, что сокращались торговые связи — по объему (что несомненно), но особенно по стоимости?

Или, наконец, сыграло роль давнее пристрастие (что отмечал уже Тацит) германских народов к серебру? Несомненно, важны все перечисленные факторы. Но особо следует выделить влияние торговых народов севера — фризов и англосаксов, с которыми установились контакты в портах Кентовик и Дорштадт. Эти народы первыми решились на полный разрыв с моделями римско-византийского денежного хозяйства, приспосабливая инструменты этого хозяйства к стесненности своего снабжения драгоценным металлом и к потребностям своих торговых перевозок. Примерно около 670 года они стали чеканить маленькие монетки из серебра с надписями на местных наречиях. Эти монеты, весом менее одного грамма каждая, сразу же завоевали успех, поскольку во Фризии воспроизводили английские типы, а в Англии — фризские типы. Однако такие монеты очень быстро распространялись и по всей Галлии (историки упорно продолжают называть их «сцеаттас» по ошибке, восходящей к XVII веку, хотя правильнее было бы называть их «протоденье» или «протопенни»). Многочисленные клады таких монет, сделанные в первой половине VIII века, находят повсюду: в Бэ (район Ренн), Сен-Пьер-лез-Этье (Бурж), Ноанане (Клермон), Плассаке (Бордо) и Симиезе (Ницца). Известно также, что вскоре в самых различных местах иногда принимались чеканить монеты подобных типов, например, в устье Луары. Успех новой денежной единицы можно объяснить только тем, что она соответствовала экономической реальности того времени и отражала экономический поворот Галлии к северу. Эта единица была приспособлена к объемам и стоимости совершаемых сделок, но особенно — к требованиям новых торговых партнеров. Не случайно то, что, начиная с 673 года (именно к этому времени относится самый древний образец протоденье, изготовленный в Туре по повелению Хильдерика II), франкские короли стали чеканить серебряные деньe весом примерно 1,1 грамма. Не случайно и то, что после 700 года в Галлии на шесть веков прекратилось производ-

ство золотых монет и денье превратился в почти исключительный инструмент торговых обменов.

Таким образом, преодолев опасный кризис, в котором Галлия оказалась в конце VI столетия, страна воссоздала себя на новых основаниях, которые определят ее будущее. Почти покончено с латифундиями, а призрак античного «цивитата», все еще вводящий в заблуждение, окончательно рассеивался. Отныне наступили времена подвергавшихся разделам «вилл», а также пригородных созвездий, где селились светская и церковная элиты. Они все более и более отворачивались от Средиземноморья, обращая свои взоры к новым странам на севере, к рынкам сбыта излишков продукции. Вскоре эти земли откроются и для честолюбивых воинов, и для ревностных миссионеров.

3
ПЕРВЫЕ ОЧЕРТАНИЯ ХРИСТИАНСКОГО ОБЩЕСТВА

ОТ ЭКОНОМИКИ К ПОЛИТИКЕ: ВЛАСТЬ ЭЛИТ В ГАЛЛИИ VI ВЕКА

Несомненно, что лишь большие церковные хозяйства и самые богатые земельные собственники собирали в своих руках излишки возрожденного производства, обирая крестьян, становившихся все более и более зависимыми, и получая обильные урожаи на своих полях. И только эти хозяйства имели доступ к межрегиональному (даже международному) рынку, центрами которого становились новые торговые города и пригороды старинных городов, географически наиболее удачно расположенных. Там излишки сельскохозяйственной продукции обменивались на предметы роскоши, необходимые одним для отправления культа, другим — для демонстрации своего социального статуса. Получали продавцы этой продукции и серебряные монетки, которые начинали распространяться в их собственных владениях.

Среди знатных особ VII века редко кто мог гордиться тем, что с незапамятных времен обладает правом собственника на настоящее «наследие». К таковым относились лишь представители галло-римских родов, тот, кто сохранил четкое сознание своего происхождения и смог обеспечить в те неспокойные века передачу по наследству своей собственности. К указанному времени сохранилось несколько таких семейств южнее Луары (Дезидерии, из рода которых вышел святой

Дидье; Сиагрии, активно действовавшие в начале VIII века на пространстве от Лиона до Прованса), но на севере подобных семейств не осталось. Здесь от слияния элит выиграли варвары, происхождение от рода сенаторов являлось редкостью (как в случае с Нумерианом, епископом Трирским в середине VII века, и его братом Жерменом). Аристократия Северной Галлии разбогатела не так давно, причем состояния основывались не столько на притязаниях потомственной знати (таковая отсутствовала во времена «Салической правды»), сколько были результатом службы королю, службы духовной и светской, выполнения задач королевской администрации. Именно благодаря такой деятельности происходила концентрация наибольшей части земель в руках епископов, главных монастырей, придворных администраторов, графов, крупных феодалов, а в ряде случаев — членов королевской свиты, которые жили при дворе, находились на казенном содержании и, таким образом, не нуждались в получении земельных пособий.

Именно отношение короля и его окружения, особенно членов свиты, оказали сильное влияние на социальную жизнь аристократов, которая, в свою очередь, часто строилась на этих отношениях. Подобно галло-римским элитам, у которых со времен поздней античности установилась привычка окружать себя дружиной, составленной из букелариев (состоявших на довольствии солдат), франкские элиты устанавливали товарищеские отношения (о них свидетельствуют встречающиеся в исторических текстах слова amicitia — друзья, или comitatus — свита) со свободными людьми или с некоторыми зависимыми от них лицами. Последние превращались в сателлитов, членов свиты, сикариев, сообщников — можно сказать, в телохранителей, но таких телохранителей, которые телом и душой были преданны делу своего господина. К тому же принимаемые ими обязательства закреплялись в ходе торжественной церемонии, названной коммендацио (поручительство). Таким образом создавалась система

пожизненных взаимных обязательств между аристократом и свободным человеком; скоро появится и слово «вассалы». VII столетие, особенно вторая его половина, время после смерти Дагобера, были золотым веком для этих дружин. Опасности, подстерегавшие на каждом шагу, сплачивали членов дружин вокруг знатных господ, создавали отношения почетной зависимости, скрепленные клятвой верности. Такая система предполагала предоставление оружия, еды и крова, а иногда — земельное пожалование, чаще всего ненадежное, временное, за символическую арендную плату. Однако именно вокруг аристократов собирались основные служители королевской власти, и когда она ослабла, в руках у этих аристократов оказались экономические средства и людские ресурсы для того, чтобы потребовать раздела сфер влияния.

Система вооруженной свиты служила лишь причиной для раздоров. Аристократическая элита оказывала огромное влияние на свое окружение, а через него — на население контролируемых земель (здесь она властвовала, имея или не имея на то полномочий от короля). Благодаря этому влиянию элита оказалась самым активным проводником христианства в деревне и, в более широком плане, главным распространителем новых моделей культуры.

КОНЕЦ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Чтобы скрепить взаимные обязательства участников различных систем боевого товарищества, теперь не прибегали к помощи письменных документов: на севере страны исчезли светские нотариусы, к их услугам все реже и реже прибегали и на юге. Ни в Аквитании, ни в Бургундии, ни в Провансе уже не встречались люди, образованные на античный лад. Отныне наступили времена устных обязательств, принимавшихся в присутствии как можно большего числа свидетелей. Как раз в этот момент латынь окончательно порывает

с великой письменной культурой и начинает принимать черты, свойственные языку, существующему исключительно в разговорной форме; все более вольным становится обращение с синтаксисом, значительны расхождения в использовании пространственно-временных характеристик. «Мир уже стареет, — отмечает Псевдо-Фредегер, — острота знаний притупляется в нас, нет сегодня людей, равных ораторам прошлого времени, способных соревноваться с ними».

Поэтому неудивительно, что в надгробных надписях (как, например, на могиле человека по имени Меркурин, похороненного в 618 или 619 году в пригородном храме Сен-Лоран де Шулан в Лионе) механически повторяются более ранние тексты. При этом надписи изобилуют ошибками, довольно типичными для новых времен, а в копируемых образцах сохраняются части, противоречащие смыслу новых эпитафий — очевидно, что резчики по камню были не способны понять смысл надписи. По крайней мере, резчики (во всяком случае, тот, кто работал над надгробием Меркурина) пытались точно воспроизвести эту надпись. Чего нельзя сказать о нотариусах из королевской канцелярии: если при написании дипломатических документов в VII веке они еще следуют нормам, существовавшим в римской провинциальной администрации, то делают это так неумело, что прочитать эти документы довольно трудно из-за беспорядочности, нагромождения лигатур, соединения отдельных слов, вытянутых «мачт» и непропорциональных «перекладин» (вертикальных и горизонтальных линий, образующих букву). Все чаще и чаще некомпетентных светских служащих заменяли в канцеляриях церковные писцы: решительно это знак новых времен. Конечно, королевский двор оставался подлинным очагом культуры. Так, в окружении Дагобера находились кантор (сказитель) и музыканты — как и веком раньше, они аккомпанировали на арфе или цитре певцам, славившим подвиги старинных королей. Время не сохранило никаких следов этой устной литературы.

РАСЦВЕТ ВАРВАРСКОГО И ХРИСТИАНСКОГО ИСКУССТВА

Но до нас дошли произведения искусства VII века, свидетельствующие о необыкновенных изменениях во вкусах. Правда, в каменной архитектуре — преимущественно религиозной — все еще сохраняется зависимость от образцов, оставленных античностью. Но декоративное искусство постепенно отворачивается от греко-римских традиций, о чем свидетельствуют украшения на стенах зданий и на страницах рукописей, характер ювелирных изделий. Мастера все более и более неумело передают пластику тела (может быть, из отвращения к нему), природной и анималистической тематике они предпочитают фантастические образы, сложные линейные мотивы, примат рисунка и равновесия частей сменяется переливами цветов и заполнением пустот.

Если последним отблеском галло-римской архитектонической традиции явился, при всей неумелости его строителей, баптистерий в Пуатье, завершенный в начале VII века, то об изменениях во вкусах очень ярко свидетельствует подземная усыпальница де Дюн, созданная около 700 года в нескольких сотнях метров от баптистерия для аббата по имени Меллебод. Она сохраняет форму традиционной погребальной камеры, наполовину врытой в землю. Такие камеры строили для себя аристократы римской Галлии. Но в то же время внутреннее убранство строения и надписи в нем типичны для новых времен: ступеньки лестницы, по которой спускаются посетители, украшены ветвевидным орнаментом, изображениями переплетенных змей, морских животных; на дверной раме — обилие розеток, искусная вязь и надпись, которую завершает выражение Maranatha («Гряди, Господи!» — арамейск.), заимствованное из Апокалипсиса и у святого Павла и предающее анафеме возможных вандалов. В помещении установлен престол, так как Меллебод желал превратить свою усыпальницу в часовню. Рядом с

алтарем возвышался сооруженный здесь или перенесенный сюда крест, от которого сохранилось лишь подножие, на нем неровное примитивное скульптурное изображение двух распятых разбойников. Таким образом искупительный смысл креста, который присутствует во всем убранстве здания, тесно сплетается с оберегательными функциями иконографии и надписей: хотя перед нами и могила какого-то конкретного аббата (о котором, собственно говоря, ничего не известно), но она довольно типична для религиозного менталитета меровингской эпохи. Эта эпоха представляет Христа как победителя сил зла. Эту тему повторяют и другие памятники, относящиеся к тому же или более позднему времени. Их отличают одинаковый тематический набор, простая техника, уровень которой может снижаться (здесь можно назвать надгробную терракотовую плиту из Грезена в Пюи-де-Дом или стелу из Нидердоллендорфа под Бонном). Техника могла быть более разработанной: к произведениям такого рода, предвещающим каролингское возрождение, относится балюстрада на хорах церкви Сен-Пьер-о-Ноннэ в Меце (ее датируют примерно 760 годом).

Ювелирное искусство, подарившее варварам самые роскошные украшения, также поставлено на службу религии, побеждающей силы зла. Даже фибулы (застежки), имевшие долгое время исключительно бытовое предназначение, отныне призваны оберегать владельца. Так, на пряжке в форме кружка из Лимона (Пюи-де-Дом) варварские декоративные элементы сочетаются с изображением головы Христа, альфы и омеги — «начала и конца»; на оборотной стороне пряжки прекрасной алеманнской работы из Виттислингена есть надпись, гласящая, что ее владелица Уффила «живет счастливо в Боге»; наконец, на застежке пояса из Женевы (VII век) изображена фигура молящегося человека в древнем одеянии, может быть, пророка Даниила, символа христианской надежды. Наиболее искусно сочетают в себе технику варварского декора и искупительный дух религии старинные ковчеги. Ковчег

Теодерика из церкви Сен-Морис д'Агон, украшенный перегородчатой эмалью, драгоценными камнями, камеями античного происхождения, внешне кажется произведением вполне светского искусства, совсем по-другому выглядят ковчеги из Сен-Бенуа-сюр-Луар и из Мортена (сосуд для хранения миро, около 700 года) с накладными пластинками, на которых с помощью чеканки очень слабого рельефа (что напоминает плиты из Пуатье или Меца) изображены фигуры ангелов. Христианство распространяется в VI веке в Галлии и особенно в варварских землях на севере так активно, как никогда ранее, и стремится быть наглядным.

ЭЛИТЫ И ДЕЛО ХРИСТИАНИЗАЦИИ

Как мы уже видели, папа Григорий Великий продолжает утверждать свой авторитет в церкви Галлии. После его кончины в 604 году примерно на столетие прекратились целенаправленные усилия Ватикана по распространению христианства в заальпийских странах. Правда, еще в 613 году епископ Флориан Арльский получил от папы паллиум, а также «пасторские» полномочия, распространявшиеся на всю Галлию. Однако это были всего лишь акты присвоения почетного звания, не имевшие никакого реального содержания. Тот факт, что после великого собора, заседавшего в 614 году в Париже, епископы Галлии не собирались вплоть до 742 года, говорит о потере власти церковной иерархией, во всяком случае, власти архиепископов. Несмотря на это, в VII веке можно констатировать огромные успехи в деле христианизации страны. Подобные достижения обязаны религиозному рвению монахов и епископов-миссионеров, которые чаще всего вдохновлялись примером святого Колумбана, и инициативности светских элит: королей и проводников их воли — аристократов.

Вот первый пример — жизнь святого Аманда. Он родился в Эрбоже (Нижняя Пуату), образование начал

получать в монастыре (возможно ирландском, на острове Йу), затем Аманд совершил два путешествия в Рим, откуда привез святые реликвии, и посвятил себя миссионерской деятельности, которая охватила пространство вплоть до бассейна реки Эско (Шельды), то есть самый центр франкских земель. Там он собирал сторонников, в особенности среди рабов, которых выкупал и крестил. После долгих мытарств Аманду удается основать несколько монастырей, в том числе Элнонский (сегодня — Сен-Аман-лез-О, на севере), Барсиас-о-Буа, Сен-Бавон и Сен-Пьер-о-Мон-Бладен в Генте. В 647 году Аманда назначают епископом Тонгр-Маастрихтским, но он недолго остается на этом посту — вновь избрав тяжелый труд странника-миссионера, он проповедует христианство по всей стране вплоть до своей кончины в 675—676 году. Однако основать Элнонский монастырь (как, впрочем, и другие) Аманду удалось лишь благодаря королевской милости — в данном случае щедрости Дагобера (если не его сына Сигебера). Новой обители были дарованы земли площадью примерно в 10 тысяч га.

Другой пример, на этот раз из жизни королей. Майордомом Нейстрии Эрхиноальдом была куплена рабыня англосаксонского происхождения по имени Батильда. Через несколько лет она стала женой Хлодвига II. С согласия последнего королева примерно в 654 году основала (то есть сделала первоначальный земельный вклад) аббатство в Жюмьеж для аквитанца Филибера, выходца из люксейского монастыря и уроженца Боббио. После смерти мужа Батильда, на этот раз с согласия своего сына Клотара III, выделила около 20 тысяч га казенных земель в районе Корби (примерно в 659 году) для другого люксейского монастыря. Наконец, в те же годы вдовствующая королева основала в Шелле монастырь люксейского типа, в котором и постриглась в монахини после окончания срока своего регентства в 665 году и где умерла в 680 году.

Не оставалась в долгу и знать, особенно аристок-

раты, вращавшиеся при дворе Дагобера, его отца и его сыновей. Среди них — Элуа, который еще до возведения в сан епископа основал в 632 году аббатство Солиньяк на части своих земель в Лимузене; Фарон и его сестра Бургундофора, основавшие монастыри Святого Креста в Мо и в Фармутье; Итта, вдова Пипина I и ее дочь Гертруда, основатели аббатства Нивель (около 648/649 года); Бегга, другая дочь Пипина I, основавшая аббатство Анденн; ее сын, Пипин II и его супруга Плектруда, которые около 700 года основали для англосаксонского миссионера Виллиброда монастырь Эхтернах... И представители менее «исторических» или менее «знаменитых» родов равным образом обеспечивают расцвет деятельности по основанию религиозных учреждений, как, например, «выдающийся муж» Адроалд, — он подарил в 651 году свое поместье в Ситыо святому Бертену для создания монастыря, которому было предназначено блестящее будущее.

Кажется несомненным, что для этих мужчин и женщин основание монастыря было способом утвердить в религиозном отношении свою власть над землями и людьми, а вернее — получить духовное подтверждение этой власти. Довольно часто побудительным мотивом основания монастыря было стремление обеспечить себе и своим близким после смерти благодатный покой в семейных гробницах, над которыми монахи обители непрерывно читали бы номинальные молитвы. Но они не в меньшей мере содействовали таким образом распространению христианства, а это являлось главной заботой их религиозных партнеров. Безусловно, первой задачей новых духовных центров было материально-техническое обеспечение повсеместной евангелизации. Иногда ее проводили в дальних краях, так, например, монастырь Эхтернах служил опорой миссионерам, проповедовавшим во Фризии. Но чаще всего миссионеры действовали у ворот самого монастыря, так было на севере Галлии, где христианство еще не проникло в деревню. Таким образом, можно полагать, что те две сотни монастырей, которые были созданы в

Галлии в период между последними годами VI века и первыми годами VIII века (в том числе примерно сорок монастырей только в епархиях Теруана, Турне, Камбре и Льежа между 625 и 700 годами!) сыграли важную роль в деле христианизации.

КУЛЬТ СВЯТЫХ И ПРИРУЧЕНИЕ СМЕРТИ

Но каким образом можно оценить реальные плоды этой деятельности? Вряд ли стоит принимать всерьез рассказы агиографов о невероятных чудесах и тысячах новообращенных, хотя в этих рассказах, то здесь, то там проскальзывают ценные сведения о краях, через которые проходили миссионеры, о методах евангелизации и маленьком отряде верных товарищей, к которому часто принадлежал сам автор, как, например, Уен, биограф Элуа. В действительности же наименее спорные данные о распространении христианства дает учет культовых мест, изучение имеющихся там надписей, возможные раскопки таких мест и особенно кладбищ.

Примером может быть исследование, проведенное в Нижней Нормандии, в долине Кана[1]. Именно в конце VII века многочисленные общины этого района (Френувиль, Тренкур-Мондевиль, Флери-сюр-Орн, Жибервиль, Сен-Мартен-де-Фонтеней...) впервые обзавелись собственными приходскими храмами. Все они были расположены вблизи жилищ и посвящались святому Мартину. Вслед за этим сразу же изменилось расположение кладбища: ранее оно было отдалено от поселения, теперь стало примыкать к церкви. На основе изучения более конкретного материала, полученного в Тренкур-Мондевиль, можно констатировать следующее: эта община насчитывала около пятнадцати очагов; ее первая церковь площадью не более чем 8 на 5 метров была построена из камня на развалинах

[1] См.: Клод Лорен (101, 102) и Кристиан Пиле (124, 125).

древнего римского сооружения; первые захоронения по церковному обряду отличает редкое убранство, используются монолитные саркофаги из местного известняка. Если ранее при строительстве жилищ предпочтение отдавалось дереву, то отныне его заменяет камень, причем хорошей кладки. Таким образом выясняется, что приходская церковь не только «привлекла к себе мертвых», но и способствовала становлению более надежного, чем ранее, типа жилищ, строящихся близко к церкви.

Итак, в провинциях Северной Галлии, вплоть до самых маленьких деревень, происходили в VII веке необыкновенные перемены, аналогичные тем, что развертывались ранее в пригородах, затем — в обнесенных стенами старинных городах. На мой взгляд, такие перемены явились самым убедительным признаком укоренения христианства. Происходило взаимное притяжение церкви и мертвых, мертвых и живых, живых и церкви — и все это благодаря тому, что большое число людей, а может быть, все население приняло религию искупления. Солидарность и тех, и других скрепляет культ святых — посредников между небом и землей, живущих в сердце общины благодаря посвященному им храму и хранящимся там реликвиям.

Как мы видели, святой Мартин был очень популярен в VII веке. Весьма почитались также Дева Мария и святой Этьен, привилегированные покровители старейших церковных учреждений, равно как и святые более регионального масштаба: Сернен — в Тулузе, Марциал — в Лиможе, Реми — в Реймсе. Их реликвии, подлинные или полагаемые таковыми, были объектами, никогда не прекращавшейся торговли. Но VII век отмечен и возникновением нового типа святости — «действенной святости»[1]. Мученики и первые епископы были привилегированными святыми раннехристианской эпохи. Ныне же к лику святых стали причислять некоторых представителей власти после их смерти

[1] Выражение принадлежит Жану Шелини (19).

(Дидье, Элуа, Уен, Арнуль и другие). Эти люди начинали службу при королевском дворе, становились затем епископами, умело управляли делами епархии, раздавали милостыню, воздвигали храмы. Меровингское общество обзаводилось собственным небесным двором, отражавшим его представления о себе самом. Несомненно, что такие святые могли служить идеологическим оружием для королевской власти или для могущественных родов, из которых они происходили, как, к примеру, Арнуль — для Пипинидов. Но причисление епископов — политических деятелей к лику святых также позволило укреплять епархиальные общности (а они, по мере христианизации, стали определять основные рамки жизни каждого человека) и одновременно — обновлять запас спасительных реликвий. Бывали случаи, когда тело еще не успело остыть, а за него уже велась борьба между представителями кафедрального капитула и монахами пригородных церковных учреждений или аббатств, основанных этими подвижниками (так было с Легером из Отена, скончавшимся около 680 года; с Боне из Клермона, скончавшимся в 706 году).

В МОНАСТЫРЯХ: СТАНОВЛЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Дело в том, что монастыри являлись, по преимуществу, лабораториями, в которых зарождалась новая религиозная культура. Развитие монашества, столь значительное в VII веке, своими успехами было обязано подвижничеству монахов-ирландцев или, как мы видели, монахов, образованных в ирландской традиции. Среди них особо следует выделить тех, кто прошел через Люксей. Открытые миру, они вдохновлялись призывом «странствовать во имя Бога», то есть нести в мир Слово Господне. На юге началось постепенное распространение уставов, созданных основателями монашеских орденов, в особенности последним

из них — святым Бенуа (Бенедиктом) Нурсийским, аббатом монастыря Мон-Кассен (Монте-Кассино). Его «Правила» первоначально были приняты около 620 года в аббатстве Отрив (епархия Альби), затем — во Флери-сюр-Луар (сегодня — Сен-Бенуа). Этот монастырь скоро превратится в главный центр бенедиктинцев — сюда около 672 года монахи перенесут святые мощи своего покровителя из монастыря Мон-Кассен, разграбленного лангобардами. Но было бы неверно полагать, что оба течения в монашестве находились в состоянии конкуренции (такая точка зрения существовала очень долго). Последователи святого Колумбана еще до середины века стали главными пропагандистами «Правил» святого Бенедикта. Побывав несколько раз в Риме, они познакомились с «правилами» и приняли их — нужно было смягчить слишком суровый для континентальных условий аскетизм, свойственный ирландской традиции[1]. В самом Люксее аббат Вальдебер, второй человек, занимавший эту должность после Колумбана, решил около 630 года принять «Правила св. Бенедикта по обычаю Люксея». Большинство люксейцев, как, например, Филибер, перенесли этот устав в новые монастыри. В результате монахи Северной Галлии, отнюдь не отказываясь от обязательств распространять веру, были теперь связаны бенедиктинскими требованиями постоянного пребывания в монастыре и все более и более охотно посвящали себя изучению священных книг. Их монастыри превратились в VII веке в главные очаги духовной и интеллектуальной жизни на всем пространстве Галлии.

При всем этом еще не было ни одного иерархизированного религиозного ордена, каждый монастырь оставался независимой единицей, что весьма наглядно отражалось в отсутствии единого плана и единых структур. Так, монастырь во Флери имел два храма; монастыри в Нивель, в Центум (ныне Сен-Рикье, дата ос-

[1] См.: Ален Диркенс (38); Ж. Ш. Пикар в «Ле Гофф э Ремон» (97).

нования — 625 год) и в Фонтенеле (Сен-Вандрий, основан в 649 году) — по три храма каждый, а в Жюмьеже их было пять. Раскроем повествование об этом последнем монастыре, оно содержится в жизнеописании святого Филибера и относится к концу VII века, когда прочные постройки заменили ветхие хижины первого поколения монахов: «Именно тогда были предусмотрительно сооружены стены с башнями на квадратной площадке, а также прекрасные покои для гостей (...). За стенами открывается взорам мирная обитель, достойная монахов. В восточной стороне возвышается храм крестовидной формы (с алтарями, посвященными Деве Марии, святому Иоанну и святому Колумбану, а также с гробницей святого Филибера); на севере находится небольшой храм, воздвигнутый во славу блаженного мученика Дионисия и исповедника Жермена; слева — храм Святого Петра, рядом — часовня, посвященная святому Мартину, на юге — склеп, где покоятся мощи святого Филибера, ставшие предметом поклонения. Монашеские кельи (постройка длиной в 90 м) занимают восточную сторону. Лучи, проникающие сквозь оконные витражи, освещают книги, делают их разноцветными, помогая глазам читателя. Внизу находится трапезная...»[1] Здесь все подмечено: наличие литургического пространства, открытость миру и гостеприимство, монашеское общежитие и чтение священных текстов. Монастырь стал местом для молитвы и размышлений над Священным Писанием, но силой вещей монастырь превратился также в учреждение, приобщающее к чтению священных книг и к религиозной культуре. В своем уставе Вальдебер Люксейский должен был уточнить время, предназначенное для коллективного и индивидуального чтения, в то же время целый раздел правил посвящался образованию детей. Итак, в тот момент, когда на юге окончательно исчезла античная школа, на севере нача-

[1] Цит. по: Vita Filiberti; перевод на фр. язык Мишеля Молла (M. Mollat et René Van Santbergen «Le Moyen Age», Liége. 1961).

лось развитие монастырской школы. Ее отличала минимальная программа приобщения к чтению и письму, имевшая единственную цель — подготовить умы к пониманию и воспроизведению священных текстов. Таким образом, создались условия, позволявшие превратить монастыри Северной Галлии в очаги интеллектуального и художественного возрождения, имеющие исключительно духовное предназначение. Первый расцвет таких очагов можно наблюдать уже в последние десятилетия VII века. В Корби, Лаоне, Сен-Дени, Люксее, Сен-Мартене-де-Тур, Жюмьеже, Фонтенеле начинают работать большие скриптории — мастерские, в которых переписывались рукописи. На основе модели латинского письма в этих мастерских вырабатывается свой собственный графический стиль, знакомый нам по многим рукописям, вышедшим из их стен. В то же время для украшения фронтисписов и заглавных букв рукописей создаются мастерские миниатюристов. На их произведениях иногда лежит отпечаток античных традиций (примером может быть изготовленный около 700 года в Люксее и дошедший до нас прекрасный сакраментарий), но постепенно мастера начинают использовать типичные для нового искусства приемы заполнения пространства смелой цветовой гаммой. Во времена, когда Галлия обращает свои взоры к северу, решающую роль играют Британские острова. Примером влияния островного искусства может быть монастырь в Эхтернахе, который, напомним, был основан Виллибродом, англосаксонским миссионером, получившим образование в Ирландии. Первые поколения работавших там переписчиков продолжали подражать островному письму, а для художников-миниатюристов источником вдохновения стали иллюстрации знаменитого «Евангелия», несомненно привезенного в монастырь его основателем. Содержащиеся в книге изображения во весь лист символов четырех евангелистов свидетельствуют о чувстве пластичности и о высокой технике их авторов. О них вспомнят инициаторы «Каролингского Возрождения».

МЕМОРИАЛЬНЫЙ СКЛЕП В ЖУАРЕ

Можно считать, как это делают многие исследователи, что основные шедевры меровингского религиозного искусства концентрируются в Жуаре, на берегах Марны, на стыках Бри и Шампани. Но прежде чем рассказать об этих шедеврах, было бы неплохо вернуться на несколько лет назад. Именно в названном районе жил крупный земельный собственник Аутарий, франк по происхождению. Богатство его было накоплено целыми поколениями, посвятившими себя воинской славе и служению королю. Напомним, что Аутарий был сыном Дадона-Уена, сначала референдария при дворах Клотара II и Дагобера, затем основателя монастыря в Ребе, наконец — около 649 года — ставшего архиепископом Руанским. Но мы еще не знаем, что два других сына Аутария основали, каждый на своих землях, по монастырю: Радон основал монастырь в Рей-сюр-Марн, а Адон — в Жуаре. Дело в том, что вся семья была обращена в веру Колумбаном, который немногим позднее 610 года побывал на марнских берегах. Не очень строгие правила, составленные основателем монастыря в Люксее, сразу же (около 640 года) были перенесены в Жуар. Он объединял две обители — мужскую и женскую — по островному обыкновению, во главе его была настоятельница. Можно не сомневаться в том, что обращение к вере этой семьи — подлинный факт, хотя монастырь оставался делом семейным. Первая аббатиса — Теодехильда — была ближайшей родственницей Адона, вторая — Агильберта — двоюродной сестрой Теодехильды, а один из основных благотворителей — Агильбер — был родным братом последней. Именно Агильбер, ставший епископом Парижским после своего путешествия в Ирландию и участия в евангелизации Вессекса, решил (около 670 года?) пристроить к церкви — усыпальнице монастыря семейный мемориал. Его первоначальное покрытие было заменено гребенчатым сводом, он опирался на колонны, и здесь можно

было увидеть последние образцы прекрасных капителей аквитанской школы. Адон, Агильбер, первые аббатисы и другие члены семьи были похоронены в саркофагах. Некоторые из них сохранились, это подлинные шедевры скульптуры VII (может быть, VIII) века.

На саркофаге с прахом Теодехильды, открытом для поклонения верующих, был воздвигнут кенотаф. Его призматическую верхнюю часть украшают гирлянды, изображающие виноградные листья и гроздья. На обеих продольных сторонах самого саркофага вырезаны двойные ряды морских раковин; между этими рядами выгравирована следующая эпитафия: «В могиле сей покоятся бренные останки блажепной Теодехильды. Безупречная дева благородного происхождения, блестящих достоинств, ревностного нрава, она воспылала любовью к живительной вере. Матерь сего монастыря, она научила его дочерей, посвятивших себя Господу, готовиться к встрече Христа, их Жениха, подобно мудрым девам со светильниками, полными масла. Преставившись, она навеки обрела райское блаженство». Искусный почерк скульптора, высекавшего надпись, предвосхищает каролингский классицизм, хотя у скульптора мог быть перед глазами высококачественный рукописный вариант. Содержание надписи проникнуто чувством бесконечной надежды. Еще более ярко это чувство передали строители гробницы брата Теодехильды.

Саркофаг Агильбера, выточенный из одного известнякового блока, был украшен с лицевой и с боковых сторон настоящими барельефами истинно пластического свойства. На лицевой стороне в овале миндалевидной формы, с орнаментом из переплетающихся полос изображен Христос-Вседержитель, окруженный символами четырех евангелистов на фоне цветущих райских кущ. На боковом панно скульптор попытался передать блаженство избранных в день Страшного Суда: они, как античные оранты, с воздетыми к небу руками славят Христа, окруженного сиянием. Есть

некоторые основания полагать, что это уникальное произведение выполнено под влиянием книжной миниатюры и скульптуры Британских островов, особенно больших кельтских крестов. В этом нет ничего удивительного, так как мы знаем, что свое первоначальное духовное образование Агильбер получил в Ирландии.

Таким образом, жизнь брата и сестры довольно типична для определенных слоев франкской аристократии. Источником их земного богатства были войны, а их вера, унаследованная от предков, которых крестили галло-римские епископы, упрочивалась вследствие контактов с христианскими народами Британских островов. Благодаря положению в обществе, канонической власти, эпиграфической и иконографической программе, запечатленной в камне, эти аристократы хотели стать и считаться активными проводниками христианства при жизни и, конечно, после смерти. При этом христианизацию они понимали как приобщение людей (есть искушение сказать — своих людей) к религии спасения. К таким идейным программам присоединялись и другие роды, в особенности Пипиниды. Но для того, чтобы реализация этих программ перешагнула границы их вотчин и охватила всю Галлию, необходимо было выйти победителями из самого серьезного кризиса, который потряс Франкское государство после конца VI века.

4
МЕЖДУ 639 И 714 ГОДАМИ: КРИЗИС КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ И НЕУКЛОННОЕ ВОЗВЫШЕНИЕ ПИПИНИДОВ

В НЕЙСТРИИ И БУРГУНДИИ. ЦАРСТВОВАНИЕ КОРОЛЯ-РЕБЕНКА

Вспомним: в 632 году Дагобер поставил своего сына Сигебера править в Австразии; в 634 году король назначил младшего сына Хлодвига своим будущим преемником в Нейстрии и в Бургундии (отныне последнюю будут называть Бургонь). Австразийцы почувствовали себя оскорбленными таким разделом. Они подтвердили свои права на города в Аквитании, которыми традиционно владели, а также на зарейнские земли, которые первыми захватили. Но ни Сигебер III (ему было около 10 лет в момент смерти его отца), ни Хлодвиг II (ему тогда исполнилось лишь 5 лет) не имели возможности править самостоятельно. Хотя в Нейстрии мать маленького короля Нантильда и сохраняла какое-то моральное влияние, можно утверждать, что в обоих королевствах реальная власть принадлежала майордомам, по происхождению аристократам. Личные качества двух парижских майордомов (последовательно занимавших этот пост) способствовали тому, что на некоторое время сохранилось преобладание Нейстрии, как было во времена Дагобера. Назначенный им на этот пост Эга до самой своей смерти (около 641 года) оставался хорошим управляющим и миротворцем. В особенности надо отметить его согласие разделить со знатными людьми Австразии, выступавшими в качестве упол-

помоченных Сигебера, сокровища Дагобера (как будто методы управления, установившиеся со времен Хлодвига, ничуть не изменились), а также возвратить аристократам обоих королевств часть конфискованного у них имущества. Что касается Эрхиноальда, майордома Парижа с 641 по 658 год (напомним, что именно этот человек купил англосаксонскую рабыню Батильду, затем отдал ее Хлодвигу, а тот женился на ней), то он, по словам лже-Фредегера, «был полон мягкости и доброты, чужд спеси и стяжательства, а богатств нажил немного».

По сути, трудности вызывала ситуация в Бургундии. Со времени смерти Варнахера в 626 году ни один майордом туда не был назначен, поэтому местная знать, как светская, так и церковная, держалась независимо: епископы выкраивали вокруг своих городов настоящие автономные государства; а патриций Виллебад (этот титул, унаследованный от античных времен и имевший реальное военное содержание, сохранил свое употребление в Бургундии и в Провансе), бывший одним из предводителей самостоятельного бургундского войска, которого в свое время Дагобер посылал в Гасконь, выкраивал себе настоящее княжество между Лионом и Валансом. Нантильда попыталась навязать и тем, и другим франкского майордома Флаохада, во время ассамблеи 642 года в Орлеане, бывшей столице короля Гонтрана. Последний поспешил заверить знатных людей Бургундии в том, что будет уважать «их имущество и почетные звания». Виллебад встал во главе «национальной» партии, враждебной франку. Между этими двумя противниками вспыхнула отчаянная борьба. Патриция убили под Шалоном, а вскоре погиб и майордом. Это позволило летописцу высказаться следующим образом: «Поскольку Флаохад и Виллебад клялись, причем не один раз, во взаимной дружбе в святых местах и поскольку оба алчно обирали подвластное им население, то, по убеждению многих, суд Божий освободил людей от их гнета и покарал обоих смертью за коварство и ложь».

Итак, тон был задан. Казалось, что королевская власть падет, беспомощная монархия станет жертвой междоусобиц аристократических кланов. Однако эта власть еще имела некоторое будущее, поскольку Хлодвиг II, скончавшийся в 657 году, оставил после себя трех сыновей, рожденных в браке с Батильдой, — Клотара, Хильдерика и Тьерри. Так как в течение долгих лет Сигебер Австразийский не имел наследника, нейстрийская ветвь могла утвердиться в надежде восстановить единство трех королевств в свою пользу.

В АВСТРАЗИИ. СКРЫТАЯ УЗУРПАЦИЯ ВЛАСТИ ПИПИНИДАМИ

На протяжении нескольких месяцев после смерти Дагобера епископ Кёльнский Кунибер и Пипин I, возвратившийся из Парижа, где он долгое время находился, продолжали править Австразией вместо Сигебера. Но Пипин умер в 640 году. Король же предпочел доверить пост майордома не его сыну Гримоальду, но человеку, бывшему наставником государя, — Оттону, члену семейства Виссембургов, враждебного Пипинидам. К несчастью, Оттон, не имевший достаточного числа сторонников, оказался не в состоянии противостоять мятежам, вспыхнувшим среди зарейнских народов. Они не выносили опеки, ставшей вновь, после смерти Дагобера, слишком строгой: сначала выступили тюринги под предводительством франкского герцога Радульфа, хотя он и был ставленником Дагобера; затем — алеманны, которых, может быть, подстрекал исподтишка сам Гримоальд. Они и покончили с Оттоном, павшим под ударами алеманнского герцога Летуариса. Таким образом Гримоальду был открыт путь, он беспрепятственно завладел должностью майордома. Дидье Каорский, знавший его отца при дворе короля Дагобера, присвоил тогда (около 643 года) Гримоальду титул, предвещавший многие другие — титул «правителя королевства» (rector regni).

Для читателя Liber historiae Francorum — летописи, созданной в Сен-Дени в начале VIII века в кругах, отнюдь не благосклонных к Пипинидам, очевидно то, что Гримоальд отныне осуществлял настоящую опеку над Сигебером. Поскольку у последнего по-прежнему не было детей, майордому удалось убедить короля усыновить одного из своих детей. Его нарекли королевским именем Хильдебер, которое само по себе несло обещание престолонаследия. Но именно в этот момент королева Эмнехильда родила «чудом посланного» ребенка, названного Дагобером. Казалось, это должно было решительным образом закрыть перед «усыновленным» Хильдебером дорогу к власти. Но у Гримоальда на этот счет было другое мнение. И когда Сигебер умер в 656 году, завоевав репутацию святого, что породило, во всяком случае в Лотарингии, настоящий его культ, то майордом поспешил постричь маленького Дагобера в монахи, передав его Дидону, епископу Пуатье. Тот увез мальчика в один из монастырей далекой Ирландии. Сын Гримоальда был провозглашен королем, к великому несчастью для легитимистов, собравших значительные партии как в Австразии, так и в Нейстрии, хотя легитимисты исходили из соображений, противоречащих друг другу. В Австразии считали, что наследником на троне должен был стать Хлодвиг II, вернее, один из его сыновей после смерти короля в 657 году; в Нейстрии же, где предводителем партии был Вульфоальд, глава семейства, соперничавшего с Пипинидами, легитимисты не могли согласиться с тем, что к ним перейдет вся власть. Несомненно, что именно Вульфоальд выдал нейстрийцам сначала Гримоальда, а затем и Хильдебера, и те лишили жизни обоих. Таким образом, Клотар III сел на трон своего покойного отца в 657 году, а его брат Хильдерик II стал королем австразийцев в 662 году. Но кто правил на деле? В первом случае — Вульфоальд, ставший майордомом, в другом — Эброин, которого королева Батильда сделала преемником Эрхиноальда.

ЭБРОИН, ЛЕГЕР, ВУЛЬФОАЛЬД И ДРУГИЕ «ЛУПЫ»...

Вероятно, именно нейстрийская аристократия навязала или, по меньшей мере, предложила Батильде такой выбор. Эброин, о котором мы знаем очень немного, принадлежал к менее богатому роду, чем его предшественники, но зато входил в круг лиц, близких к Эрхиноальду, поскольку известно, что он был крестным его сына Леудесия[1]. Есть ли здесь связь со скромным происхождением? Эброин хотел создать вокруг дворца и собственной персоны более сильную и более централизованную, чем когда бы то ни было, власть, навязав ее не только самой Нейстрии, но также и Бургундии, где после смерти Флаохада (около 643 года) пост майордома оставался вакантным. Первое время такая политика восстановила против Эброина часть нейстрийской знати: Сигебранд, новый епископ Парижский, при несомненном пособничестве королевы даже составил против него заговор. Епископ был предан смерти, а королеву, регентство которой закончилось в 665 году, когда король достиг совершеннолетия, Эброин вынудил удалиться в монастырь в Шелле. Батильда, хотя и не дала монашеский обет, но проявила такую набожность, что создала себе репутацию святой (это и послужило основой культа королевы после ее смерти в 680 году и погребения в монастырской церкви Святого Креста).

С той поры именно Бургундия с наибольшей силой сопротивлялась авторитарной власти Эброина. Надо сказать, что он потребовал запретить доступ во дворец Клотара III знатным людям этого королевства для того, чтобы править единолично, следуя лишь своим интересам. Однако в Бургундии уже несколько лет был свой «духовный вождь». Речь идет о епископе Отенском Леодегарии, или Легере, принадлежавшем к одному из самых богатых родов Галлии. Он имел значительные владения в землях Лангра, Невера, Шалона, а

[1] Ингрид Хайдрих, в книге «Нейстрия» (68).

сверх того — большие связи в Аквитании (Легер являлся племянником уже упоминавшегося Дидона, епископа Пуатье), в Австразии (здесь семейству принадлежала вотчина в районе Туля) и в сердце самой Нейстрии, где родной брат Легера Варен, ставший графом Парижским, владел несколькими «виллами» в долине Уазы. В целом это семейство было довольно типичным для франкских родов, которые значительно обогатились благодаря десятилетиям военной и штатской службы королям. Они могли во многих местах претендовать на пост майордома и, во всяком случае, не выносили посягательств со стороны занимающего этот пост на ту огромную власть, с которой они распоряжались в своих владениях. Причем власть эта являлась не только экономической и социальной, но и политической — благодаря захватам и особенно благодаря получавшим все большее распространение привилегиям иммунитета, превращавшим хозяев поместий в единственных представителей гражданской власти на их территориях. Заметим к тому же, что до своего возведения в сан епископа Легер сделал самую классическую карьеру. Он воспитывался при королевском дворе со времен Клотара II, позднее принял монашество и стал, после своего дяди Дидона, архидиаконом епархии Пуатье, затем Батильда призвала его к себе во дворец. Несомненно, что взаимная неприязнь Эброина и Легера возникла во времена их совместного пребывания во дворце. Опрометчивость Эброина сделала достоянием гласности эту неприязнь полтора десятка лет спустя.

Действительно, когда в 673 году Клотар III умер, Эброин навязал в качестве своего преемника, причем единоличным решением, без какого-либо совета с аристократами, Тьерри III, третьего сына Хлодвига и Батильды. Этот человек был настоящим ставленником Эброина. Подобные действия были восприняты как переворот, немедленно вспыхнуло восстание. Легер в Бургундии и Варен в Нейстрии обратились, как это ни удивительно, к королю Австразии Хильдерику II и его

майордому Вульфоальду. Так, во имя защиты региональной самостоятельности эти люди сознательно пошли на риск восстановления монархического единства. Что и произошло: Хильдерик был признан в трех королевствах, Тьерри III и Эброина постригли в монахи, первого отправили в Сен-Дени, второго — в Люксей. Но аристократы, которых вел Легер, взамен сумели добиться от короля согласия на то, чтобы каждое из трех королевств придерживалось своих законов и обычаев, то есть в целом сохранило свою самостоятельность. Кроме того, король подтвердил верность эдикту, выпущенному Клотаром II в 614 году, в соответствии с которым те, кто в «Passio» святого Легера названы Rectores — «управители», то есть графы, герцоги и другие патриции, будут назначаться на эти должности исключительно в своих собственных **провинциях.** По всей очевидности, меровингская монархия сохранила реальный престиж, но власть ее могла казаться не более чем символической. Нельзя было недооценивать Хильдерика и Вульфоальда, людей, одержимых жаждой власти. Все неудобные представители нейстрийско-бургундской аристократии были ими или отодвинуты в сторону, как Легер, или злобно унижены скорым судом, как «благородный франк» Бодилон. Возник заговор против короля, которого вместе с королевой Батильдой лишили жизни в одном из лесов на севере Галлии в 675 году. Вульфоальд бежал, чтобы найти убежище в Австразии. Так началось всеобщее восстание, движущей силой которого было стремление аристократов сохранить свою независимость, а его неизбежное следствие — регионалистские требования.

... ИЛИ ОЖЕСТОЧЕНИЕ РЕГИОНАЛИЗМОВ

Довольно любопытно то, что стремление к региональной эмансипации наиболее ярко проявилось в Аквитании, уже много лет остававшейся расчлененной.

Со времени раздела 567 года, который окончательно развеял мечты о независимости «королевства Храма», Аквитания (а ее можно было рассматривать как настоящее «Перу» для франков) систематически становилась предметом дележа между владетелями трех королевств севера и востока. Тулузский край, традиционно доставшийся нейстрийцам, являлся в момент эфемерного правления Харибера (629—632 годы) настоящим форпостом против басков и васконов. Эброин обновил эту формулу после 658 года, доверив герцогство Тулузское **патрицию** Феликсу. Он получил «принципат на все города вплоть до Пиренейских гор, а также на весь ненавистный васконский народ», как отметил лиможский летописец[1]. Его преемник герцог Луп, франк по происхождению, воспользовался кризисом власти 673—676 годов для того, чтобы завладеть городами Родез и Альби, которые всегда отходили к австразийцам, а затем и Лиможем, традиционным нейстрийским владением. Таким образом Лупу удалось воссоздать обширное Аквитанское княжество, простиравшееся от Вьенны до Гаронны, контролировавшее Новампопуланию, которая под давлением басков завершала свое превращение в Гасконь.

На севере благодаря смерти Хильдерика вышли из стен монастырей и возвратились на родину все те, кто был в предшествующие годы пострижен в монахи или изгнан. Каждый глава клана, имевший власть, хотел теперь сам выбрать себе короля. Легер со своими сторонниками восстановил власть Тьерри III в Нейстрии-Бургундии. Эброин и австразийцы приняли сторону маленького Хлодвига, сына Клотара III. Когда же стараниями Вульфоальда был возвращен из Ирландии всеми забытый Дагобер II, то Эброин перешел в другой лагерь, решив присоединиться к Тьерри. Но — лишь для того, чтобы навязать ему свою волю, а следовательно, вступить в неизбежный конфликт с Легером, новым опекуном Тьерри. Эброин заручился

[1] См.: Мишель Руш (139).

поддержкой многочисленных сторонников как из представителей светских элит (например, герцога Шампани), так и из числа епископата (таких, как епископы Шалонский и Валанский, не переносившие авторитаризма Легера; или таких, как Уен Руанский, его старый союзник) и стал преследовать Легера даже в пределах Бургундии, принудил к изгнанию или обрек на смерть многих его верных людей, а затем расправился и с самим Легером. Ему выкололи глаза, обвинив в гибели Хильдерика. Это обвинение рассматривалось церковным судом, по приговору которого Легер был казнен около 676—679 года. Вот вам парадокс: хотя Легер был властным и воинственным епископом, такая кончина придала ему ореол мученика.

Конечно, главным результатом смуты, продолжавшейся долгие годы, было ужасное ослабление королевской власти, а одновременно — усиление, более значительное, чем когда-либо, местнических амбиций. Их рупором была знать, как светская, так и церковная. Показательно, что в междоусобицы того времени были глубоко вовлечены и такие люди, как Уен или Легер, причисленные после смерти к лику святых и весьма почитавшиеся. Этим видным политикам, даже Легеру, так и не удалось стать майордомами. А именно вокруг этого института сталкивались амбиции, которые вели к образованию трещин, а затем и разломов в региональной солидарности. Так, нейстрийский майордом приобретал союзников в Австразии, а австразийский майордом искал поддержки в Нейстрии. Аквитания стремилась отныне жить своей жизнью, а Бургундия была жестоко укрощена Эброином. В этих условиях в Нейстрии и Австразии, точнее среди тех ее деятелей, которые за спинами марионеточных королей управляли или стремились управлять дворцовой администрацией, развернулась беспощадная борьба за первенство во Франкском государстве.

МЕЖДУ НЕЙСТРИЕЙ И АВСТРАЗИЕЙ. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП БОРЬБЫ ЗА ПЕРВЕНСТВО

Действительно, расправившись с Легером, Эброин обратил свои силы против Вульфоальда и Дагобера II, стремясь навязать Австразии «своего» короля — Тьерри. Войска противников столкнулись около 677 года под Лангром, но исход битвы оказался неясным. Для того чтобы избавиться от Вульфоальда, понадобилось, два года спустя, убить Дагобера II. Несомненно, это убийство было совершено по заказу нейстрийского майордома, но непосредственными исполнителями явились его австразийские союзники, в числе которых иногда хотели увидеть Пипина II, племянника Гримоальда, больше всех других выигравшего в результате операции. Теперь Эброин проявил желание подчинить Австразию своему королю, единственному оставшемуся в живых. Он двинул армию на восточных франков, разбил их в сражении при Буа-дю-Фей, под Лаоном. Пипин II, преемник Вульфоальда и предводитель австразийского войска, смог укрыться на своих землях, но был убит его брат Мартен, который на какое-то время нашел убежище за стенами Лаона. Эти события могли бы привести к потере независимости как Австразии, так и Бургундии. Но Пипину неожиданно повезло, ибо около 680 года Эброин в своем собственном дворце был убит его старым соперником Эрменфредом. Не исключено, что Пипин помог случаю, снабдив убийцу оружием.

Пипин пошел на мир с новым нейстрийским майордомом Вараттоном. Может быть, помня о печальной судьбе своего дяди Гримоальда, он смог первое время скрывать свои амбиции, довольствуясь титулом герцога Австразийского. Но в семье Вараттона начались ссоры, он был на какое-то время смещен с должности собственным сыном, затем окончательно заменен зятем Берхером; причем и того, и другого отличали стремление властвовать над нейстрийской знатью и агрессивность по отношению к Австразии. В резуль-

тате все большее число нейстрийцев склонялось на сторону Пипина, пополнив армию его австразийских союзников, которую терпеливо создавали как его предшественники, так и он сам. И это больше всего придавало Пипиниду смелости. Набрав из числа своих приверженцев крупное войско, он захватил древнюю римскую дорогу, которая соединяла сердце его владений с дверями Нейстрии, проходя через Тонгр, Бавей и Камбре. У Тертри, недалеко от Сен-Кентиена, произошло столкновение этого войска с Берхером и его сторонниками. Победа Пипина была полной: Берхер в конце концов где-то скрылся, Тьерри с его сокровищами был захвачен.

Пипин не стал вторгаться в Нейстрию как агрессор, он предпочел договориться с ее знатью, среди которой насчитывал немало своих приверженцев. Власть Тьерри III была восстановлена во всех владениях, отныне его окружал чисто нейстрийский двор. В то же время сам Пипин добился того, что король признал его в качестве единственного майордома всего Франкского государства. Пипин продолжал постоянно жить в Австразии, в случае необходимости — в своих собственных владениях (Эрсталь, Жюпий, Шевремон), но столь же охотно он оставался в королевских столицах, которыми являлись Мец и (что особенно знаменательно) Кёльн. Таким образом, налицо было топографическое разъединение королевского дворца и его собственной «администрации». Такая ситуация показалась бы парадоксальной, если бы мы не могли проследить весь процесс медленной трансформации чисто внутридворцовой должности майордома в должность с функциями в высшей степени политическими. Прежний дуализм, выражавшийся в существовании двух больших Teilreiche (частей империи) на севере, сохранялся благодаря наличию нейстрийского королевского двора и австразийского королевского дворца; но отныне в одном месте был только один майордом, в другом — только один король. Это позволяло щадить чувствительность региональных аристократий, но одновременно создавало условия, которые могли показаться

ВОТЧИННЫЕ ВЛАДЕНИЯ ПИПИНИДОВ
В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ МААСА
(схема заимствована у Матиаса Вернера)
Маас
ЛАНДЕН
РЮТТЕН
ЭРМАЛЛЬ
ЭРСТАЛЬ
АВАНС
ЛЬЕЖ
ЖЮПИЛЬ
ВАССЕЙЖ
ШЕВРЕМОН
Вёдр
Маас
АНДЕН
Амблев
ФЕРРЬЕР
Урт
ВАНН
ЭЙД
ГОДИНН
ПЮРНОД
0 5 10 15 км

благоприятными для воссоздания франкского единства. Что и было сделано исключительно ради пользы рода Пипинидов.

ПИПИН II: НАСЛЕДНИК

Человек, которого французские историографы называют Пипином Геристальским, по названию одного из его самых крупных владений в долине реки Маас, несомненно был наследником. У его деда Пипина I, умершего в 640 году, осталось несколько детей: Гримоальд, который, как мы знаем, был майордомом Австразии между 643 и 657 годами; Гертруда, основавшая вместе со своей матерью Иттой монастырь в Нивеле; и наконец, наименее известная нам — Бегга. Ее брак с Ансегизилом, сыном Арнуля Мецкого, родившимся до того, как отца посвятили в епископский сан, скрепил союз двух родов — Пипина и Арнульфа. Последний, напомним, властвовал в Австразии во времена юности Дагобера. У Пипина, единственного оставшегося в живых представителя этого союза, не было родственников, которые могли бы оспаривать его права (мы видели, что произошло с его двоюродным братом Хильдебером-«приемышем»). Пипин оказался единственным наследником духовного достояния Арнуля, причисленного к лику святых после погребения в церкви Святых Апостолов в Меце, но особенно — обладателем его огромных мирских богатств.

Владения семейства Арнульфа были расположены главным образом в районе Воевр, в долинах Мозеля и среднего Рейна. Вотчина Пипинидов находилась между Брабантом, Гесбеем и Намюром. Именно в этом районе между Рейном и Маасом и на соседних плато были сосредоточены их внушительные владения наследственного и фискального происхождения. По ним иногда пытались определить имена сменявших друг друга поколений, принадлежавших к двум разным ветвям, а затем слившихся друг с другом: Ланден, Гер-

сталь, Экс, Тионвиль. Здесь власть рода опиралась также на «передаточные пункты» в виде религиозных учреждений — их основывали сами представители рода. Вновь основанные обители поддерживались и принимались под опеку рода. Назовем монастыри Нивель, Фосс, основанные Иттой и Гримоальдом; Анденн, основанный Беггой; Ставелот и Мальмеди, основанные аквитанским миссионером Ремаклом при поддержке Гримоальда; Лобб, взятый под покровительство Пипином II после 680 года...[1] Именно в этом краю семейство Пипинидов встречало поддержку людей самой различной судьбы, среди которых иногда попадались очень крупные земельные собственники. Эти люди служили оплотом роду и на различных этапах завоевания власти этим родом становились сообщниками, «сателлитами», другими «вассалами». В их числе — Видоны, Гондуены, Кродуены, Рутгарды, Роберы — выходцы из Рейнгау, Хродеганги — выходцы из Гесбея.

Женитьба Пипина на Плектруде, дочери королевского наместника Гугобера, имевшего крупные земельные владения в зоне слияния Мозеля и Рейна, и Ирмины, основательницы монастыря Оерен под Триром, значительно увеличила его богатства, в особенности в районах нижнего Мозеля и Кёльнского бассейна. Таким образом сеть, которая благодаря женитьбе Бегги и Ансегизила была накинута на всю Австразию, после союза в новом поколении стала более плотной: в бывшем Северофранкском королевстве не было отныне земель, жизнь в которых ускользала бы от контроля Пипина. Однако он помышлял о том, чтобы править в трех королевствах.

ПИПИН II — «PRINCEPS» МЕЖДУ ДВУМЯ МИРАМИ

Анонимный автор «Анналов Меца», в целом заслуживающий доверия, не ошибался, когда писал, что «Пипин, отправив короля Тьерри в его королевскую

[1] См.: Ален Диркенс (37).

«виллу» Монмак-сюр-Уаз, где его содержали с почетом и уважением, сам стал править королевством франков». Возможно, наиболее ощутимо новая ситуация проявлялась в том, что Пипин оставался хранителем королевской сокровищницы Нейстрии, «сущности и символа власти»[1]; все чаще и чаще к его имени прикладывался титул «princeps Francorum» — «первого среди франков».

Надо заметить, что Пипин, в отличие от своего дяди Гримоальда, придерживался последовательной политики и проявлял большую ловкость. Чтобы предупредить и при необходимости контролировать поползновения нейстрийцев к независимости, Пипин женил своего старшего сына Дрогона на Анструде, дочери Вараттона и вдове Берхера. Более того, он согласился на передачу, по крайней мере номинальную, части своих властных прерогатив в Нейстрии и Бургундии самым приближенным к нему людям. Так на севере была восстановлена должность майордома, доставшаяся первоначально приверженцу Пипина Норберу, графу Парижскому, а затем перешедшая (начиная с 701—702 года) к его младшему сыну Гримоальду II. В Бургундии Пипин доверил управление старым автономным бургундским войском своему старшему сыну Дрогону, уже являвшемуся герцогом Шампани. Не вызывает, однако, сомнения тот факт, что Пипин сохранял абсолютный контроль за делами в обоих королевствах. Таким образом, Пипину удалось утвердить принцип передачи по наследству функций майордома в момент, когда король уже был только его игрушкой, а королевская власть сохраняла очень условный характер. И когда Тьерри III, подпись которого еще встречается под текстами грамот королевской канцелярии, умер в 691 году, то именно Пипин выбирал наследника трона. Эта процедура укоренилась. Таким образом, хотя сохранялась лояльность к династии, реальное обеспечение преемственности власти перешло уже в другие руки.

[1] По Карлу Фердинанду Вернеру (159), с. 340.

Самый яркий пример тому — церковная политика Пипина, с помощью которой он стремился увеличить число «приводных ремней» своей власти. Он не только продолжал в Австразии политику своих предшественников (особенно женской части рода), которая состояла в том, чтобы взять в свои руки церкви и монастыри, основывая их, одаривая их, более или менее скрытыми способами назначая туда своих людей (такая линия осуществлялась в бассейне Мааса, в Одилиенберге и Сустерне; в бассейне Мозеля, в Меттлахе, Пфальце и особенно в Эхтернахе). Кроме того, Пипин сделал нескольких своих приверженцев архиепископами (Ригобера — в Реймсе, Гриффона — в Руане), некоторых поставил во главе крупных нейстрийских аббатств (Хильдебера — в Фонтенель). Весьма красноречива в этом плане дарственная грамота, составленная 13 мая 706 года Пипином и Плектрудой в пользу монастыря в Эхтернахе: «когда Виллиброд покинет сей бренный мир, братия свободно выберет себе настоятеля. А он должен будет проявлять во всех делах верность нам самим, и нашему сыну Гримоальду, и его сыну, и сыновьям Дрогона, нашим внукам.»[1] Самое меньшее, что можно было бы сказать о Пипине: он был дальновиден, веря в будущее своей династии.

Но власть его пока еще ограничивалась тремя королевствами. Ибо нельзя забывать, что Арморика, фактически ставшая Бретанью, продолжала жить своей жизнью. Однако если после смерти Дагобера и подтвердилась неспособность франкской власти заставлять там себя слушаться, то местные предводители племен также не могли более воспрепятствовать прогрессирующему разложению гражданской власти. Такое предположение основывается на факте внезапного прекращения, начиная с конца VII века, дошедших до нас династических списков. Другой факт — одновременное усиление власти семейств machtierns. Они представляли собой «вождей-гарантов». Их высокий авто-

[1] Цит. по книге Пьера Рише (137).

ритет на местах использовался для поручительства при совершении юридических актов[1]. В Аквитании же шел обратный процесс. Он обозначился во времена герцога Лупа, великого собирателя земель вокруг княжества Тулузского, явно проявился при его преемнике Эде, имя которого встречается в исторических источниках начиная примерно с 700 года. Эд, как и Луп, происходил из франков. Утвердив свою власть над большинством общин между Луарой и Пиренеями, он, как кажется, заслужил если не королевский титул (историки спорят по этому вопросу[2]), то, по крайней мере, звание Aquitaniae princeps — «первого в Аквитании», как называют его некоторые современные ему авторы. Конечно, это превращало Эда в соперника Пипина. Процесс охватил и Прованс, который столь долго был разделен между Австразией и Бургундией (непосредственное следствие давнего завоевания). Стала привычной процедура, в соответствии с которой каждая из этих земель была представлена там своим **патрицием,** выбиравшимся из местной знати. После того, как в 679 году франкское единство было воссоздано в пользу Тьерри III, Прованс оказался под властью одного наместника-**патриция,** а именно Антенора. После 700 года ему удалось избавиться от северной опеки.

Хотя Пипину пришлось смириться с потерей контроля над Южной Галлией, передав преемникам инициативу восстановления связей со средиземноморским фасадом, значительную компенсацию этой потери он нашел на севере и востоке, в германских частях Галлии, которые являлись как бы геополитическим продолжением Австразии. Пипину удалось достичь там успеха благодаря неоднократным военным кампаниям. Не ограничиваясь мобилизацией своих служилых людей, Пипин сумел собрать народное ополчение, возродив так или иначе вышедшую из употребления ста-

[1] См.: Андре Шедевилль и Юбер Гийотель (18).

[2] Основным защитником тезиса о королевском титуле является Мишель Руш (139).

ринную практику командования на общефранкских военных сборах — «Марсовых полях». Благодаря этому Пипину удалось сдерживать саксов, у которых вошло в обыкновение совершать набеги на Тюрингию и даже на родовые земли франков — в данном случае бруктеров — вдоль долины Рура. Таким образом после 709 года умножились кампании против алеманнов, освободившихся от франкского ига после смерти Дагобера, кампании, имевшие целью заставить их вернуться в строй, при этом не подвергая сомнению вопрос о самостоятельности герцогства в Алеманнии. Наконец, что особенно важно, Пипин вновь сделал частью королевства прирейнскую Фризию, которая вследствие кризиса меровингской государственности также стала независимой и которой была предназначена роль морских ворот для долин и плато, являвшихся оплотами могущества первых поколений родов Пипина и Арнульфа. Но для решения этой задачи пришлось провести в период между 690 и 695 годами несколько ежегодных военных кампаний, главной целью которых являлся Дорштадт. Город к тому времени превратился в несомненный центр торговли Фризии и упорно защищался его правителем Радбодом. Понадобилось также систематически насаждать в Страпе военные поселения (их обитателей называли в отечественных источниках «франкскими людьми»). Наконец, стала необходимой очень крупная кампания по евангелизации, в ходе которой Пипин II проявил себя решительно как предвестник: именно он принял нортумбрийского миссионера Виллиброда, поощрил его восстановить старинную церковь Сен-Мартен в Утрехте и заложить новые храмы и, отметим особо, высказал пожелание о том, чтобы Виллиброд отправился в Рим для посвящения в сан епископа (что и было сделано папой Сергием I в 695 году). Так был скреплен союз, надежными участниками которого оказались: 1) семейство майордомов Австразии, щедро одарявшее новую епархию; 2) англосаксонские церкви — они оставались самыми яркими выразителями духа миссионерства и преобразо-

вания и с момента возникновения были связаны с Римом самыми тесными узами; 3) само папство. Со времен Григория Великого оно не участвовало в истории Галлии. Но когда для наследников Пипина пробьет час насильственных действий, то именно от Рима будут они ждать духовного и морального освящения своей деятельности.

ПОСТЕПЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ДИНАСТИИ МЕРОВИНГОВ

Серьезно рискуя поставить в невыгодное положение своего наследника, Пипин (он умер в 714 году) не желал, однако, ни в чем торопить ход событий и особенно опасался прямого и явного оскорбления чувств лояльности, которые продолжали питать к династии Меровингов как аристократы, так и простой народ. Тем не менее именно Пипин, единолично, после смерти Тьерри III в 691 году выбрал его наследника. Им оказался сын этого государя — Хлодвиг IV, царствовавший всего четыре года. Именно Пипин, также единолично, возвел тогда на трон брата покойного — Хильдебера III, скончавшегося в 711 году. И снова Пипин, все так же единолично, делает королем сына Хильдебера — Дагобера III... И если бы мы не находили подписей этих королей под текстами грамот и хартий, то о них решительным образом ничего бы не было известно. Они жили недолго, вероятно, из-за вырождения рода, которому постоянно приписывали черты упадка. Это дало основание Эйнгарду, биографу Карла Великого, прославлявшему Пипинидов, набросать веком позже настоящую карикатуру на «ленивых королей»: «Когда королю нужно куда-то ехать, он садится в повозку, запряженную волами, которой правит волопас по деревенской манере; и вот в таком экипаже король обычно ездит во дворец, направляется на народное собрание и возвращается к себе домой (...) Управление всеми делами, внутренними и внешними,

принятие всех решений и мер являлись исключительной компетенцией майордома...»[1]

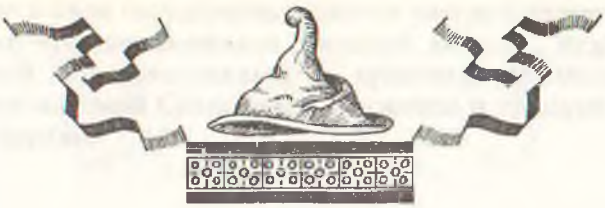
Нельзя не задаться вопросом о причинах упадка королевской власти, которая во времена Клотара II и особенно Дагобера вполне оправилась, как казалось, от раздиравших государство междоусобных войн. Но в действительности вместе с Дагобером ушли в прошлое военные экспедиции в пограничные земли, приносившие богатую добычу и обеспечивающие получение дани, что гарантировало королям-победителям верность подданных. Лишившись возможности сохранять престиж на полях брани, меровингские короли вынуждены расточать источники своего традиционного богатства, причем не только для того, чтобы оплачивать народную признательность, но и ради своего спасения в ином мире. По мере уменьшения податных сфер в результате пожалований и узурпаций соответственно оскудевала казна; прямые налоги в нее больше не поступали после многочисленных восстаний, которые вызвал в предыдущем столетии сбор налогов. Непрямые же налоги — на торговые места и другие — все чаще и чаще ускользали от казны. Происходило это в результате простого и прямого отказа от них, вследствие расхищения казенных средств чиновниками, а также благодаря широкому распространению практики иммунитета. Такая привилегия предоставлялась крупным собственникам, основывавшим на ней свои требования полной независимости. Эти люди, например, переставали вносить в королевскую казну принадлежавшую ей по праву часть взысканных штрафов. Таким же образом уменьшались доходы от чеканки денег: чаще всего они переходили в руки владельцев частных монетных дворов, которых короли не контролировали, или, что происходило еще чаще, доставались привилегированным церковным учреждениям. Последние более всего преуспевали в том, чтобы обращать в свою пользу освобождение от налогов, в

[1] Перевод на французский Луи Альфена (46).

особенности от таможенных пошлин, и сборов с торговых мест. В ряде случаев они добивались права обращать в свою пользу все доходы от налогов — благодаря новому типу привилегии, впервые дарованной монастырю Сен-Дени в 634—635 годах.

Основные источники богатства и могущества незаметно переходили от королевской власти в руки церковной и светской знати. Однако, как уже было отмечено выше, в тот момент, когда короли, скреплявшие клятвой личной преданности обязательства к ним членов их свиты и, в более широком плане, крупных вассалов, способствовали тем самым смешению функций государственной службы и частной службы при дворе, самые могущественные сеньоры, опираясь в равной степени как на римскую, так и на германскую традицию, окружали себя собственной вооруженной клиентелой. А поскольку королевская власть ослабевала, поскольку оскудевали ее владения и источник ее богатства — нерв войны — стал лишаться крови, то появился риск того, что чувство верности к этой власти притупится или, что еще хуже, обратится на другой объект. И вот появился такой человек, как Пипин. Пипин — неоднократный победитель на полях сражений как с внутренними, так и с внешними противниками, обладатель значительного количества земель, полученных в наследство и захваченных силой, имеющий в своем распоряжении настоящую пропагандистскую машину — благодаря обширной сети церковных учреждений, одариваемых им самим, равно и его близкими. Ему удается не только завоевать славу воина, подобную той, которой обладал в свое время Хлодвиг, но обратить на себя чувство преданности, показав свою способность его вознаграждать. Отныне к Пипину, к собранным им богатствам и возможной военной добыче, устремляются те, кто ищет покровительства и силы. Но мир, подчиненный Пипину, был привязан к его личности, он отнюдь не подразумевал его потомство.

Тем не менее благодаря победе над Нейстрией, которую Пипин одержал в 687 году при Тертри, Австразия (или, если угодно, «восточная Франкия», то есть наиболее германизированная **Франкия**) получила шанс обеспечить свое окончательное превосходство над Нейстрией, или «западной Франкией». Ее германское население уже давно восприняло, особенно в лингвистическом отношении, основы римской культуры — будем говорить отныне **романской** культуры. Это проявилось в использовании народной латыни. Но если Пипин и отказался от любых попыток контролировать южную половину Галлии (и даже, в конце концов, Бургундию, в свою очередь, предоставленную самой себе или, если быть более точным, власти князей-епископов, становление которой там началось — в Лионе, в Оксере), то на протяжении всего своего принципата он был решительно обращен к северу и востоку. Там Пипин завоевывал новые владения, стремясь принять участие в возрождении северных морских путей, поощряя христианизацию. Пипин завязал связи с папством специально для того, чтобы лучше обеспечить успех евангелизации. Эти связи предвещали каролингский синтез. Интерес, который первые преемники Пипина проявили к **Франкии** запада, несомненно, был связан с тем, что там не было реального королевского присутствия. Этот интерес вновь придаст вес данному региону, который авторы источников того времени все более и более охотно называют **Франкия,** довольствуясь одним этим качественным определением. Именно этой земле выпадает судьба стать колыбелью будущей Франции.

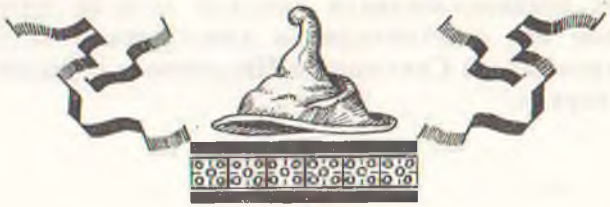

III
КАРОЛИНГИ ОБЪЕДИНИТЕЛИ
714–814 ГОДЫ

Пипин II восстановил единство севера Галлии. Это бесспорно. Однако потрясения, последовавшие за его смертью и в особенности восстания двух народов, которых ему удалось поработить, — нейстрийцев и прирейнских фризов, показали всю непрочность этого единства. Потребовалась огромная энергия и предприимчивость его сына Карла, чтобы спасти наследие Арнуло-Пипинидов, а также ожесточенное упорство его преемников: Карла (714—741), Карломана (741—747), Пипина III (741—768) и Карла Великого (768—814), чтобы власть их дома была огнем и мечом распространена на всю Галлию, чтобы имя франков снова приводило в трепет племена за Рейном, Альпами и Пиренеями. Накопленные силы и влияние позволили первому из них управлять государством без короля, третьему — провозгласить себя королем, а последнему возродить империю на западе. Таким образом тот, кто с 800 года именовался «Августейшим Карлом, коронованным по воле Бога, великим и миролюбивым императором, правителем Римской империи и по Божьему велению королем франков и лангобардов», этот король, воспитанный в традициях франков, который с любовью заставлял читать себе целые страницы из книги Августина Блаженного «О Граде Божием», ре-

шил и в известной мере сумел превратить свое правление и свои государства в синтез унаследованной от своих предшественников римской модели, возрожденной его советниками, и христианской модели, вдохновляемой Священным Писанием и трудами отцов церкви.

1
КАРЛ МАРТЕЛЛ–"ПОЧТИ КОРОЛЬ"
714–741 ГОДЫ

КРИЗИС НАСЛЕДСТВА ПИПИНА II

Любопытнейший факт: наследование должности майордома принимает отныне почти королевские формы, тогда как наследование королевства более чем когда-либо зависит исключительно от доброй воли майордома. От своей первой супруги Плектруды Пипин имел двух сыновей, которых активно привлекал к делам управления. Однако старший сын Дрогон умер в 708 году (похоронили его в Меце рядом с его прадедушкой Арнулем); а второй сын Гримоальд, состоявший некоторое время в династическом браке с дочерью фризского короля Радбода Тедезиндой, был убит под Льежем в 714 году, когда ехал навестить своего больного отца, которому исполнилось к тому времени восемьдесят лет. От побочной жены Альпаиды старый майордом имел сына Карла (имя Карл было новым в антропонимическом списке наследственных линий; его будут носить многие блестящие исторические личности; по содержанию оно приближалось к англосаксонскому слову «cearl» что означало «смелый», «отважный»). Однако в качестве своего преемника Пипин представил на одобрение государственных мужей своего внука Теодоальда, сына Гримоальда, которому только что исполнилось всего лишь шесть лет. В этом выборе явно чувствовалась рука честолюбивой бабушки

Плектруды: она надеялась таким образом отстранить от наследования сына Альпаиды. Сразу после смерти Пипина, последовавшей 16 декабря 714 года, она приказала изолировать его, намереваясь править единовластно в качестве регентши своего внука.

Появление в дворцовом руководстве женщины и ребенка стало сигналом для общего бунта всех тех, кто с трудом выдерживал железную руку Пипина. В их число вошли прежде всего именитые роды Нейстрии, которые выдвинули в майордомы своего ставленника Рагенфреда. Они бросили свою армию против сил Плектруды и нанесли им сокрушительное поражение под Сен-Жан-де-Кюиз в Компьенском лесу. После смерти Дагобера III в 715 году они вызволили из монастыря монаха Даниеля, сына Хильдерика II, чтобы провозгласить его королем под именем Хильперика II, оттеснив от трона сына усопшего короля Тьерри. Рагенфред тут же отправил в отставку некоторых церковников, поставленных Пипином во главе крупных религиозных институтов, таких, как аббат Бенинь из Фонтенеля, преемник Хильдебера, или аббат Гримо из Корби. Чтобы окончательно свести счеты с австразийцами, он вступил в союз с саксонцами и фризами, в частности, с недавно покоренными племенами прирейнских фризов, которые сразу после смерти Пипина были вовлечены королем Радбодом во всеобщее восстание.

Новые союзники, оказавшиеся главными жертвами австразийского всесокрушающего катка, договорились об организации в 716 году двух взаимосвязанных экспедиций — фризской по реке и нейстрийской по суше — в направлении Кёльна, служившего резиденцией Плектруды и Теодоальда. Первая из них, ставшая своеобразным прообразом походов викингов, была особенно опустошительной; благодаря второй, победоносной сначала до конца, Рагенфред добился, чтобы Плектруда выдала ему часть богатств, соответствующую доле Нейстрии и Бургундии в общей площади королевства.

КАРЛ МАРТЕЛЛ И АВСТРАЗИЙСКИЙ РЫВОК. 716—721 годы

Всеобщая смута позволила Карлу, которому историческая традиция уже с IX века дала вполне оправданное прозвище «Martellus» (Молот), совершить побег из тюрьмы. Карл Мартелл набрал без всякой подготовки армию добровольцев (возможно, он успел обзавестись верными людьми еще при жизни отца, но скорее всего он просто собрал вокруг себя вчерашних побежденных австразийцев, страшно обрадованных тем, что у них появился наконец достойный вождь), и попытался сначала напасть врасплох на Радбода, задержавшегося под Кёльном, но был разбит в первом же бою. Затем, быстро перестроив силы, он обрушился на Рагенфреда, который был занят переброской своей армии и своей части казны через Арденны. На этот раз в бою под Амблевом, близ Мальмеди, Карл одержал победу. Он подкрепил этот успех в следующем, 717 году победой под Венси, близ Камбре, открывшей ему Парижский бассейн. Однако, не имея достаточно надежного тыла, он не стал до конца эксплуатировать одержанный успех, предпочитая отступить в Австразию, чтобы лучше подготовить свое будущее: так он сумел убедить Плектруду передать ему остатки богатств Пипина. Впрочем, старая регентша не долго жила после такого унижения; она похоронена в заложенной ею церкви Святой Марии в Кёльне.

Только в 719 году Карл почувствовал себя достаточно сильным, чтобы свести счеты с народами, населявшими север континента, вступившими в союз с Нейстрией. Он совершил поход до Везера, чтобы изгнать оттуда саксонцев. И что особенно важно, вернул себе позиции, завоеванные некогда его отцом во фризских землях по левому берегу Рейна, и возвратил утрехтскую епархию преподобному Виллиброду. Его успехам, бесспорно, способствовала смерть короля Радбода, последовавшая в том же 719 году и отмеченная с невиданной пышностью во всем анг-

лосаксонском и франкском мире. Отныне левый берег Нижнего Рейна попал в прочную зависимость от Австразии и не мог избегнуть евангелизации. В 719—722 годах Виллиброд опирался здесь на помощь своего соотечественника Винфрида, известного под именем Бонифация. Будущий апостол Германии и великий реформатор франкской церкви делал в этих краях свои первые шаги.

Казалось, пришло время обратить оружие против Нейстрии; и делать это нужно было как можно скорее, поскольку — факт неслыханный — Рагенфред нашел союзника в лице принцепса Аквитании Эда. Этот принцепс уже перешел Луару и соединился с нейстрийцами близ Парижа. Армия была укомплектована главным образом басками, которых Эд зачислил «федератами», поручив им оборону обширных пространств Аквитании. Карл двинулся им навстречу и после схватки, произошедшей близ Нери, между Санлисом и Суассоном, 14 октября 719 года, обратил своих противников в бегство. Рагенфред отступил к Анже и основал там настоящее княжество, где он до самой своей смерти в 731 году оказывал сопротивление власти Карла. Что касается Эда, он ушел за Луару, увозя в своем обозе сокровища Хильперика II и его самого. В 720—721 годах он принял предложение Карла о мире и согласился вернуть королевские богатства и короля при условии признания за ним титула и положения принцепса Аквитании. Таким образом, чтобы закрепить мир на севере, завоеванный на юге, а особенно заручиться прочной поддержкой нейстрийцев, Карл признал Хильперика в качестве единственного короля франков. А когда в 721 году Хильперик умер, Карл заменил его сыном Дагобера III, ставшего королем под именем Тьерри IV и правившим до своей смерти в 737 году. Таким образом, Карл вернулся к ситуации, существовавшей во время Пипина II: парадный король в Нейстрии и майордом, носитель реальной власти, пребывавший по крайней мере какое-то время в Австразии.

Однако этот подлинный принцепс не мог еще по-настоящему контролировать Южную Галлию и даже Бургундию: епископы Осера, Орлеана и Лиона не сдавались и требовали контроля и над окраинными герцогствами — Баварией, Алеманнией, Тюрингией, — существовавшими вполне автономно; ни над территориями за Рейном, включая и независимую Фризию, которая в любое время могла втянуть в восстания прирейнские земли.

ПРИРУЧЕНИЕ СЕВЕРА

Карл не жалел средств, чтобы подчинить себе северную половину королевства, для этого ему нужно было прежде всего устранить потенциальных соперников. Поэтому уже в 723 году он повелел заточить своего сводного брата Дрогона; он умер в тюрьме, а второй его брат — Гуго, можно сказать, был полностью реабилитирован, но по клерикальной линии. Дело в том, что Карл проводил политику бенефиций еще более последовательно, чем его предшественники в Австразии и Нейстрии. Он стремился повсюду заменять прежних ставленников своими родственниками и другими верными ему людьми. С этой целью он в невиданных прежде масштабах практиковал совмещение должностей, особенно в церковной сфере, естественно, в пользу тех, кто был ему предан. Гуго, например, получил кроме аббатства в Жюмьеже и Фонтенеле епископства в Руане, Байё, Лизьё, Авранше и Париже. А преданный Карлу Милон, сражавшийся бок о бок с ним в битве при Венси, «священник только по тонзуре», как иронически охарактеризовал его один из современников, показавший, сколь грубым и аморальным был этот человек, не только унаследовал от отца архиепископство в Лютвине, епископство в Трире и аббатство в Меттлахе, но и получил в порядке поощрения епископство в Реймсе после изгнания оттуда архиепископа Ригобера. Для усиления конт-

роля за Рагенфредом Карл подтвердил единовластие семьи графа Ротгара (Роже) и его сыновей Шариве (Эрве) и Гозолена в Мене, где они совмещали графские и епископские посты. На арморикайских границах, в Нанте и Ренне, пролегала еще одна линия фронта. Карл опирался здесь на Агатея, который с 690 года совмещал в этих двух городах графские функции и временно управлял епархией...

Лишь немногие важные посты избегли такого насильственного захвата. В епархиях Меца и Льежа, составлявших центральную часть родовых имений Каролингов, удалось сохранить стабильность только потому, что управляли ими старые приверженцы Карла. Во всех остальных местах власти наложили руку на церковные инстанции, поручая управление ими — что стало новым явлением в политической жизни того времени — своим сторонникам из мирян. По сравнению с церковной политикой Пипина II, носившей следы недавнего обращения в католичество и глубокого уважения к церковным институтам, политика Карла может показаться очень циничной. Однако по сути она была лишь следствием углубляющейся политизáции епископских и аббатских функций.

Но Карл пошел гораздо дальше. Для вознаграждения своих сторонников, число которых росло по мере распространения его власти на всю Австразию, а затем и на Нейстрию до ее крайних пределов, ему необходимо было все больше свободных земель. Однако Карл был не склонен выделять их за счет изъятия части семейных поместий или из остатков облагаемых королевских земель, как это делали его предшественники, некоторые меровингские короли, да и его отец Пипин II. С этой целью он решил прибегнуть к секуляризации части земель, принадлежавших церкви, нанеся огромный ущерб многим прелатам, которые были отправлены в изгнание на окраины Австразии; Ошер Орлеанский, например, укрылся в Кельнё. О масштабах этого изъятия мы

можем судить не столько по источникам того времени, сколько по жалобам на Карла, число которых резко возросло после его смерти, и по документам, свидетельствующим о попытках Пипина III и Карла Великого навести в этой области порядок. Жалоба монахов Фонтенеля, которых «ограбили», отняв около трети их богатств, может дать представление о размахе операции. Но было ли это в действительности «ограблением»? Современные историки сходятся на том, чтобы не принимать безоговорочно на веру церковные источники VIII—IX веков, полные проклятий. Исследователи подчеркивают тот факт, что эти земли были уступлены церкви христианской империей и меровингскими королями за определенные услуги государству, а не просто отданы ей без всякой компенсации, и что секуляризация Карла Мартелла была в конечном счете утверждением, и не без законных оснований, сугубо государственного характера этих земель. Нельзя не вспомнить и об использовании их майордомом, который в данном случае выступает как единственный потребитель «государственных» услуг.

Ведь эти земли государь отдавал своим сторонникам, чтобы вознаградить их за службу и дать им возможность обзавестись хорошим вооружением. Как его отец и другие сильные мира сего, Карл Мартелл располагал значительным количеством «васси», присоединявшихся к нему посредством ритуала «коммендации», и число их стремился увеличить по мере распространения своей власти на всю территорию государства. Практика вознаграждения «васси» (впредь мы будем именовать их вассалами) не в форме предоставления жилья, питания и вооружения, а посредством уступки им земли использовалась до того времени лишь эпизодически. Она встречалась, например, в поместьях епископов из рода Милонов в Трире и Реймсе, в поместьях Савари в Орлеане и Осере, а также на землях Эбергарда, сына эльзасского герцога Адальбера, часть которых была уступлена

«нашим вассалам в порядке бенефиций» (хартия 730—735 годов, адресованная аббату Мюрбаха; древнейший из документов, упоминавший такого рода сделку). Однако Карл первым начал применять широко и систематически вознаграждение за вассальные услуги в форме выдачи бенефиций, то есть земель, которыми вассал пользовался лично или в лучшем случае на семейной основе на протяжении двух-трех поколений. Такое пользование позволяло ему не только содержать семью, но и приобретать, а также совершенствовать свое снаряжение. Это было совершенно необходимо, чтобы выполнить требования Карла, который мобилизовал все силы страны. Долгое время считалось, что целью секуляризации было создание настоящей кавалерии, которая к тому времени стала решающей силой военных походов. Фактически уже с VII века вооруженные банды охотно использовали коней, и, возможно, Карл Мартелл лишь ускорил процесс всеобщего распространения кавалерии, нашедший завершение лишь при его внуке. Создалась реальная возможность обеспечения всем необходимым верховых воинов из числа вассалов. Их снаряжение закон рипуарских, или рейнских, франков времен короля Дагобера оценивал в сорок су, что равнялось стоимости 18—20 коров. Оно состояло из стремян, завезенных в срединную Европу аварами и получавших все большее распространение, а также лат, настоящей кирасы (в точном значении этого слова), подбитой металлическими пластинами. Становление и развитие кавалерии, в дополнение к пехоте, которая до настоящего времени была главной силой франкских армий, было заслугой всех Пипинидов. До появления настоящего рыцарства кавалерия способствовала мобильности армии, столь необходимой для быстрых и почти не прекращавшихся кампаний, которые проводились во времена Пипина II на северных и восточных окраинах Галлии, а при царствовании Пипина III и Карла Великого — к югу от Луары.

ЗАМИРЕНИЕ И ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ЗАРЕЙНСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Нет сомнения, что Карл заглядывал в будущее, противопоставляя импровизации в государственных делах взвешенную политику дальнего прицела. Вся его деятельность к северу и востоку от Рейна, по всей видимости, связана с широким планом создания плацдарма, призванного обеспечить прикрытие Франкского государства. В Германии он проводит многие нововведения: восстанавливает и строит новые дороги, оборудует их станциями для замены лошадей и экипажей, как в добрые старые времена римского величия, укрепляет защиту наиболее уязвимых границ, воздвигая новые крепости, такие, как Кристенберг близ Марбурга, поощряя заселение долины Майна в его нижнем и среднем течении восточными франками, открывая тем самым путь в среднюю Германию, постепенно превращавшуюся во Франконию.

Ее становление позволило ему усилить контроль над Гессеном и Тюрингией (включение последней во франкскую систему управления было облегчено безвременным исчезновением в 720 году герцогской династии) и успешно защищать их от набегов саксонцев, чей пыл заметно охладел после нескольких репрессивных рейдов в 720, 722, 724, и 738 годах. Также через Франконию Карл получил удобный доступ в два крупных южных герцогства: Алеманнию и Баварию, их он также намеревался подчинить своей власти. Здесь он столкнулся с сопротивлением двух герцогов. Первый — Лантфрид, герцог алеманнов — выразил стремление к независимости, заставив написать без всякого участия властей новый закон своего народа, «Recensio lantfridana», однако не сумел предотвратить ослабление герцогства, доставшегося после его смерти его преемнику Теодбальду. Второй — герцог Баварский Гугобер, принадлежавший к франкской фамилии Агилольфингов, потерпевший два унизительных поражения (в 725 и 728 годах) и вынужденный отдать Норд-

гау, непосредственно включенное, через Франконию, в состав королевства, и согласиться принять новый закон, учитывающий интересы короля (все того же Тьерри IV), за которым стоял, разумеется, майордом.

Карл отошел от политики своих предшественников и в отношениях с фризами. Он первый понял, что прочно закрепить за королевством прирейнские земли фризов, после смерти Радбода склонных к подчинению, можно было лишь сломив сопротивление за их пределами, в святая святых независимости. Именно поэтому в 734 году он оборудовал флот, чтобы нанести мощный удар по тылам фризов с моря, то есть решил дать им сражение на их собственной земле. Данный факт примечателен еще и тем, что впервые — с тех первых столетий своей истории, когда франки завоевали себе репутацию пиратов — им удалось осуществить морскую экспедицию, причем корабли, лоцманы и моряки были без всякого сомнения набраны в районах, лишь недавно им покорившихся. И результат оправдал ожидания: после битвы при Боорне и гибели нового короля Бубо исконный центр страны фризов, очаг всех движений сопротивления в прошлом, был присоединен к Франкскому королевству.

Здесь, наконец, Карл понял, что прочного мира не будет без политики христианизации, которая закрепляла бы поглощенные Франкским королевством периферийные земли. Повторяя фризский опыт своего отца, он содействовал работе миссионеров и попытался упорядочить структуру церковной иерархии. В Алеманнии Карл оказал помощь вестготу Пирмину, основавшему в 724 году аббатство в Рейхенау. Вскоре он принял участие в создании эльзасцем Эбергардом, имя которого уже встречалось выше, монастыря в Мюрбахе, а также в восстановлении монастыря в Мармутье и основании еще одного, в будущем получившего имя святого Авольда, в Хилариаке. Во Фризии, Гессене, Тюрингии, Баварии Карл всеми силами поддерживал деятельность англосакса Винфрида, который с 716 года помогал Виллиброду в его поездках по фризским

землям. В 719 году Винфрид совершил паломничество в Рим, откуда привез не только имя Бонифация, прославленное им впоследствии, но и письмо папы, в котором глава римской церкви благословил его на проповедь Евангелия среди германских язычников, храня верность римскому престолу и римской литургии. Таким образом, благодаря посредничеству англосаксонских миссионеров был сделан еще один шаг в развитии более тесного сотрудничества между Пипинидами и папством: оно стало предвестником коренной реформы франкской церкви, проведенной двумя следующими поколениями этой семьи в согласии с Римом. А тем временем посвященный в епископский сан папой Григорием II в 722 году и получивший в 732 году «паллиум» — знак полномочий, предоставляемых апостолической властью — от его преемника Григория III, Бонифаций основал в Германии многочисленные монастыри (Фритцлар, Ордруф, Таубер-Бишоффшейн, Китцинген...) и столь же многочисленные епископства (Вюрцбург, Бурабург, Эрфурт, Зальцбург, Фрайзинг, Ратисбонн, Пассау).

«Без покровительства правителя франков, — пишет Бонифаций Винчестерскому епископу, — я не мог бы ни руководить слугами церкви, ни защищать священников и верующих, без его приказа и страха, который он внушает, я не смог бы даже запретить языческие ритуалы и практику идолопоклонства»[1]. Тем не менее было бы ошибочно считать, что эта политика вернула Карлу доверие франкской церкви, утраченное в результате секуляризации, к тому же поддержка англосаксонских миссионеров лишь вызвала приступы ее ревности. К счастью для него и его потомков, победа при Пуатье над теми, кого франкские источники единодушно называют «сарацинами» (слово, пришедшее из арабского языка и означающее «восточные»), превратили короля в руку Божию и первого защитника христианства.

[1] Цитируется по книге Пьера Рише (137).

НАСТУПЛЕНИЕ ИСЛАМА И БИТВА ПРИ ПУАТЬЕ
(25 октября 732 года)

Именно вторжение Ислама послужило Карму поводом для похода в Аквитанию, который не удалось осуществить его отцу. Следует напомнить, что в 507 году в результате битвы при Вуйе франки распространили свое господство на всю Аквитанию. Однако в Септимании (то есть в приморской части Лангедока и Руссийоне) пока еще господствовали вестготы. Когда мусульмане-арабы, при содействии войск новообращенных берберов, подчинили себе к 711 году большую часть Испании, ограничив власть вестготов несколькими опорными пунктами в горах северо-запада страны, они, естественно, перешли Восточные Пиренеи, чтобы завладеть в Септимании наследством побежденных. В 719 году был занят Нарбон, в 725 году — Каркассон и Ним. В том же году был предпринят рейд по линии Рона — Сена до Отёна, который был также разграблен. Однако вали (губернатор мусульманской Испании) Ас-Самх недолго ждал, чтобы возвратиться в Лораге и двинуться по направлению к Тулузе. В 721 году бывшая столица вестготских королей была осаждена. Освобождать ее пришлось принцепсу Аквитании Эду с помощью баскских воинов. Вали остался на поле боя, а победа Эда получила широкий отклик, особенно в Риме, где «Liber pontificalis», официальное издание папства, торжествовало по поводу уничтожения 375 000 сарацинов!

Правитель Аквитании был, казалось, на вершине своего могущества. Когда-то он заключал временный союз с Рагенфредом, чтобы противостоять давлению со стороны франков; в 730 году, видя угрозу со стороны сарацинов, он вступил в союз с вождем берберов Мунузой, правителем Сердани (Сердань была ключом к долине Ариеге, ведущей в тулузские земли), восставшим к тому времени против нового вали. Карл обвинил аквитанцев в измене и объявил их союзниками неверных. Ухватившись за этот весьма сомнительный предлог, он организовал в 731 году двойной поход на

земли, лежащие к югу от Луары, получив богатую добычу. Он невольно раскрыл этим свои далеко идущие планы, связанные с покорением богатейших земель юго-запада. Поэтому год спустя Эд, недолго думая, да и не имея другого выхода, пошел на риск и попросил у Карла помощи, чтобы отбить новый поход сарацинов, предпринятый непосредственно из Испании и особо опасный своей неожиданностью.

Вместо прямого нападения на Тулузу вали Абд-аль-Рахман предпочел нанести удар с запада. Подавив сначала сопротивление баскских горцев, которые были также захвачены врасплох, он бросил свою армию по старой римской дороге Дакс-Бордо. Возможно, главной его целью в тот момент был захват Тура, где в пригородной базилике Сен-Мартен хранились огромные богатства, накопленные веками. Он разгромил Эда и его войска у Бордо, опустошил и разграбил города и его богатейшие церкви, двинулся на Пуатье, где обчистил базилику Сент-Илер. Только после этого Карл сумел остановить его на римской дороге, ведущей к Туру, а именно 25 октября 732 года у Муссе, что явилось поводом для причисления имени Абд-аль-Рахмана к сонму мучеников Ислама. Хотя в наши дни никто не рассматривает «Пуатье» как решающий удар по захватнической экспансии ислама на западе — она уже начинала спадать в Испании, и рейд вали был с самого начала лишь многообещающим грабительским набегом, — было бы ошибочно отрицать, что победа Карла имела огромное значение. Об этом свидетельствует, в частности, большая поэма, написанная на латыни в середине века неизвестным христианским автором из Кордовы, в которой восславлена победа Карла, «консула Австразии во внутренней Франсии», а также «европенцев», и изложена мысль о том, что сарацинская опасность подняла всю Европу — понятие довольно смутное для того времени, но не лишенное, по всей видимости, реального содержания. С этого времени Карл был единодушно признан борцом за христианство. И правителем Галлии, **всей** Галлии.

ПОКОРЕНИЕ ЮГА

В то время как жалкие остатки армии Абд-аль-Рахмана пытались скрыться в Испании, продолжая грабежи на протяжении всего пути своего отступления по Аквитании и неизменно попадая в ловушки, расставленные для них в отрогах Пиренеев басками, Карл мог действовать с позиции силы, но решил не задерживаться. Честолюбивые помыслы Карла теперь были направлены в сторону земель, расположенных к югу от Луары, и это стало знамением времени. Он воспользовался обратной дорогой, чтобы во главе епископств Тура, Орлеана и Осера поставить верных людей, а смещенных священников выслать в центр Австразии. Карл надеялся, очевидно, что эти меры позволят ему контролировать подступы к Аквитании и... к Бургундии. Ведь именно на юго-восток он направил сперва свои усилия: Септимания оставалась наиболее удобной базой для рейдов, предпринимаемых арабами в долине Роны (в 731 году они достигли даже ворот Санса), а самое главное — светская и церковная аристократия Бургундии и Прованса продолжала требовать независимости, все более и более нетерпимой с точки зрения **принцепса.** И здесь опасность со стороны неверных стала веским предлогом, чтобы привести к повиновению непокорные районы.

К 733 году Лион и Бургундия были покорены. Частичную власть над ними Карл передал своему сыну Пипину: многие графства были розданы родственникам либо верным людям: Отён и Вьенн — Тьерри, Шалон — Адаларду; многие аббатства, такие, как Флавиньи, стали действенными проводниками воли властей. В 736 году Карл совершил поход до устья Роны, в Арль и Марсель. Опустошения вызвали единодушный протест провансальцев — этих «римлян», давно уже забывших о железной руке властей, пришедших с севера, — по призыву патриция Моронта они, не колеблясь, пошли на союз с арабами. Тогда в 737 году последовала новая кампания, где рядом с Карлом

действовал его сводный брат Гильдебранд, получивший после этого похода важный командный пост в долине Роны. Прованс был снова пройден от края и до края и, наконец, покорен; Авиньон был у арабов отнят, а в Нарбон, являвшийся главной базой арабского господства в Септимании, была даже направлена экспедиция. Город держался стойко, а вот подошедшая ему на помощь из Испании армия была разбита после тяжелейшего сражения. О нем сложена позднее эпическая поэма из цикла Вильгельма Оранского. На обратном пути франки сожгли города Агд, Безье, Магелон, на несколько веков превратившиеся в развалины, а также Ним. Население этих городов имело все основания предпочесть арабские порядки, не слишком, впрочем, деспотичные, бесчинствам франков, глубоко запавшим в память нескольких поколений. Новое восстание провансальцев в 739 году потребовало еще одной экспедиции, для проведения которой Карл обратился за помощью к лангобардам из Северной Италии. Стремясь придать умиротворению окончательный характер, Карл подавил сопротивление с крайней жестокостью, прибегнув к огню, мечу и конфискациям. Как и раньше на севере, он рассадил верных людей: граф Аббон, будущий основатель аббатства в Новалезе, был, например, отправлен в долину Арка.

Что касается Аквитании, Карлу пришлось ждать предлога для вмешательства до 735 года, когда умер Эд. «Получив эту новость, — пишет один из продолжателей Фредегера, — он собрал совет своих грандов, пересек Луару, дошел до Гаронны, занял город Бордо и лагерь Блай, после чего занялся покорением области, ее городов и укрепленных предместий. Одержав победу, он ушел с миром». Официальный летописец франкской власти не отметил того, что Карл вынужден был согласиться с тем, чтобы сын Эда Гунальд унаследовал от отца герцогство Аквитанию при условии, однако, что он принесет клятву верности Карлу. Таким образом, Аквитания сохранила на некоторое время призрачную автономию.

739 год. ОБРАЩЕНИЕ ПАПЫ ГРИГОРИЯ III К КАРЛУ МАРТЕЛЛУ

Тьерри IV умер в 737 году; Карл, который давно уже держал в своих руках все рычаги власти и единолично выдавал грамоты, составленные дворцовой канцелярией от имени короля, не стал его заменять: он продолжал управлять, теперь уже открыто, всеми делами королевства. Он не завладел тем не менее королевским титулом и не замышлял передавать его одному из своих сыновей: несомненно, он хранил в душе воспоминание о горьком опыте своего двоюродного дедушки Гримоальда и «приемыша» Хильдебера. И все же, принцепс без королевства, он сумел стать настоящим монархом, и подлинный характер его правления не был секретом для его современников. И если столетие спустя официальные каролингские источники, не колеблясь, представляли его как подлинного короля, при его жизни он охотно рассматривался как вице-король или как почти-король. Именно этим титулом называл папа Григорий III своего «выдающегося сына» в письме, направленном ему в 739 году, умоляя его выступить с армией против лангобардов, которые угрожали «Святой Божьей церкви и достоянию Святого апостола Петра».

В этом обращении бесспорно есть нечто необычное. С тех пор как император Юстиниан в борьбе против варваров объединил под своей властью всю Италию, Рим, епископом которого был сам папа, а также Лацио, и в более общем плане среднюю Италию, в пределах которой находилась основная часть его земельных владений, эти земли считались византийскими территориями и управлялись от имени императора экзархом Равенны. Даже завоевание полуострова в конце VI века лангобардами, сплошное на севере и частичное на юге, не затронуло эти территории, которые от Равенны и Адриатики до Рима и Тирренского побережья как бы разрезали наискось Центральную Италию. Несмотря на многочисленные конфликты,

сперва связанные с монофизитством, а затем с иконоборчеством, в которых епископы Рима сталкивались с императорами Византии, несмотря на ссоры, сводимые к борьбе за старшинство между патриархами запада и патриархами Константинополя, у папства было достаточно оснований, чтобы приспособиться к столь относительной опеке, дававшей возможность утвердить себя в качестве главного авторитета не только в духовной и моральной, но и в административной областях в Риме и Римском герцогстве. Папам пришлась, естественно, по вкусу эта практическая независимость, составлявшая необходимую основу для претензий папства на более или менее четко выраженную духовную власть над всеми западными церквями.

В VIII веке давление на Центральную Италию со стороны лангобардов начало серьезно угрожать этой независимости. И хотя лангобардские короли сменили во второй половине VII века арианство на христианство, они претендовали сейчас на объединение Италии под своей властью, — папы по-прежнему опасались попасть под иго власти, проникнутой явно захватническим духом. Став хозяином Равенны всего на два года (732—734), король Лиутпранд наложил руку на четыре лагеря, находившихся на подступах к Риму. Мог ли папа Григорий III, над которым нависла угроза попасть в осаду в собственном городе, обратиться к Византии, то есть к законной, но давно уже обессиленной власти? Он обратился к единственной близкой державе, способной, на его взгляд, оказать ему действенную помощь. Эта держава, с которой его давний предшественник Сергий предпочел сотрудничать в деле евангелизации фризов, которую его прямой предшественник Григорий II (715—731) привлек вместе с Бонифацием к установлению церковной иерархии в зарейнской Германии, нашла воплощение в «Молоте» (Карл Мартелл), победившем неверных в битве при Пуатье.

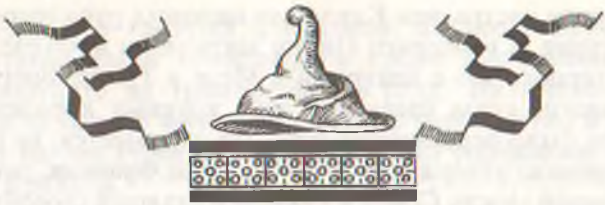
Вместе с письмом Григорий отправил Карлу несколько подарков, и, в частности, «ключи от гробницы

Святого Петра»... Петра, который, как известно, был привратником у врат рая. Однако папского давления было недостаточно. Карл с почестями принял римское посольство. Но ответил ему с холодной вежливостью. Мог ли он повернуть оружие против лангобардов, которых совсем недавно просил о помощи для подавления восстания в Провансе, причем их король в соответствии с германской модой крещения оружием только что назвал «сыном по оружию» сына Карла Пипина. Таким образом, активное сотрудничество между папами и Пипинидами было еще впереди.

Перед своей смертью Карл Мартелл, находясь уже в почтенном возрасте, успел сделать все необходимые распоряжения. Он, в частности, попросил похоронить его в аббатстве Сен-Дени, то есть в нейстрийском монастыре, где покоился прах многих меровингских королей, в том числе короля Дагобера. Это может показаться парадоксальным, но такой выбор не только означал для него некое посмертное узаконение, но и свидетельствовал о его реальной привязанности, проявлявшейся с давних времен, когда воспитание своего второго сына Пипина он поручил монахам Сен-Дени, привязанности, подтвержденной частыми и щедрыми дарами в последние годы принципата. Злоупотребление секуляризацией и использование в сугубо политических целях распределения аббатских и епископских постов в значительной мере развенчали в глазах потомков набожность и личную щедрость Карла, которыми столь широко воспользовались церкви в Ставло и Мальмеди, в Меце и Вердене. Что касается «дворцовых» дел, то есть центрального управления с его канцелярией, где на должности референдария отличился его верный Хродеганг и его «капелла» (от слова «капа» (мантия) святого Мартина, изъятая из сокровищницы Меровингов и ставшая наиболее почитаемой реликвией), то Карл уже многие годы жил главным образом в Нейстрии, в резиденциях Вербери, Лаона и

Кьерзи. Там Карл и умер 22 сентября 741 года. Таким образом Карл впервые подчинил власти севера большую часть юга, сумел примирить Австразию, откуда он происходил, с Нейстрией, куда переселился, и твердой рукой, не стесняясь в выборе средств, подготовил объединение страны Каролингами.

Тем не менее чисто по-королевски он хотел упорядочить свое наследие разделом между сыновьями. Лучше всего были обеспечены его сыновья от законной супруги Кродтруды: старший, Карломан, получил практически Австразию и власть над зарейнской Германией; младший, Пипин — большую часть Нейстрии, Бургундию, Прованс и довольно гипотетический контроль над Аквитанией. Что касается Грифона, побочного сына Карла от Свангильды, привезенной им из баварского похода в 725 году, он получил несколько территорий, разбросанных в трех королевствах: Австразии, Нейстрии и Бургундии. Не правда ли, неплохой способ сохранить единство, достигнутое в трудной борьбе при помощи силы, а иногда и террора?

2
КОРОЛЬ ПИПИН III
741-768 ГОДЫ

НЕПРИМИРИМЫЙ КАРЛОМАН И ЗНАМЕНИТЫЙ ПИПИН

Появление у власти в принципате, а позднее в королевстве того, кого историки упорно называют Пипином Коротким, но кого следовало бы называть Пипином Великим[1], открывает период великой истории Каролингов. И не только потому, что род Пипинидов обретает наконец королевское достоинство, к которому он стремился с тех пор, как первый Гримоальд сумел возвести своего сына на королевский трон, но еще и потому, что историография получила тогда новый богатейший источник, который родился на волне так называемого «Каролингского возрождения» и принял форму издания "Annales regni Francorum" («Анналы франкского королевства»). Анналы, выпускавшиеся с 741 года в недрах королевского дворца, были, конечно, тенденциозны, но великолепно информированы даже тогда, когда требовалось «дезинформировать» читателя. Это издание, например, не поможет разобраться в темной истории борьбы за наследство, в ходе которой Карломан и Пипин уже в конце 741 года упрятали в крепость Шевремон под Льежем своего сводного брата Грифона, который хотел вступить во владение своей частью наследства. Последовало перераспределение земель, в результате

[1] Как назвал его Пьер Рише (137).

которого австразиец Карломан наложил руку на север Нейстрии, а нейстриец Пипин закрепился в «Мозельском герцогстве» с центрами в Меце и Трире. Впервые за многие годы население двух крупных королевств севера было перемешано; хотя это, разумеется, не противоречило утверждению однородной **Франкии**, расположенной между Сеной и Рейном и ставшей своеобразной лабораторией воссоединения по-каролингски.

Однако судьба Грифона вызвала недовольство среди аристократии. Хозяева некоторых окраинных герцогств, понимая всю слабость законодательных основ власти этих двух принцев без короля, не могли смириться с таким положением дел. Новый баварский герцог Одилон из рода Агилольфингов, женившийся против воли Карломана и Пипина на их сестре Гильтруде, чтобы играть более значительную роль и за пределами своего герцогства, вступил в союз с герцогом алеманнов Теобальдом, стремившимся вернуть наследство своего отца Лантфрида, некогда униженного Карлом, и с аквитанцем Гунальдом, готовым биться против любой опеки, идущей с севера. Майордомы решили действовать и в политической и в военной областях. Они вознамерились, как это ни покажется парадоксальным, подкрепить свой авторитет и придать ему большую законность, разыскав в монастыре Сен-Бертен всеми забытого сына Хильперика II и провозгласив его в 743 году королем под именем Хильдерика III. Этот человек, безропотно заверивший своей подписью подготовленные ими документы, был последним монархом из рода Меровингов. В военной области братья предприняли с 742 по 745 год ряд походов как на аквитанском, так и на германском направлениях. Потерпев поражение в 742 и 745 годах, Гунальд окончательно отказался от борьбы и удалился в монастырь на острове Ре, успев передать свой «принципат» сыну Ваифру. Одилон, разбитый в 743 году под Лехом, несмотря на то, что он призвал на помощь саксонцев, вынужден был признать превосходство франков, что и было закреплено в новой редакции «Закона

бавар». Что касается алеманнов, их неоднократные восстания были потоплены в крови Карломаном в Канштадте на Неккаре в 746 году. Их герцогство было включено непосредственно в королевство и разбито на два графства, отданных под управление верных франков.

БОНИФАЦИЙ И КОРЕННАЯ РЕФОРМА ФРАНКСКОЙ ЦЕРКВИ. 743—747 годы

Именно Карломан — фигура неприметная, но, несомненно, противоречивая — в большей степени, чем Пипин, стал инициатором реформы франкской церкви, проведенной им в тесном взаимодействии с Бонифацием.

Англосаксонец Бонифаций, который когда-то с согласия Карла Мартелла и папы римского провел упорядочение церковной иерархии в Германии, оказывал большое влияние на Карломана. По его наущению, очевидно, Карломан созвал в апреле 743 года где-то в Австразии совещание, получившее название «Германского собора», по решения которого распространялись фактически на все **его** королевство, как было сказано в преамбуле принятого там капитулярия, или законодательного акта, включавшего все решения собора: «Именем Господа нашего Иисуса Христа я, Карломан, герцог и князь франков, по совету служителей Бога и моих оптиматов, собрал епископов и священников, находящихся в моем королевстве... чтобы получить от них совет о средствах восстановления законов Бога и Церкви, извращенных предшествующими князьями, и дать возможность христианскому народу спасти свою душу и не быть втянутым в погибель лжепастырями[1]. Основные направления проводимой реформы были одобрены папой Захарием в ответ на письмо Бонифа-

[1] Латинский текст в работе П. Рише (134). Датировано по А. Диркенсу (36).

ция и с согласия Карломана. Они включали восстановление церковной иерархии с епископом в каждом городе, митрополитом в каждой провинции и признание Бонифация, возведенного в сан архиепископа, легатом святого Петра; ежегодное проведение соборов для обеспечения дисциплины среди духовенства и возрождения христианской религии; возвращение церквям ранее отобранного имущества.

Что это, благие пожелания? Нельзя не отметить, что в соответствии с принятыми решениями новый собор был созван Карломаном 1 марта 744 года в Эстинне (Эно), и среди других проблем был решен вопрос о секуляризованных землях. Они оставались номинальной собственностью церкви, получающей за них символический чин (обычно не превышавший одного су) от нового пользователя, а точнее — от получателя бенефиций, который взамен должен был служить только королю. С этих пор такие земли считались прекариями, или временными владениями от имени короля. Почти одновременно (3 марта, то есть в сроки, явно согласованные с Карломаном) Пипин собирает в Суассоне ассамблею **оптиматов** и епископов, включавшую двадцать три человека из провинций Санса, Руана и Реймса. Здесь была также подтверждена церковная иерархия, кодифицирована моральная жизнь мирян и священнослужителей (особенно острой критике подвергались невежественные, распущенные и драчливые священники), вновь определены основы подлинной религии: именно тогда был установлен перечень суеверий и обычаев язычества, о котором уже упоминалось.

Главное было в том, чтобы приступить к осуществлению этой обширной программы. Начать хотя бы с того, что расширение папой Захарием прерогатив Бонифация на всю Галлию не могло не вызвать бурной реакции: как мог осмелиться этот властный иностранец, ставленник папы, которого охотно уважали, пока он не вмешивался в дела Галлии, призывать к возвращению земель, пусть и символическому, после того

как столько почтенных христиан пользовались ими многие годы? Как мог он выдвигать на какой-либо пост епископа, незаконно совмещавшего должности, развратника и бездельника? Не без трудностей удалось утвердиться епископу Гевилибу из Майнца, Рагенфреду из Руана или Милону из Реймса. А последний сумел сохранить за собой и контроль над трирским епископством. Многие епископские списки, особенно в Южной Галлии — в Бордо, Шалоне, Лионе, Арле, Эксе, — были заморожены. Восстановление многих метрополий столкнулось в Северной Галлии с сопротивлением подчиненных им епископов. Сам Бонифаций, которому была обещана Карломаном епархия в Кёльне, расположенном очень удобно, с точки зрения выполнения его миссии во Фризии и средней Германии, вынужден был довольствоваться в 745 году епархией в Майнце. На созванный Бонифацием в 745 году последний галльский собор приехало лишь тринадцать епископов, главным образом из провинций Реймса, Майнца и Кёльна, один прибыл из Руана, один — из Санса и один — из зарейнской Германии. Зона влияния Бонифация, несмотря на папскую миссию, не выходила за пределы прежней Австразии. Хотя сближение между Пипинидами и папством благодаря англосаксонскому посреднику, как и во времена Пипина II, казалось, подтвердилось, главное еще было впереди: слишком велико было сопротивление, даже среди лучших австразийских епископов, к тому же друзей дома, таких, как Хродеганг из Меца. Они были оскорблены этой пришедшей со стороны реформой и в известной мере стали провозвестниками галликанства. Чтобы не оторваться от своей социальной базы, майордомы были вынуждены лавировать. Расстроенный этим Бонифаций вскоре решил удалиться в свое епископство в Майнце, потом — в основанное им с помощью Карломана в 745 году аббатство в Фульде, а затем, в 754 году, отправиться в мученическое паломничество в далекую Фризию, место его первых скитаний.

ЕДИНОВЛАСТНОЕ ПРАВЛЕНИЕ ПИПИНА

Правда, к тому времени Бонифаций потерял опору в лице майордома, оказавшего основную поддержку его усилиям: в 747 году, оставив мирские заботы и своих близких, Карломан отправился сначала в Рим к папе Захарию, который принял его со всеми почестями, затем в ломбардское аббатство у горы Соракт и наконец осел в Моп-Кассене. Только ли религиозные мотивы двигали им? Или его брат сумел каким-то образом убедить его в необходимости такого ухода? Как бы то ни было, Пипин тут же показал, что он намерен править единолично. Он стал опекуном сына Карломана Дрогона и сразу же лишил его права на наследие отца. Таким образом, двери будущего были открыты только для его сыновей: недавно родившегося (в 747 году) Карла и других сыновей от его единственной известной нам супруги Бертрады, дочери могущественного лаонского графа Эрибера из рода Гугобертидов (к которому принадлежала также Плектруда), владевшего богатыми поместьями в Бри и Эйфеле и пользующегося поддержкой аристократических родов и в Нейстрии, и в Австразии.

Но Пипину нужно было еще решить судьбу своего сводного брата Грифона, случайно оказавшегося на свободе и тут же отправившегося к саксонцам, чтобы подбить их на мятеж, а затем и к баварам. Пипин вынужден был отправиться за ним в эти края, попутно обложив саксонцев данью в пятьсот коров, а бавар заставив признать власть своего племянника Тассилона III, сына Одилона и Гильтруды, находившегося под строгим контролем франков и отстраненного на какое-то время от власти Грифоном. Великодушный, но неосторожный Пипин согласился в 749 году отдать Грифону обширное герцогство Мен, состоящее из 12 графств и задуманное как форпост против Бретани. Однако для Грифона это послужило лишь поводом потребовать свою часть законного наследства и базой для раздоров, толкнувших его на сближение с аквитанцем Ваифром.

Тем временем на севере готовился настоящий государственный переворот, приводивший в бешенство тех, кого оставила за бортом политика Пипина, престиж которого рос не по дням, а по часам. Именно после ухода Карломана он задумал, вероятно, занять место беспомощного Хильдерика III. И действительно, Пипин казался как никогда сильным: применение декретов собора 744 года не затронуло сколько-нибудь серьезно материальных интересов бывших вассалов Карломана, пользующихся теперь королевскими прекариями, и майордом опирался на совет из верных ему людей, где взаимодействовали члены самых знатных семей Нейстрии, а особенно Австразии. Среди них было несколько весьма видных фигур: графы Ротард и Варен, некогда поставленные присматривать за Алеманнией, епископ Хродеганг, бывший референдарий Карла Мартелла, основатель монастыря в Горце близ Меца; епископ Бурхард из Вюрцбурга, австразиец, близкий к Бонифацию, и особенно совершенно новое лицо в его окружении — аббат из Сен-Дени Фулрад, выходец из богатой семьи, владевшей обширными поместьями в бассейне реки Мозель и в Эльзасе, в свите Пипина он выступал как хранитель «капы» святого Мартина, то есть как будущий «капеллан» и наиболее влиятельный из церковных советников майордома. Надо думать, ему была не чужда идея о смене династий в королевстве, которая зрела также в голове Пипина. Отрицательная пропаганда, распространяемая из дворца двумя последними продолжателями лже-Фредегера, дядей Пипина Гильдебрандом и его сыном Нибелунгом, более чем когда-либо превозносила заслуги предков Пипина, освященные, разумеется, небом, — благословенного Арнуля и победителя неверных, руки Божьей Карла Мартелла, — одновременно дискредитируя последних Меровингов.

Осталось лишь преодолеть сопротивление легитимистов, особенно многочисленных среди нейстрийской аристократии, а также возможные колебания их римского союзника, папы Захария, который не только бла-

говолил к Грифону, но и упорно рассматривал Пипипа только как принцепса, не желая дополнить смешения понятий смешением функций. В этих условиях становится более понятным странный демарш Пипина, который решил отправить к папе Фулрада и Бурхарда, чтобы выяснить, как тот относится к «королям, которые во Франции не имеют власти, и одобряет ли он такое положение вещей», как выразился автор статьи из «Анналов франкского королевства».

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В НОЯБРЕ 751 года

Папа ответил яснее ясного, что «лучше всего назвать королем того, кто имеет власть, нежели того, кто ее не имеет». И, продолжает автор «Анналов», приказал апостольским предписанием, чтобы Пипин был провозглашен королем, «дабы не нарушать существующего порядка». О каком **порядке** шла речь? Очевидно, о **провиденциальном** порядке в мире, как он был определен отцами церкви: прежде всего святым Августином, по словам которого, Творец, желая, чтобы мир земной был подготовительной ступенью к миру небесному, замыслил первый как мир гармоничный, в котором каждый занимал бы место, отвечающее его призванию. Исидор Севильский в своих «Этимологиях» упомянул, что «слово "король" (правитель) происходит от слова "править"». Так, исходя из этого постулата, вестготы низлагали тех из своих королей, которые оказались неспособными управлять.

Получив поддержку папы, Пипин в ноябре 751 года созывает в Суассоне ассамблею «всех франков», которые «своим выбором» возвели его на королевский трон, как сказано об этом в ценнейшем документе 767 года, получившем название «Clausula de unctione Pippini», составленном, очевидно, монахом из Сен-Дени. В нем было особо подчеркнуто, что «присутствовавшие там галльские епископы помазали его священным елеем», и Пипин стал таким образом первым

королем франков, посвященным в это высокое звание по церковному ритуалу, то есть в результате церемонии, в которой он предстал не только как избранник своего народа, но и как избранник Бога, призванный вести своих подданных к спасению как в земной, так и загробной жизни. И здесь можно заметить влияние вестготов, отдельные представители которых входили, возможно, в окружение Пипина и помнили, что, начиная с восхождения на королевский трон Вамбы в 612 году, все их короли прошли процедуру посвящения. Сказалось также влияние англосаксов. Так, Бонифаций, например, вернувшись из своего добровольного заточения, сыграл решающую роль в событиях 751 года, а особенно в использовании ритуального помазания в кельтских королевствах на западе. Во всяком случае, исходили при этом из широко известных прецедентов возведения на престол Саула, Давида и других ветхозаветных царей, на которых в ритуале помазания буквально пролилась благодать Божья. Пипин использовал преимущества, связанные с этим посвящением, и охотно упоминал в своих документах, что «на королевский трон он был помазан благодаря божественному провидению».

ПАПСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ ПИПИНА (754) И ИТАЛЬЯНСКИЕ ПОХОДЫ

Хильдерик III, несчастный однофамилец короля, основавшего династию, был пострижен и отправлен в монастырь Сен-Бертен, откуда его не так давно извлекли. Он умер там в 755 году. Его сын Тьерри был упрятан в Фонтенель. Эти события неизбежно повлекли за собой волнения, но почти все письменные источники, в большей части исходящие от сторонников Пипинидов, ничего не говорят об этом. Рим, где в 752 году Этьен II сменил на папском престоле Захария, сделал Пипину долгожданное предложение еще более укрепить законность королевского сана. Дело в том,

что опасность со стороны лангобардов, поутихшая было после 741 года, вновь приблизилась к воротам «вечного города»: король Айстульф второй преемник Лиутпранда, наложил руку на Равенну и стал готовиться к походу на Рим, чтобы объединить Италию под своей властью. Как Григорий III в 739 году, Этьен II не мог согласиться со своим низведением до роли одного из лангобардских епископов. После провала решающих переговоров с Айстульфом он отправился во Франконию, заранее договорившись с Пипином о выделении эскорта для его сопровождения. Добравшись до Вале зимой 753 года, Этьен II был встречен аббатом Фулрадом и графом Ротардом, высланными навстречу папе новым королем франков; далее, в Лангре к ним присоединился шестилетний принц Карл, а когда папа прибыл в окрестности королевского дворца Понтион, в верхнем течении Марны, навстречу ему выехал сам Пипин, чтобы остаток пути проделать вместе. Он даже взял в руки узду коня папы в знак глубокого почтения, которое питали последние императоры к римскому епископу.

Весь январь 754 года был посвящен переговорам между папой и королем. Известно, что папа воспользовался ими, чтобы просить у короля помощи в обороне «Республики римлян», то есть римского герцогства, подвергшегося лангобардской агрессии. Согласно официальной хронике папства «Liber pontificalis», Пипин обязался якобы полностью «вернуть» папе, как поверенному святого Петра, Равеннский экзархат. Сразу же было отмечено, что если такое «возвращение» состоится, то по всем законам оно пойдет на пользу лишь Византийской империи, хотя еще в 728 году папа добился, чтобы Лиутпранд «возглавил» лагерь в Сютри близ Рима «апостолам Петру и Павлу». Похоже, что папство пыталось убедить своих партнеров, а возможно, и самих себя в том, что оно и только оно пользуется от имени апостолов правом собственности на город, его герцогство и даже на весь

Равеннский экзархат. Сейчас уже не считают, что грамота «Константинов дар» (бесспорно, самая знаменитая в истории фальшивка, согласно которой первый христианский император дал папе Сильвестру суверенные права на Рим, Италию и весь Запад) фигурировала среди доказательств, представленных Этьеном II, чтобы убедить Пипина, — скорее всего, она была сфабрикована в канцелярии Латрана позднее, во второй половине VIII века. Однако не подлежит сомнению, что породившая ее идеология папства была к 754 году уже достаточно солидно разработана.

Пипин дал себя убедить в необходимости похода в Италию, если не удастся добиться возвращения Равенны путем переговоров с Айстульфом. Однако последний не только не захотел уступать, но еще и попытался воспользоваться в борьбе против Пипина беднягой Карломаном, вытащив его для этой цели из Мон-Кассена. В результате Пипину удалось наконец сломить колебания своих военных на ассамблее в Кьерзи в апреле 754 года и получить их согласие на итальянскую экспедицию. Тем временем в Сен-Дени, где Этьен II решил провести остаток зимы, произошло событие, которое по виду было простым подтверждением посвящения 751 года, а на деле стало фактом огромной важности. Не только Пипин, уточняет «Клаузула», но и его сыновья Карл и Карломан «были помазаны святым елеем в качестве королей с Божьего благословения и через святых апостолов Петра и Павла», то есть рукой папы римского. Последний присвоил им кроме того титул «римских патрициев», который, превращая их в избранных покровителей Рима и его населения, оправдывал бы предстоящее вмешательство Пипина в дела Италии. Впоследствии, этот титул, всерьез воспринятый Карлом Великим, логически привел его к воссозданию империи. И наконец, Этьен II дал свое благословение королеве Бертраде, а также другим грандам (принцепсам) франков, угрожая запретом и отлучением от церкви тем из них, кто осмелился бы избрать короля, «происходя-

щего не из знатного рода, освященного Божьей благодатью». Имеющий уши да услышит! Так был окончательно скреплен союз между папством и Пипинидами и завершен разрыв между папством и Восточной империей. И не случайно преемник Этьена II Павел I известил в 757 году о своем избрании не Византию, а именно Пипина.

Но для того чтобы этот поворот получил территориальную и правовую основу, потребовались франкские экспедиции в Италию. Первая была проведена Пипином летом 754 года и закончилась у стен лангобардской столицы Павии, где после осады города Айстульф пообещал «вернуть» святому Петру Равеннский экзархат и покориться франкам, признав их суверенитет. Папа торжественно вернулся в Рим, а Пипин отправился домой. Однако вскоре Айстульф отказался от своих обязательств и в 756 году возобновил наступление на Рим и даже произвел осаду. После второй столь же победоносной экспедиции Пипин решил оставить при папе небольшой гарнизон во главе с Фулрадом, чтобы более эффективно контролировать соглашение, достигнутое после переговоров с Айстульфом: аббат Сен-Дени вступил во владение двадцатью двумя поселениями, оставленными лангобардским королем, и возложил ключи и акт о даре на вечные времена на алтарь святого Петра в римской базилике Ватикана. Так было основано то, что принято называть наследием святого Петра, или Папским государством, объединяющим два полюса: адриатический с центром в Равенне и тирренский с центром в Риме, соединенные узкой полоской земли, тянущейся через Апеннины. Византийский император мог сколько угодно протестовать против этого, но ничего не мог сделать. Тем не менее папа был предоставлен самому себе, и, когда преемник Айстульфа Дидье в конце 756 года вернулся к политике своих предшественников и начал давление на Рим, призывы о помощи Павла I, обращение к римскому патрицию не получили никакого отклика, во всяком случае, в военной области.

Своей первостепенной задачей Пипин считал теперь объединение Галлии.

ЗАВОЕВАНИЕ СЕПТИМАНИИ И АКВИТАНИИ

Если галло-римляне Септимании, которым принесла столько страданий проводимая Карлом Мартеллом политика выжженной земли, примирились с мусульманским игом, то остатки вестготов совершенно его не выносили. Пипин мог рассчитывать на них, чтобы подчинить себе земли, которые никак не удавалось захватить франкам и которые хотели бы получить аквитанцы, искавшие выход к Средиземному морю (рейд Ваифра на Нарбон в 751 году ясно свидетельствовал об этом). Первая кампания, проведенная в 752 году, привела к взятию Нима, Магелона, Агда и Безье, где король поручил графские функции готам, которые помогли ему занять эти города. Но ему не удалось взять Нарбон, главный опорный пункт мусульманских сил. Поэтому потребовалась вторая экспедиция, в 759 году, а также торжественное обещание жителям этих мест, что вестготские законы останутся в силе. Только тогда, после избиения арабского гарнизона, город пал, а вместе с ним и вся Септимания.

Теперь Пипину открылись два пути к сердцу Аквитании, вернувшей себе полную независимость: северная дорога и дорога через Лораге. Король нанес Ваифру удар под предлогом, что тот захватил церковное имущество Австразии и Нейстрии в этих государствах. В 760 году он мобилизовал свою армию, особо позаботившись о кавалерии. Она заняла к тому времени настолько важное место в организации вооруженных сил, что с 755 года пришлось заменить мартовские сроки мобилизации («мартовские поля»), унаследованные от античного Рима, где в армии преобладала пехота, на майские сроки («майские поля»), с целью лучшего обеспечения коней фуражом. Кампа-

ния 760 года была первой в серии экспедиций, настолько продолжительных, что иногда Пипин зимовал в местах походов. До 768 года Аквитания пережила «девять лет систематических грабежей и разрушений»[1].

Операции состояли главным образом в осаде и взятии городов. Первым ударам подверглись с севера Клермон, Лимож, Бурж и Пуатье, а затем были захвачены ударом с севера либо со стороны Нарбона города, расположенные в бассейне Гаронны: Каор, Ажен, Альби, Тулуза. Ваифр не оставался в долгу, организуя партизанскую войну против захватчиков, а также ответные рейды на Бургонь, Отён и Шалон в 761 году, на Лион — в 765 году. Но в целом массивный каток франкских армий показал свою силу, особенно после решающей кампании, возглавленной Пипином в 768 году. Тогда ему были выданы все члены семьи Ваифров, был взят город Бордо и получена клятва в верности со стороны воинственных басков, наконец сам Ваифр был убит в своем убежище в Периге Вараттоном, одним из подкупленных Пипином людей. Аквитания потеряла своего последнего принцепса, а с ним и независимость. Больной и усталый Пипин, удалившись в Сенат и направив в каждый захваченный город франкских графов, обнародовал затем капитулярий. Этот законодательный текст, разделенный на маленькие главы — **капитулы** — по числу положений (их широко использовали Каролинги, начиная с Пипина III), был призван способствовать перемирию в стране, гарантируя каждому — римляну или варвару — сохранение прежних законов. Тем не менее область вышла из этой войны совершенно обессиленной. Именно тогда произошел для ее жителей подлинный разрыв между античностью (структуры которой до того времени еще сохранялись) и средневековьем»[2].

[1] Мишель Руш (139).
[2] Мишель Руш (139).

ДЕЛО ПИПИНА И ХРОДЕГАНГА

Влияние римской церкви, как это ни кажется странным, укоренилось прочнее всего на севере Галлии и особенно в Австразии, а позднее, при Карле Великом и Людовике Благочестивом, стало распространяться на Южную Галлию. Дело в том, что Пипин после долгих дискуссий с Этьеном II стал с 754 года убежденным сторонником и распространителем папских идей, касающихся вопросов дисциплины и литургии. Тогда же он нашел себе верного союзника в лице епископа Меца Хродеганга, долгое время находившегося в тени в период всемогущества Бонифация. Надо сказать, что после смерти этого борца за веру в Германии, последовавшей в 754 году, Этьен, находившийся еще в Сен-Дени, назначил Хродеганга его преемником и вручил ему нагрудный крест, знак папского легата в Галлии. Епископ из Меца, решительный сторонник реформ, взялся за дело со всей серьезностью. С согласия короля во дворце, расположенном в долине Уазы, стали регулярно проводиться соборы (Вер — 755 год, Вербери — 756 год, Компьень — 757 год) или в Арденнах (Аттиньи — 762 год), куда приглашались епископы, а иногда и аббаты из провинций Руана, Санса, Тура, Трира, Реймса и Майнца. Король присутствовал почти на каждом из них. Хотя в конце своего правления Пипин самолично назначил епископа во Вьенн, на этих собраниях была представлена только Северная Бургундия, тогда как Прованс и особенно Аквитания (по явно хронологическим причинам) держались в стороне от движения. Так были подтверждены на севере королевства принципы власти епископов и архиепископов и получила новый импульс нравственная реформа среди мирян и духовенства. Чтобы приглушить недовольство части епископов, которых беспокоила нерешенность вопроса о секуляризации, Пипин принял ряд мер. Он распространил на все земли принцип королевских прекарий, установленный когда-то Карломаном в своем при-

нципате, и особо настоял, скорее всего в 756 году, на введении принципа десятины, то есть выплаты каждым жителем королевства десятой части своих доходов в пользу церкви. Эти меры были направлены, естественно, на то, чтобы укрепить чувство солидарности внутри христианского общества и сделать его более однородным.

Церковь в Меце стала для Хродеганга настоящей лабораторией реформ. Как некогда святой Августин в Гиппоне, он решил установить для священнослужителей своего кафедрального собора определенные правила и без колебаний позаимствовал их в 754 — 756 годах в модели бенедиктинского ордена, заставив их жить совместно и превратив в настоящих каноников, то есть людей, следующих строгим канонам. Таким образом каноники кафедрального собора в Меце обязаны были, как монахи, питаться в общей столовой и спать в общей спальне, жить в бедности и помогать обездоленным, а самое главное — совместно присутствовать на специальной сложной литургии, называемой стациональной, позаимствованной Хродегангом у римской церкви, а через нее — у храма Гроба Господня в Иерусалиме. Для исполнения литургии требовалось, чтобы в окружении главного храма были многочисленные церкви, в каждой из которых в соответствии с точным расписанием, проводились по очереди службы литургического года, особенно в пасхальные дни. Что касается служб в Меце, эти церкви нам известны по описаниям, составленным Павлом Диаконом в его «Истории епископства Меца», законченной к 785 году (сам собор, посвященный святому Этьену, крещенская церковь, церковь Нотр-Дам, церковь Сен-Пьер-ле-Мажёр, церковь Сен-Пьер-ле-Вьё, соборная церковь Сен-Поль). Эта литургия исполнялась впоследствии в форме псалмопений римского происхождения в один голос (песнопения, приписанные папе Григорию Великому и превращенные позднее в григорианский хорал), которые постепенно заменили античную «галликанскую песню».

Хродеганг и Пипин хотели чтобы принятая в Меце модель канонической организации и литургических богослужений распространялась постепенно на все королевство. Это оказалось нелегко: многие члены кафедрального духовенства были несклонны отказаться от удобств открытой жизни того века. Тем не менее в период правления Пипина в проведении реформы и унификации жизни духовенства были достигнуты реальные успехи. Сравнительно многочисленные копии документов VIII века, сохраненные, в частности, в «Геласийских сакраментариях» — сборнике текстов проповедей и молитв во время месс и празднеств, приписываемых папе Геласию (492—496) — упоминается, что церкви Галлии шаг за шагом принимали формулы римской литургии. Известно, например, что в 760 году Реми, сводный брат Пипина, получив пост митрополита Руана, выписал одного из руководителей певческой школы Рима, чтобы обучить своих служителей новым песнопениям. Когда в 766 году Хродеганг умер, а его тело было положено рядом с телом его предшественника, почтенного предка Каролингов, в базилике святого алтаря Арнуля в Меце, преемственность в его делах была уже обеспечена.

ВЛИЯНИЕ ПИПИНА

Не только в области религии, но и в сфере управления делами страны Пипин подготовил почву для установления более разумных порядков, что принесло славу его сыну и к чему мы вернемся ниже. Столкнувшись, например, с хаосом в денежном обращении, связанном с небывалым успехом серебряных монеток — фальшивых **сцеаттас**, нахлынувших с северных окраин королевства, и с бурным развитием мастерских, находившихся в руках графов, епископов и аббатов, чья деятельность вышла из-под контроля меровингских королей, он решил установить коро-

левскую монополию и упорядочить чеканку серебряных денье, потребовав, чтобы на монетах была его монограмма и чтобы из римского фунта выделывалось 264 денье (то есть 24 су на фунт и 12 денье по 1,22 грамма серебра на су). Сравнительно многочисленные находки, например, в Имфи (Ньевр) или Дорштадте, подтверждают успех этой меры по стандартизации, способствовавшей быстрому вытеснению фальшивых **сцеаттас**[1] новыми денье.

Безусловно, королевский контроль за эмиссией и обращением денег стал возможен лишь благодаря твердости, с какой Пипин держал в руках местную администрацию, возложенную на способных и верных графов, а также благодаря реорганизации центрального управления. Конечно, двор оставался, как и при Меровингах, скорее учреждением, нежели определенным местом: он по-прежнему помещался вместе с королем между Нейстрией (Компьень, Вербери, Жантийи, Вер) и Австразией (Понтион, Эрсталь, Жюпий), между сельскими резиденциями и крупными аббатствами городских окраин (Сен-Медар де Суассон, который охотно посещали Меровинги, предоставившие ему ряд привилегий, но особенно Сен-Дени). Во всяком случае, можно отметить территориальную целостность королевства, и дело не только в интеграции Австразии и Нейстрии, но и в преемственности королевских институтов. Впрочем, хотя Пипин и ликвидировал по понятным причинам институт майордомов, он сохранил в неприкосновенности прерогативы крупных служб меровингского двора. Главное нововведение состояло в том, что руководство канцелярией поручалось теперь только клеркам церкви, что привело к качественному обновлению документов, их синтаксиса и орфографии, их оформления и графического исполнения. Не обошлось здесь, разумеется, и без Хродеганга, бывшего референдария при дворе Карла Мартелла.

[1] Жан Лафори (90).

Хорошо поставленное управление и крепкая канцелярия стали необходимыми инструментами новой дипломатии, решительно порвавшей с рутиной и бездарностью предыдущих правлений. Чтобы еще более утвердиться в законности своего титула и урегулировать спорные вопросы, порожденные созданием церковных государств, Пипин решил еще в 757 году завязать особые отношения с императором Константином V. Страстный иконоборец, император как раз искал себе союзников в борьбе против культа святых образов. Создавались условия для того, чтобы с 757 по 767 годы между двумя дворами состоялся обмен делегациями с богатыми подарками, и обсуждался даже проект женитьбы сына императора на дочери Пипина Жизели. В 767 году король созвал в своей резиденции в Жантийи собор, где восточные теологи встретились с франкскими епископами, чтобы обсудить проблему культа икон. Решения, принятые собором, не обнаружены, но можно полагать, что строгому иконоборчеству, одержавшему верх в Византии, франкская церковь противопоставила несколько иную, традиционно свою точку зрения.

Несколько месяцев спустя, зимой 767/68 года, Пипин принял в Меце посла Аль-Мансура, аббасидского калифа Багдада, чей брат Абуль-Аббас сверг в 750 году династию Омейядов в Дамаске. Искал ли калиф в холодной Австразии союзника против последнего представителя сброшенного рода Абд-аль-Рахмана, пытавшегося создать в Кордове независимый эмират, или надеялся заручиться у Пипина признанием со стороны державы, слухи о силе которой дошли до далекого Востока? На этот вопрос нет ответа.

ПИПИН, ФУЛРАД И СЕН-ДЕНИ

А авторитет Пипина стал к тому времени огромным: об этом можно судить по событиям, происшедшим после его смерти, на территории Галлии и в

окружающем мире. Когда за несколько месяцев до смерти, завершив свой последний поход в Аквитанию, Пипин заболел, он попросил, чтобы его отвезли в Сен-Дени. Именно там, приняв на себя руководство Нейстрией, он сформировался как крупный деятель, там же в 754 году папа посвятил его в королевский сан, там он хотел и умереть. За время своего правления Пипин неоднократно выделял денежные вознаграждения, подтверждал привилегии, которые Дагобер и его последователи предоставляли монастырю. Он, в частности, подтвердил монополию аббатства на платежи за участие в октябрьской ярмарке, право на которые постоянно оспаривали графы Парижа, зарившиеся на этот лакомый кусочек. Вместе с Фулрадом, назначенным к тому времени в аббатство, он решил выстроить монастырю новую церковь, которая не только заменила бы монастырскую церковь Дагобера, но и превзошла бы своими размерами все церкви Галлии. Гигантская программа была завершена лишь 24 февраля 775 года, когда старик Фулрад освятил наконец здание. Над круговым склепом, где помещались могилы святых Дени, Рустика и Элевтера, спроектированным по образцу склепа собора Святого Петра в Риме, который Фулрад лично посетил, поднималась, опираясь на сотню колонн, базилика длиной в 63, а шириной в 22,5 метра, снабженная трансептом, восточной апсидой и беспрецедентным, имеющим серьезные последствия новшеством — западной апсидой, также построенной по римскому образцу. Под этой апсидой, если верить рассказам Сугерия в «Хронике Сен-Дени», Пипин пожелал быть погребенным лицом вниз в знак смирения и искупления грехов, которые его отец совершил против церкви. Был ли Пипин Короткий первым истинно христианским королем? Для такого вывода есть достаточно оснований.

Во всяком случае, он более последовательно, чем его отец, потрудился над синтезом между Австразией

и Нейстрией, между севером и югом, между римским и христианским наследием и варварским динамизмом. Во время его правления созрела подлинная франкская идеология, представлявшая Пипинидов не как ликвидаторов, а как продолжателей дела своих меровингских предшественников. Именно это хотел выразить в 763 году монах из Сен-Дени, автор нового вступления к салическому закону, пересмотренному по приказу Пипина: «Прославленная раса франков создана Богом, они смелы на войне, надежны в мире, глубоки в своих замыслах, отличаются благородной осанкой и белой как снег кожей, исключительно красивы, отважны, быстры и тверды, франки, обращенные в католическую веру, и в варварстве своем были свободны от всякой ереси; это раса, ищущая ключ к знаниям по наущению Бога, стремящаяся к справедливости в своем поведении и склонная к милосердию. Те, кто были ее вождями, продиктовали в свое время салический закон... Именно тогда, благодаря Богу, король франков Хлодвиг, неудержимый и великолепный, стал первым, кто получил католическое крещение...»[1] Здесь прекрасно видно, как тот, кто сверг последнего короля Меровингов, становится в позу законного наследника знаменитого основателя их династии.

[1] Цитируется Пьером Рише (137).

3
ИМПЕРАТОР КАРЛ
768-814 ГОДЫ

КАРЛ ВЕЛИКИЙ И КАРЛОМАН КОРОТКИЙ. 768—771 годы

Пипин был истинным франком. Как его отец и другие предшественники, меровингские короли, он перед смертью разделил свое наследство между двумя сыновьями, получившими еще в 754 году папское посвящение в королевский сан. Младшему, Карломану (ему шел восемнадцатый год) достался внешне компактный, а фактически разнородный блок земель, охватывающий территорию от Суассона до Марселя и от Тулузы до Базеля. Карл, которому тогда был двадцать один год, получил во владение земли в форме обширного полумесяца, идущего от атлантической Аквитании до Тюрингии через большую часть Нейстрии и Австразии, через Фризию и Франконию. Тот факт, что каждый из них обладал частью Нейстрии, Австразии и Аквитании, что Карл сделал своей резиденцией Нуайон, а Карломан — Суассон, как в свое время сыновья Хлодвига, выбравшие себе столицы поблизости друг от друга, — свидетельствовал, казалось бы, о желании сохранить единство королевства.

Однако старший, которого позднее, через много лет после его смерти, назовут Карлом Великим, был фактически наделен значительно лучше брата, обладая окраинными землями, омываемыми морем. И самое главное — братья не ладили друг с другом, несмотря на отчаянные старания их матери Бертрады

сблизить их вопреки всем и всему. Это проявилось в 769 году, когда один сеньор с юго-запада по имени Гунальд, возможно, это был сын Ваифра, возмущенный разделом богатейшего наследия принцепсов Аквитании, поднял на восстание западных аквитанцев и гасконских басков. Карл вынужден был один отправиться на подавление мятежа, так как Карломан отказался присоединиться к нему со своим войском. Опасаясь сговора между Карломаном и лангобардом Дидье и создания оси Суассон — Павия, Карл решил опередить события. Он не только сблизился со своим кузеном герцогом Баварским Тассилоном, который, храня верность традициям своего рода, стал зятем лангобардского короля, но и сам женился на дочери Дидье, отставив на второй план свою законную жену Гимильтруду (которая уже успела родить ему сына, названного царственным именем Пипин).

Конфликт мог бы разгореться нешуточный, если бы Карломан не умер, причем очень своевременно, в декабре 771 года. Карл привлек на свою сторону некоторых наиболее близких Карломану деятелей, включая и Фулрада из Сен-Дени, и завладел наследством брата. Его невестка Герберга и племянник, родившийся в 770 году и также откликавшийся на имя Пипин, нашли убежище... у Дидье. Тогда Карл отослал к отцу свою лангобардку, еще не давшую ему детей, а Дидье не замедлил принять вызов: с первых же дней 772 года он потребовал посвящения сына Карломана и возобновил начатое его предками наступление на Папскую область. Новый папа Адриан I хорошо знал, где найти союзника, способного его защитить. За несколько лет своего участия в аквитанских походах отца Карл уже обнаружил стратегический талант.

ВОЙНА И МИР КАРОЛИНГОВ

Усиление и расширение королевства стали наиболее заметными итогами деятельности Карла Велико-

го, именно это неустанно подчеркивалось в «Анналах» королевства, особенно до коронования Карла императором в 800 году. После этого военные операции сводились чаще всего к умиротворению или к мерам полицейского характера; пришло время «каролингского мира». В большинстве случаев войны велись одна за другой, по воле обстоятельств, и часто случалось, что широко задуманная операция на одном фронте должна была прерываться из-за угрозы восстания на другом. Тактический гений Карла не подвергался сомнению, хотя ему приходилось бросаться из Испании в Саксонию, из Саксонии в Италию, пользуясь сетью спешно восстановленных и поддерживаемых в порядке дорог. Следует, однако, дать более детальное представление о народе, вынужденном годами не оставлять оружие, о перебросках войск, безропотно двигающихся от одного края королевства к другому. Война велась обычно только в теплое время года. С 755 года воинов призывали, как правило, в мае, собирая их вблизи театра военных действий, а месяца через три отправляли по домам. Так, во всяком случае, предписывалось в приказе о мобилизации, отправленном в 806 году аббату Фульраду в Сен-Кантене: его люди должны были явиться в город Штрасфурт в Западной Саксонии с запасом продуктов на три месяца; однако предвиделось возможное продление срока, поскольку предписывалось иметь «оружие и одежды на шесть месяцев». Для очень многих столь долгое пребывание вне дома было просто невыносимым. Чтобы разрешить проблему неявок, Карл ввел специальным капитулярием два вида ограничений, которые внесли значительные изменения в обычай франков, согласно которому каждый свободный человек был обязан участвовать в войне. Прежде всего ограничение географического порядка: мобилизации подлежали в принципе уроженцы районов, близких к месту сбора, интересы которых прямо затрагивались близящимся конфликтом. Затем шло ограничение социальное: призывались в даль-

нейшем только наиболее богатые из числа свободных людей, другие же должны были объединяться в группы, чтобы экипировать одного из ее членов, и наконец, самые бедные вносили лишь материальный вклад. Так, капитулярий, принятый в 807 году в Ахене гласит: «... в кампании должен участвовать каждый свободный мужчина, владеющий пятью мансами; а также тот, кто владеет четырьмя; и тот, кто владеет тремя. Там, где найдется два свободных человека, имеющих по два манса, один из них поможет другому в экипировке... Там, где один человек владеет двумя мансами, а другой одним, они также объединяются... Те, у кого имеется только половина манса, объединяются вшестером, и пятеро помогают шестому приобрести необходимое снаряжение. А если некоторые так бедны, что у них нет ни рабов, ни других ценностей... они совместно собирают пять су, чтобы экипировать шестого человека».

Дело в том, что участие в войне предполагало полное освобождение человека в благоприятное для сельских работ время года и обработку его земли кем-то другим. Кроме того, оно требовало значительных затрат на приобретение снаряжения, которое становилось все дороже по мере того, как росло значение кавалерии в массовой переброске воинов, а также в тактике сражений (количество всадников, мобилизуемых в период расцвета королевства, приближалось к 50 000). Конь, латы, каска, щит, копье, меч, кинжал, лук, колчан и стремена стоили примерно столько же, сколько стоили 18—20 коров. Это было одной из причин, заставивших Карла увеличить число королевских вассалов, которые пользовались хорошим доходом от налогов, взимаемых во всем королевстве, или с вновь завоеванных земель, как это было в Саксонии в 797 году. Обязательства таких вассалов, носившие по отношению к суверену чисто личный характер, предполагали постоянную военную готовность. Именно среди них Карл старался набирать членов своеобразных легких бригад из отборных бой-

цов, способных действовать всюду, быстро и эффективно, без оглядки на календарь. И если повторные экспедиции подготовили почву для оккупации Саксонии, то произошло это благодаря верности вассалов короля и эффективности легких бригад.

Это произошло также благодаря прямому использованию террора, так как Карл был уверен в божественном характере своей миссии, считая расширение своего королевства расширением царства Божия. От побежденного народа он требовал клятвы в верности, у народа-клятвопреступника отнимал земли, подвергая пыткам его вождей, выкалывая им глаза, отрубая руки, казнил заложников, проводил массовые ссылки. Саксонцы, не раз усмиренные и вновь восставшие, пострадали от его ярости больше других народов: начиная с обезглавливания в 782 году 4500 заложников в Вердене и кончая массовыми выселениями в Галлию и особенно в Аквитанию в последние годы века. Именно такими средствами, не исключавшими, правда, и удивительное личное обаяние Карла, ему удавалось, по крайней мере внешне, сохранять территориальное единство безмерно расширившегося государства.

БЛИЖАЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ: К ОБЪЕДИНЕНИЮ ГАЛЛИИ

Авторитет короля был почти незыблем в Нейстрии и Австразии, откуда набиралась большая часть его войск и их командиров, благодарных ему за накопленную добычу. Однако Карлу оставалось еще замирить и присоединить к королевству юг Галлии и ее крайний запад. Плацдарм, созданный на подступах к Бретани в 749 году для Грифона, был обновлен. И действительно, в семидесятых годах здесь возникает британская зона, пограничная марка, включающая города Ренн, Тур, Анже и, конечно же, Вапн, которую, если верить свидетельству «Анналов Меца», Пипин основал еще в 753 году. Из руководителей этой про-

винции известны по крайней мере двое: Роланд, несчастный герой Ронсеваля, которого Эйнгард назвал «префектом британской марки», и Ги, представитель влиятельного австразийского рода Ламбертидов. В 799 году, воспользовавшись раздорами среди бретонских вождей, он осуществил репающую по замыслу экспедицию на полуостров. Однако уже через несколько лет возникла необходимость в новой кампании, она была проведена в 811 году и показала всю непрочность власти франков в стране, никогда не отказывавшейся от своей политической и религиозной независимости. В свое время Карл не пожалел, по-видимому, средств и присоединил к своим границам обширное герцогство с центром, как и во времена Грифона, в Ле-Мане. В конце 80-х годов его первый сын Карл стал управлять этим герцогством, подаренным ему в 772 году новой законной супругой Хильдегардой, внучкой герцога алеманнов Готфрида.

Король был вынужден применить такую же политику и в обширной Аквитании, решительно не приемлющей прямое франкское правление. Мятеж Гунальда продемонстрировал иллюзорность ее поглощения, которым, казалось, завершились повторные кампании Пипина. Катастрофа в Ронсевале, избиение басками арьергарда огромной армии, возвращавшейся из Испании в 778 году, к которой мы еще вернемся, явилась, возможно, поводом для нового мятежа. Как бы то ни было, с 779 года Карл начал расселять там королевских вассалов и систематически направлять туда графов из числа франков, таких, как Гумберт в Берри, Аббон в Пуату, Видбод в Перигоре. А в 781 году он возвел Аквитанию в ранг королевства, посадив на ее трон своего нового сына от королевы Хильдегарды, появившегося на свет три года назад и получившего меровингское имя Ludovicus, то есть Людовик или Хлодвиг. Мальчик был отправлен в Рим, чтобы быть помазанным на королевство папой Адрианом, затем провезен на коне через все королевство. Таким образом, конец аквитанской независимости

был ознаменован «контролируемым обновлением»[1]. Если Карл и боялся, что его сын «усвоит кое-что из нравов этих иностранцев», как пишет хроникер, подробно рассказав о непонимании между «франками» севера и «римлянами» юга, он рассчитывал этим не только удовлетворить аквитанский регионализм, но и создать обширный плацдарм в борьбе против пиренейских басков, которые еще раз продемонстрировали свою полную независимость, и против мусульман Испании, которых он намеревался в скором времени отодвинуть еще далее на юг. С той же целью он создал, вероятно, графство Тулузу и Септиманию, приграничную область, охватывающую весь Лангедок, с центром в Тулузе, и поставил во главе ее в 790—804 годах своего кузена герцога Гийома.

Таким образом, с присоединением Прованса и Бургундии, а также Аквитании и армориканских окраин вся Галлия была объединена. Всюду или почти всюду сидели назначенные королем франкские графы, которым поручалось собирать налоги, осуществлять от имени короля правосудие, в частности, на заседаниях франкских трибуналов, обеспечивать порядок и формирование армии. Графы подбирались на основе всесторонней проверки и чаще всего из представителей северной аристократии, наиболее близкой к суверену, они располагали узуфруктом в фискальных областях, связанных с исполнением их обязанностей, и оставляли себе по нормам, унаследованным от меровингских времен, значительную часть доходов правосудия, но их деятельность не обходилась без случаев бесхозяйственности, злоупотреблений властью и коррупции. Поэтому Карл пошел на создание системы легатов, рассылаемых со специальными миссиями во все концы королевства, какими пользовались некоторые из Меровингов, и, возможно, Пипин III. Это были настоящие «посланцы хозяина», выезжавшие по двое — духовник и мирянин, — чтобы разъяснять

[1] По выражению Мишеля Руша (139).

содержание капитуляриев, следить за их исполнением, контролировать управленческую деятельность графов и их подчиненных, проверять жалобы на несправедливости и злоупотребления и выявлять обращения в королевский суд. Известна, например, двоица Аримод и Вернер, посланная в Прованс в 778 году, или знаменитые Лейдрад и Теодульф, о которых еще будет речь, направленные в Аквитанию в 787 году. Обеспечивая связь между королевским двором и отдаленными районами, куда король наведывался крайне редко, эти посольства сыграли огромную роль в деле обеспечения единства управления королевством.

Однако при дворе поняли, кажется, что старые региональные образования, такие, как Бургундия, Прованс, Аквитания, не могут быть полностью устранены, они выступают иногда (особенно это верно для Аквитании) как территориальные принципаты феодальных времен. Поняли и то, что существуют страны, например Бретань и Васкония, этнические и языковые особенности которых сформировались на протяжении веков сопротивления любой форме власти, исходящей из сердца Франкии.

СРЕДНИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ: К ИНТЕГРАЦИИ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ГЕРМАНИИ

Проникновение франков за Рейн также усилилось, хотя им никогда не удавалось стереть самобытность здешнего края, которая носила скорее национальный, нежели региональный характер. Если во Франконии продолжалась настоящая, по преимуществу крестьянская, колонизация, то при Карле Великом все чаще отмечалось проникновение в Гессен, Тюрингию и зарейнскую Алеманнию, например, в долину Неккара и в Брайсгау, представителей австразийских аристократических родов, обычно связанных с Пипинидами. Они повсюду приобретали земли, вступали в брачные связи с местными родами, основывали мона-

стыри. Поскольку эти люди чаще всего сохраняли тесные отношения с остальной фамильной группой (о чем свидетельствуют Альбрики — Геририки, выходцы из рейно-маасского района[1]), оставшейся на наследственных землях или рассеянной по королевству в зависимости от исполняемых государственных функций и расположения вассальных наделов, они способствовали интеграции Германии во Франкское королевство. Это относится и к монастырям, таким, как Сен-Дени, приобретавшим земли даже в Алеманнии. Только, пожалуй, в Баварии, где Тассилон III продолжал вести политику лавирования между франками и своими традиционными, а также временными союзниками, дела шли не слишком гладко. Однако Карл, опираясь на мощную поддержку партии, обосновавшейся главным образом на западе герцогства, где имелась значительная прослойка франкской аристократии, возглавляемая епископом Арбео из Фрайзинга, чувствовал себя после окончательного разгрома в 774 году лангобардского короля Дидье хозяином положения и потребовал от своего бывшего союзника Тассилона — сначала в 781, затем в 787 году — возобновить вассальные обязательства, данные им когда-то Пипину III (757 год) и собственноручно подписанные. В 787 году герцогство было торжественно передано Карлу, который уступил его в качестве бенефиции Тассилону, а вся баварская аристократия дала клятву в верности королю. Дела зашли так далеко, что в следующем году король счел юридически неоправданным осудить махинации своего беспокойного кузена, вступившего в союз с аварами из Паннонии, что грозило нарушить складывающееся на западе равновесие. Карл сумел сместить его, приговорил к смерти, затем помиловал и отправил в монастырь в Жюмьеже. Что касается герцогства, он включил его в королевство, разделил на несколько графств, подчинив их власти единого префекта, причем первым на

[1] См.: Режин Ле Жан-Эннебик (98).

этом посту оказался его двоюродный брат Герольд. Таким образом, целостность Баварии была сохранена: королю нужна была прочная точка опоры в борьбе против аваров.

Этот народ, пришедший из азиатских степей, действительно осел в конце VI века в Паннонии на развалинах того, что называют иногда империей гуннов, к которым франкские авторы с боязливой торопливостью отнесли и аваров. Франкское королевство, отделенное от аваров полосой ничейной земли, идущей от Эпа до Винервальда, не подвергалось непосредственно их набегам, но грабежи, учиняемые аварами в срединной Европе, заставляли франков опасаться худшего. Последний сговор Тассилона с Каганом подтолкнул Карла принять предупредительные меры: три экспедиции (791—796 годы), возглавленные им самим, маркизом Эриком де Фриулем и Пипином, одним из сыновей Карла от Хильдегарды, поставили аваров на колени. Последняя из них завершилась разрушением «столицы» каганов Ринга, представлявшей собой фактически гигантский укрепленный лагерь, расположенный у слияния рек Дуная и Тиссы, и захватом добычи, вывезенной во Францию обозом из пятнадцати огромных телег. Ничейная земля была постепенно захвачена франками и превратилась в «восточную страну» (Остмарк, прародитель Австрии). Ей не пришлось послужить в борьбе против аваров, остатки государства которых окончательно исчезли после 822 года, но она очень пригодилась в противодействии венграм, третьему поколению степных народов, расселявшихся на равнинах Паннонии.

Несогласованный характер кампаний, направленных против бавар и аваров, в значительной мере связан со вспышками саксонской войны, которая в 772—799 годах почти ежегодно требовала мобилизации сил Франкского государства. Как и многие из его предшественников, в том числе из рода Меровингов, Карл на первых порах был вынужден проводить карательные рейды против саксонцев, не утративших привычки совершать набеги на Гессен, Тюрингию и

Рейнскую область в поисках легкой добычи. Таким путем ему удалось создать прикрытие в форме пограничной области в долинах рек Рура и Липпе. Но как когда-то его дед в отношениях с фризами, Карл понял, что прочного умиротворения не будет, пока за пределами королевства существует независимая Саксония. А точнее, независимые саксы, так как этот народ делился на западных (вестфальских), центральных (анграрийских), восточных (остфальских) и северных (нордальбингенских) саксов. Король использовал одних из них против других, двигался рывками, дважды (в 775 и 780 годах) переходя даже Везер, захватывал один за другим основные укрепления, разрушал культовые сооружения, включая и знаменитый Ирминсул, подчинил в конце концов отдельные районы и заменил их новым разделением на графства. Покорение представлялось окончательным. Но в 782 году благородный ангриец Видукинд поднял на восстание против франкских оккупантов и против части национальной аристократии, начавшей сотрудничать с ними, массы свободных саксов. Мщение Карла было ужасным. Выше уже говорилось о казни 4500 заложников в Вердене. Потребовалось целых три года ожесточенных боев, чтобы задушить партизанскую войну, добиться капитуляции Видукинда с последовавшим за ней знаменитым крещением в Аттиньи, и навязать побежденным страшный капитулярий «De partibus Saxoniae», который предписывал наказывать смертью всякое отступление от верности королю и всякое нарушение общественного порядка, а также рекомендовал меры по искоренению любых проявлений язычества. Северные районы, соседствующие с Восточной Фризией и отличавшиеся двойственной природой, не подвергались военным походам со времен Карла Мартелла и были наиболее спокойными. Но именно отсюда началось в 792 году новое восстание. Карл воспользовался этим, чтобы одним ударом убить двух зайцев: после ряда кампаний, проведенных с 794 по 799 год, он включил в королевство и Восточ-

ную Фризию и Нордальбингию. Но сделано было это ценой массовых высылок местных жителей и замены их верными франками. И все же он сумел начать подготовку будущего, издав в 797 году новый «Саксонский капитулярий», которым отменялся режим террора, устанавливаемый капитулярием 785 года, и вводилось прогрессивное равенство саксов и франков перед законом. «Война закончилась лишь тогда, — писал позднее Эйнгард, — когда саксы слились с франками в единый народ». Впервые Франкское королевство объяло всю Германию, а все старые королевства и герцогства были ликвидированы; впервые его границы раздвинулись до границ датской Ютландии и земель северо-западных славян. Отныне Карл, не колеблясь, проводил в этих отдаленных краях усмирительные кампании.

ОТДАЛЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ: ПОВОРОТ К ИСПАНИИ И ИТАЛИИ. НОВАЯ СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ПОЛИТИКА

Тем временем влияние Карла распространилось далеко за пределы южных гор. «Тогда как многообразная и почти беспрерывная война против саксов продолжалась, — пишет Эйнгард, — Карл, разместив в наиболее удобных местах вдоль границы свои гарнизоны, со всеми имевшимися в его распоряжении силами атаковал Испанию». И действительно, находясь в Падерборне, в верховьях реки Липпе и готовясь к новой саксонской кампании, он принял в 777 году мусульманского губернатора Сарагоссы, прибывшего просить его помощи в борьбе против омейядского эмира Кордовы. То ли стремясь быть на высоте победного наследия своего деда, то ли чтобы присоединить свои усилия к усилиям готских королей, укрывшихся в Астурии и проводивших уже в жизнь план возврата утраченных земель, Карл согласился в 778 году принять участие в испанской авантюре. Но,

оказавшись в Испании во главе огромной армии, он потерпел неудачу под Сарагоссой, где его предали вчерашние союзники. На обратном пути арьергард армии попал в Ронсевале в западню, устроенную басками, и рядом с Роландом пали сенешаль Эггихард и граф двора Ансельм. Это была настоящая катастрофа. Поражение повергло в панику готских христиан в Испании, среди которых франкское вторжение породило большие надежды, и многие из них, Агобард и Теодульф в том числе, решили тогда укрыться от исламского господства во Франкии. Что касается Карла, то он, невзирая на создание королевства Аквитании и особенно пограничной марки в Тулузе, непосредственно призванных противостоять арабской угрозе, отказался от всякого вмешательства в этом регионе, даже в тех случаях, когда города и целые области (Жерона, Уржель, Сердань) заявляли о желании встать под его покровительство, или когда в 793 году эмир Кордовы совершил рейд до Нарбона и поставил в трудное положение герцога Гийома. Франки вновь вернули себе инициативу только в самом конце века, а первого успеха добились лишь в 801 году, когда король Людовик захватил Барселону и сделал ее сначала центром графства, а затем всей испанской укрепленной зоны, настоящей испанской марки, вскоре расширившей свои границы (к 804—810 годам) до Таррагоны и горных плато к северу от Эбро.

Точно так же в 773 году, будучи занят саксонскими делами, Карл получил призыв о помощи и от папы Адриана, обеспокоенного крутым поворотом в политике короля лангобардов: несколько городов, являвшихся «достоянием святого Петра» уже пали, Равенна была в осаде, а Дидье предполагал даже явиться в Рим, чтобы заставить папу короновать сына Карломана. После тщетных попыток завязать переговоры Карл решил применить силу и выступил, как обычно, двумя армиями, взявшими противника в клещи в результате широкого маневра. Ему удалось осадить

Дидье в его столице и взять Верону, где скрывались вдова и наследник Карломана. Павия держалась много месяцев. В апреле 774 года Карл даже позволил себе оставить у города небольшое войско, с остальной армией и частью двора отправиться в Рим, чтобы отпраздновать там Пасху. Впервые вождь франков побывал в бывшей столице империи. Патриций римлян был принят там с почестями, отдаваемыми прежде равеннским экзархам, бывшим носителям этого высокого звания. Вполне возможно, если верить «Liber pontificalis», что папа воспользовался волнением гостя, чтобы добиться от него подтверждения дара, который посулил когда-то Святому престолу Пипин, и якобы получил гораздо больше обещанного в 756 году, а именно более трех четвертей полуостровной Италии.

Как бы то ни было, Карл вернулся к Павии, где Дидье, исчерпав все свои ресурсы, капитулировал в начале июня 774 года. Карл арестовал его (остриг и отправил в пикардийский монастырь в Корби), а сам расположился в его дворце и роздал его сокровища войскам. Но он не ликвидировал королевства и не включил его в состав Франкского государства, а сохранил его целостность, приняв на себя 5 июня титул короля лангобардов. Вначале Карл также не тронул все институты и административный аппарат королевства. Только после ряда восстаний, особенно после мятежа герцога Фриуля в 776 году, он начал посылать туда чиновников из центральных областей королевства, назначать графов и епископов, направлять франкские контрольные миссии. Началось расселение там королевских вассалов, выделение дотаций монастырям, основанным северянами. По-прежнему не отказываясь от лангобардского королевского титула, Карл решил в 781 году — в те же дни, когда он создавал для Людовика королевство Аквитанию, — учредить для Карломана, второго сына, рожденного ему Хильдегардой, «королевство Италию» и освятить это назначение в Риме одновременно с посвящением

старшего сына. Ребенок получал по этому случаю королевское имя Пипин, что фактически исключало из наследования его сводного брата, уже носящего это имя, — и Карл поселял его в Павии вместе с двором, состоявшим из высоких франкских чиновников. Тем не менее было ясно, что новый король навсегда останется вице-королем, находящимся под верховной властью настоящего короля, который и будет на деле руководить политикой Италии.

Узы дружбы, связывавшие Карла с Адрианом, не помешали патрицию отнестись, может быть даже слишком серьезно, к миссии покровительства. Он не только выделил святому Петру лишь крохи обещанного в 774 году, но и выразил желание контролировать управление своим достоянием, лично или через миссии вмешиваться в духовные, а также мирские дела церковных государств. Карл, конечно же, строил амбициозные планы распространения своей власти на всю Италию. Не довольствуясь подчинением герцогства Сполето — одного из двух лангобардских герцогств центра и юга Италии, независимых от королевства на севере, — он навязал свой протекторат и другому герцогству, Беневенто. Тем самым он вторгся в район, который традиционно считался заповедной зоной Византии. Императрица Ирена, правившая в качестве регентши своего сына Константина VI, воспользовалась случаем, чтобы разоблачить замышлявшиеся когда-то планы женитьбы ее сына на Ротруде, дочери Карла. Она плела интриги против франков и их присутствия в Южной Италии и отказалась вступить в контакт с представителями западных церквей, когда созывала в 787 году второй собор в Никее — называвшийся тем не менее вселенским, — посвященный восстановлению культа икон. Карл не замедлил отреагировать: сначала в религиозном плане, когда он торжественно отказался в «Капитулярии образов», называемом также «Libri carolini», присоединиться к постановлениям собора, как к слишком радикальным, а главное — оставить за Византией

право единолично руководить жизнью церкви. В плане политическом он пошел на оккупацию Истрии, пограничного полуострова между лангобардским королевством и империей, и посадил там в 792 году вместо бывшего византийского губернатора франкского герцога. Две державы проявили первые признаки сближения лишь в 797 году, когда Ирена лишила престола своего сына, выколов ему глаза, приняла беспрецедентный для женщины титул василевсы и отправилась на запад в поисках признания законности своего императорства. Она согласилась на потерю Истрии при условии, что Беневенто останется под византийским влиянием.

Узурпация императорского титула Ireной и смена папы Адриана, умершего в 795 году, слабодушным Львом III оказались решающими обстоятельствами процесса возрождения империи на западе, ставшего завершением подлинно европейского курса, который распространил власть Карла от Эдера до Эбро, от Котантена до Истрии. Но этот процесс не может быть понят без осмысления роли личности и окружения того, кто до 799 года называл себя «Королем по велению Божию франкского и лангобардского королевств и римским патрицием».

«ШИРОК В ПЛЕЧАХ И КРЕПОК... ПОКЛОННИК ЛИБЕРАЛЬНЫХ ИСКУССТВ»

Теперь, наверное, следует дать слово Эйнгарду, франконцу, 775 года рождения, прибывшему ко двору в 792 году, чтобы «кормиться» там и учиться. Много позднее, примерно в 830 году, Эйнгард написал биографию «Жизнь Карла Великого» по образцу книги «О жизни цезарей» Светония. «Карл, — пишет он, — был широк в плечах и крепок, высок ростом, но не чрезмерно, около семи футов (чуть более 190 сантиметров). У него была круглая голова, большие живые глаза, нос несколько длиннее среднего, прекрасные светлые волосы, открытое веселое лицо. Та-

ким образом впрочем, как сидя, так и стоя, он производил незабываемое впечатление человека властного и достойного. Пропорции его тела были столь гармоничны, что не замечалась как-то толстоватая, слишком короткая шея и довольно солидное брюшко. Его отличали уверенные жесты, мужественная осанка. Голос Карла был ясен, хотя и несколько не вязался с его обликом. Он носил обычно национальный костюм франков: рубашка и кальсоны из льняного полотна, на них туника, вышитая шелком, и брюки, обмотанные ниже колен полосками ткани, жилет из кожи выдры или крысы прикрывал зимой грудь и спину, на плечах синяя накидка, а на боку меч на перевязи, рукоятка и ножны которого были инкрустированы золотом и серебром... В праздничные дни он носил одежды, тканные золотом, обувь, украшенную драгоценными камнями, золотую пряжку, удерживающую накидку, и золотую же диадему, осыпанную каменьями; в остальные дни его одежда мало чем отличалась от костюмов простолюдинов ...»[1]

Таков был Карл. Он никогда не красил бороды, что приписывали ему «Песнь о Роланде» и традиционная иконография. Профиль Карла на монетах, отчеканенных в его честь после 804 года, показывает только, что между носом его, и в самом деле длинноватым, и массивным подбородком были пышные падающие усы. Эти черты, похоже, подтверждают его сходство, иногда оспариваемое, с известной статуей, отлитой в бронзе в начале IX века для собора в Меце, где суверен представлен в виде всадника с диадемой на голове и в накидке, удерживаемой на плече пряжкой, которую Эйнгард отнес к праздничным атрибутам.

Биограф рассказывает нам также, что Карл увлекался «верховой ездой, охотой, плаванием и достиг в этом таких успехов, что ему не было равных», особенно когда он приглашал «своих сыновей, сановников,

[1] Перевод Луи Альфена.

друзей и охранников» померяться с ним силами в бассейне Ахена. У Карла было чрезвычайно развито чувство семейственности. Чувство привязанности к собственной семье, как сказали бы в наше время, а фактически ко многим семьям, где жены первого ряда, жены второго ряда, свободные женщины, сожительницы следовали одна за другой в ритме разрывов и кончин, а иногда и сосуществования. Только Хельдегарда дала ему королевских сыновей, о которых здесь уже говорилось: Карла, Карломана-Пипина, Луи; но было и много других, и некоторые из них сыграли огромную роль в истории его правления. Первый Пипин, например, прозванный Пипином Горбатым, взбунтовался, узнав, что он отстранен от наследования; или Дрогон, которого Карл впоследствии произвел в епископы Меца. Что же касается многочисленных дочерей Карла, его ревнивая любовь к ним заставила перевести много чернил: он предпочел терпеть сожительство Бертрады с Ангильбером, одним из своих сподвижников, нежели разрешить их законный брак, опасаясь, вероятно, что это отдалит ее от двора.

Окружение Карла было организовано как настоящий двор, все лучше и лучше устроенный, хотя, прежде чем осесть в Ахене, он по-прежнему следовал за королем из резиденции в резиденцию. Как и у его предшественников, в окружении Карла были дворцовые офицеры, носившие титулы, унаследованные еще от меровингской традиции; церковники во главе с капелланом (часто выдвигаемым затем на епископство, как произошло с Ангильрамом из Меца и Гильдебольдом из Кёльна) и канцелярией, состоявшей сплошь из духовенства. Новизна же сказалась в том, что Карл, человек, недостаточно «отесанный» в детстве, повзрослев, принялся за изучение латыни и «либеральных искусств», «пытался писать», но более всего любил, чтобы ему читали вслух, например, во время еды, античные рассказы или «О граде Божием» Блаженного Августина. Он решил создать при себе совет

из людей образованных, набираемых не из франков, а предпочтительно из-за границы, из основных очагов культуры того времени, а в 794 году сформировал из них настоящую дворцовую «Академию». Среди них рядом с такими местными деятелями, как Ангильбер или молодой Эйнгард, были итальянцы, последние носители античной культуры: грамматисты, поэты и историки Петр Пизанский, Павел Варнефрид Диакон и Павлин Аквилейский, беженцы из вестготской Испании Теодульф и Агобард, о котором уже шла речь; островитяне, сторонники обновления христианской культуры, называвшие Ирландию «зимней ссылкой» Дунгал или Дикуйл; уроженец Нортумберленда Алкуин, руководитель соборной школы в Йорке, грамматист, диалектик, ритор, агиограф, поэт, сочинитель, теолог. Карлу удалось переманить его окончательно в 786 году, сделав своим наставником, руководителем дворцовой школы, а самое главное — вдохновителем политики, направленной на превращение христианского общества на земле в преддверие града небесного. Эта программа нашла свое материальное и символическое воплощение в строительстве дворца в Ахене.

АХЕН (ЭКС-ЛЯ-ШАПЕЛЬ)

В первые годы своего правления Карл, как и его отец, предпочитал размещать свои резиденции чаще всего в сельских (Эрсталь, Аттиньи, Кьерзи, Вербери, Компьень, Тионвиль), но иногда и в городских (Кёльн, Вормс) районах Северной и Северо-Восточной Галлии. Однако ему, как и Пипину III, случалось бывать на привилегированном термальном курорте кельтов и римлян, чудодейственные свойства которого связывали с влиянием бога Гранна. Располагалось это местечко между Мёзом и Рейном, то есть как раз там, где было заложено богатство Пипинидов. В 769, 777, 788—789 годах в этих местах пребывал двор,

увлеченный туда королем, который был без ума от полных дичи окрестных лесов, минеральных вод и бань. В 794 году там началось строительство огромного дворцового комплекса, законченного в основном в 798 году, и церкви, освященной в 805 году. Архитектор Эд из Меца вдохновлялся трудами Витрувия, а более всего опирался на обстоятельные советы членов Академии, особенно эксперта по геометрии Теодульфа, знатока итальянской, а через нее и византийской архитектуры Павла Варнефрида, а также великого путешественника Алкуина, универсальная эрудиция которого позволяла ему замышлять самые сложные программы.

Поблизости от термальных бань и королевской «виллы», которую использовал уже Пипин III, Карл построил дворцовый ансамбль, имевший действительно совершенные пропорции, строго ориентированный по странам света, в который были вписаны здания для жилья, хозяйства, управления, культурной жизни, отправления правосудия, проведения культовых мероприятий и королевского представительства. Главные строения — дворцовый зал на севере и церковь (капелла) на юге, соединенные галереей длиной в 120 метров, имевшей с обеих сторон монументальные крытые паперти, увенчанные, как и в византийском императорском дворце, залом правосудия. Дворцовый зал, или зал королевского представительства, называемый также церемониальным залом, где принимались, в частности, особо почетные гости, по своим функциям, размерам и очертаниям напоминал огромные императорские базилики поздней империи, в особенности базилику в расположенном поблизости Трире. Что касается капеллы, само это слово связано со знаменитой реликвией, унаследованной от меровингских королей и давшей впоследствии имя всему городку, а потом превратившейся в синоним множества культовых заведений. Капелла была единственным элементом дворца, существовавшим изначально и встроенным в массив собора. Внутренний дворик и

притвор, образцом для которых послужил, возможно, собор Святого Петра в Риме, должны были символизировать, по замыслу строителей, Иерусалимские ворота. Они открывали доступ внутрь церкви, представлявшей собой правильный восьмиугольник, окаймленный двумя этажами колонн, доставленных из Равенны и достигавших купола, украшенного мозаикой с изображением Христа на престоле; вдоль стен шла невысокая шестидесятиугольная галерея, над которой располагался трон, освещаемый утром лучами солнца, на этом троне во время богослужений восседал король, как бы подчеркивая свою роль посредника между миром Всевышнего и бренным миром людей.

Второй Рим, а значит, и вторую Византию, земной образ небесного Иерусалима — вот во что хотели превратить Карл Великий и его советники это святилище и этот дворец, построенные в самом центре франкских земель, в глубине глухого австразийского леса. И нет ничего удивительного в том, что с 794 года король приезжал сюда все чаще и жил здесь все дольше. Превратившись сначала в зимнюю резиденцию Карла, Ахен постепенно стал постоянной резиденцией, а с 807 года — настоящей столицей империи. Именно здесь с конца VIII века заседали самые крупные ассамблеи, принимались самые важные решения. И именно здесь была разработана, по крайней мере франкской стороной, идея христианской империи и предусмотрена возможность ее воссоздания.

ИМПЕРИЯ (25 декабря 800 года): КРУПНЕЙШЕЕ СОБЫТИЕ В ИСТОРИИ ФРАНЦИИ

Следует сказать, что влияние Карла в последние годы VIII века необычайно возросло. Он не только имел все основания представить себя в капитулярии «Libri carolini» 791—792 годов, когда началось его соперничество с имперской властью в качестве короля франков, правящего Галлией, Германией, Италией и

прилегающими районами, но и распространил свое влияние за их пределы. Уже несколько лет он поддерживал отношения с Оффой, королем Мерсии, игравшей главную роль среди островных королевств, заключивших незадолго до смерти Оффы в 796 году торговые соглашения, которые считаются «первым торговым договором в английской истории»[1]. Карл установил связи с христианским государством Астурией, без которой было немыслимо начало реконкисты, а также с патриархом Иерусалима, который, отбросив всякие формы вежливости в отношениях с Византией, хотел сделать Карла признанным покровителем святых мест и прислал ему в 800 году ключи от Гроба Господня.

Таким образом, моральное и политическое влияние короля франков вышло далеко за пределы покоренных им государств: оно распространилось на весь запад и начало проявляться на востоке, в заповедной области императора. Ученое окружение Карла прекрасно понимало, что такая широкая политическая база, усиленная священным, почти священническим характером Франкского королевства, что связано с фактом помазания с 751 года его королей, ставила Карла над другими королями. Использовав в своих целях византийский прием, Алкуин взял даже привычку с 795 года называть Карла Давидом, уточняя, что «под этим именем, вдохновляемый теми же добротелями и верой, правит сегодня наш руководитель и пастырь, король, под управлением которого христианский народ живет в мире и внушает страх языческим племенам, вождь, набожность которого постоянно укрепляет своей евангельской твердостью католическую веру в борьбе против носителей ереси». Стоит ли удивляться, что концепция христианской империи, то есть политического объединения христиан, главной задачей которого стала бы защита церкви, получила

[1] См.: Франк Стентон в «Англосаксонской Англии», 3-е издание. Оксфорд, 1971.

быстрое развитие (это видно из писем Алкуина, написанных в 798—800 годах) и нашла свое воплощение в плане строительства дворца в Ахене с претензией на роль нового Рима.

Еще больше был поглощен идеей возрождения империи Лев III (папа с 795 года), что отчетливо проявлялось в мозаике, украсившей по его заказу в 798—800 годах апсиду главного зала приемов в Латеранском дворце: с обеих сторон центральной сцены, где представлен Христос, отправляющий апостолов в мир, расположены две отдельные картины: слева Христос вручает папе Сильвестру и Константину, стоящим перед ним на коленях, одному ключи, а другому стяг, то есть символы духовной власти и власти земной; справа в абсолютно симметричной позиции изображен святой Петр, передающий Льву III паллиум, а Карлу стяг. Таким образом, Карл выступал как новый Константин, как истинно христианский император, облеченный мирской властью святым Петром, представителем которого на земле был папа. Таким образом, программа эта имела и подоплеку: предлагаемым возрождением империи должна была руководить римская церковь.

И как раз ей это было нужнее всего. Лев III, вышедший из среды мелкой латеранской бюрократии, с момента своего избрания ощущал явное пренебрежение со стороны римской аристократии и подвергался серьезным обвинениям в моральной нечистоплотности. 25 апреля 799 года противники папы Льва III решили свергнуть его силой, и только вмешательство двух франкских посланцев, находившихся поблизости в инспекционной поездке, позволило Льву III скрыться из Рима и найти убежище под крылышком Карла, который пребывал тогда в Падерборне, в саксонской марке Липпе. Удовольствовался ли король восстановлением папы в его правах, не ознакомившись с выдвинутыми против него обвинениями? Фактически он отправил его в Рим с сильным эскортом и одновременно послал туда двух комиссаров с поруче-

нием провести проверку, а сам надеялся прибыть позднее и лично ознакомиться с делом. Однако у простого патриция должно быть право судить в Риме папу и организаторов мятежа. Поэтому есть все основания считать, что выдвижение Карла на роль главы империи, а значит, на уровень единственной юрисдикции, дающей ему право судить в Риме наиболее влиятельных римлян, было намечено еще в Падерборне весной 799 года. Во всяком случае, Алкуин, получив сообщение Карла о ситуации в Риме и о ставке в этой политической игре, тут же ответил ему, что власть короля франков стоит ныне выше папского сана и даже императорского звания, очень низко павшего после государственного переворота, совершенного императрицей. Власть короля франков делает его «единственным вождем христианского народа, превосходящим два названных сана своей мощью, более известным своей мудростью, более высоко стоящим по значению своего королевства. Вот почему, — продолжает он в письме, адресованном Карлу—Давиду, — на тебя полностью ложится задача спасения христианских церквей, на тебя, мстителя для преступников, пастыря для заблудших, утешителя для страждущих, вдохновителя для добрых...».

Осенью 800 года, «когда в его государствах царил мир», Карл отправился в Италию. 23 ноября он был встречен папой в двенадцати милях от Рима, согласно ритуалу, установленному для приема императоров. 1 декабря он открыл в базилике Святого Петра собор, на котором было представлено франкское и римское духовенство, а также несколько мирян. В конечном итоге собор решил, что папа может снять с себя выдвинутые против него обвинения очистительной клятвой, что и было сделано 23 декабря пред лицом того же собрания. Собор принял, согласно бесспорному свидетельству «Лоршских анналов», еще одно решение: «Поскольку в настоящее время в стране греков нет носителя императорского титула, а империя захвачена местной женщиной, последователям апостолов и всем святым

отцам, участвующим в соборе, как и всему остальному христианскому народу, представляется, что титул императора должен получить король франков Карл, который держит в руках Рим, где все время имели обыкновение жить цезари...» В противоположность тому, что скажет позднее Эйнгард, озабоченный необходимостью затушевать ответственность Карла за то, что выглядит явной узурпацией, два дня спустя, в рождественское утро, уверенный в обоснованности своего права, король еще раз переступил порог собора Святого Петра, чтобы быть коронованным папой, а затем выслушать троекратный возглас собравшихся: «Карл августейший, коронованный Богом, великий и миролюбивый император, жизнь и победа!» Ритуал этот был позаимствован в Византии, но несколько подправлен: уж очень нужно было Льву III показать, что именно он, а не народ возвел на трон императора. Так могло быть смыто унижение, пережитое им в предыдущие недели. И что еще важнее, так была реализована программа, заложенная в мозаике Латеранского дворца.

Карл же воспринял происшедшее очень серьезно. С 29 мая 801 года он именовал себя в официальных документах «его августейшая светлость Карл, коронованный Богом, великий и миролюбивый император, правящий Римской империей, и милостью Божией король франков и лангобардов». Он немедленно приказал чеканить свое изображение на монетах, как когда-то Константин, с лавровым венком на голове и в великолепном плаще, и так же, как Константин, взял за правило ставить на некоторые из своих документов печать в виде буллы с изображением ворот Рима и надписью: «Обновление Римской империи». Став бесспорным хозяином Города, Карл взялся за обновление империи, по меньшей мере на западе, что не могло не вызвать беспокойства на Босфоре. Первой отреагировала Ирена, но ее аргументы имели мало веса; напротив, Ницефор I после своего низложения порвал в 803 году всякие отношения с Ахеном. Карл, почувствовав,

что руки у него развязаны, овладел после довольно продолжительной войны (806—810 годы) Венецией и Далмацией, которые номинально числились за Византией, но были ослаблены внутренними распрями. Восточный император, занятый борьбой против болгар, вынужден был вступить в переговоры: за признание своего императорского титула Карл уступил в 811 году преемнику Ницефора Михаилу I Венецию и Далмацию. С 812 года греческие послы являлись в Ахен с богатыми подарками, теперь они называли Карла «император» и «василевс»!

Так Византия признала обновление империи на западе. Но для Карла и его советников это обновление неизбежно предполагало возрождение самого понятия империи: ее территориальная основа сводилась к королевству франков и лангобардов, ее идейное содержание было прежде всего христианским. По-видимому, будущая Франция мало что унаследовала от императорского обновления 800 года. Священная римская империя, этот уродец, зародившийся в 962 году на развалинах империи Карла Великого, имела еще более ограниченную территориальную основу — западные земли королевства франков и Северную Италию — и то, что она теряла по своей площади и по этнической определенности, она теряла также и в универсальности. Таким образом, оправдалась поговорка, гласившая, что король Франции, наследник только западных земель Франкского королевства, был-де «императором в своем королевстве». Как скажет впоследствии Тома де Пуйи, законовед времен Филиппа Красивого; «поскольку король владеет в своем королевстве всей властью, какой император владеет в империи, и не имеет в мире никого, кто был бы выше его в земном бытии, о нем можно сказать то, что говорится об императоре, а именно, что все права, и прежде всего те, что касаются его королевства, заключены в его сердце; все, что пишется об императоре, справедливо и для

короля, его дел и его совести; король Франции является императором и занимает место императора в своем королевстве»[1].

Это место, эти права, эта власть принадлежат по сути христианскому суверену, как его последовательно представляли, поднимая на новый уровень ответственности при посвящении Пипина III в королевский сан и при коронации Карла императором. В этом отношении не подлежит сомнению, что король Франции является законным наследником того, кто от своего восшествия на престол в 768 году и до смерти в 814 году стремился, завершая дело, начатое его отцом, гармонизировать доверенное ему Богом христианское общество ради его спасения. Король Франции — наследник того, кто намеревался посредством подлинной нормализации внести в общество порядок, подсказанный ему провидением.

[1] Цитируется по Роберу Фольцу (52).

4
НОРМАНИЗАЦИЯ ФРАНКСКОГО ОБЩЕСТВА

КАРЛ ВЕЛИКИЙ МЕЖДУ БОГОМ И ЛЮДЬМИ

Если коронование Пипина было призвано превратить королевские функции в настоящее служение святому делу, то возведение Карла на императорский трон несомненно превращало его в представителя Бога в целом комплексе государств, специально уполномоченного установить порядок, при котором каждый занимал бы место, отведенное ему Творцом, и установить мир, позволяющий всем в условиях справедливости и милосердия участвовать в построении града Божьего на земле. «Пусть все, — записано в капитулярии, принятом в начале 802 года, — живут по справедливости, следуя закону Божьему... пусть священнослужители строго блюдут каноны веры, не ища неправедного обогащения; пусть монахи выполняют правила общежития под внимательным взглядом наставников; пусть миряне и священники пользуются по справедливости и без вероломства законами, пусть все строят отношения между собой на основе милосердия и полного мира... Пусть каждый в меру своего разумения и своих сил стремится полностью посвятить себя служению Богу на основе закона Божьего и в соответствии со своими торжественными обязательствами, потому что правящий император не в состоянии охватить своим надзором и своей дисциплиной всех и каждого». Несмотря на это последнее

уточнение, которое не без здравого смысла указывает на ограниченность его замыслов, Карл стремился стать единственным посредником между Богом и своими подданными (разделенными на три сословия: духовенство, монахи, миряне), о чем как раз и свидетельствовала установка его трона в соборе Ахена.

Еще до 800 года (возможно, в 786 или 792 годах, во всяком случае, после того, как взбунтовались против него «неверные людишки») Карл понял очевидную истину: чтобы лучше управлять своими подданными, среди которых число призываемых под знамена неизменно уменьшалось, ему необходимо восстановить клятву верности, приносимую подданными своему королю во времена Меровингов, распространив ее на всех, на духовенство и мирян, на членов аристократической элиты и на «простонародье, начиная с двенадцатилетнего возраста и до старости». По содержанию эта клятва строилась на отрицании: тот, кто ее приносил, обязывался не причинять вреда королю. Это, возможно, и стало одной из причин того, что в 802 году Карл решил заставить всех, включая и тех, кто ему уже присягал как королю, еще раз присягнуть, но теперь уже императору, причем новому обязательству было придано позитивное содержание, поскольку каждый подданный должен был поклясться хранить верность «благочестивому императору сеньору Карлу», «как человек должен быть верен своему хозяину». В отличие от вассального обязательства, которое, несомненно, служило образцом для присяги 802 года, клятва приносилась публично перед королем или его посланниками и не предполагала какого-либо личного подчинения и выплаты какого-либо вознаграждения. Но призывая себе на помощь Бога и святых, император окружал себя некой священной атмосферой, которая превращала каждого его подданного в участника строительства справедливого и мирного града Божьего, предвестника христианской республики, провозглашенной несколько лет спустя Людовиком Благочестивым. Карл и его

ученое окружение стремились возродить идею христианского государства, которая практически исчезла. Но были ли у них средства для воссоздания такого государства?

ОТ ДВОРЦА ДО СЕЛЬСКИХ ОКРУГОВ («ПАГИ»): КАРОЛИНГСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Одновременно с императором с первых лет IX века обосновался в Ахене и императорский двор. В непосредственной близости от восточной части монументального ансамбля дворца обнаружены следы глинобитных и фахверковых зданий, служивших для жилья и всякого рода контор. Как мы уже заметили, Карл лишь усовершенствовал службы, оставленные ему отцом. Архикапеллан, обычно выдвигавшийся епископом, как было с Ангильрамом из Меца, руководил церковью; а канцелярий управлял канцелярией, состоявшей исключительно из лиц духовного звания, занимавшихся подготовкой документов и оформлением королевских указов. Несколько важных гражданских лиц занимали при дворе должности, унаследованные от Меровингов — сенешаль, коннетабль, бутейе[1], шамбрье (то есть хранитель королевской казны) и, наконец, дворцовый граф, просматривавший от имени императора в последней инстанции многочисленные апелляции. Вокруг них и небольшого ядра ученых-интеллектуалов Академии, которые довольно часто выдвигались на должности аббатов (Алкуин в Сен-Мартен де Тур) или епископов (Теодульф в Орлеан) и все чаще выезжали в свои отдаленные поместья, вращался целый мир, куртизанки, королевские вассалы, гражданские и духовные чиновники, часто вызываемые на совещания, и молодые люди, дети графов и наиболее крупных вассалов — они жили и кормились при дворце,

[1] Чиновник дворца, ведавший виноградниками, виноделием и поставками напитков.

будучи направлены на длительный срок для учебы, что превращало двор в своеобразную школу кадров.

Карл проявлял настоящую заботу об унификации управленческих структур и преданности их персонала. Он признавал специфические особенности каждого народа, особенно из числа недавно присоединенных: еще в 802 году, когда были проведены крупные реформы и в обширном общем капитулярии была изложена императорская программа, Карл дал указания о документальном закреплении законов этих народов; он создал для своих двух сыновей вице-королевства в Аквитании и Италии; в некоторых приграничных зонах, особенно в районе Тулузы и армориканских окраин, он сохранил марки с их военным режимом. Наряду с этим Карл систематизировал структуру графств, разбитых на две сотни округов, их все чаще называли «паги», даже если они совпадали с границами прежних подразделений. В этих округах-графствах единственный представитель императора граф держал в своих руках все прерогативы государственной власти в административной, финансовой, судебной и военной областях. Он обязан был не только следить за поступлением в государственную казну доходов от земель, налоговых поступлений и других платежей королю, но и обеспечивать порядок и мир, угодные высоким властям. Для этого у него были заместитель, вице-граф или виконт и другие подчиненные, судьи низшего звена, сотники, представлявшие более мелкие округа.

В качестве вознаграждения граф, как и в добрые меровингские времена, располагал одной третью штрафов и других доходов от правосудия, специально установленных для проведения трибуналов-ассамблей свободных людей, образующих графский суд. Кроме того, он располагал правом пользования частью фискальных платежей в своем округе. Иными словами, графская честь, как писалось тогда в документах, была довольно привлекательной нагрузкой, тем более что ее носитель, происходивший обычно из высших слоев аристократии, имел часто обширные владения и как

королевский вассал получал доходы от достаточно выгодных бенефиций.

Исходя из этого, Карл и решил «морализовать» графские функции. Он старался выбирать графов из людей, посещавших дворец, особенно из тех, кто закончил его школу и сохранил чувство привязанности к нему. Порывая с традицией, идущей от эдикта 614 года, он старался посылать их в округа, не связанные с их личными интересами, время от времени отзывать их или менять местами. Он требовал от графов ежегодного отчета об их деятельности в связи с проведением ежегодных общих собраний, майских призывов в армию. Он осуществлял надзор за ними через епископов, которые также рассматривались как представители публичной власти (и в этом у нас будет случай убедиться), а также при помощи королевских миссий, о которых говорилось выше, практика использования их с 800 года стала регулярной. Графы должны были как можно более регулярно появляться во дворце, а инспектора двора — не менее регулярно бывать в графствах. Благодаря такому встречному движению количество злоупотреблений, особенно связанных с длительным пребыванием графов на одном месте, было значительно снижено. Этому способствовало и то, что широчайшее законотворчество императора (после коронования в 800 году было издано 47 капитуляриев, тогда как до 800 года их было лишь 9) оперативно распространялось во Франкском королевстве, включая и его отдаленные уголки: никто в прошлом не сделал так много, как Карл, для его единения.

ВАССАЛИТЕТ: ЧАСТНЫЙ ИНСТИТУТ НА СЛУЖБЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

Осуществить такие сдвиги оказалось совсем нелегко, так как еще было живо региональное самосознание, и не только в окраинных княжествах, но и в самой Галлии. По всей стране, в Аквитании и Нейстрии, в

Бургундии и Австразии, существовали мощные, всеми признанные аристократические роды, обладавшие огромными земельными владениями и широкими частными связями, интересы которых прямо приравнивались к интересам их округа, а иногда и королевства. Эти роды не могли покорно согласиться с тем, чтобы ими управляли отпрыски семей, когда-то бывших союзниками Пипинидов, или их новоявленные сторонники, среди которых и рекрутировались графы, маркизы и епископы, такие, как Гугобер, Ламбер, Робер, Этиппо, Унрош, Вельф... Чтобы еще более укрепить их преданность, обуздать строптивых, Карл придал всеохватывающий характер системе вассалитета, то есть чисто личных обязательств между людьми. Эту систему использовал для расширения своей резервной армии еще Карл Мартелл. Теперь в рамках этой системы каждый крупный или средний землевладелец, а именно среди них набирались теперь кадры для армии, дублировал государственную службу королю частной службой другому человеку. А личные обязательства, которые по рекомендации брал на себя вассал по отношению к своему сюзерену, оказались гораздо более стесняющими: в обмен на покровительство и материальную помощь они превращали вассала в слугу сеньора, способного отдать ему в любой момент свое время и силу, свои советы и жизнь. Юридические истоки частного обязательства восходят к контракту или римской «коммендации» (в которой закреплялись права обязательств свободного человека по отношению к своему патрону), а также к законам германского воинского товарищества, используемого меровингскими королями для закрепления на своей военной службе членов военных дружин. Ритуал вступления в вассальные отношения был, конечно, уже кодифицирован, когда в 757 году, если верить «Annales Royales», «герцог Баварский Тассилон прибыл в Компьень со своей свитой и в соответствии с обычаями франков рекомендовал сам себя в вассалы, скрепив договор рукопожатием с королем Пипином. Герцог обещал хранить верность

ему и его сыновьям Карлу, Карломану, поклявшись на мощах святого Дионисия, обязался быть верным сеньорам каждый день своей жизни и повторил клятву на мощах святых Мартина и Жермена. Приехавшие вместе с ним наиболее знатные и наиболее благородные бавары в присутствии короля обещали хранить верность по отношению к королю и его сыновьям и поклялись в тех же почитаемых местах»[1].

В этом документе, где суть проблемы впервые изложена с такой ясностью, отлично показана сила обязательств, скрепленных рукопожатием (мы имеем в виду соединенные руки вассала — с тех пор эта поза стала позой молящегося христианина, — вложенные в руки его сеньора): речь идет об обмене, по сути дела, архаическом, волнами, энергией, жизненной субстанцией. Такому обмену клятва, в данном случае повторяемая в нескольких местах на наиболее почитаемых реликвиях, придает духовное измерение, обещающее спасение на небесах и в бренной жизни.

Не в пример своему отцу и тем более деду, Карл не удовольствовался простым увеличением числа своих вассалов, получивших помпезное название государевых вассалов и расселяемых на завоеванных землях, за исключением тех случаев, когда они были призваны из этих земель (как уроженец Лангедока Жан, победитель мусульманских войск под Барселоной) и оставались жить на них, чтобы надежнее их осваивать. Он обязал всю знать — графов, маркизов, епископов и аббатов — вернуться в свои владения, чтобы сеть их клиентов-вассалов при их посредничестве оказалась на королевской службе. Карл поощрял всех членов так называемой имперской аристократии, а также своих собственных вассалов расселять на своих вассальных землях возможно больше свободных людей, в особенности тех, у кого имелся надел и кого можно было призвать на военную службу, чтобы в конечном счете каждый нес ничем не ограниченную частную службу наряду со

[1] Перевод Элизабет Магну- Нортье (106).

службой государственной. «Пусть все, у кого есть доходы, — недвусмысленно утверждает капитулярий 807 года, — отправляются в армию». Вознаграждение в виде земли за вассальную службу стало правилом, оно давало каждому средства, требуемые для службы в армии суверена. Таким образом, захват новых земель стал необходимой компенсацией за уменьшение королевского налогового пресса, и если он ослаблялся, а тем более исчезал, как произошло после провозглашения империи, бюджет франкской монархии приходил в расстройство.

ОБУСТРОЙСТВО ЗЕМЛИ И ЛЮДЕЙ

К счастью для подданных, Франкское королевство пережило при первых Каролингах период настоящего процветания. В определенной степени это было связано с внешними (улучшение климатических условий с начала VII века) и внутренними обстоятельствами (блага каролингского мира). Но не подлежит сомнению, что, по крайней мере при Карле Великом, это процветание стало результатом осознанной политики (ее называют даже «дирижизмом»[1]), вдохновляемой идеалами мира, порядка и равновесия, а это был любимый конек Карла. Так, капитулярий «De villis vel curtis Imperii», который относят к самому концу VIII века, исходил из стремления рационализировать управление королевскими поселениями. Поощрялась, например, распашка целины там, где это было разумно, — за счет, конечно, пастбищ, — но было ясно выражено пожелание, чтобы лесные массивы, заповедные места для королевской охоты, не были серьезно затронуты: «Пусть наши рощи и наши леса надежно охраняются; там, где есть места для распашки, пусть наши интенданты проведут ее при условии, что они не позволят полям расшириться за счет лесов, а там, где

[1] Робер Латуш (93).

леса должны оставаться, да не будет позволено их рубить». Совершенно очевидно, что стремление распахивать целину, признак демографического и экономического роста, должно быть всеобщим, чтобы им был обеспокоен суверен, следившей за сохранением природного равновесия.

Этот чрезвычайно важный документ, обязывающий интендантов имений, подлежащих налогообложению, ежегодно представлять по примеру графов «отчеты о доходах своих хозяйств», знаком нам по более поздней рукописи из аббатства Рейхенау, которая содержит также копии нескольких описей королевских имений, перечисленных по названиям (Аннап, Сизуэн, Витри-ан-Артуа, Сомен и, конечно же, загадочная Треола, давшая, возможно, начало Лиллю[1]) и расположенных в северной части нынешней Франции. Монахи из монастыря на озере Констанц сохранили эти документы, наверное, потому, что видели в них образцы хозяйствования. Дело в том, что в области экономики, как и в области религии, Карл хотел любой ценой создать и навязать четкие модели. Точнее сказать, он заставил крупные церковные учреждения, а может быть, и своих мирских вассалов составлять описи имущества и доходов от земли. Описи назывались полиптихами, их происхождение (в Сен-Мартен де Тур и Сен-Реми де Реймс) связывается со списками повинностей, составленных в VII веке. Число таких рукописей, если судить по сохранившимся экземплярам, резко увеличилось при Карле Великом и его наследниках.

Эти документы, и особенно самый известный из них, составленный аббатом Ирминоном (808—829 годы) для Сен-Жермен-де-Пре, зафиксировали: всеобщее распространение двойных «поместий», разделенных на резерв и манс (крестьянский надел), какими они сложились в VII веке на землях, расположенных между Луарой и Рейном; отметили внедрение в государственные

[1] По сообщению Алена Дервиля.

структуры все большего числа свободных крестьян, которые, продолжая вести собственное хозяйство, отдавали часть полученного продукта новому сеньору. Эти документы отмечают и демографическое давление, ощущавшееся как в Парижском районе, так и в районе Реймса в росте населения и в возможном разделении мансов; и наконец, новые распашки целины, о чем свидетельствует деление на строго одинаковые мансы земель, принадлежавших целым общинам. Но они бесспорно показывают также, что каждый манс, каждое хозяйство составляют основу для государственной службы: в заключительном разделе описания германского поместья Ла Сель ан Ивелин ясно сказано, что аббатство имеет (habet) 53 свободных манса, которые ежегодно вносят для армии одну повозку, или шесть быков, или 88 су деньгами...

Такие уточнения, а также неясность терминов (что в самом деле означает habet) привели к тому, что некоторые историки рассматривают эти документы не в качестве перечня сеньориальных имений и доходов, а как реестр сумм и доходов, подлежащих налогообложению[1]. А почему бы этим документам не быть и тем и другим? Аббат, являющийся одновременно крупным землевладельцем и, как лицо привилегированное, представителем короля в своих поместьях, вполне мог отмечать в одном и том же документе, с одной стороны, услуги и платежи, которые полагались ему как сюзерену, с другой — услуги и налоги, взимаемые им от имени короля. Таким образом, становится понятной настойчивость, с какой Карл требовал, чтобы крупные землевладельцы королевства, особенно из числа духовенства, вели строгий учет своих поместий и хозяйств своих подчиненных, а также их ресурсов; можно понять и его склонность рассылать им образцы документов, связанных с управлением налогооблагаемых имений.

Конечно, такой охват земли и людей по единой

[1] См.: Элизабет Магну-Нортье (108) или Жан Дюрлиа (43).

фискальной модели оставлял в тени мелких свободных землевладельцев, каких было много, например, в северной части Аквитании и в Мене, однако с полной очевидностью, не говоря уж обо всем остальном, здесь выступает тенденция к концентрации земельной собственности в руках самых сильных и богатых из числа мирян и духовенства. 3 августа 800 года священнослужитель Деодат принес в дар сентомерскому аббатству Сен-Бертен все свое имущество, как унаследованное от отца, так и благоприобретенное; а в 813 году некий Бреденг подарил аббатству в Аниане все свои земли.

ДЕНЬГИ, КРУПНЫЙ И МЕЛКИЙ ОБМЕН

В земельных реестрах размеры оброка и государственных повинностей все чаще давались в денежном выражении. В приведенном выше примере из Ла Сель ан Ивелин платежи на армию на 808 год исчисляются также в деньгах. Деньги и в самом деле начали проникать в деревню. Благодаря продаже излишков продукции (а нужно, чтобы они имелись) на сельских рынках (нам известно о существовании нескольких из них, например, в сен-дионисьенских поместьях Февроль и Кормей-ан-Вексене или германских в Мороль-сюр-Сен) некоторые крестьяне, во всяком случае на севере Германии, могли накопить достаточно наличных денег, чтобы заменить натуральные поставки денежными платежами по установленным расценкам. Так, средние размеры денежных повинностей в начале IX века в Сен-Жермен-де-Пре составляли для наиболее обеспеченных свободных мансов 17 денье. Таков был один из безусловно благотворных результатов денежной реформы, проведенной Пипином III и дополненной Карлом Великим.

Карл принял ряд мер, чтобы укрепить учрежденный его отцом в 794 году серебряный денье и подтвердить королевскую монополию, а в некоторых случаях монополию двора (805 и 808 годы); осуществление

этих мер привело к тому, что примерно с 790 года с монет исчезли названия монетных дворов, уступив место именам королей, а затем императоров. Завоевание зарейнских земель облегчило снабжение мастерских белым металлом, и рудники в Гарце постепенно пришли на смену рудникам в Меле (Пуату), в которых стали истощаться запасы руд. Фунт весил отныне более 400 граммов и состоял из 240 денье (20 су по 12 денье — единственная монета, чеканившаяся с указанием стоимости), таким образом, средний вес денье составлял теперь 1,70 грамма. Так сложилась система, которая до XIII века доминировала в истории денежного обращения в Европе, а частично и за ее пределами.

Неоднократным требованием ввести систему серебряного монометаллизма Карл более чем когда-либо привязал экономику Франкского королевства к североевропейскому морскому пространству, откуда начался в VII веке экономический подъем северных стран, связанный с исключительными удобствами этого района для развития торгового обмена. Правда, Теодульф, посланный в 798 году с посольством в Септиманию, пишет в своей поэме, как он был покорен просторным Нимом, приморским Магелоном и элегантным Нарбоном, где он был к тому же тепло принят в колонии испанских беженцев. Он рассказал даже, что видел там, хотя больше в суде, чем на рынке, хрусталь Востока, ковры Аравии, духи Сирии и кожи Кордовы. Но не были ли эти ценности остатками давней торговли, вытащенными из семейных сундуков, чтобы подкупить судей? Удивительно ли, что эти вещи взволновали бывшего жителя приморских мест, испытавшего ностальгическую тоску по ним после стольких лет разлуки? А ведь хорошо известно, что каролингский Ним и провинциальный Арль отличались хиреющей городской жизнью, уходом жителей, особенно духовенства, в укрепленные убежища.

Этого никак не скажешь о морских и речных портах Северной Галлии. В 779 году, например, Карл подтве-

рдил освобождение от всяких пошлин, полученное монахами Сен-Жермен-де-Пре от их духовных отцов в Руане, Амьене, Кентовике, Маастрихте и Дорштадте. Таким образом, у побережья Ла-Манша и Северного моря старые города и новые поселения вовсю участвовали в торговле, которая поддерживалась и властями, поскольку при каждой выгрузке они получали одну десятую стоимости товаров. Низовья реки Канш, в особенности городок Кентовик, притягивали многие крупные церковные учреждения, и они часто, при поддержке короля, обзаводились там недвижимостью. Это были Сен-Ваас из Арраса, Сент-Бертен, Сен-Рикье, Фонтенель-Сен-Вандрий, Фериер-ан-Гатине. И тот факт, что монахи Сен-Жермена, у которых в низовьях Сены, в Килленбефе, вероятно, был выход к морю, но не было земель в Кентовике, требовали от своих представителей в Виллемеле (Бос) и в Комб-ла-Виль (Бри) повозок, следующих до долины Канша, свидетельствует, что и они надеялись получить выгоду от своего освобождения от пошлин, завязав торговые связи с клиентами по ту сторону Ла-Манша.

Можно с уверенностью сказать, что крупные производители вин и зерна, а также кустарных изделий (керамики, стекла и оружия) из богатейших Парижского, Маасского и Рейнского бассейнов нашли выгодные рынки в портах Ла-Манша и Северного моря, а также и в некоторых других (в Нанте, который торговал с Западной Англией, в Сен-Дени, октябрьские ярмарки которого достигли своего апогея, и вплоть до германо-славянских пограничных постов). Здесь они могли сбывать излишки своей продукции профессиональным купцам, чаще всего иностранцам: ирландо-бретонцам, англосаксонцам, франко-фризам и даже славянам. В обмен иностранцы привозили сырье или необработанные продукты (металлы, шерсть, шкуры, меха, янтарь) — франкские купцы брали их себе или подвергали обработке, — а также серебряные монеты, которые вместе с солью и металлическими изделиями развозились по стране. Таким образом, все крестьянст-

во, а не только аристократы, в той или иной форме было заинтересовано в том, чтобы богатые равнины и плато Северной Галлии были открыты для торговли с северными странами. Это была еще одна победа Карла, агенты которого получали высокие налоги на перевозку товаров и торговые сделки. И если он освобождал то или иное церковное учреждение от уплаты пошлины, то делал это для спасения души. Для своей души и души своего народа, за спасение которой он также чувствовал ответственность. Он сделал много больше: представитель Бога на земле, он проводил в жизнь королевскую теократию, в результате чего стал не только опекать церковь, но и кодифицировал дисциплину, дал новое определение доктрине.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЦЕРКОВЬ И ЦЕРКОВНОЕ ГОСУДАРСТВО

В длинной преамбуле к одному из самых важных капитуляриев, получившему название «Admonitio generalis» («Всеобщее предостережение», 789 год) и призванному закрепить законы жизни церкви, исходя из канонов предыдущих соборов, Карл припомнил, что он читал в Книге царств, как святой Иоас старался призвать к почитанию истинного Бога народы данного ему Богом царства, странствуя по нему, поправляя и увещевая его жителей. «Я говорю это, — продолжал он, — не для того, чтобы сравнить свои заслуги с его святостью, а потому, что наш долг состоит в том, чтобы всегда и во всем следовать примеру святых, потому, что мы должны собрать всех, кого только можем, чтобы повести их к праведной жизни в честь и славу господа нашего Иисуса Христа». Здесь изложена целая программа; и Карл Великий настойчиво проводил ее в жизнь при помощи соборов, которые он созывал и объединял, капитуляриев, излагающих решения соборов, принятые под его руководством, и писем, где наряду с выговорами высказывались и благожелательные советы.

Итак, Карл хотел сосредоточить в своих руках всю власть над церковью; хотя он продолжал поддерживать с папством тесные связи, установленные еще его отцом, и даже плакал горючими слезами при известии о смерти Адриана, но он никогда не допустил бы, чтобы духовная власть этого папы, не говоря уж о Льве III, была выше его собственной. Роль епископов Рима и Галлии, как и роль всех их священников, всегда сводилась к чисто священническим обязанностям. Разумеется, отдельные из них — Алкуин, например, или Вильшер, архиепископ Санса и преемник Хродеганга на посту папского легата в Галлии, не говоря уж об архикапелланах, сменявших друг друга при дворце, — играли роль духовных, а иногда и политических (где между ними разница?) советников суверена, но в конечном счете решение всегда оставалось за Карлом. Скажем, решение о назначении на важные церковные должности. Он охотно занимался этим, подбирая кандидатов среди придворных, даже из мирян, если они были достаточно компетентны, и лично определяя задачи каждого вновь избранного.

«Когда вы направили меня руководить этой церковью, — пишет Карлу в 801 году Лейдрад, через три года после своего назначения на пост архиепископа Лиона, — вы изволили указать мне на некоторые недостатки, имевшие там место; и вы любезно предложили мне проявить осторожность и заботу, чтобы исправить допущенные ошибки и избежать возможных промахов в будущем. Дело в том, что эта церковь в те времена была лишена многого необходимого для ее внутренней и внешней деятельности, для ее служб и зданий, для исполнения других церковных функций. Соблаговолите теперь выслушать, что удалось сделать после прибытия сюда вашему покорному слуге с Божьей и вашей помощью...» Очевидно, Карл требовал от своих архиепископов и епископов те же самые отчеты о их деятельности, какие требовал от графов и интендантов. Церковную иерархию он также хотел перестроить таким образом, чтобы нити ее сходились

не к папе (это хорошо видно из текста документа), а к нему лично. Он еще раз подтвердил преимущества метрополий (бывших столиц 17 римских провинций, число которых уменьшилось до 16 после исчезновения Озы), предписав архиепископам, например, капитулярием 813 года строго следить за подчиненными им священнослужителями, а епископам капитулярием 802 года руководить священниками «в соответствии с каноническими законами» и регулярно посещать их приходы, не исключая и частные.

Он очень хотел, чтобы реформа, начатая его отцом и дядей, распространилась повсеместно. Он продолжил работу по унификации литургии, начатой в Меце и получившей официальный статус в дворцовой церкви Ахена. В одном из своих писем Лейдрад выражает благодарность императору за то, что тот послал к нему служителя кафедральной церкви Меца, чтобы помочь священникам Лиона освоить искусство римского псалмопения «согласно с ритуалом священного дворца». Забавное следствие каролингской централизации: чтобы появиться в Лионе, римская литургия должна была пройти через Мец и Ахен! Он намеревался также укрепить дисциплину среди мирян («Пусть все верующие причащаются и присутствуют на обедне до последней молитвы», капитулярий 806 года); и среди священнослужителей: он отчитал служителей самой почитаемой церкви Галлии, собора Сен-Мартен де Тур (которые хотели заменить строгие монашеские правила на более гибкие правила канониального капитула) и послал к ним Алкуина, «чтобы он вывел их на путь истинный своими проповедями и советами». Что особенно важно, Карл считал себя доктором веры, становясь на авторитарные позиции в вопросах догм, споры о которых сотрясали в те годы церковь, и формулировал их в капитуляриях. Так, после «Libri carolini» (791—792 годы), в котором изложена позиция галльской церкви по вопросам иконоборчества, капитулярий 809 года, принятый в Ахене, опять же против Византии, гласил, что Святой Дух исходит не «от Отца

через Сына», а от «Отца и Сына» и что эта новая установка должна быть включена в «Кредо».

Карл Великий хотел превратить служителей галльской церкви в проводников своих идей, они были необходимы для выполнения его замыслов в духовной сфере, как необходимы были графы в мирских делах. Здесь он шел по пути своих предшественников, для которых вообще не существовало разделения на мирское и духовное. Но в отличие от них Карл был глубоко убежден, что он готовил таким образом спасение христианского общества, врученного его заботам. Именно это желание более всего стимулировало его решимость провести реформу монастырей, которые давно уже перестали быть формой социальной изоляции, призванной искупить грехи мира. В шестисотых годах в Галлии насчитывалось около 200 монастырей, к началу IX века их число выросло до 600. Карл, как мы видели на примере Сен-Мартен де Тур, требовал для себя права назначения аббатов, и его выбор, даже если он падал на мирянина, был, как правило, оправдан. Его особой заботой, продиктованной постоянным стремлением к наведению должного порядка в обществе, была проблема унификации норм поведения по образцу святого Бенедикта. Он даже спросил как-то на заседании генеральной ассамблеи в мае 811 года: «Можно ли быть монахом, не соблюдая правил святого Бенедикта?» И в этой области он пользовался помощью опорных монастырей: монастыря в Ариане, основанного в 782 году на юге Лангедока Витизой, сыном готского графа из Магелона. Витиза получил образование при дворе и под именем Бенуа сумел благодаря своей неустанной деятельности склонить к признанию «Правил» многие аббатства Аквитании, Септимании и Прованса. Другой монастырь — Центула или Сен-Рикье, расположенный в устье Соммы. Стараниями аббата Ангильбера, в 789 году назначенного на этот пост, он был превращен при поддержке Карла в подлинную лабораторию каролингского монастырского дела, сложившуюся вокруг трех церквей

(посвященных Спасителю, Богоматери и святому Бенедикту), здесь в ходе литургий и римских псалмопений читали молитвы 300 монахов, здесь был основан настоящий святой городок, населенный мастерами всех ремесел, работавшими во славу монастыря, империи и Бога.

Дело в том, что реформированные Карлом монастыри не оставляли молитву как свое главное призвание, но были широко открыты миру и вовлечены в решение таких задач, как освоение целины и мелиорация полей в завоеванной Германии, организация гостиниц и сбора милостыни для обездоленных, о чем свидетельствует появление в знаменитом плане монастыря Сен-Галлен (820 год) отелей для почетных гостей и гостиниц для бедных, а также больницы; покровительство школам и искусству, о которых Карл проявлял огромную заботу.

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ВО СЛАВУ БОГА И ИМПЕРИИ

Карл был убежден, что для построения града Божьего на земле и спасения христианского общества в мире ином необходимо было поднять его моральный и интеллектуальный уровень. Предварительным условием являлось, естественно, повышение образованности священнослужителей, «чтобы таким образом Ваш свет заблистал на лицах людей», воспроизводит строки из Евангелия его «Admonitio» 789 года. «Нам кажется полезным, — добавляет Карл в циркуляре, изданном несколько позднее, — чтобы епископства и монастыри, руководство которыми нам доверено по милости Христа, занимаясь упорядочением текущей жизни и поведения, отвечающего святой религии, посвящали бы также свое время изучению Священного Писания и служению тем, кто с Божьей помощью готов отдать себя этим занятиям». После необратимого упадка античных школ, где изучались, в частности, грамматика

и риторика, необходимые для усвоения и разъяснения Священного Писания, только церковь, в особенности монастыри, наиболее подверженные влиянию островных традиций, продолжали распространять начала латинской грамматики, без которых не могли бы появиться замечательные студии письма, скриптории, которые начали возникать повсюду, например, в Корби, Флери-сюр-Луар, Сен-Мартен де Тур.

Карл и его советники из дворцовой Академии, особенно Алкуин, стремились к увеличению количества школ, нормализации обучения в них и их открытости в мир повседневной действительности. Уже в 789 году в «Admonitio», этом настоящем структурном законе, была изложена своеобразная программа: «Пусть существуют школы, чтобы учить детей читать, пусть в каждом монастыре, в каждой епархии обучают псалмам, нотам, пению, счету, грамматике; пусть святые книги пройдут тщательное корректирование, так как часто те, кто хотел бы молиться Богу, не могут сделать этого из-за ошибок, которыми кишат книги». Хотелось бы более точно показать результаты этих законодательных актов, изложенных и развитых во многих капитуляриях, постановлениях, решениях провинциальных соборов, принятых до 813 года. Тот факт, что многие новые епископы и аббаты получили образование в так называемой «дворцовой школе», — по сути дела, неформальном институте, дававшем своим питомцам основы грамматики, религиозных знаний и науки управления, позволяет думать, что именно они стали добровольными проводниками реформ. Так, Лейдрад сообщает, что он создал школу певчих, большинство из которых смогли бы в свою очередь учить новых певчих, и школу чтецов, способных «упражняться на уроках богослужения и умело интерпретировать прочитанные священные книги». Теодульф, назначенный в 798 году епископом в Орлеан, упоминает о школе при кафедральной церкви и монастырях Сент-Эниан, Сент-Лифар и Флери; он распорядился даже открыть в деревнях приходские школы... Надо сказать,

что такие епископы являлись элитой королевской интеллигенции.

Одной из фундаментальных целей реформы, если судить по начальному ее проекту, было улучшение графического и грамматического исполнения священных книг, чтобы облегчить их духовное осмысление. И нельзя не признать успеха этого мероприятия. Для начала Карл поощрил распространение каллиграфии, разработанной в некоторых скрипториях Северной Галлии, в Туре, Корби и самом Ахене, которые, порывая с традиционными арабесками, непомерными остриями и затейливыми завитушками, противопоставили им совершенно ровные буквы, с замечательной четкостью очертаний, гармоничностью тонких и толстых линий, образующие новые высокочитабельные шрифты. Они получили название «каролингский минускул» и стали прообразом наших типографских шрифтов. Эта письменность сделала доступными и привлекательными тексты, которые в каролингские времена размножались бесчисленными копиями в монастырских скрипториях. К старым библиотечным фондам, состоявшим в основном из книг Библии и литургических произведений, стали прибавляться труды современников — анналы, жития святых, эпические поэмы, расширение производства которых при Карле Великом стало провозвестником расцвета предстоящих десятилетий. Особое значение имели новые манускрипты старых трудов, скопированных и перекопированных с редких экземпляров, привезенных из Ирландии, Англии, Испании, Италии, то есть из тех кругов, ставших носителями обновления христианской культуры, из которых Карл вербовал выдающихся деятелей своего ученого окружения. Таким образом, библиотеки Корби, Сен-Рикье, Жюмьежа, Фонтенеля, Флери и Сен-Дени обогатились трудами отцов церкви, латинских грамматиков, энциклопедистов поздней античности и даже — уступка мирской культуре, благодаря которой до нас дошли многие шедевры, — авторов классической латыни.

В то же время Священное Писание и литургические тексты копировались и оформлялись в виде великолепных книг, в переплетах, украшенных золотом, слоновой костью и драгоценными каменьями (как настоящие раки, хранилища Божественного Слова, чем они фактически и были), со страницами, иллюстрированными роскошными рисунками. Миниатюры, которыми был украшен молитвенник, подаренный королеве Хильдегарде (незадолго до ее смерти в 783 году) верным слугой короля монахом Годескальком, прекрасно демонстрируют, каким перекрестком влияний стала в то время Северная Галлия: в них четко видны как плетеные узоры и орнаментальные инициалы ирландских манускриптов, так и разноцветные пальметты и цветовые переходы средиземноморского искусства. Но как знамение времени здесь появились — а в те годы Западная империя готовится вступить в соперничество с Восточной — фигуры, занимающие целые страницы и написанные с иконографических образцов Византии (Христос на троне) и Иерусалима (источник жизни). Этой книгой было положено начало существованию так называемой дворцовой мастерской, из которой вышли другие молитвенники (молитвенник Аббевиля, вероятно, подаренный Карлом Ангильберу по случаю визита короля в Сен-Рикье в 800 году; или молитвенник Сен-Медар де Суассон, подаренный этому монастырю в 827 году Людовиком Благочестивым), в которых проявляется, в соответствии с античными образцами, поиск модели, объемов, перспективы, всем этим будет отличаться продукция крупных мастерских — из Шампани и Тура, — представлявших великое каролингское возрождение IX века.

Это было возрождение через вторичное открытие античного искусства. Возрождение в форме необычного расцвета архитектуры, особенно церковной, творцы которой, черпая модели и частично материалы в старинной архитектуре, сумели построить, как когда-то Пипин и Фулрад, цельные, обобщающие колоссальный опыт здания, ставшие образцами романского ис-

кусства. При правлении Карла Великого было построено и восстановлено огромное количество зданий: сам Лейдрад гордился тем, что восстановил церкви Сен-Жан-Батист, Сент-Этьен, Сен-Низье, Сент-Мари, Сент-Элали, Сен-Поль де Лион... Всего с 768 по 814 год было построено примерно 27 соборов, 232 монастыря, 65 дворцовых ансамблей, не считая простых молелен, таких, как часовня Теофильда, трехлопастная в плане и украшенная мозаикой в духе римских моделей, построенная им в Жермини-де-Пре недалеко от его новой резиденции в Орлеане.

Одним из главных нововведений было преимущественное исполнение литургий в ограниченных пространствах. Вспомним, что и в самом деле монастыри и кафедральные группы, унаследованные от древнехристианских и меровингских времен (времен Жюмьежа и Меца), отличались множественностью культовых зданий, одни были базиликального плана, другие тяготели к центру, между ними и распределялись богослужения литургического года. В Сен-Рикье, детище Карла и Ангильбера, имелось, как мы знаем, три церкви. Однако сохранившиеся до наших дней гравюры XVII века, копии и миниатюры XI века показывают, что одна из них — церковь Спасителя (Сен-Совёр) — превосходила остальные своим великолепием: на каждой оконечности нефа, ориентированного с запада на восток, поднимаются два трансепта и две огромные башни, имитирующие античные ротонды. На нижнем и последующих этажах башен находились алтари, в связи с чем эти части здания становились своеобразными церквями в церкви, между которыми и перемещалось богослужение в соответствии с литургическим календарем. Так, на втором этаже западной башни, над великолепным ковчегом, где хранились реликвии Христа, привезенные из святых земель, все монастырское сообщество отмечало главные Христовы праздники: Рождество, Пасху, Вознесение. Таким образом, осуществлялся синтез, объединявший в единое целое центральный план и план базиликальный, как бы удли-

нявший здание, следуя тройному ритму (западный массив, откуда вышли приход и башни наших римских церквей, неф и восточные хоры) и придавая единый строй всем празднествам литургического года. В проекте монастыря Сен-Галлен, построенного лет двадцать спустя, заложена лишь одна церковь, спланированная также согласно тройному ритму и также украшенная множеством алтарей.

Как когда-то Пипин III в Сен-Дени, Ангильбер повелел, чтобы после смерти его погребли у западной паперти новой монастырской церкви. Этот человек, один из немногих франков, участвовавших в обновлении литературы и искусства при дворе в Ахене, явился истинным сыном каролингского возрождения. Он был другом Пипина Молодого, короля Италии, и любовником Бертрады, дочери Карла, от которой у него был сын Нитгард, в будущем историк, описавший борьбу между сыновьями Людовика Благочестивого, приходившимися ему двоюродными братьями. Прозванный в дворцовой Академии Гомером, Ангильбер оставил после себя несколько поэм, полных напыщенной риторики, что было также характерно для этого поколения выскочек от культуры. Став аббатом Сен-Рикье в 789 году, он не принял духовного сана и не отказался от посещений двора и Бертрады. И все же он оказался превосходным аббатом не только в своих земных делах, но и в духовном творчестве: написанный им труд «Institutio de diversitate officiorum» является настоящим трактатом по проблемам литургии. Этот человек, оказавшийся между двумя жизнями, двумя сословиями и двумя мирами, мог шокировать своих современников, но Карл Великий до конца дней сохранил дружеские чувства к тому, кто в 800 году сопровождал его в Рим, а в 811 году был одним из подписавших его завещание. Дело в том, что государственный интерес и интерес личный, тесно переплетенные в мозгу Карла, требовали, чтобы во главе монастыря, который он

хотел превратить в лабораторию нового монашества, стоял близкий ему человек, неважно, монах или мирянин, пользующийся его полным доверием.

Однако цель, которую ставил себе Карл на протяжении всего своего правления, состояла в наведении порядка, хочется даже сказать порядков, в христианском обществе. Августинская идея о божественном порядке, согласно которой каждый из людей поставлен Богом на свое место на земле и должен выполнить выпавшую на его долю миссию, пробила себе дорогу с тех пор, как она стала основой ответа папы Захария Пипину III. Отныне было условлено, как это сформулировал Теодульф в своей поэме «О лицемерии», что «лоно церкви несет в себе три рода, отличающихся по своему порядку, но объединенных одной верой: священнослужитель на поле Господа, монах в уединении и мирянин на мельнице». Карл сделал максимум возможного, чтобы каждый был на своем месте и чтобы место каждого было ясно определено. Но будучи представителем Бога на земле, имел ли он в действительности средства, материальные и интеллектуальные, чтобы прийти к успеху?

ЭПИЛОГ
КАРЛ ВЕЛИКИЙ МЕЖДУ ПОРАЖЕНИЕМ И УСПЕХОМ

Карл ненамного опередил Ангильбера на пути к могиле: он умер 28 января 814 года и в тот же день был похоронен в дворцовой церкви Ахена. Эйнгард приводит текст его эпитафии: «Под этим камнем покоится тело Карла, великого и праведного императора, который благородно расширил границы Франкского королевства и в течение XLVII лет счастливо правил им, умер семидесяти лет в год DCCCXIV, индикт VII, V календы февраля». Уже в 811 году суверен составил завещание с целью «не только обеспечить по христианской традиции разумное и организованное распределение своего богатства в форме милостыни (главным образом в пользу церквей имперских митрополий), но и особенно ради того, чтобы ясно и недвусмысленно поставить в известность своих наследников о том, что им приходится, и произвести между ними справедливый раздел без всяких споров и протестов». Эйнгард заключает: «Людовик, сын Карла и его наследник по воле Божьей, сразу после смерти отца постарался в самые короткие сроки тщательнейшим образом выполнить все пункты его завещания»[1]. К счастью для наследников и для судеб империи, Карл оставил после себя только одного под-

[1] Перевод на французский Луи Альпена (46).

линно королевского сына. Пипин, король Италии, умер в 810 году, а Карл Молодой, «герцог Мена», — в 811 году. Переживший их Людовик, король Аквитании, стал наследником императора: 11 сентября 813 года его отец самолично короновал его (даже без присутствия папы) императорской диадемой и организовал ему овации франкского народа, собравшегося в Ахене, как «августейшему императору».

И неважно, что семь лет назад, в феврале 806 года Карл, по примеру своих предшественников, франкских королей, предопределил раздел этих государств между тремя сыновьями, «чтобы королевство не было передано неразделенным и без строгих правил, что вело бы к раздорам»: Людовику — Аквитанию и Бургундию; Пипину — Италию и Германию к югу от Дуная; Карлу — Нейстрию, Австразию и Германию к северу от Дуная. Таким образом, каждый получил королевство, в котором уже правил, и в дополнение земли, находившиеся непосредственно в ведении отца. Такой раздел показывает также силу регионального сопротивления попыткам интеграции всех земель в единое государство. Тем более что в документе о региональном разделении нигде не упоминается о судьбе императорского сана, словно Карл соглашался с идеей, что это лишь его персональное отличие, которое исчезнет вместе с ним. И только скоропостижная смерть двух старших сыновей императора к концу его правления позволила сохранить единство и достоинство империи. Но это была, как известно, только отсрочка.

В последние годы правления Карла над королевством нависла новая опасность: набеги викингов. С конца 799 года парусные суда, приходившие с Британских островов в большинстве своем с норвежскими экипажами, стали появляться у берегов Вандеи и высаживать банды грабителей. А в 810 году опасность приблизилась на расстояние нескольких дневных конных переходов от Ахена, как раз в то время, когда Карл был занят в Нордальбингe укреплением нор-

мандской марки в борьбе против беспокойных датчан, которые, обосновавшись на берегах Фризии, обложили ее жителей тяжелой данью в сто фунтов серебра. Карл бросился в Булонь, затем в Гент, чтобы собрать там военную флотилию и подготовить надлежащий отпор. Но отпора не произошло. Северное море, которое в VII-VIII веках открыло Галлии новые перспективы, породившие радужные надежды, стало вскорости и источником всяческих бед.

Таким образом, Карл на закате своей жизни получил возможность почувствовать приближение двойной опасности — внутренних распрей и внешней агрессии, которые уже в годы правления Людовика начали подрывать единство империи, а затем и привели ее к гибели. И большая часть ответственности за предрешенность хода событий лежит на Карле. Систематически прибегая к смещению государственной службы и частных обязательств, он возложил на плечи своих преемников тяжелейшую проблему: только его сила, блеск его побед, его престиж обеспечивали ему преданность подданных, верность вассалов своему сюзерену. А когда появлялся слабый, униженный, терпящий поражение король или возникало соперничество между несколькими претендентами на власть, каждый сталкивался теперь с соблазном продать свою верность тому, кто лучше платит. Поэтому, несмотря на несколько мятежей, о которых летописцы не смогли умолчать, таких, например, как восстание Пипина Горбатого, сумевшего в 792 году увлечь за собой несколько графств, правление Карла Великого стало своеобразной точкой равновесия в истории франкского общества: только его авторитет и его собственное богатство позволяли ему сдерживать центробежные силы, которые покончили с властью Меровингов и в конечном счете подорвали власть его наследников. В гордыне своей он осмелился, вернее за него осмелились, утверждать, что его мощь носила универсальный характер; но бесспорно, блеск и влияние его личности огромны.

Это влияние было одновременно влиянием его народа, народа франков, которому пели дифирамбы как богоизбранному, как новому Израилю, ведомому священным королем, новым Давидом. «Счастлив народ, — писал Алкуин, — вдохновляемый вождем и поддерживаемый проповедником веры, правая рука которого потрясает мечом побед, а уста заставляют звучать трубу католической правды. Так Давид своим победным мечом подчинил народу Израиля соседние народы и проповедовал среди своих народов закон Божий. Из благородных корней народа Израиля вышел ради спасения мира цвет полей и долин Христос, и ему в наши дни избранный народ обязан появлением нового короля Давида... короля, под дланью которого христианский народ живет в мире и который повсюду внушает страх языческим нациям»[1]. Какой же путь должен был пройти франкский народ после того основополагающего явления, каким стало крещение Хлодвига, и даже после освященной папой коронации Пипина, чтобы отныне он был приравнен к христианскому обществу, да еще и англосаксонским автором. Казалось, исполнилось пожелание монаха, автора нового предисловия к салическому закону, писавшего в 763 году: «Христос любит франков, он покровительствует их королевству, наполняет души его руководителей светом благодати, заботится об их армии, дает им опору в вере, дарует им радость мира и счастье тех, кто властвует над их временем»[2]. Пожелание, которое охотно превращали в свою программу франкские короли, как из рода Каролингов, так и из рода Капетингов, сменявшие друг друга сперва во Франкии, затем во Франции.

Не подлежит сомнению, что на верный путь их поставили предшественники в V — VIII веках: они сами приняли христианство и принудили к этому, где законодательным, а где и военным путем, свои народы, они наконец сделали обычаем погребать умерших близ

[1] Цитируется Жоржем Тессье (150).
[2] Цитируется Пьером Рише (137).

священных реликвий и на хорах церквей. Одним из главных наследий, оставленных этими веками, считавшимися временем обскурантизма, было, безусловно, единодушное принятие населением Галлии (как варварами по происхождению, так и римлянами, говорящими на германском и кельтском языках и на простонародной латыни) догмы, которая обещала искупление на небесах; и того, что стало, несомненно, самым заметным ее проявлением: постепенного объединения града мертвых и града живых в пределах одного пространства: прихода с центром в виде церкви и почитаемых в ней святых мощей. Это подтверждается многими примерами раскопок городских поселений в Южной Галлии и сельских в Нижней Нормандии.

Другим важным наследием раннего средневековья в истории Франции был, безусловно, поворот к северу политических, культурных, экономических и социальных интересов страны. Впервые в ее истории Южная Галлия оказалась под игом Северной Галлии и народа, который со времен Хлодвига стал ее хозяином, а именно франкского народа. Если во времена Карла Великого главные законодательные органы, централизованные как никогда со времен римского государства, были сосредоточены в Ахене и в Австразии, почти полностью германизированной, то в недалеком (при Пипине III и Карле Мартелле) и даже отдаленном (при Дагобере и Хлодвиге) прошлом франкское руководство предпочитало размещать свои властные структуры в районе почти негерманизированном (центральной части Нейстрии) и старинном римском граде (Париже). Это настолько бросается в глаза, что некоторые каролингские авторы стали без колебания включать в понятие «Франкия» (Francia) только парижский регион, будущий Иль-де-Франс. И если б вернулось время разделов, этот район стал бы естественно и окончательно главным регионом королевства западных франков, как когда-то он был центром всего королевства франков.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

418 Вестготы поселяются в долине Гаронны, заключив договор с Римом.

443 Бургунды заселяют Саподию по заключении договора.

476 В Риме низложен последний император Западной Римской империи.

ок. 481 Сын Хильдерика Хлодвиг становится королем турнейских франков.

ок. 486 Победа Хлодвига в войне против Сиагрия — командующего армией ополчения.

ок. 493 Женитьба Хлодвига на бургундке Клотильде.

ок. 496 Хлодвиг останавливает экспансию алеманнов в битве под Тольбиаком, находившимся, видимо, к югу от Кёльна.

ок. 498 Крещение Хлодвига в Реймсе.

ок. 500 Хлодвиг предпринимает поход против бургундов, терпит полупоражение.

506 Католические епископы вестготского королевства съезжаются на церковный собор в Агде.

507 Кампания Хлодвига против вестготов и присоединение Аквитании.

508 Триумфальный въезд Хлодвига в Тур.

ок. 510 Хлодвиг устраняет франкских королей и провозглашается королем рейнских франков.

ок. 510 Составление «Салической правды» — первого изложения салических законов и обычаев.

511 Франкские епископы собираются на Орлеанский церковный собор.
Смерть Хлодвига и раздел королевства между его сыновьями.

523 Первый поход сыновей Хлодвига в Бургундию.

534 Франки аннексируют Бургундию.

537 Присоединение Прованса. Теодебер, внук Хлодвига, овладевает Арлем.

558	Клотар I — король всех франков.
561	Смерть Клотара I и раздел королевства между его сыновьями.
ок. 566	Женитьба франкских королей Сигебера и Хильперика на вестготских принцессах Брунгильде и Галсвинте.
ок. 570	Убийство Галсвинты по приказу Хильперика и его наложницы Фредегонды. Кровная месть королей.
573—594	Епископское служение Григория Турского. Создание «Истории франков».
575	Убийство Сигебера Хильпериком. Его сын Хильдебер II становится королем Австразии.
584	Смерть Хильперика и вступление на трон его сына Клотара II.
587	Анделотский договор и восстановление мира между франками.
ок. 590	Основание святым Колумбаном Люксейского монастыря.
597	Смерть Фредегонды.
до 600	Волна эпидемий и экономическая разруха.
ок. 600	Возобновление королевской вендетты между Клотаром II и внуками Сигебера и Брунгильды.
613	Казнь Брунгильды. Клотар II — король всех франков.
614	Мирный эдикт Клотара II.
623	Дагобер, сын Клотара II, назначен королем Австразии.
629	Смерть Клотара II. Дагобер, став королем всех франков, устраивает себе резиденцию близ Парижа.
ок. 630	Дагобер выступает против фризов нижнего Рейна и за Эльбой против вендов.
632	Сигебер, сын Дагобера, назначен королем Австразии.
ок. 634	Дагобер основал ярмарку в Сен-Дени.
639	Смерть Дагобера. Похороны короля в Сен-Дени. Его сыновья — Сигебер III и Хлодвиг II наследуют ему: первый — в Австразии, второй — в Нейстрии — Бургундии.
640	Смерть Пипина I, майордома Австразии.
643	Гримоальд, сын Пипина I, становится майордомом Австразии.
656	Смерть Сигебера III. Вместо наследного принца Дагобера Гримоальд сажает на престол своего сына Хильдебера, «приемыша».
658	Эброин — майордом Нейстрии.
662	Убийство Гримоальда и Хильдебера.
663-ок.679	Епископское служение Легера Отенского — главы бургундской партии.
ок. 670	Постепенная замена папируса пергаментом в документах администрации Меровингов. В Галлии начинают обращаться так называемые англо-фризские «sceattas».
673-675	Хильдерик II, сын Хлодвига II, король всех франков.

673—676 Создание независимого Аквитанского княжества под управлением герцога Луна.
677—687 Война между Нейстрией и Австразией.
ок. 680 Пипин II, племянник Гримоальда, становится новым майордомом Австразии.
687 Битва при Тертри, в результате которой Пипин II завладел должностью майордома в Нейстрии и, сделав королевскую власть фиктивной, стал безраздельно властвовать над всей северной частью королевства.
690—695 Завоевание территорий, прилегающих к устью Рейна. Вытеснение фризов.
695 Пипин II объединяет свои силы с папским престолом ради основания Утрехтского епископства, достающегося англосаксу Вилиброду.
714 Смерть Пипина II. Согласованные восстания нейстрийцев, возглавляемых майордомом Рагенфредом, и фризов под руководством их короля Радбода.
716—720 Одержав победы при Амблеве, при Венси и при Нери, Карл Мартелл, сын Пипина II, восстанавливает влияние Австразии.
719—725 Завоевание Септимании испанскими мусульманами. Аквитанский князь Эд возглавляет оборону Тулузы в 721 году.
721—738 Военные кампании Карла Мартелла в Германии и ее постепенная интеграция в составе Франкского королевства.
722 Англосакс Бонифаций посвящен в сан епископа и учреждает церковную иерархию в Германии.
732 Карл Мартелл отражает, по просьбе Эда, набег испанских мусульман близ Пуатье.
733—739 Походы Карла Мартелла в Бургундию, в Прованс и Септиманию.
737 Смерть Тьерри IV, короля всех франков. Карл Мартелл не назначает ему преемника.
739 Папа Григорий III призывает Карла Мартелла оказать ему помощь против лангобардов, угрожающих Риму. Мартелл не отвечает на просьбу.
741 Смерть Карла Мартелла. Его сыновья Карломан и Пипин наследуют должность майордома. Оппозиция, особенно периферийная, поднимает голову.
743 Оба майордома сажают на королевский трон Хильдерика III — последнего короля династии Меровингов.
743—746 Походы в Аквитанию и Германию.
743—747 Майордомы и Бонифаций реформируют франкскую церковь.
Германский церковный собор; Эстиннский и Суассонский соборы.
747 Отречение Карломана. Пипин остается единственным майордомом.
749 Папа Захарий дает свое согласие на узурпацию власти Пипином.

751 Пипин III низлагает Хильдерика III и добивается провозглашения себя королем на собрании знати в Суассонс. Его вступление на трон освящено франкскими епископами.

754 В Сен-Дени папа Этьенн II совершает миропомазание Пипина III и просит его помощи в войне против лангобардов. Первый поход Пипина в Италию.

756 Второй поход Пипина в Италию. Победа над лангобардами и создание «вотчинного владения Святого Петра».

755—762 Продолжение церковных реформ, начало введения канонической организации церковных служб, учреждение церковной десятины, распространение римского литургического порядка.

759 Окончательное покорение Септимании.

760—768 Военные кампании, завершившиеся окончательным покорением Аквитании.

768 Смерть Пипина III. Король похоронен в Сен-Дени. Раздел его королевства между сыновьями Карлом и Карломаном.

771 Смерть Карломана. Карл Великий становится королем всех франков.

772—780 Первые походы Карла Великого против саксонцев.

773—774 Поход Карла Великого в Италию против лангобардов; осада Павии и капитуляция короля Дидье. Карл — король лангобардов.

778 Вторжение Карла Великого в Испанию. Неудачная осада Сарагоссы, разгром арьергарда его армии басками на Ронсевальском перевале.

781 Людовик, сын Карла, становится королем Аквитании в трехлетнем возрасте.

782—785 Восстание саксонцев, его подавление и издание капитулярия «De partibus Saxoniae».

782 Англосакс Алкуин приглашен ко двору Карла Великого.

786 или 792 Введение Карлом Великим присяги личной верности для свободных подданных королевства.

789 Издание «Всеобщего предостережения» — наиболее важного капитулярия Карла Великого.

791—792 Обнародование «Капитулярия об изображениях».

791—796 Военные действия против аваров.

792—797 Восстание северных саксонцев и восточных фризов. Карательные экспедиции и издание нового «Саксонского капитулярия».

794 Начало строительства нового дворцового комплекса в Экс-ля-Шапель (Ахен). Укрепление серебряного денье, введенного в обращение Пипином III.

796 Кульминация дипломатической борьбы между Карлом Великим и королем Оффой Мерсийским.

798 Папа Лев III, вступивший на папский престол в 795 году, заказывает новые мозаичные панно для Латерана, которые воспринимаются как программа восстановления империи.

799 Заговор в Риме против Льва III. Лев III ищет поддержку у Карла Великого в Падерборне.

800 Карл председательствует на Римском соборе. Лев III коронует Карла Великого, благословляя его на имперское правление (25 декабря).

802 «Императорский капитулярий», излагавший программу имперского правления. Упорядочение института «королевских посланцев» (missi). Требование принесения всеми подданными новой присяги Карлу-императору.

803 Разрыв между восточным императором Ницефором и Карлом Великим.

806—811 Война между двумя императорами в Венеции и Далмации.

806 Карл Великий планирует разделить империю между своими тремя сыновьями.

807 Строительство епископальной молельни в Жермини-де-Пре.

807 Двор окончательно обосновался в Экс-ля-Шапель (Ахен).

809 «Ахенский капитулярий» — решение вопроса о «filioque» (об исхождении Духа Святого).

810 Первый набег датчан на фризское побережье и первая дань им (сто фунтов серебра).
Смерть Пипина, короля и сына императора.

811 Смерть Карла, коронованного сына императора.

813 Людовик, сын императора Карла Великого, возведен отцом на трон, который он делит с ним.

814 Смерть Карла Великого. Останки императора положены в ахенской дворцовой часовне.
Наследует ему его сын Людовик.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Philippe Ariès, *L'Homme devant la mort*, Paris, Éd. du Seuil, 1978.
2. Philippe Ariès et Georges Duby éd., *Histoire de la vie privée*, t. I, Paris, Éd. du Seuil, 1986.
3. Hartmut Atsma éd., *La Neustrie*, actes du colloque de Rouen, 2 vol., Sigmaringen, Thorbecke Verlag, 1989.
4. Michel Aubrun, *L'Ancien Diocèse de Limoges des origines au milieu du XIe siècle*, Clermont-Ferrand, Institut d'études du Massif central, 1981.
5. Michel Aubrun, *La Paroisse en France des origines au XVe siècle*, Paris, Picard, 1986.
6. Bernard S. Bachrach, *Merovingian Military Organization*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 1972.
7. Michel Banniard, *Le Haut Moyen Age*, Paris, PUF, 1980.
8. Michel Banniard, *Genèse culturelle de l'Europe Ve-VIIIe siècle*, Paris, Éd. du Seuil, 1989.
9. Robert-Henri Bautier, «La campagne de Charlemagne en Espagne (778). La réalité historique», *Bulletin de la Société des sciences, lettres et arts de Bayonne*, 1979.
10. Robert-Henri Bautier, «Haut Moyen Age», dans *l'Histoire de la population française* dirigée par J. Dupâquier, t. I, Paris, PUF, 1988.
11. Wolfgang Braunfels éd., *Karl der Grosse, Lebenswerk un Nachleben*, 4 vol., Düsseldorf, Schwann Verlag, 1965-1968,
12. Peter Brown, *Le Culte des saints. Son essor et sa fonction dans la chrétienté latine*, Paris, Éd. du Cerf, 1984.
13. Raymond Brulet, *Archéologie du quartier Saint-Brice à Tournai* catalogue d'exposition, Tournai, 1986.
14. *Des Burgondes à Bayard*, catalogue d'exposition, Grenoble, 1981.

15. Fabienne Cardot, *L'Espace et le Pouvoir. Étude sur l'Austrasie mérovingienne*, Paris, Publications de la Sorbonne, 1987.

16. Jean-Christophe Cassard, «La guerre des Bretons armoricains au haut Moyen Age», *Revue historique*, 1986.

17. Jean Chapelot et Robert Fossier, *Le Village et la Maison au Moyen Age*, Paris, Hachette, 1980.

18. André Chédeville et Hubert Guillotel, *La Bretagne des saints et des rois*, Rennes, Ouest-France, 1984.

19. Jean Chélini, *Histoire religieuse de l'Occident médiéval*, Paris, Armand Colin, 1968.

20. *Childéric-Clovis*, catalogue d'exposition, Tournai, 1982.

21. *La Christianisation des pays entre Loire et Rhin (IVe-VIIe siècle)*, colloque de Nanterre, numéro spécial de la *Revue d'histoire de l'Église de France*, 1975.

22. Dietrich Claude, «Untersuchungen zum Frühfrankischen Comitat», *Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte*, 1964.

23. Dietrich Claude, *Der Handel im westlichen Mittelmeer während des Frühmittelalters*, Göttingen, Van den Hoeck & Ruprecht, 1985.

24. Roger Collins, «Theodebert I, *Rex Magnus Francorum*», dans *Ideal and Reality*, éd. par P. Wormald et al., ici n°164.

25. Roger Collins, *The Basques*, londres, Basil Blackwell, 1986.

26. *Colonia Antiqua. Fouilles archéologiques à Cologne*, catalogue d'exposition edité par E. Borger et al., Bruxelles, 1977

27. Pierre Courcelle, *Histoire littéraire des grandes invasions germaniques*. Paris, Hachette, 1964.

28. W. J. De Boone, *De Franken van hun eerste optreden tot de dood van Childerik*, Amsterdam, Laporte & Dosse, 1954.

29. Jean Decarreaux, *Les Moines et la Civilisation en Occident des invasions à Charlemagne*, Paris, Arthaud, 1962

30. André Deléage, *La Vie rurale en Bourgogne jusqu'au début du XIe siècle*. 3 vol., Mâcon, Protat, 1941.

31. Pierre Demolon, *Le Village de Brebières (VIe-VIIe siècle)*, Arras, Mémoires de la Commission départementale des Monuments historiques du Pas-de-Calais, 1972.

32. Émilienne Demougeot, *La Formation de l'Europe et les Invasions barbares*, t. II, 2 vol., Paris, Aubier, 1979.

33. Jean-Pierre Deroey, «Réflexions sur l'économie des premiers temps carolingiens (768—877): grands domaines et action politique entre Seine et Rhin», *Francia*, 1985.

34. Jan Dhondt, *Le Haut Moyen Age (VIIIe-XIe siècle)*, éd. française revue par Michel Rouche, Paris, Bordas, 1976.

35. Alain Dierkens, «Cimetières mérovingiens et histoire du haut Moyen Age. Chronologie, société, religion», *Histoire et Méthode*, t. IV des *Acta Historica Bruxellensia*, Bruxelles, 1981.

36. Alain Dierkens, «Superstitions, christianisme et paganisme à la fin de l'époque mérovingienne. A propos de l'*Indiculus superstitionum et paganiarum* (mars 744)», dans *Magie, Sorcellerie et Parapsychologie*, H. Hasquin éd., Bruxeles, 1984.

37. Alain Dierkens, *Abbayes et Chapitres entre Sambre et Meuse (VIIe-XIe siècle)*, Sigmaringen, Thorbecke Verlag, 1985.

38. Alain Dierkens, «Prolégomènes à une histoire des relationsculturelles entre les îles Britanniques et le continent pendant le haut Moyen Age. La diffusion du monachisme dit colombanien ou irofranc dans quelques monastères de la région parisienne au VIIe siècle et la politique religieuse de la reine Bathilde», dans *La Neustrie*, éd. par H. Atsma, ici n° 3.

39. Georges Duby éd., *Histoire de la France*, t. I, Paris, Larousse, 1970.

40. Georges Duby, *Guerriers et Paysans (VIIe-XIIe siècle)*, Paris, Gallimard, 1973.

41. Georges Duby et A. Wallon éd., *Histoire de la France rurale*, t. I, Paris, Éd. du Seuil, 1975.

42. Georges Duby éd., *Histoire de la France urbaine*, t. I, Paris, Éd. du Seuil, 1980.

43. Jean Durliat, «Du caput antique au manse médiéval», *Pallas*, 1982.

44. Jean Durliat, «Le polyptyque d'Irminon et l'impôt sur l'armée», *Bibliothèque de l'École des chartes*, 1983.

45. Marcel Durliat, *Des Barbares à l'an mil*, Paris, Mazenod, 1985.

46. Éginhard, *Vie de Charlemagne*, éd. et trad. par Louis Halphen, 4e éd., Paris, Les Belles-Lettres, 1967.

47. Eugen Ewig, *Thier im Merowingerreich. Civitas, Stadt, Bistum*, Trèves, Paulinus Verlag, 1952.

48. Eugen Ewig, *Frühes Mittelalter*, t. I, vol. 2 de la *Rheinische Geschichte*, Düsseldorf, Schwann Verlag, 1980.

49. Eugen Ewig, *Spätantikes und Fränkisches Gallien*, recueil d'articles éd. par Hartmut Atsma, 2 vol., Munich, Artemis, 1976-1979.

50. Eugen Ewig, *Die Merowinger und das Frankenreich*, Stuttgart-Berlin, Kohlhammer Verlag, 1988.

51. Léon Fleuriot, *Les Origines de la Bretagne*, Paris, Payot, 1980.

52. Robert Folz, *Le Couronnement impérial de Charlemagne*, Paris, Gallimard, 1964.

53. Robert Folz, André Guillou, Lucien Musset, Dominique Sourdel, *De l'Antiquité au monde médiéval*, Paris, PUF, 1972.

54. Gabriel Fournier, *Le Peuplement rural en basse Auvergne durant le haut Moyen Age*, Paris, PUF, 1962.

55. Gabriel Fournier, *Les Mérovingiens*, Paris, PUF, 1966.

56. Frédégaire, *The Fourth Book of the Chronicle of Fredegar with its Continuations*, éd. par J. M. Wallace-Hadrill, Londres, Nelson, 1966.

57. François L. Ganshof, *Qu'est-ce que la féodalité?*, 5e éd., Paris, Taillandier, 1982.

58. Nancy Gauthier, *L'Évangélisation des pays de la Moelle, La province romaine de Première Belgique entre Antiquité et Moyen Age (IIe-IIIe-VIIIe siècle)*, Paris, De Boccard, 1980.

59. Patrick Geary, *Aristocracy in Provence: The Rhône Basin at the Dawn of the Carolingian Age*, Philadelphie, University of Pennsylvania Press, 1985.

60. Patrick Geary, *Before France and Germany. The Creation and Thansformation of the Merovingian World*, Oxford, Oxford University Press, 1988.

61. Walter Goffart, «From Roman taxation to medieval seigneurie: three notes», *Speculum*, 1972.

62. Walter Goffart, «Old and new in Merovingian taxation», *Past and Present*, 1982.

63. Walter Goffart, «Merovingian polyptychs. Reflections on two recent publications», *Francia*, 1982.

64. Grégoire de Tours, *Histoire des Francs*, trad. de Robert Latouche, 2 vol., Paris, Les Belles-Lettres, 1963-1965.

65. Philip Grierson, *Dark Age Numismatics*, recueil d'articles, Londres, Variorum Reprints, 1979.

66. Philip Grierson et Mark Blackburn, *Medieval European Coinage*, t. I, *5th/10th Centuries*, Cambridge, Cambridge University Press, 1986.

67. Louis Halphen, *Charlemagne et l'Empire carolingien*, 2e éd., Paris, Albin Michel, 1968.

68. Ingrid Heidrich, «Les maires du palais neustriens du VIIe au milieu du milieu du VIIIe siècle», dans *La Neustrie*, éd. par H. Atsma, ici n° 3.

69. Martin Heinzelmann «L'aristocratie et les évêchés entre Loire et Rhin jusqu'à la fin du VIIe siècle», dans *La Christianisation*, ici n° 21.

70. Martin Heinzelmann, *Bischofsherrschaft in Gallien (4.-7. Jahrhundert)*, Munich, Artemis, 1976.

71. Martin Heinzelmann, «La noblesse du haut Moyen Age (VIIe-XIe siècle). Quelques problèmes à propos d'ouvrages récents», *Le Moyen Age*, 1977.

72. Martin Heinzelmann, «Gallische Prosopographie (260-527)», *Francia*, 1983.

73. Martin Heinzelmann et Joseph-Claude Poulin, *Les Vies anciennes de sainte Geneviève de Paris*, Paris, Champion, 1986.

74. Carol Heitz, *Recherches sur les rapports entre architecture et liturgie à l'époque carolingienne*, Paris, SEVPEN, 1963.

75. Carol Heitz, *L'Architecture religieuse carolingienne: les formes et leurs fonctions*, Paris, Picard, 1980.

76. Carol Heitz, *La France pré-romane. Archéologie et architecture religieuse du haut Moyen Age du IVe siècle à l'an mil*, Paris, Errance, 1987.

77. Jean Heuclin, *Aux origines monastiques de la Gaule du Nord. Ermites et reclus du Ve au XIe siècle*, Lille, Presses universitaires de Lille, 1988.

78. Richard Hodges, *Dark Ages Economics. The Origins of Towns and Trade (A. D. 600-1000)*, Londres, Duckworth, 1982.

79. Richard Hodges et David Whitehouse, *Mohammed, Charlemagne and the Origins of Europe. Archaeology and the Pirenne Thesis*, Londres, Duckworth, 1983.

80. J. Hoyoux, «Le collier de Clovis», *Revue belge de philologie et d'histoire*, 1942.

81. Jean Hubert, J. Porcher et W. F. Volbach, *L'Europe des invasions*, Paris, Gallimard, 1967.

82. Jean Hubert, J. Porcher et W. F. Volbach, *L'Empire carolingien* Paris, Gallimard, 1968.

83. *L'Inhumation privilégiée du IVe au VIIIe siècle en Occident*, actes du colloque de Créteil (Y. Duval et J.-Ch. Picard éd.), Paris, De Boccard, 1986.

84. Edward James, *The Merovingian Archaeology of South-West Gaul*, 2 vol., Oxford, British Archaeological Reports, 1977.

85. Edward James, *Les Origines de la France. De Clovis à Hugues Capet (de 486 à l'an mil)*, Paris, Errance, 1986.

86. Edward James, *The Franks*, Oxford, Basil Blackwell, 1988.

87. Walter Janssen et Dietrich Lohrmann, *Villa-Curtis-Grangia Landwirtschaft zwischen Loire und Rhein von der Römerzeit zum Hochmittelalter*, Munich, Artemis, 1983.

88. Reinhold Kaiser, *Bischofsherrschaft zwischen Königtum und Fürstenmacht im frühen und hohen Mittelalter*, Bonn, L. Röhrscheid, 1981.

89. Jean Lafaurie, «Le trésor d'Escharen aux pays-Bas», *Revue numismatique*, 1959-1960.

90. Jean Lafaurie, «Numismatique: des Mérovingiens aux Carolingiens. Les monnaies de Pépin le Bref», *Francia*, 1974.

91. Jean-Pierre Laporte, «La chasuble de Chelles», article suivi de la traduction de la vie de Bathilde par G. Duchet-Suchaux, *Bulletin du Groupement archéologique de Seine-et-Marne*, 1982.

92. Charles-Marie de La Roncière, Robert Delort, Michel Rouche, *L'Europe au Moyen Age. Documents expliqués*, t. 1: 395-888, Paris, Armand Colin, 1969.

93. Robert Latouche, *Les Origines de l'économie occidentale (IVe-XIe siècle)*, Paris, Albin Michel, 1956.

94. Stéphane Lebecq, *Marchands et Navigateurs frisons du haut Moyen Age*, 2 vol., Lille, Presses universitaires de Lille, 1983.

95. Stéphane Lebecq, «Dans l'Europe du Nord aux VIIe-IXe siècles: commerce frison ou commerce franco-frison?», *Annales ESC*, 1986.

96. Jacques Le Goff et Jean-Noël Biraben, «La peste dans le haut Moyen Age», *Annales ESC*, 1969.

97. Jacques Le Goff et René Rémond éd., *Histoire de la France religieuse*, t. I, Paris, Éd. du Seuil, 1988.

98. Régine Le Jan-Hennebicque, «Structures familiales et politiques au IXe siècle: un groupe familial de l'aristocratie franque», *Revue historique*, 1982.

99. Charles Lelong, *La Vie quotidienne en Gaule à l'époque mérovingienne*, Paris, Hachette, 1963.

100. Léon Levillain, «Études sur l'abbaye de Saint-Denis à l'époque mérovingienne», *Bibliothèque de l'École des chartes*, 1921, 1925, 1926, 1930.

101. Claude Lorren, «L'église Saint-Martin de Mondeville (Calvados): quelques questions», dans les *Mélanges d'archéologie et d'histoire médiévales en l'honneur du doyen Michel de Boüard*, Genève-Paris, Droz, 1982.

102. Claude Lorren, «Le village de Saint-Martin de Trainecourt à Mondeville (Calvados), de l'Antiquité au haut Moyen Age», *dans La Neustrie*, éd. par H. Atsma, ici n° 3.

103. Ferdinand Lot, *La Naissance de la France*, Paris, Fayard, 1948.

104. Rosamond Mackitterick, *The Frankish Church and the Carolingian Reforms (789-895)*, Londres, Swift, 1977.

105. Rosamond Mackitterick, *The Frankish Kingdoms under the Carolingians (751-987)*, Londres-New York, Longman, 1983.

106. Élisabeth Magnou-Nortier, *Foi et Fidélité. Recherches sur l'évolution des liens personnels chez les Francs du VIIe au IXe siècle*, Toulouse, Publications de l'université de Toulouse Le Mirail, 1976.

107. Élisabeth Magnou-Nortier, «Étude sur le privilège d'immunité du IVe au IXe siècle», *Revue Mabillon*, 1984.

108. Éisabeth Magnou-Nortier, «Le grand domaine: des maîtres, des doctrines, des questions», *Francia*, 1987.

109. Marquise de Maillé, *Les Cryptes de Jouarre*, Paris, Picard, 1971.

110. Henri-Irénée Marrou, *Décadence romaine ou Antiquité tardive?*, Paris, Éd. du Seuil, 1977.

111. Max Martin, *Das fränkische Gräberfeld von Basel-Bernering*, Bâle-Mayence, Ph. von Zabern, 1976.

112. Marie-Thérèse Morlet, *Les Noms de personnes sur le territoire de l'ancienne Gaule du VIe au XIIe siècle*, 2 vol., Paris, Éd. du CNRS, 1968 et 1972.

113. Lucien Musset, *Les Invasions*, t. I, *Les Vagues germaniques*, 2e éd., Paris, PUF, 1969.

114. Lucien Musset, *Les Invasions*, t. II, *Le Second Assaut contre l'Europe chrétienne (VIIe-XIe siècle)*, Paris, PUF, 1965.

115. Renée Mussot-Goulard, *Charlemagne*, Paris, PUF, 1984.

116. *La Neustrie. Les pays au nord de la Loire de Dagobert à Charles le Chauve (VIIe-IXe siècle)*, catalogue d'exposition édité par Patrick Périn et Laure-Charlotte Feffer, Rouen, Musées et Monuments départementaux de Seine-Maritime, 1985.

117. *Le Nord de la France de Théodose à Charles Martel*, catalogue d'exposition, Musées du Nord-Pas-de-Calais, Aire-sur-la-Lys, 1984.

118. *Paris mérovingien*, catalogue d'exposition, Paris (musée Carnavalet), 1981-1982.

119. Patrick Périn, «Trois tombes de chefs du début de la période mérovingienne: les sépultures nº 66, 68 et 74 de la nécropole de Mézières (Ardennes)», *Bulletin de la Société archéologique champenoise*, 1972.

120. Patrick Périn, avec une contribution de René Legoux, *La Datation des tombes mérovingiennes. Historique, méthodes, applications*, Genève, Droz, 1980.

121. Patrick Périn et Laure-Charlotte Feffer, *Les Francs*, 2 vol., Paris, Armand Colin, 1987.

122. *La Picardie, berceau de la France. Clovis et les derniers Romains*, catalogue d'exposition, Amiens, 1986.

123. Luce Pietri, *La Ville de Tours du IVe au VIe siècle. Naissance d'une cité chrétienne*, Rome, École française, 1983.

124. Christian Pilet, *La Nécropole de Frénouville (Calvados)*, Oxford, British Archaeological Reports, 1980.

125. Christian Pilet, *A ciel ouvert treize siècles de vie (VIe siècle av. J.-C.-VIIe siècle apr. J.-C.). La nécropole de Saint-Martin de Fontenay (Calvados)*, Paris, Plon, 1987.

126. Henri Pirenne, *Mahomet et Charlemagne*, Paris, PUF, 1970.

127. Daniel Piton, *La Nécropole de Nouvion-en-Ponthieu*, Berck-sur-Mer, Amis de Musée, 1985.

128. Odette Pontal, *Histoire des conciles mérovingiens*, Paris, Le Cerf, 1989.

129. *Premiers Temps chrétiens en Gaule méridionale. Antiquité tardive et haut Moyen Age (IIIe-VIIIe siècle)*, catalogue d'exposition, Lyon, 1986.

130. Friedrich Prinz, *Frühes Mönchtum im Frankenreich*, Munich-Vienne, Oldenburg Verlag, 1965.

131. Marc Reydellet, *La Royauté dans la littérature latine de Sidoine Apollinaire à Isidore de Séville*, Rome, École française, 1981.

132. Pierre Riché, *Césaire d'Arles*, Paris, Éd. Ouvrières, 1956.

133. Pierre Riché, *Éducation et Culture dans l'Occident barbare (VIe-VIIIe siècle)*, 3e éd., Paris, Éd. du Seuil, 1973.

134. Pierre Riché, avec la collaboration de G. Tate, *Textes et Documents d'histoire du Moyen Age (Ve-Xe siècle)*, 2 vol., Paris, SEDES, 1973-1974.

135. Pierre Riché, *La Vie quotidienne dans l'Empire carolingien*, Paris, Hachette, 1973.

136. Pierre Riché, *Écoles et Enseignement dans le haut Moyen Age*, 2e éd., Paris, Picard, 1989.

137. Pierre Riché, *Les Carolingiens. Une famille qui fit l'Europe*, Paris, Hachette, 1983.

138. Michel Rouche, «Les Aquitains ont-ils trahi avant la bataille de Poitiers?», *Le Moyen Age*, 1968.

139. Michel Rouche, *L'Aquitaine des Wisigoths aux Arabes (418-781). Naissance d'une région*, Paris, EHESS et J. Thouzot, 1979.

140. Michel Rouche, «L'héritage de la voirie antique dans la Gaule du haut Moyen Age (V^e^-XIe siècle)», *L'Homme et la Route en Europe occidentale*, actes du 3e colloque de *Flaran*, Auch, 1982.

141. Michel Rouche éd., *Saint Géry et la Christianisation dans le Nord de la Gaule (V^e^-IXe siècle)*, actes du colloque de Cambrai, numéro spécial de *La Revue du Nord*, 1986.

142. Michel Rouche, «La crise de l'Europe au cours de la deuxième moitié du VIIe siècle et la naissance des régionalismes», *Annales ESC*, 1986.

143. *Saint Chrodegang*, actes du colloque de Metz, Metz, Le Lorrain, 1967.

144. Edouard Salin, *La Civilisation mérovingienne d'après les sépultures, les textes et le laboratoire*, 4 vol., Paris, Picard, 1950-1959.

145. Georg Scheibelreiter, *Der Bischof in merowingischer Zeit*, Vienne-Cologne-Graz, Böhlau Verlag, 1983.

146. Claude Seillier, «Développement topographique et caractères généraux de la nécropole de Vron (Somme)», *Archéologie médiévale*, 1986.

147. Josef Semmler, «Saint-Denis: von den bischöflichen Coemeterialbasilika zur königlichen Benediktinerabtei», dans *La Neustrie*, éd. par H. Atsma, ici n° 3.

148. Sidoine Apollinaire, *Poèmes et Lettres*, éd. par A. Loyen, 3 vol., Paris, Les Belles-Lettres, 1960-1970.

149. Georges Tessier, *Le Baptême de Clovis*, Paris, Gallimard, 1964.

150. Georges Tessier, *Charlemagne*, Paris, Albin Michel, 1967.

151. Laurent Theis, *Dagobert. Un roi pour un peuple*, Paris, Fayard, 1982.

152. Adriaan Verhulst, «Der Handel im Merowingerreich», *Early Medieval Studies*, 1970.

153. Adriaan Verhulst éd., *Le Grand Domaine aux époques mérovingienne et carolingienne*, actes du colloque de Gand, Gand, Centre belge d'histoire rurale, 1985.

154. John Michael Wallace-Hadrill, *The Long-Haired Kings*, 2e éd., Toronto, University of Toronto Press, 1982.

155. John Michael Wallace-Hadrill, *Early Germanic Kingship in England and on the Continent*, Oxford, Clarendon Press, 1971.

156. John Michael Wallace-Hadrill, *The Frankish Church*, Oxford, Clarendon Press, 1983.

157. Joachim Werner, «Frankish Royal Tombs in the cathedrals of Cologne and Saint-Denis», *Antiquity*, 1964.

158. Karl Ferdinand Werner, *Structures politiques du monde franc (VIe-XIIIe siècle)*, recueil d'articles, Londres, Variorum Reprints, 1979.

159. Karl Ferdinand Werner, *Les Origines*, t. I de *L'Histoire de France* dirigée par Jean Favier, Paris, Fayard, 1984.

160. Matthias Werner, *Der Lütticher Raum in frühkarolingischer Zeit*, Göttingen, Van den Hoeck & Ruprecht, 1980.

161. Herwig Wolfram, *History of the Goths*, 2e éd., en langue anglaise, Los Angeles, University of California, Los Angeles Press, 1988.

162. Ian Wood, *The Merovingian North Sea*, Alingsås, Viktoria Bokforlag, 1983.

163. Ian Wood, «Gregory of Tours and Clovis», *Revue belge de philologie et d'historie*, 1985.

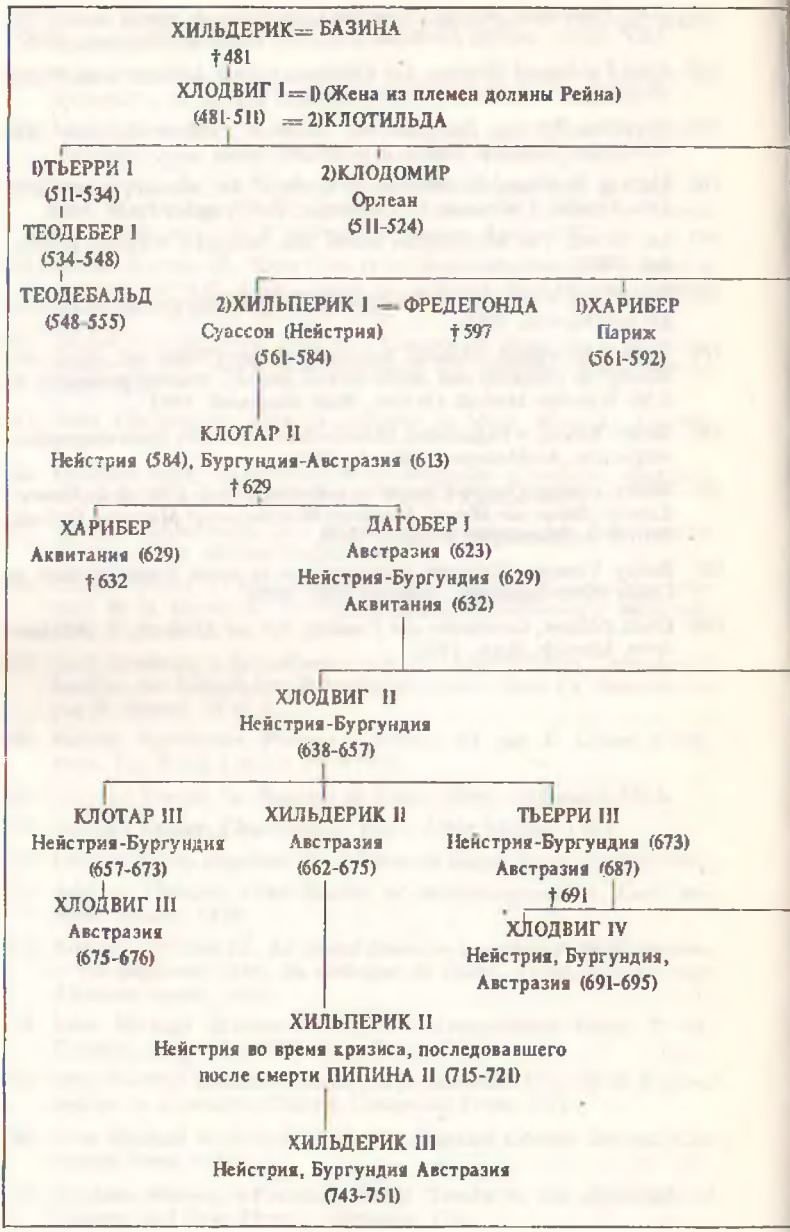
164. Patrick Wormald, Donald Bullough, Roger Collins éd., *Ideal and Reality in Frankish and Anglo-Saxon Society*, Studies presented to J.M. Wallace- Hadrill, Oxford, Basil Blackwell, 1983.

165. Bailey Young, «Paganisme, christianisation et rites funéraires mérovingiens», *Archéologie médiévale*, 1977.

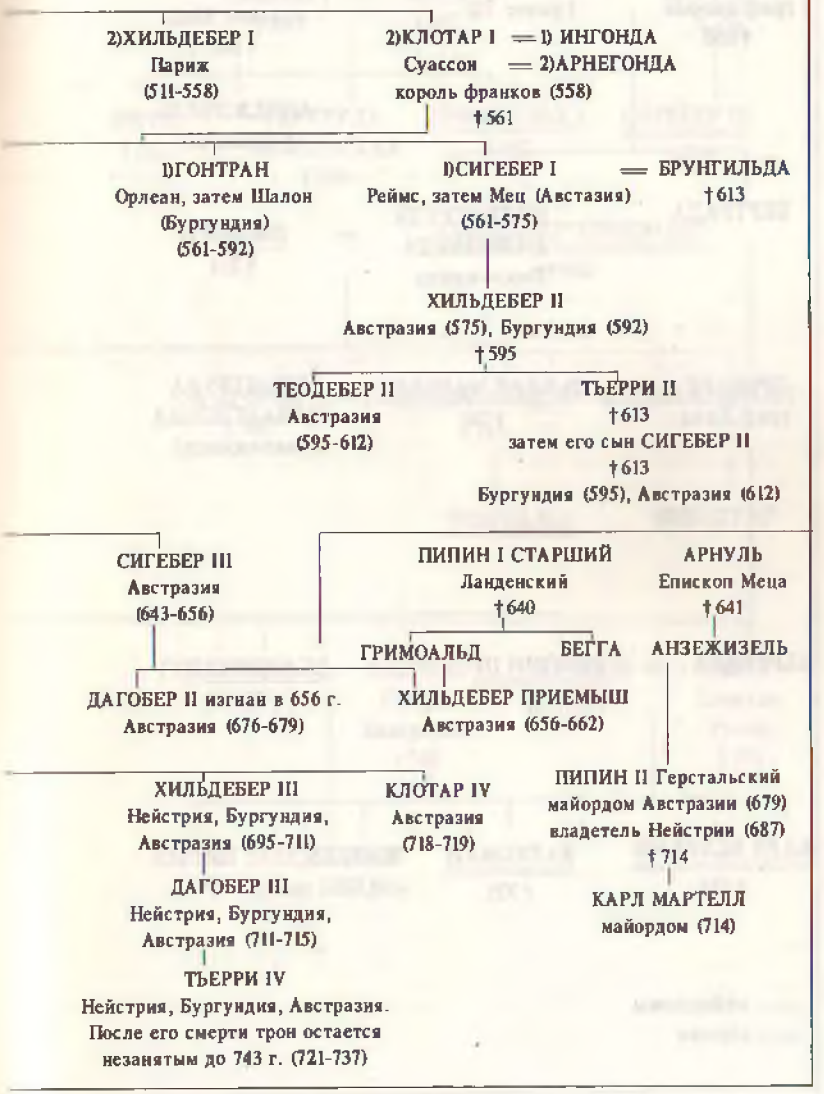
166. Bailey Young, *Quatre Cimetières mérovingiens de l'Est de la France : Lavoye, Dieue-sur-Meuse, Mézières-Manchester et Mazerny*, Oxford, British Archaeologicl Reports, 1984.

167. Bailey Young, «Exemple aristocratique et mode funéraire dans la Gaule mérovingienne», *Annales ESC*, 1986.

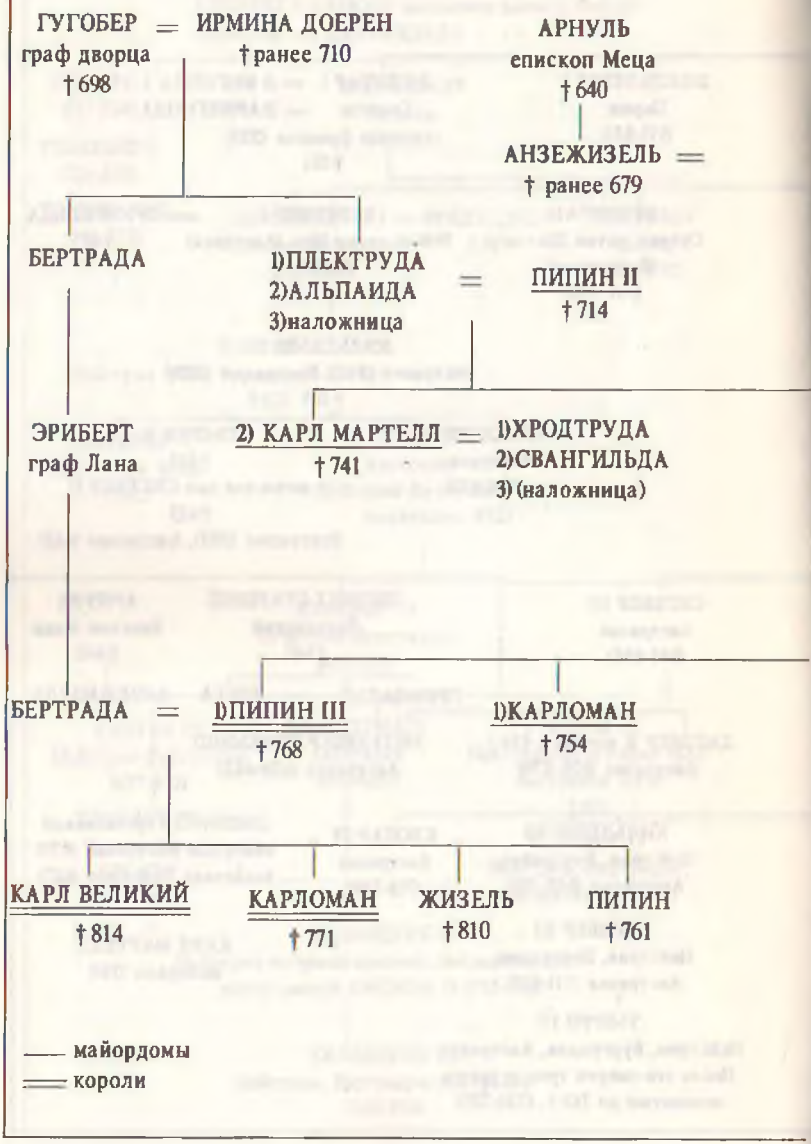
168. Erich Zöllner, *Geschichte der Franken, bis zur Mitte des 6. Jahrhunderts*, Munich, Beck, 1970.

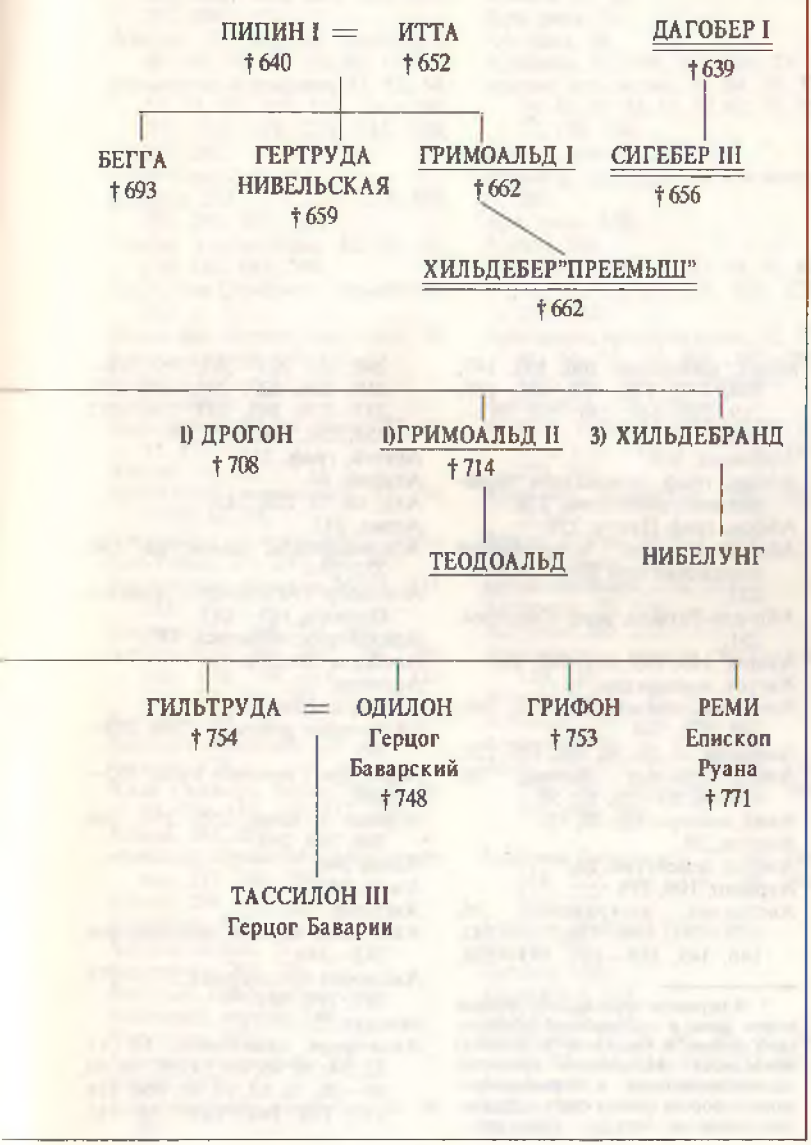

ХИЛЬДЕРИК = БАЗИНА
† 481
ХЛОДВИГ I = 1) (Жена из племен долины Рейна)
(481-511) = 2) КЛОТИЛЬДА
1) ТЬЕРРИ I
(511-534)
ТЕОДЕБЕР I
(534-548)
ТЕОДЕБАЛЬД
(548-555)
2) КЛОДОМИР
Орлеан
(511-524)
2) ХИЛЬПЕРИК I = ФРЕДЕГОНДА
Суассон (Нейстрия)
(561-584)
† 597
1) ХАРИБЕР
Париж
(561-592)
КЛОТАР II
Нейстрия (584), Бургундия-Австразия (613)
† 629
ХАРИБЕР
Аквитания (629)
† 632
ДАГОБЕР I
Австразия (623)
Нейстрия-Бургундия (629)
Аквитания (632)
ХЛОДВИГ II
Нейстрия-Бургундия
(638-657)
КЛОТАР III
Нейстрия-Бургундия
(657-673)
ХЛОДВИГ III
Австразия
(675-676)
ХИЛЬДЕРИК II
Австразия
(662-675)
ТЬЕРРИ III
Нейстрия-Бургундия (673)
Австразия (687)
† 691
ХЛОДВИГ IV
Нейстрия, Бургундия,
Австразия (691-695)
ХИЛЬПЕРИК II
Нейстрия во время кризиса, последовавшего
после смерти ПИПИНА II (715-721)
ХИЛЬДЕРИК III
Нейстрия, Бургундия Австразия
(743-751)

МЕРОВИНГИ

2)ХИЛЬДЕБЕР I
Париж
(511-558)
2)КЛОТАР I = 1) ИНГОНДА
Суассон = 2)АРНЕГОНДА
король франков (558)
†561
1)ГОНТРАН
Орлеан, затем Шалон
(Бургундия)
(561-592)
1)СИГЕБЕР I = БРУНГИЛЬДА
Реймс, затем Мец (Австазия)
(561-575)
†613
ХИЛЬДЕБЕР II
Австразия (575), Бургундия (592)
†595
ТЕОДЕБЕР II
Австразия
(595-612)
ТЬЕРРИ II
†613
затем его сын СИГЕБЕР II
†613
Бургундия (595), Австразия (612)
СИГЕБЕР III
Австразия
(643-656)
ПИПИН I СТАРШИЙ
Ланденский
†640
АРНУЛЬ
Епископ Меца
†641
ГРИМОАЛЬД
БЕГГА
АНЗЕЖИЗЕЛЬ
ДАГОБЕР II изгнан в 656 г.
Австразия (676-679)
ХИЛЬДЕБЕР ПРИЕМЫШ
Австразия (656-662)
ХИЛЬДЕБЕР III
Нейстрия, Бургундия,
Австразия (695-711)
КЛОТАР IV
Австразия
(718-719)
ПИПИН II Герстальский
майордом Австразии (679)
владетель Нейстрии (687)
†714
ДАГОБЕР III
Нейстрия, Бургундия,
Австразия (711-715)
КАРЛ МАРТЕЛЛ
майордом (714)
ТЬЕРРИ IV
Нейстрия, Бургундия, Австразия.
После его смерти трон остается
незанятым до 743 г. (721-737)

ПИПИНИДЫ

ГУГОБЕР
граф дворца
†698
ИРМИНА ДОЕРЕН
†ранее 710
АРНУЛЬ
епископ Меца
†640
АНЗЕЖИЗЕЛЬ
† ранее 679
БЕРТРАДА
1)ПЛЕКТРУДА
2)АЛЬПАИДА
3)наложница
ПИПИН II
†714
ЭРИБЕРТ
граф Лана
2) КАРЛ МАРТЕЛЛ
†741
1)ХРОДТРУДА
2)СВАНГИЛЬДА
3) (наложница)
БЕРТРАДА
1)ПИПИН III
†768
1)КАРЛОМАН
†754
КАРЛ ВЕЛИКИЙ
†814
КАРЛОМАН
†771
ЖИЗЕЛЬ
†810
ПИПИН
†761
майордомы
короли

ПИПИН I = ИТТА
† 640 † 652
ДАГОБЕР I
† 639
БЕГГА
† 693
ГЕРТРУДА НИВЕЛЬСКАЯ
† 659
ГРИМОАЛЬД I
† 662
СИГЕБЕР III
† 656
ХИЛЬДЕБЕР "ПРЕЕМЫШ"
† 662
1) ДРОГОН
† 708
2) ГРИМОАЛЬД II
† 714
3) ХИЛЬДЕБРАНД
ТЕОДОАЛЬД
НИБЕЛУНГ
ГИЛЬТРУДА = ОДИЛОН
† 754 Герцог Баварский
† 748
ГРИФОН
† 753
РЕМИ
Епископ Руана
† 771
ТАССИЛОН III
Герцог Баварии

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ*

аббат, аббатство, 106, 107, 147, 164, 177, 178, 181, 182, 185, 219, 223, 249, 250, 283, 297—300.
Аббевиль, 301.
Аббон, граф, основатель Новалезского аббатства, 228.
Аббон, граф Пуату, 259.
Абд-аль-Рахман, потерпевший поражение при Пуатье, 226—227.
Абд-аль-Рахман, эмир Кордовы, 251.
Авары, 140, 145, 221, 262, 263.
Август, император, 14.
Августин, святой, 21, 212, 240, 248, 271, 304.
Авиньон, 23, 56, 96, 101, 105, 228.
Авит, епископ Вьенна, 36, 45—46, 53—55, 57, 58.
Авит, император, 20, 75.
Авитак, 20.
Авиты, семейство, 86.
Авранш, 109, 218.
Австразия, австразийцы, 16, 125—131, 134—136, 137—142, 146, 149, 188—191, 193—198, 200, 201, 203—205, 209, 216—219, 226, 227, 232, 234, 235, 237—239, 245, 247, 250—252, 254, 258, 286, 306, 309.
Агатей, граф, 219.
Агафий, 68.
Агд, 58, 78, 228, 245.
Агено, 153.
Агилольфинги, семейство, 140, 222, 234.
Агильбер (Агильберт), епископ Парижа, 185—187.
Агильберта, аббатиса, 185.
Агобард, 226,272.
Агриппа, 13.
Адалард, граф, 227.
"Admonitio generalis", 294, 298—299.
Адон, брат святого Уена, 185—186.
Адриан I, папа, 255, 259, 266, 268, 269, 295.
Ажен, 246.
Ажец, 246.
Аигульф, 110.
Айстульф, король лангобардов, 242—244.
Академия придворная, 272—273, 283, 299, 303.
акведук, 27, 91.
Аквитания, аквитанцы, 16, 17, 22, 34, 36, 46, 49, 54, 58, 59, 60, 68—70, 76, 87, 93, 95, 100, 118, 119, 128, 141—143, 150, 153,

* В переводе многие собственные имена даны в современной французской форме. В указателе (в скобках) приводятся традиционно принятые латинизированные и германизированные формы (имена святых, франкские имена на -берт.). — *Прим. ред.*

172, 188, 193—195, 204, 217, 225, 227, 228, 232, 234, 238, 245—247, 252, 254, 255, 258—261, 266, 267, 284, 285, 291, 297, 306.
Аларих II, король вестготов, 49—50, 54, 56—59, 62, 114.
алеманны, Алеманния, 33, 52, 54, 57, 71, 77, 107, 122, 146, 190, 205, 218, 222, 223, 235, 239, 261, 262.
Ализ-Сент-Рейн, 93.
Алкуин, 272—273, 275—277, 283, 295, 296, 299, 308.
Альби, альбигойцы, 32, 59, 81, 150, 182, 195, 246.
Альбрики-Геририки, семейство, 262.
Амаларих, король вестготов, 58.
Аманд, святой, 176-177.
Амблев, 216.
Ампсиварии, 37.
амфитеатр, арены, цирк, 27, 60, 91, 102.
Амьен, 293.
Анастасий, император, 13, 54, 57-59, 63, 66.
Ангильбер (Ангильберт), аббат Сен-Рикье, 271, 297, 301-305.
Ангильрам, епископ Меца, 271, 283.
Англия, 165, 168, 293, 300.
Англосаксы, 93, 163, 165, 166, 168, 178, 184, 214, 217, 223, 224, 235, 237, 241, 293.
Ангулем, 59.
Анделот (Андело), 124.
Анденн, 178.
Анже (Анжер), Анжу, 26, 48, 81, 85, 154, 155, 160, 217, 258.
Аниан, 291, 297.
«Анналы фракского королевства», 233, 240, 256.
Аннап, 289.
Аннегрей, 107.
Аннеси-ле-Вьё, 18.
Аисегизил, 200, 201.
Ансельм, граф двора, 266.
Ансемунд, герцог, 106.
Анструда, 202.
Антенор, патриций, 204.
Антиб, 108.
Аполлинарии, семейство, 20, 58, 86.
Арбео, епископ Фрайзинга, 262.
Арбогаст, епископ Шартра, 31.
Арбогаст, командующий ополчением, 31, 38.
Арв, река, 21.
Аргонна, 16.
Арденны, 17, 106, 153, 216, 247.
ариане, арианство, 31, 34, 35, 37, 39, 40, 49, 53, 55, 57, 62, 70, 75, 77, 120, 230.
Ариеге, река, 225.
Аримод, королевский посланец, 261.
Арк, река, 228.
Арлон, 108.
Арль, 14, 23, 27-29, 35, 59, 71, 82, 91, 95, 96, 99, 101, 103, 227, 237, 292.
Арморика, арморикацы, 22, 33, 41, 51, 72, 78, 103, 107, 203, 219, 260, 284; см. Бретань.
Арнегонда, 118, 148.
Арнуль, епископ Меца, 130-131, 134, 139, 141, 181, 200, 214, 239, 249.
Арнульф, семейство, 200, 205, 212.
Аррас, Артуа, 39, 112, 293.
архидиаконы, 105, 193.
архикапелланы, 271; 283.
Астериол, 71, 116.
Астурия, 265, 275.
Атанагильд, король вестготов, 120, 121.
Атлантика, 17, 32, 56.
Аттиньи, 247, 264, 272.
Аутарий, 143.
Ахен, 237, 257, 271-274, 276, 278, 279, 282, 283, 296, 300, 303, 305, 306, 309.

Бавария, бавары, 57, 77, 140, 146, 218, 222, 223, 234, 238, 262-263, 287.
Бавдин, епископ Тура, 105.
Бавей, 198.
Багдад, 251.
Бадегизил, 105.
Базель, 75, 254.
базилика, 27, 28, 30, 60, 63, 76, 84, 92—94, 111, 252, 273, 302.
Базина, 39.
Байё, 218.
Балтика, 164.

баптистерии, крестильные церкви, 30, 55, 94, 174.
Барселона, 266, 287.
Баски, васконы, 72, 78, 79, 141, 144, 195, 217, 225—227, 246, 255, 259.
Батильда, 148, 177, 189—194.
Беарн, 121.
Бегга, 178, 200.
безан, или **византий**, 98.
Безансон, 16, 95, 109.
Безье, 228, 245.
Бельгии, провинции Римской империи, 47, 49, 67.
Беневенто, 268.
Бенедикт, святой, 107, 182, 297.
бенефиции, 218, 221, 236, 262, 285.
Бенинь, аббат Фонтенельского аббатства, 215.
Бенуа (Бенедикт) Анианский, Витиза, 297.
Берри, 164, 259.
Бертен, святой, 178.
Бертрада, королева, 238, 243, 254.
Бертрада, дочь Карла Великого, 271, 303.
Бертран (Бертекрамн, Бертрамн), епископ Ле-Мана, 83.
Берхер, майордом, 197, 198, 202.
Бессен, 32.
Бессон, 83.
Бигор, 121.
Бирон, 75.
Битуриги, 25.
Блай, 228.
Боббио, 107, 177.
Бобиньи, 84.
Богемия, 145.
Бодилон, 194.
Божоле, 126.
Болгары, 146, 279.
Бонс, епископ Клермона, 181.
Бонифаций, святой, он же Винфрид, 217, 223, 224, 230, 235—239, 241, 247.
Боорн, река, 223.
Бордо, 27, 35, 51, 54, 59, 83, 87, 90, 92, 95, 98, 121, 168, 226, 228, 237, 246.
Борепп, 83.
Бос, 155, 293.
Брабант, 38, 118, 200.
Бребьер, 85.
Брев, 75.
Бретань континентальная, бретонцы, 33, 41, 76, 78, 79, 103, 145, 203, 238, 258; см. также Арморика.
Бри, 155, 185, 238, 293.
Бривадуа, 81.
Брикций, святой, 9.
Бриуд, 109.
Бродульф, 141.
Броерек, 78.
Бротонский лес, 18.
Бруктеры, 37, 205.
Брунгильда, 120—124, 129—131, 139, 155.
Бубо, король фризов, 223.
Булонь, Булоннэ, 32, 41, 166, 307.
Бург-сюр-Жиронд, 20, 23, 83.
Бургундия, бургунды, 16, 19, 26, 31, 33, 34, 36, 37, 39, 40, 51, 55, 57, 67, 69, 70, 74, 75, 81, 84, 100, 114, 118, 120, 125—130, 136, 138, 139, 141, 142, 157, 172, 188, 189, 192—196, 202, 204, 209, 215, 218, 227, 232, 247, 260, 261, 286, 306.
Бургундофара, 153, 157, 178.
Бурж, **Аварик**, 25, 95, 101, 168.
Бурхард, епископ Вюрцбурга, 239, 240.
Бэ, 168.

Ваифр, принц Аквитанский, 234, 238, 245, 246, 255.
Валанс, 96, 189, 196.
Вале, 70, 242.
Валенсия, 20.
Валентиниан I, император, 60.
Вальдебер, аббат Люксёйского монастыря, 182—183.
Вальхерен-Домбург, 97, 165.
Вамба, король вестготов, 241.
Вандалы, 32.
Вандея, 306.
Вандрилл, святой, 143.
Ванн, Ваннете, 76, 78, 258.
Вараттон, майордом, 197, 202.
Вараттон, аквитанский гранд, 246.
Варвары — по тексту.
Варен, граф, 193, 239.

Варнахер, майордом, 130, 139, 189.
Варфюзе-Абанкур, 18.
Васконы, см. Баски.
вассалы, 125, 127, 137, 172, 208, 220, 221, 257, 259, 283, 286—288.
Везер, 81, 165, 216, 264.
Везеронс, 70.
Великобритания, 21, 33, 156, 166, 187.
Вельфы, семейство, 286.
Венаск, 94.
Венгры, 263.
вендетта королевская, 114—115.
Венды, 145, 146.
Венеция, 279.
Венсан (Винценций), святой, 92, 149.
Венси, 216, 218.
Вер, город, 247, 250.
Вер, епископ Тура, 54—55.
Вербери, 231, 247, 250, 272.
вергельд, 116—117.
Верден (Германия), 258, 264.
Верден (Франция), 17, 231.
Вернер, королевский посланец, 261.
Верона, 266.
Вессекс, 165, 185.
Вестготы, 26, 33—36, 39, 40, 46, 48, 49, 51, 54, 55, 57—59, 61, 66, 72, 74, 75, 77, 94, 114, 144, 225, 240, 241, 245.
Вивье, 99.
Видбод, граф, 259.
Видопы, семейство, 201.
Видукинд, 264.
Византия, Константинополь, 10, 54, 59, 61, 71, 99, 229, 230, 242, 244, 251, 268, 274, 275, 278, 279, 296, 301.
Вик, 75.
викарии, 23.
Викинги, 215, 306.
виконты, 284.
Виллебад, патриций, 189.
Виллемсель, 293.
Виллиброд, 178, 184, 203, 216, 217, 223.
«виллы», 18, 20, 21, 30, 41, 83—86, 138, 150, 153—157, 159—161, 163, 169, 193, 273.
Вильшер, епископ Санса, 295.
Винервальд, 263.
Винчестер, 224.
Виссембург, 190.
Витигес, король остготов, 71.
Витиза, см. Бенуа (Бенедикт) Анианский.
Витри-ан-Артуа, 122, 289.
Витрувий, 273.
Виттислинген, 175.
Вогезы, 16, 107.
Воевр, 200.
Возрождение каролингское, 175, 184, 233, 301.
Волузиан, епископ Тура, 54, 87.
Вормс, 130, 272.
Врон-ан-Понтье, 32.
«Всеобщее предостережение», см. «Admonitio»
Вуйе, 58, 225.
Вульдетрада, 76.
Вульфилаих, 106.
Вульфоальд, 191—195, 197.
Вьенн, 13, 27, 28, 56, 91, 95, 102, 111, 227.
Вьенна, река, 195.
Вьеннуаз — диоцез Римской империи, 21, 23.
Вьеннуаз — провинция Римской империи, 21, 59.
Вюрцбург, 224.

Газа, 96.
Галактарий, граф, 90.
Галлия — по тексту.
Галльский диоцез Римской империи, 13, 21, 23.
Галсвинта, 121, 124.
Гандалу, 32.
Гардон, река, 20, 21.
Гаронна, 20, 21, 40, 78, 141, 195, 228, 246.
Гарц, 292.
Гасконь, или Васкония, 78, 141, 144, 189, 195, 261.
Гевилиб, епископ Майнца, 237.
Геласий, папа, 249.
Гент, 153, 177, 307.
Гераклий, император, 145.
Герберга, 255.
Германия, 10, 51, 52, 75, 77, 85, 140, 142, 147, 149, 150, 161, 204, 217, 222, 224, 230, 232, 234, 235, 237, 247, 261—265, 274, 291, 298, 306.

Германские провинции Римской империи, 40, 67.
Германфрид (Герменфред), король Тюрингии, 56.
Герольд, префект, 263.
Герпес, 75.
Гертруда, святая, 178, 200.
Гессен, 222, 223, 261, 263.
Gefolgschaft (воинское товарищество), 88, 171—172, 208, 216, 286.
Ги, граф, 259.
Гийом, герцог, 260, 266.
Гильдебольд, 271.
Гильдебранд, 228.
Гильтруда, 234, 238.
Гимильтруда, 255.
Гиппон, 248.
Годегизил, король бургундов, 56, 94.
Годескальк, 301.
Годомар, король бургундов, 70, 119.
голод, 81, 131.
Гондуены, семейство, 201.
Гонтран (Гунтрамн), король франков, 76, 78, 82, 96, 107, 117—121, 123—125, 127, 128, 136, 189.
Гонтран (Гунтрамн) Бозон, герцог, 123.
Горц, монастырь, 239.
гостеприимство, 34, 86, 89, 183.
Готфрид, герцог алеманский, 259.
грамматика, 100—102, 172, 272, 299—300.
графы, 62, 74, 78, 87, 89, 90, 116, 128, 137, 143, 151, 158, 159, 194, 219, 245, 249, 250, 252, 259—261, 283—285, 297.
Грезен, 175.
Гренобль, 94, 111.
Григорий I, папа, 102, 103, 176, 206, 248.
Григорий II, папа, 224, 230.
Григорий III, папа, 224, 229, 230, 242.
Григорий Лангрский, 90.
Григорий Турский, 6, 22, 30, 45—54, 59—62, 65, 75, 78, 81, 82, 87, 88, 96, 98, 100, 101, 109, 115, 119—127, 135, 150, 155.
Гримо, аббат Корбийского аббатства, 215.
Гримоальд I, майордом, 190—191, 197, 200—202, 233.
Гримоальд II, майордом, 202—203, 214.
Грифон, 232—234, 238—239, 258—259.
Гриффон, епископ Руана, 203.
губернаторы римских провинций, 21, 23.
Гуго, епископ Руана, 218.
Гугобер (Гугоберт), граф, 201.
Гугобер (Гугоберт), герцог Баварский, 222.
Гугобертиды, семейство, 238, 286.
Гумберт, граф, 259.
Гунальд, правитель Аквитании, 228, 234.
Гунальд, аквитанский сеньор, 255, 259.
Гундевех, король бургундов, 34, 40, 119.
Гундобад, король бургундов, 34, 36—37, 40, 51, 56—59, 69, 114, 119, 120.
Гундовальд, 123.
Гунны, 263.

Давид, 241, 275, 277, 308.
Дагобер (Дагоберт) I, 10, 134, 137, 139—142, 144—150, 153, 157—160, 163, 165, 166, 172, 173, 177, 178, 185, 188—190, 200, 203, 205, 221, 231, 252, 309.
Дагобер (Дагоберт) II, 191, 195, 197.
Дагобер (Дагоберт) III, 206, 215, 217.
Дадон, см. Уэн.
Дакс, 226.
Далмация, 279.
Дамаск, 251.
Дампьер, 75.
Дардан, 15, 21.
Датчане, 265, 307.
Дезидерии, семейство, 143, 150, 170.
демография, 11, 81—82, 134, 153.
Дени (Дионисий), святой, 93, 109, 147, 149, 150, 183, 252, 287.

деньги, монета, 51, 71, 74, 98—99, 145, 162, 165—170, 207, 249, 250, 291—292.
денье, 168—169, 250, 291—292.
Деотерия, 75.
Дер, 153.
десятина, 248.
дефенсоры (защитники) общин, 26, 90, 159.
Дидон, епископ Пуатье, 191, 193.
Дидье (Дезидерий), святой, 109, 143—144, 149, 171, 181, 190.
Дидье, епископ Вьенна, 93.
Дидье король лангобардов, 244, 255, 262, 266—267.
Дижон, 36, 56, 142.
Дикуйл, 272.
Диоклетиан, император, 13, 25.
диоцезы римские, 13, 16, 17, 23, 35.
диоцезы христианские, епархии, 16, 105, 146, 181.
Диуа, 36.
Домноне, 78, 145.
Домпул, епископ Ле-Мана, 84, 92, 101, 105, 106.
Дордонь, 20.
Дормель, 129.
дороги, 13—15, 40, 161, 222, 256.
Дорштадт (Дурстеде), 145, 165—166, 168, 205, 250, 293.
Дрогон, сын Пипина II, 202—203, 214, 218.
Дрогон, сын Карломана, 238.
Дрогон, сын Карла Великого, 271.
Ду, 75.
Дунай, 33, 57, 263, 306.
Дунгал, 272.
Дуэ, 85.
Дюранс, 126.

Евгения, аббатиса, 106.
евреи, 95, 161.
Евстохий, епископ Тура, 87.
епископы, епархии, 26—31, 34, 35, 40, 41, 49, 51—53, 62, 74, 78, 87, 90, 92, 103—107, 111, 136, 137, 143, 159, 181, 219, 236, 283, 295.

Жаволь, 30.
Жан, вассал, 287.
Жантийи, 250, 251.
Жеводан, 30.
Женева, 36, 40, 94, 175.
Женевьева, святая, 32, 48, 60, 61, 63, 93, 149.
Женли, 75.
Жермен (Герман), епископ Парижа, 81, 92.
Жермини-де-Прс, 302.
Жерона, 266.
Жибервиль, 179.
Жизель, 251.
жилище, 18—19, 80—81, 85—86, 93, 117, 165, 179—180, 273.
Жуар, 185.
Жульен (Юлиан), святой, 109.
Жюблен, 28.
Жюмьеж, 177, 183—184, 218, 262, 300, 302.
Жюпий, 198, 250.

завещания, 83—85, 90, 162, 303.
законы алеманнов, 146, 222.
законы бавар, 146, 235.
Зальцбург, 224.
Захарий, папа, 235—236, 238—239, 241, 304.
Зеландия, 97, 165.
Зенон, император, 7, 98.
зерновые, 22, 152, 293.
Зюйдерзее, или Иссельмер, 38, 165.

Ибба, византийский полководец, 59.
Иер-сюр-Амби, 84.
Иерусалим, 248, 274, 301.
Изер, 70.
иконоборчество, 230, 251, 268, 296.
Иларий, святой, 58, 109.
иммунитеты, 137, 148, 157, 159, 193, 207.
империя, римский император, 6, 11, 44, 52, 63, 71, 73, 74, 167, 212.
Имфи, 250.
Ингомер, сын Хлодвига, 52.
Ингонда, 118.
Ирена, императрица, 269—270, 278.
Ирландия, ирландцы, 33, 44, 97, 104, 107, 165, 177, 181—182, 184, 185, 187, 191, 195, 272, 300, 301.

Ирмина д'Оерен, 201.
Ирминон, аббат Сен-Жермен-де-Пре, 289.
Исидор Севильский, 240.
ислам, мусульмане, 225—228, 245.
Испания, 35, 49, 79, 92, 225—228, 256, 259, 260, 265, 266, 272, 300.
Истрия, 269.
Италия, 35, 56, 57, 71, 73, 77, 99, 115, 146, 228—300, 241—244, 265—268, 274,277, 279, 284, 300, 303, 306.
Итта, 178, 200, 201.

Йорк, 272.
Йу, 177.

Кагор (Каор), Дивона, 25, 144, 246.
Кадурки, 25.
казна королевская, 24, 51, 74, 116, 118, 157, 207, 283.
Кале, святой, 106.
Камбре, Камбрезис, 16, 38, 39, 50, 179, 198, 216.
Кан, 179.
Каннштадт, 235.
канцелярия, 73, 231, 250—251, 283.
Канш, 166, 293.
капители, 84, 95, 97, 186.
капитул кафедральный, каноники, 181, 248—249, 296.
капитулярий, 235, 246, 256, 257, 261, 264, 265, 268, 274, 281, 284, 285, 288, 294, 296, 299.
Каретена, 51.
Кариньян, 106.
Каркассон, 225.
Карл Великий, 13, 26, 51, 59, 62—64, 79, 206, 212, 220, 221, 242, 243, 247, 254—309.
Карл Лысый, 17.
Карл Мартелл, 79, 212—232, 235, 239, 245, 250, 264, 286, 309.
Карл, сын Карла Великого, 259, 271, 306.
Карломан I, 212, 232—239, 243, 247.
Карломан II, 243, 254—255, 267, 287.
Каролинги — по тексту.
Кассиан, 31, 107.
Кассиодор, 53, 57.
Квинциан, епископ Родеза, 56.
Кёльн, 28, 29, 38, 52, 68, 93, 95, 109, 112, 129, 198, 201, 215, 216, 219, 237, 271, 272.
Кельты, кельтский, 15, 25, 31, 103, 107, 110, 165, 187, 241, 309.
Кентовик (Квентовик), 166—168, 293.
керамика, 80, 113, 161, 163, 293.
Керси, 153, 154.
Килленбеф, 293.
Клавдий, император, 102.
Клермон, 27, 29, 59, 95, 101, 168.
климат, 16, 80, 152, 288.
Клипи, 142, 144, 145, 163.
Клодерик (Хлодерих), 57, 58, 61.
Клодион (Хлодион), 39.
Клодомир (Хлодомер), 52, 65, 67—70, 118—119.
Клотар (Хлотарь, Хлотар) I, 65, 67—70, 72, 75—78, 92, 96, 101, 105, 106, 118, 119, 125, 127, 148—149.
Клотар (Хлотарь, Хлотар) II, 10, 123, 124, 128—131, 136—144, 148—150, 157, 185, 193, 194, 207.
Клотар (Хлотарь, Хлотар) III, 159, 177, 190—193.
Клотильда (Хлодехильда), 6, 36, 45, 51, 52, 61, 63, 67, 68.
клятва личной верности, 125, 172, 258, 282.
колоны, колонат, 19, 83—86, 156.
Колумбан, святой, 97, 107, 153, 176, 182, 183.
командующий ополчением, 24, 34, 41, 47, 70.
Комб-ла-Виль, 293.
коммендации, 171, 220, 286.
Компьень, 142, 215, 247, 250, 272, 286.
коннетабль, 73, 283.
Константин, император, 28, 52, 61, 63, 89, 217—218, 276, 278.
Константин V, император, 251.
Константин VI, император, 268.
«Константинов дар», 243.
Констанц, 126, 146, 289.
консулат, 59.

Корби, 163, 164, 177, 184, 267, 299—300.
Кордова, 226, 251, 265, 266, 292.
Кормей-ан-Вексен, 291.
Корнуай (Корнуолл) американский, 78.
Корнуолл британский, 97.
Коррез, 81.
Коссы, 17, 19.
Котантен, 269.
Крей, 142, 145.
Крефельд-Геллеп, 112.
Кристенберг, 222.
Кродусены, семейство, 201.
Кродтруда (Хродтруда), 232.
Куар, 146.
Кунибер (Куниберт), епископ Кёльна, 141, 190.
кураторы, 26.
куриалы, 24, 29, 87, 90.
курии, 24, 26, 29, 91, 159.
Кьерзи, 232, 243, 272.

Лавуа, 113.
Ла-Манш, 13, 14, 32, 72, 129, 166, 293.
Ламбертиды, семейство, 259, 286.
Лангедок, 16, 18, 59, 77, 93, 225, 297.
Лангобарды, 99, 107, 146, 182, 212, 228—231, 242, 244, 266—269, 278, 279.
Лангр, 14, 36, 126, 142, 192, 197, 242.
Ланден, 200.
Лантехильда, 53.
Лантфрид, герцог алеманнов, 222, 234.
Ланьи, 84—85.
Лаон (Лан), 87, 184, 197, 231.
Ларина, «вилла», 84, 108.
Лассуа, горы, 19.
латинское, латинский язык, 41, 96, 102, 172, 209, 271, 299—300, 309.
Лаунебольд, герцог, 106.
Лацио, 229.
Лев III, папа, 269, 276—278, 295.
Легер (святой Леодегарий), епископ Отёна, 181, 192—197.
Лейдрад, епископ Лиона, 261, 295, 299, 302.
Лёк, 16, 165.
Ле-Ман, 83, 90, 92, 101, 105, 106, 160, 259.
Леон, 78.
Леон Нарбоннский, 35.
Леонтии, семейство, 86—87.
Леонтий Понтий, 20, 23, 83.
Лерен, 11, 30, 31, 106, 108.
лес, 16—17, 80, 153, 156, 288.
Лётуарис, герцог алеманнов, 190.
леты, 32.
Лех, 234.
«Liber historiae Francorum», 191.
«Liber pontificalis», 225, 242, 267.
«Libri carolini», 268, 274.
Лигюже, 30.
Лизьё, 218.
Лилль, 289.
Лиман, 108.
Лимож, Лимузен, 18, 86, 109, 121, 153, 178, 180, 195.
Лимон, 175.
Лион, Лионне (провинция), 15, 22, 28, 29, 36, 40, 51, 90, 92, 95, 96, 101, 109, 111, 171, 173, 189, 209, 218, 227, 237, 246, 296.
Липпе, река, 264, 265, 276.
литургия, 104, 108, 224, 248—249, 296, 302—303.
Лиутпранд, король лангобардов, 230, 242.
Лобб, монастырь, 201.
Ломбрен, 19.
Лораге, 40, 66, 225, 245.
Лотарингия, 17.
Лотарь I, 17.
Луара, 18, 32, 35, 39, 41, 51, 66, 68, 74, 81, 87, 96, 97, 98, 106, 118, 119, 129, 157, 168, 170, 204, 217, 221, 226—228, 289.
Луп, аквитанский герцог, 195, 204.
Льеж, 179, 214, 218, 233.
Людовик Благочестивый, 247, 259, 266, 267, 282, 301, 303, 305—307.
Люксёй, 107, 177, 181—185, 194.

Маастрихт, 145, 166, 293.
Маврикий, император, 98.
Магелон, 78, 228, 245, 292, 297.
Магненс, император, 87.
Майн, 122, 222.

Майнц, 26, 237, 247.
майордом, 73, 138—140, 188, 190, 193, 196, 198, 202, 207, 214, 234, 250.
Майориан, император, 21, 23, 25, 39, 41.
Мальмеди, 216, 231.
манс, 154—158, 257, 289—291.
Марбуе, «вилла», 83.
Марий, епископ Авента, 71.
Мармутье (Турень), 30.
Мармутье (Эльзас), 223
Марна, 124, 185, 242.
Мароль-сюр-Сен, 291.
Марсель, 28, 29, 31, 71, 82, 95, 96, 98, 99, 163, 167, 227, 254.
Мартен, брат Пипина II, 197.
Мартин, святой, 9, 30, 31, 45, 59, 109, 111, 126, 179, 180, 183, 231, 239, 287; капа или капелла святого Мартина, 231, 239, 273.
Марциал, святой, 109, 180.
маршал, 73.
machtierns, 203.
Медард, святой, 92, 102, 149.
Медиоматрис, 16.
Медок, 17.
Мёз (Маас), 77, 97, 134, 200, 203, 272, 293.
Мезьер, 113.
Меллебод, аббат, 174.
Мель, 292.
мельницы, 154.
Мен, 68, 81, 86, 219, 238, 291, 306.
Менд, 15.
Меробод, 38.
Меровей, 39.
Меровей, сын Хильперика I, 121, 123.
Мерсия, 275.
металлы, металлургия, 23, 293; см. также «ювелирные изделия».
метрополии, 29, 78, 234, 296.
Меттлах, монастырь, 203, 218.
Мец, 26, 27, 91, 93, 98, 119, 124, 130, 139 175, 176, 198, 200, 201, 214, 219, 231, 234, 239, 248, 249, 251, 270, 296, 302.
Милон, епископ Трира и Реймса, 218, 220, 237.
Минерва (Лангедок), 30.
Мистре, 110-111.
Михаил I, император, 279.
Мо, 143, 178.
Мозель, 14, 38, 97, 157, 200, 201, 203, 234, 239.
монахи, монашество, 30—31, 81, 106—107, 149, 176—179, 181—185, 297—300.
Мондевиль-Тренкур, 179.
Мон-Кассен, 107, 182, 238, 243.
Монмак-сюр-Уаз, 202.
Монморен, «вилла», 18.
монофизитство, 54, 230.
Монферан (Лангедок), 93.
Morgengabe, (супружеский дар), 121.
Моронт, 227.
мосты, 13—15, 161.
Муассак, 154.
Мунуза, 225.
Муссе-ля-Батай, 226.
Мюрбах, монастырь, 221.

налоги, 24, 25, 40, 51, 67, 73, 90, 129, 131, 136, 154—155, 157, 260, 289, 290.
налоги косвенные, таможенные сборы, 96—97, 148, 154, 207, 208, 293—294.
Намюрская область, 200.
Нант, 87, 93—95, 97, 98, 145, 160, 165, 219, 293.
Нантильда, 141, 149, 188, 189.
Нарбон (Нарбонн), 28—29, 35, 82, 95, 225, 228, 245, 246, 292.
Нарбоннез, провинции Римской империи, 59, 78, 96.
Нассиньи, 164.
Невер, 192.
Нейстрия, 16, 125—130, 134—136, 138, 141—143, 146, 148—149, 157, 160, 166, 177, 188, 191—198, 202, 209, 212, 215—219, 231, 232, 245, 250, 252—254, 258, 285, 306.
некрополи, кладбища, 28, 32, 60, 75, 88, 112, 113, 162, 174, 179—180, 185.
Нибелиунг, 239.
Нивель, 178, 182, 200, 201.
Нидердоллендорф, 175.
Низезий, 154, 155.
Никея, первый Никейский собор, 31.

Никея, второй Никейский собор, 268.
Ним, 27, 91, 225, 228, 245, 292.
Нитгард, 303.
Ницетий, епископ Трира, 46, 53.
Ницетий, святой, 109.
Ницефор I, император, 278—279.
Ноанан, 168.
Новалез, 228.
Новампопулания, 78, 195.
Ножан, «вилла», 142.
Нойкирхен, 17.
Нонниихии, семейство, 87.
Нонниихий, епископ Нанта, 87.
Норбер (Норберт), майордом, 202.
Норвегия, 306.
Нордгау, 223.
Нормандия, 18, 68, 93, 112, 153, 179, 307, 309.
Нортумберленд, 272.
нотариусы, 101, 172.
Нотр-Дам-дю-Брюск, 108.
Нуайон, 144, 254.
Нумериан, епископ Трира, 171.

Овернь, 18, 20, 22, 36, 68, 70, 75, 76, 86, 140, 153, 155.
Одилиенберг, 203.
Одилон, 234, 238.
Одинкур, 75.
Одоакр, 13, 49, 56.
Одофледа, 56.
Оерен, монастырь, 201.
Оз, 154, 296.
Оксер (Осер), 69, 142, 209, 218, 220, 226.
Омейяды, 251.
Онер, епископ Осера, 110.
Онора (Гонорий), 30, 31, 107.
оптиматы (optimates), 137, 235—236.
Оранж, 91.
ордалия («Божий суд»), 116.
Орден, 113.
Орлеан, 48, 62, 68, 69, 90, 95, 96, 98, 103, 118, 160, 189, 218, 227, 302.
Остготы, 56, 59, 70, 115.
Остмарк, 263.
Отён, 28, 94, 142, 225, 227, 246.
Отрив, 182.
Отрош, 75.
Оттон, майордом, 190.
отшельники, затворники, 30, 81, 94, 106, 156.
Оффа, король Мерсии, 275.
Ошер, епископ Орлеана, 219.

Павел I, папа, 244.
Павел, граф, 48.
Павел Варнефрид Диакон, 248, 272—273.
Павлин Аквилейский, 272.
Павлинии, семейство, 87.
Павия, 244, 255, 267—268.
паги (земли, сельские округа), 89, 283—285.
Падерборн, 265, 276—277.
палинология, 18, 152.
палудамент (плащ полководца), 9, 278.
Паннония, 145, 262—263.
папирус, 96, 164.
папы, папство, 176, 205, 206, 209, 224, 230—231, 237, 240—244, 247, 249, 255.
Париж, 25, 27, 32, 41, 48, 60, 66, 68, 81, 84, 90, 91—93, 95, 96, 101, 102, 109, 118, 119, 122, 123, 126, 136, 138, 142, 147, 150, 161, 176, 189, 190, 217, 218, 252, 293, 309.
Парфений, 71, 73, 75.
патриции, 21, 34, 71, 189, 194, 204; патриции римлян, 243—244, 267, 269.
перечень суеверий ("Jndiculus superstitionum"), 110, 236.
Перигор, 259.
Перпетуй, епископ Тура, 87.
Петр Пизанский, 272.
Пикардия, 18, 22, 47, 122, 163.
Пипин I, 130, 131, 134, 139—141, 178, 190, 200.
Пипин II, 79, 178, 197—198, 200—209, 212, 214—217, 219, 221, 237.
Пипин III, 79, 212, 220—221, 227, 231—254, 258—260, 281, 286, 291, 301, 303, 304, 308, 309.
Пипин Горбатый, 255, 271, 307.
Пипин, сын Карла Великого и Хильдегарды, 255, 263, 268, 271, 303, 306.
Пипииды, 10, 63, 181... по тексту.
Пирен Анри, 8, 164.

Пиренеи, 17, 62, 72, 77, 78, 95, 144, 195, 204, 212, 225, 227.
Пирмин, святой, 223.
Плассак, 83, 168.
платежи на армию, 290—291.
пограничная зона (марка) британская, 258.
пограничная зона (марка) испанская, 266.
полиптихи, 259, 289, 292.
Понтион, 242, 250.
Понтье, 32.
Популония, III.
порт северный, «вик», 166—167, 293.
«посланцы хозяина», королевские посланцы, 260, 267, 276, 282, 285, 292.
потенты (potentes), 137.
почтовая служба (cursus publicus), 14.
поэма (геста) о Дагобере, 150.
прекарии, 236, 239, 247.
Препьяк, 83.
преторианские военачальники, 21, 23, 27.
преториум (преторий), 60, 158.
Прованс, 19, 22, 35, 49, 59, 69—71, 94, 100, 108, 140, 171, 172, 189, 204, 227, 228, 231, 232, 247, 260, 261, 297.
Провиль, 85.
провинции Римской империи, 23, 40, 71, 296.
Прокоп, 71.
Протадий, майордом, 129.
пряности, 96, 164.
Пуатье, Пуату, 30, 58, 86, 92—94, 97, 101, 109, 174, 176, 193, 224—226, 230, 259, 292.
Пфальц, 203.

рабы, сервы, 20, 83—85, 156, 157.
Равенна, 23, 229, 230, 242—244, 266, 274.
Рагенфред, майордом, 215—219, 225.
Рагенфред, епископ Руана, 237.
Рагнахар, король франков, 50, 61, 65.
Рагнетруда, 141.
Радбод, фризский король, 205, 214—216, 223.
Радегонда, 77, 92, 117.
Радон, майордом, 139.
Радон, брат святого Усна, 185.
Радульф, герцог тюрингов, 148, 190.
разделы, 67—69, 117—119, 188, 232, 254.
раскорчевка, освоение целины, 81, 153, 288—290, 298.
Ратисбонн, 224.
Ре, 234.
Ребе, 148, 185.
Рёй-сюр-Марн, 185.
Рёйи, «вилла», 142.
Реймс, 17, 27, 29, 55, 68, 82, 87, 91, 92, 109, 118, 119, 122, 140, 180, 236, 237, 247, 290.
Рейн, прирейнские области, 14, 18, 33, 36—38, 40, 49, 52, 57, 62, 67, 69, 72, 75, 77, 97, 122, 130, 134, 142, 145, 165, 166, 200, 201, 212, 216—218, 222, 234, 261, 264, 272, 289, 293.
рейнские рубежи, 23, 145, 161.
Рейнгау, 201.
Рейхенау, 223, 289.
Реккаред, король вестготов, 77.
Рем, 16.
Ремакл, святой, 201.
Реми (Ремигий), святой, 29, 45—50, 52, 53, 55, 62, 81, 82, 87, 92, 109, 180.
Реми, епископ Руана, 249.
Ренн, 145, 168, 219, 258.
референдарий, 105, 143, 185, 231, 239, 250.
Ригномер, король, 61, 65.
Ригобер, епископ Реймса, 203, 218.
Риец, 94.
Рикомер, 38.
Рим, 9, 11, 13—15, 21—25, 31, 33, 34, 36, 38—41, 49, 54, 67, 93, 96, 150, 165, 177, 182, 205, 206, 224, 229, 230, 238, 241—245, 249, 252, 259, 266, 267, 274, 276—278, 295.
Ринг, аварская «столица», 263.
Рихар, король, 61, 65.
Робертиды, семейство, 201, 286.
Родез, 56, 59, 195.
Роланд, граф, 79, 259, 266; Песнь о Роланде, 270.
Ромул Августул, император, 11.

Рона, 14, 18, 37, 80, 96, 99.
Ронсеваль, 259, 266.
Ротард, граф, 239, 242.
Роттар, граф, 219.
Руан, 97, 122, 144, 160, 165, 203, 218, 236, 237, 247, 293.
Ружье, 18.
Рундерберг, 57.
Рур, 205, 264.
Руссийон (Руссильон), 59, 77, 225.
Рустик, брат святого Дидье, 143, 252.

Саал, река, 147.
Саар, 17.
Савари, епископ Орлеана, 220.
сакраментарий, 184, 249.
Саксония, саксонцы, 32, 39, 48, 77, 146, 147, 150, 166, 205, 215, 216, 222, 234, 238, 256—258, 263—265.
«Салическая правда» ("Pactus legis salicae"), 114, 171, 308.
Салланд, 38.
Сальвиан, 11, 24, 40.
Само, 145—146, 156.
Санлис, 27, 217.
Санс, 90, 142, 227, 236, 237, 247.
Саподия (Савойя), 36.
Сарагосса, 265—266.
Сарацины, 224—226.
саркофаги, 29, 95, 97, 186—187.
Саул, 241.
Свевы, 16.
Светоний, 269.
святые мощи (поклонение святым мощам), 92, 109, 149, 180—183, 287, 309.
Северное море, 161, 164—165, 293, 307.
Севиак Монреальский, «вилла», 20, 30.
Сезер (Цезарий), епископ Арля, 31, 58, 91, 106, 110.
Секундин, 71, 116.
Селль-сюр-Шер, 93.
Сель (Ла) ан Ивелин, 290—291.
сельские поселения (vicus, vici), 15, 18—19, 23, 86, 108.
семья, род, 114—121, 261, 271.
Сен-Беат, 95.
Сен-Бенуа-сюр-Луар (Флёри-сюр-Луар), 182, 299—300.
Сен-Бертен, 234, 241, 291, 293.
Сен-Блез, 19.
Сен-Вандрий (Фонтенель), 183—184, 218, 220, 241, 293, 300.
Сен-Галлен, 298, 303.
Сен-Дени, 93, 108, 118, 147, 151, 155, 160—161, 163, 166, 184, 191, 194, 208, 231, 239, 240, 243, 244, 247, 250—253, 262, 293.
Сен-Кале, 81.
Сен-Мартен-де-Фонтеней, 179.
Сен-Морис-д'Агон, 70, 176.
Сен-Пьер-лез-Этьё, 168.
Сен-Рикье (Центула), 182, 293, 297, 300—303.
Сена, 51, 60, 75, 88, 97, 122, 129, 148, 157, 162, 225, 234, 293.
сенешаль, 73, 283.
Сент, Сентож, 51, 75, 141.
Сент-Авольд (Хилариак), 293.
Сент-Аман, 177.
Сент-Эниан, 299.
Септимания, 59, 66, 72, 77, 79, 145, 225, 227, 228, 245, 260, 292, 297.
Сергий, папа, 205, 230.
Сердань, 225, 266.
Сернен, святой, 35, 109, 180.
Сиагрии, семейство, 24, 34, 86, 171.
Сиагрий, командующий ополчением, 41, 47—50, 58, 61.
Сиагрий, граф, 150.
Сигебер (Сигиберт), король Кёльна, 57, 61, 65, 67, 119.
Сигебер (Сигиберт) I, 76, 118—127, 136, 140.
Сигебер (Сигиберт) II, 130.
Сигебер (Сигиберт) III, 141, 146, 149, 177, 188—191.
Сигебранд, епископ Парижа, 192.
Сигизмунд, король бургундов, 13, 56—59, 70, 106.
Сигирих, князь бургундов, 70.
Сидоний Аполлинарий, 11, 14, 17, 20—22, 25, 27, 29, 34, 36, 45, 75, 83, 89, 126.
Сизуэн, 289.
Сильвестр, папа, 276.
Симиез, 168.
сидоны, см. соборы.
Систерон, 99.

сите, (civitates), 24, 60, 74, 89, 93, 158, 160, 169.
Скандинавия, скандинавы, 165, 306.
скотты, см. Ирландцы.
скриптории, 184, 299—300.
славяне, 140, 145—146, 156, 165, 265, 293.
смерть, 111—113, 179—187.
смола, 17, 83.
соборы, синоды, 58, 62, 78, 103—105, 108—110, 136—137, 139, 176, 235—236, 247, 251, 268, 277, 284—297, 299.
Солиньяк, 153, 178.
соль (производство и торговля), 97, 293.
Сомен, 289.
Сомма, 40—41, 75, 297.
Сона, 14, 37, 75, 130.
Спезет, 18.
Сполето, 268.
Средиземное море, 10, 13, 17, 44, 55, 56, 59, 69, 77, 95, 96, 150, 163, 164, 169, 245, 265.
Ставло, 231.
станции для замены лошадей (mutationes), 14, 222.
Суавеготта, 57.
Суассон, 29, 47, 50—51, 67—68, 76, 87, 92, 102, 109—110, 117—118, 217, 236, 240, 254, 255.
Сугерий, аббат Сен-Дени, 252.
Сульпиций, епископ Буржа, 159.
Сустерн, 203.
сцеаттас (фальшивые), 168, 249—250.
Сютри, 242.

Таррагона, 266.
Тассилон III, герцог Баварский, 238, 255, 262—263, 286.
Тацит, 168.
Teilreiche (части империи), 98.
Теобальд, герцог алеманнов, 222, 234.
Теодад, 71.
Теодебальд, король франков, 75.
Теодебер (Теодоберт) I, 44, 69—75, 77, 89, 91, 99, 101, 112, 115, 155, 167.
Теодебер (Теодоберт) II, 124, 128—130.
Теодехильда, аббатиса, 185—186.
Теодоальд, майордом, 214—215.
Теодор, 30.
Теодорих, король остготов, 53, 56—57, 59, 70—71, 122.
Теодульф, епископ Орлеана, 261, 266, 272—273, 283, 292, 299, 304.
Теополис, «вилла», 21.
Тертри, 198, 209.
Теруан, 179.
Тинтагил, 97.
Тионвиль, 201, 272.
ткани (производство и торговля), 23, 96, 164—165, 293.
Толедо, 77.
Тольбиак, Цюльпих, 52.
Тома де Пуйи, 279.
Томаст, 25.
Тонгр, 16, 198.
торговля, 95—99, 147—149, 151, 163—169, 275, 292—294.
Тревир, 16.
Трегор, 78.
Треола, 289.
Трессон, «вилла», 84, 108.
трисит (третья часть одного су), 98, 167.
Трир, 11, 14, 23, 26—28, 31, 38, 41, 49, 73, 91, 93, 95, 101, 201, 220.
Тулон, 96.
Тулуза, Тулузен, 15, 26, 28, 32, 35, 50, 59, 91, 93, 94, 98, 109, 141, 154, 180, 195, 204, 225, 226, 246, 254, 260, 266, 284.
Туль, 14, 16, 17, 193.
Тур, Турень, 6, 9, 27, 28, 30, 45—47, 53, 54, 58, 60, 68, 78, 81, 86, 90, 91, 93, 95, 103, 105, 109, 111, 160, 168, 226, 227, 247, 258, 300, 301.
Турне, 7—8, 39, 44, 67, 68, 115, 118, 122, 179.
Тьерри I, 50, 57—59, 65, 67—71, 77, 118, 122, 140.
Тьерри II, 124, 128—130.
Тьерри III, 159, 190, 193—195, 197—198, 201—202, 204, 206.
Тьерри IV, 215, 217, 223, 229.
Тьерри, сын Хильдерика III, 241.

Тюрингия, тюринги, 39, 52, 71, 77, 122, 147, 190, 205, 218, 222, 223, 254, 261, 263.

Уаза, 129, 155, 193, 247.
Уен, святой; он же — Дадон, 143, 144, 148, 179, 181, 185, 196.
Узес, 95, 99.
Унрош, семейство, 286.
Уржель, 266.
Утрехт, 145, 166, 205, 216.

Фармутье, 153, 178.
Фарон, святой, 143, 153, 178.
фауна, 16, 17.
Февроль, 291.
федераты (союзники Рима), союзные племена, 33—41, 57, 67, 86, 112, 114, 146, 217.
Феликс, епископ Нанта, 87, 88, 93.
Феликс, патриций, 195.
Феодосий I, 28.
Феодосий II, кодекс Феодосия, 7, 24, 58, 112, 114.
Фериер-ан-Гатине, 293.
Ферреол Тонантий, 20, 21.
фибулы, 9, 175.
Филибер, святой, 177, 182—183.
Филипп Красивый, 279.
фиск, 34, 74, 136, 154, 163, 260, 284.
Флавиньи, 227.
Флаохад, майордом, 189, 192.
Флёри-сюр-Луар, см. Сен-Бенуа-сюр-Луар.
Флёри-сюр-Орн, 179.
Флориан, епископ Арля, 176.
Флуарак, 83.
Фон-Кремат, 18.
Фонтен, монастырь, 107.
Фонтенель, см. Сен-Вандрий.
формуляр анжуйский, 85, 155.
формуляр маркульфский, 155.
формуляр оверньский, 155.
Фос, 96, 163, 164.
Фосс, монастырь, 201.
Фрайзинг, 224.
Франки — по тексту.
Франкония, 122, 222, 223, 242, 254.
Франция, **Франкия** — по тексту.
Фредегер (лже-) (псевдо-Фредегар) и продолжатели, 101, 126, 130, 135, 140, 145, 146, 173, 189, 228, 239.
Фредегонда, 115, 121, 123, 128, 131, 148.
Фрежюс, 27, 94.
Френувиль, 112, 152, 179.
Фризия (Фрисландия), фризы, 72, 77, 79, 98, 99, 145, 163, 165, 166, 168, 178, 205, 212, 215, 218, 223, 230, 237, 254, 263—265, 293, 307.
Фриуль, 267.
Фулрад, аббат Сен-Дени, 239, 240, 242, 244, 251—252, 255, 301.
Фулрад, аббат Сен-Кантена, 236.
Фульда, 237.

Хамавы, 16, 33, 37.
Харарих, король франков, 50, 61, 65.
Харибер (Хариберт), король франков, 76, 117—120, 125.
Харибер (Хариберт), король Аквитании, 140—141, 144, 195.
Хильдебер (Хильдеберт) I, 65, 67—72, 92—94, 118, 123, 149, 162.
Хильдебер (Хильдеберт) II, 122—124, 127—128.
Хильдебер (Хильдеберт) III, 162, 206.
Хильдебер (Хильдеберт) «приёмыш», 191, 200, 229.
Хильдебер (Хильдеберт), аббат Фонтенельского аббатства, 203, 215.
Хильдегарда, 259, 263, 267, 271, 301.
Хильдерик I, 6—11, 32, 34, 39, 48, 76.
Хильдерик II, 168, 190, 191, 193—196, 215.
Хильдерик III, 234—239, 241.
Хильперик I, 44, 71, 76, 81, 102, 105, 118, 121—123, 125—127, 130—131, 136—137, 148.
Хильперик II, 163, 215, 217, 234.
Хлодвиг I, 6, 10, 28, 36—37, 39, 41, 44—67, 69, 71, 76, 78, 92, 101, 103, 106, 109, 112, 114, 118, 119, 122, 126, 138, 149,

158, 161, 189, 208, 253, 254, 308, 309.
Хлодвиг II, 141, 148—149, 159, 177, 188, 190—191, 193.
Хлодвиг III, 195.
Хлодвиг IV, 206.
Хлодвиг, сын Хильперика I, 121, 123.
Хлодосвинда, 53.
Храмн, 76, 195.
храмы языческие, 27, 30, 108, 264.
Христофор, торговец, 98.
Хродеганг, епископ Меца, 231, 237, 239, 247—250, 295.
Хродеганги, семейство, 201.
Хродоальд, 140.
Хукус, майордом, 139.

Цезарь, 16.

чума, 81.

Шалон-сюр-Марн, 17, 124.
Шалон-сюр-Сон, 119.
Шампань, 22, 47, 140, 185, 209, 301.
Шаранта, 32.
Шарбонерский лес, 16, 38.
Шарнс, 75.
Шартр, 31.
Шаттуарии, 37.
Шевремон, 198, 233.
шелк, 23, 96.
Шельда (Эско), 7, 50, 77, 177.
Шелль, 123, 177, 192.
Шифле Ж.Ж., 7.
Шириган, «вилла», 21.
школы, 102, 183—184, 272, 285, 298—299.
Шоссен, 75.
Штрасфурт, 256.

Эбергард, 220, 223.
Эбро, 266, 269.
Эброин, 191—197.
Эвантий, 15.
Эвмерий, епископ Нанта, 87.
Эга, майордом Нейстрии, 141, 188.
Эггихард, сенешаль, 266.
Эгидий, восначальник ополчения, 41, 47, 48.
Эгидий, епископ Реймса, 123, 127, 128.
Эд, принцепс Аквитанский, 204, 217, 225, 226, 228.
Эд из Меца, 273.
Эдер, река, 269.
Эйнгард, 206, 259, 265, 269—270, 272, 278, 305.
Эйфель, 238.
экзарх, экзархат, 229, 242—244, 267.
Экс-ан-Прованс, 93, 94, 237.
Элевтер, епископ Турне, 90.
Элуа (Элигий), святой, 143—145, 149, 153, 161, 178—179, 181.
Эльба, 147.
Эльзас, 33, 129, 220, 239.
Эльн, 78.
Эмнехильда, 191.
Эн, река, 155.
эпидемии, 81, 131, 150.
эпитафии, 102, 110, 111, 173, 186.
Эрбож, 176.
Эрибер, граф, 238.
Эрик де Фриуль, 263.
Эрих, король вестготов, 35, 40, 49, 114.
Эрменфред, 197.
Эрминструда, 84—85, 153, 157, 162.
Эро, 19, 20, 30.
Эрсталь, 198, 250, 272.
Эрхиноальд, майордом, 177, 189, 191, 192.
Эстинн, 236.
Эсхаран, 98.
Эхтернах, 178, 184, 203.

ювелирные изделия, драгоценности, 7, 9, 84, 113, 149, 161, 175, 270.
Юдикаэль, король бретонцев, 145.
Юлиан, император, 60.
Юра, 16—17, 84.
Юстин, император, 71, 98.
Юстиниан, император, 71, 73, 77, 96, 98, 229.

ярмарки, 148, 160, 163, 164, 252, 293.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

СМЕРТЬ ХИЛЬДЕРИКА
6

ВВЕДЕНИЕ

ГАЛЛИЯ ОКОЛО 480 года
11-37

Дороги. Бескрайние пространства. Пашни. Римско-галльская элита между селом и городом. Сите. Христианство. Варвары. Франки.

I

ФРАНКИ: ТЯГОТЕНИЕ К СРЕДИЗЕМНОМОРЬЮ
481—613 годы

1. ХЛОДВИГ. 481—511 годы
45-62

Григорий Турский и Хлодвиг. Походы на запад и на восток. Первые победы. Крещение Хлодвига (25 декабря 498 года?). Хлодвиг и бургунды. Притяжение Средиземноморья. Хлодвиг и вестготы. Кому стать объединителем? Париж становится столицей. Дипломатия франкских вождей. Хлодвиг-законодатель.

2. НАСЛЕДНИКИ ХЛОДВИГА И ОБЪЕДИНЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ ГАЛЛИИ. 511—561 годы
65-77

Наследство. Раздел. 511 год. Завоевание Бургундии и присоединение Прованса. Выход к Средиземному морю.
Владычество франков над Галлией в середине VI века. Клотар — король всех франков. 558—561 годы. Незавершенное объединение.

3. ДОЛГИЙ VI «ВЕК». ТЯЖКИЙ ГРУЗ СТАРЫХ СТРУКТУР
80-95

Еще раз о природных условиях. Эволюция латифундий и сельских поселений. Всемогущие аристократы. Судьба городов античного периода. Воздействие строительных традиций на церковную архитектуру. Товарные потоки: зависимость от рынков Средиземноморья

4. ХРИСТИАНИЗАЦИЯ И ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
100-111

Авторитет античной культуры. Кадры светской церкви. Монастырская традиция. Христианизация и ее границы. Смерть

5. КРОВНАЯ МЕСТЬ КОРОЛЕЙ. 561—613 годы
114-128

Семья и право. Разделы 561 и 567 годов. Королевские браки. Междоусобные войны: первая волна около 570—584 годов. Анделотский пакт и его уроки. Возвышение Бургундии, Австразии и Нейстрии. Австро-бургундская ось и последние вспышки междоусобной войны.

II
НА СЕВЕРЕ. СИЛЫ БУДУЩЕГО
613—714 годы

1. КЛОТАР II И ДАГОБЕР. 613—639 годы
135-149

Лже-Фредегер. Клотар II и эдикт 614 года. Могущество майордомов. Дагобер, «король австразийцев» (623), затем «король франков» (629). Правление Дагобера. Дагобер на всех направлениях. Дагобер и собор Сен-Дени. Клотар II, Дагобер и возникновение средневековой Франции

2. В VII ВЕКЕ: НОВЫЕ ПУТИ ЭКОНОМИКИ
152-167

Улучшение климата и демографическое обновление. К новым структурам земельной собственности. Закат старых городов и развитие периферийных созвездий. Париж в эпоху Меровингов. С юга на север: сдвиг центра экономического тяготения. К монополии серебряных денег

3. ПЕРВЫЕ ОЧЕРТАНИЯ ХРИСТИАНСКОГО ОБЩЕСТВА
170-185

От экономики к политике: власть элит в Галлии VI века. Конец античной культуры. Расцвет варварского и христианского искусства. Элиты и дело христианизации. Культ святых и приручение смерти. В монастырях: становление христианской культуры. Мемориальный склеп в Жуаре.

4. МЕЖДУ 639 и 714 годами:
КРИЗИС КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ И НЕУКЛОННОЕ ВОЗВЫШЕНИЕ ПИПИНИДОВ
188-206

В Нейстрии и Бургундии. Царствование короля-ребенка. В Австразии. Скрытая узурпация власти Пипинидами. Эброин, Легер, Вульфоальд и другие «Лупы»... ...Или ожесточение регионализмов. Между Нейстрией и Австразией. Заключительный этап борьбы за первенство. Пипин II: наследник. Пипин II — «princeps» между двумя мирами. Постепенное исчезновение династии Меровингов

III
КАРОЛИНГИ — ОБЪЕДИНИТЕЛИ
714—814 годы

1. КАРЛ МАРТЕЛЛ — «ПОЧТИ КОРОЛЬ».
714—741 годы
214-229

Кризис наследства Пипина II. Карл Мартелл и австразийский рывок. 716—721 годы. Приручение севера. Замирение и христианизация зарейнских земель. Наступление ислама и битва при Пуатье (25 октября 732 года). Покорение юга. 739 год. Обращение папы Григория III к Карлу Мартеллу

2. КОРОЛЬ ПИПИН III. 741—768 годы
233-251

Непримиримый Карломан и знаменитый Пипин. Бонифаций и коренная реформа франкской церкви. 743—747 годы. Единовластное правление Пипина. Государственный переворот в ноябре 751 года. Папское посвящение Пипина (754) и итальянские походы. Завоевание Септимании и Аквитании. Дело Пипина и Хродеганга. Влияние Пипина. Пипин, Фулрад и Сен-Дени

3. ИМПЕРАТОР КАРЛ. 768—814 годы
254-274

Карл Великий и Карломан Короткий. 768—771 годы. Война и мир Каролингов. Ближайшие перспективы: к объединению Галлии. Средние перспективы: к интеграции континентальной Германии. Отдаленные перспективы: поворот к Испании и Италии, новая средиземноморская политика. «Широк в плечах и крепок... поклонник либеральных искусств». Ахен (Экс-ля-Шапель). Империя (25 декабря 800 года): крупнейшее событие в истории Франции

4. НОРМАЛИЗАЦИЯ ФРАНКСКОГО ОБЩЕСТВА
281-298

Карл Великий между Богом и людьми. От дворца до сельских округов («паги»): каролингское правительство Вассалитет: частный институт на службе государственных интересов. Обустройство земли

и людей. Деньги, крупный и мелкий обмен. Государственная церковь и церковное государство. Культура и искусство во славу Бога и империи

ЭПИЛОГ
305

Карл Великий между поражением и успехом

ПРИЛОЖЕНИЕ
312

Хронологический указатель
Библиография
Таблицы
Именной и предметный указатель

В конце 1993 года
выйдет в свет II том из цикла
"Новая история средневековой Франции"
"НАСЛЕДИЕ КАРОЛИНГОВ." X век.
Автор Лоран Тейс.

В начале 1994 года
выйдет в свет III том из цикла
"Новая история средневековой Франции"
"ЭПОХА СЕНЬОРИЙ." XI-XII века.
Автор Доминик Бартелеми.

Лебек С.
Л33 История Франции
Том I/ Перевод В. Павлова. — М.: Скарабей, 1993. 352 с.
ISBN 5-86507-001-0 (т. 1)

I том цикла «Новая история средневековой Франции» — «Происхождение франков» написан доцентом кафедры истории средний веков города Лилля. Он автор книги «Фризские купцы и мореплаватели позднего средневековья» (в двух томах), им также опубликованы многочисленный статьи, в которых исследуются общественный и экономический уклады первых веков средневековья.

На русском языке книга публикуется впервые.

И $\frac{0503000000\text{-}01}{3М5\ (03)—93}$ Без объявл.

ББК 94 + 63.3 (4Фр)

НОВАЯ
ИСТОРИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ФРАНЦИИ

Стефан Лебек

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФРАНКОВ

V–IX
ВЕКА

1

«СКАРАБЕЙ»

НОВАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ПРОИСХОЖДЕНИЕ
Стефан Лебек
1